Д. В. Гришин

ДОСТОЕВСКИЙ

А. Д. Гришину
на память
о литературных спорах.

Заканчивая работу над книгой, с чувством глубокой признательности, я благодарю члена-корреспондента академии наук СССР Д. Д. Благого — Москва, Dr. F. Kautman — Прага, профессора Р. В. Плетнева, профессора Н. В. Первушина и профессора Е. Heier — Канада, профессора I. Vahros — Финляндия, С. В. Белова — Ленинград, Dominique Arban — Париж, Н. М. Кристесен и профессора И. И. Гапановича — Австралия за дружеские советы при обсуждении многочисленных проблем, возникавших при исследовании.

Д. Гришин.

Кандидат филологических наук — Москва:
доктор философии — Мельбурн.

ACKNOWLEGEMENT

This book is published with the help of the Australian Research Grants Committee.

Д. В. ГРИШИН

ДОСТОЕВСКИЙ-ЧЕЛОВЕК, ПИСАТЕЛЬ И МИФЫ

ДОСТОЕВСКИЙ И ЕГО «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ»

МЕЛЬБУРНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
АВСТРАЛИЯ

D. V. GRISHIN

DOSTOEVSKY - PERSON, WRITER AND MYTHS

DOSTOEVSKY AND HIS "DIARY OF A WRITER"

FIRST EDITION — 1971

UNIVERSITY OF MELBOURNE
DEPARTMENT OF RUSSIAN LANGUAGE
AND LITERATURE,

MELBOURNE — AUSTRALIA

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 7

Глава первая
Достоевский — человек, писатель и мифы 9

Глава вторая
Генезис и предыстория «Дневника писателя» 41
Предыстория «Дневника писателя» 57

Глава третья
Проблемы «Дневника писателя»
Эстетические взгляды Достоевского 60
Социализм и религия 76
Россия и русские 84
Лучшие люди 97
Русская женщина 102
«Случайное семейство» 107
Молодежь 115
Власть 120
Преступление 126
Самоубийство 131
Еврейский вопрос 138

Заключение 156

Глава четвертая
Жанр «Дневника писателя» 159
Публицистика 171
Художественная публицистика 251
Литературно-критические статьи 264
Художественные произведения 290
Кроткая 299
Сон смешного человека 307
Воспоминания 312

Глава пятая
Язык «Дневника писателя» 322

Глава шестая
Достоевский по «Дневнику писателя» 336
Примечания 350
Алфавитный указатель имен 365

Первоисточники, использованные при работе над книгой: «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского т. 9, 10, 11 из «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского». С. Петербург, издание А. Ф. Маркса, 1895 года и письма: Ф. М. Достоевский, «Письма», т. I, 1832—1867 г. Под редакцией и с примечаниями А. С. Долинина, Гиз. М—Л, 1928. «Письма», т. II, 1867—1871. Под ред. и с прим. Долинина, Гиз. М—Л, 1930. «Письма», т. III, 1872—1877. Academia, «Письма» т. IV, 1878—1881, Гиз. М. 1959. Достоевский. «Статьи за 1845—1878 г.», т. 13, Гиз, М. 1930.

ОТ АВТОРА

Во время работы над первой монографией о «Дневнике писателя» я встретился с неожиданными трудностями. Оказалось, что в «Дневнике» обсуждались проблемы, волновавшие Достоевского в юности, и понять «Дневник» было просто невозможно, не зная всей деятельности Достоевского до каторги. Пришлось начать с раннего периода. Проведенное исследование дало возможность взглянуть на всего Достоевского, но книга о «Дневнике» превратилась в своеобразное введение к изучению Достоевского.

Критики справедливо заметили, что главы, относящиеся к самому «Дневнику», были предельно сжаты, некоторые проблемы не были разрешены, о многом лишь упоминалось.

Ответом на замечания является эта книга. Она посвящена исключительно «Дневнику писателя». В ней я старался показать огромную познавательную и художественную ценность «Дневника». Особое внимание уделено жанру, языку и анализу содержания «Дневника»; рассмотрены главные проблемы в том числе: «Россия и русские», «Случайное семейство» и «Еврейский вопрос».

Все произведения «Дневника» объединены в жанровые группы и проанализированы. Это дало возможность показать своеобразие жанров и художественное мастерство Достоевского, а также познакомиться с разными сторонами его гения. Мы

знаем Достоевского как автора замечательных романов, но он был и публицистом, и литературным критиком, и сатириком.

Работа над «Дневником» позволила выяснить творческий процесс писателя, т. е. проследить за тем, как впечатления от жизненных событий воплощались в художественные образы.

В книге устанавливается значение «Дневника» для понимания Достоевского и его творчества: без знания «Дневника» нельзя познать Достоевского. «Дневник» дает возможность увидеть писателя таким, каким он был в действительности, т. е. во всем его многообразии, противоречиях и вечных поисках истины. «Дневник» — это книга, в которой описана жизнь и деятельность Достоевского самим Достоевским. В «Дневнике» мы видим и слышим Достоевского. Идеи «Дневника» — идеи Достоевского. Кроме того, «Дневник» сам по себе имеет огромную ценность. Из 1200 страниц содержания «Дневника», более 500 страниц занимают рассказы, повести, воспоминания и литературно-критические статьи, т. е. материалы, имеющие безусловную художественную ценность. Остальная часть состоит из публицистики, пронизанной художественными элементами, представляющей большой интерес как для исследователей, так и для читателей.

В заключение хочется сказать, что когда я писал о «Дневнике», меня мучила одна мысль: как могло случиться, что в течение столетия об этом замечательном произведении гениального писателя и самого русского из всех русских людей не появилось во всем мире ни одной монографии? «Дневник» даже не прокомментирован, хотя «Дневник» был любимым созданием Достоевского!

Глава первая

ДОСТОЕВСКИЙ—ЧЕЛОВЕК, ПИСАТЕЛЬ И МИФЫ

Никто не оспаривает величие и гениальность Достоевского. Это ясно и общеизвестно, но не ясно до сих пор, что за человек был Достоевский, каков был его внутренний мир? Мы знаем, каким идеям поклонялся Достоевский, но не знаем веровал ли он в них сам. А главное, борясь за униженных и оскорбленных, уважал ли он человека, верил ли в него?

Нам трудно ответить на эти вопросы. Достоевский, как известно, не вел дневников. Есть записки его жены, но в них Достоевский показан очень односторонне. Воспоминания друзей отрывочны и противоречивы. Создается впечатление, что друзья плохо знали Достоевского. Может быть, в этом он был виноват и сам, так как был скрытен и необщителен.

Он знал, что отличался от других, хотя, казалось, был во всем похож на них. Отличие состояло не только в огромной способности к рефлексии, самоанализу и «двойному» восприятию явлений, а также и в способности жить в будущем, вернее видеть будущее за прозрачными, для Достоевского, стенами настоящего. Достоевский считал себя пророком. Он пытался предсказать судьбу, которая ожидает мир. Его предсказаниям не верили

при жизни писателя. Над ними смеялись после его смерти. Смеялись напрасно. Достоевский ошибался в частностях, но в основном, был прав, предсказывая огромные потрясения, ожидавшие человечество. Достоевский чувствовал свою «особенность», боялся ее, знал, что его не смогут понять другие и никогда никому не открывался вполне.

Достоевский не допускал в свой внутренний мир даже близких. Он показывал им лишь то, что они были способны понять. Так, Анна Григорьевна, прожив всю жизнь вместе с ним, узнала только то, что он был любящим мужем, хорошим отцом и добрым человеком. Внутренняя тревога и страшные сомнения, мучившие Достоевского, остались ей далеки и непонятны. Вряд ли она даже и подозревала о них. Правда, остались письма, но и в письмах Достоевский не раскрывал своей души.

При отсутствии фактических данных, основываясь только на его творчестве, легко создать любой портрет Достоевского. Отсюда мифы: Достоевский — подпольный человек; Достоевский — Свидригайлов, Ставрогин; Достоевский — палач, жестокий талант, человеконенавистник, консерватор и т. д. и т. п.

Однако есть одно произведение, которое дает возможность заглянуть во внутренний мир Достоевского. Это произведение — «Дневник писателя». Это «Дневник», но не в обычном смысле слова. Это как бы и личный дневник и в тоже время литературное произведение, где переплетаются различные жанры.

В нем Достоевский высказывал свои сокровенные мысли. В «Дневнике» помещены ценнейшие воспоминания, в «Дневнике» имеется «зашифрованная» статья, в которой Достоевский сообщает будущим поколениям о своей деятельности в тайных революционных обществах. В «Дневнике», в пылу полемики, Достоевский выступает перед нами таким, каким он был в жизни. «Дневник» неот-

делим от личности его создателя. Вот почему, говоря о Достоевском, необходимо говорить о «Дневнике».

«Дневник писателя» до настоящего времени не привлек должного внимания исследователей, а между тем «Дневник» — одно из важнейших произведений Достоевского. Это роман Достоевского о самом себе. Только в «Дневнике» Достоевский имел возможность прямо говорить о своих сокровенных идеях, надеждах, мечтах, горьких обидах и разочарованиях. А обид и разочарований было много, может быть, слишком много для жизни одного человека.

После блестящего успеха «Бедных людей» начинается тяжелая полоса неудач и трагедий. Провал «Двойника», ссора с кружком Белинского, арест, приговор к смертной казни, переживание «ужасных, невыносимо страшных минут» ожидания смерти, потом каторга, солдатчина, неудачный брак, смерть жены, банкротство, бегство от долгов за границу, борьба с кредиторами, смерть дочери, смерть сына, клевета врагов и друзей, а, главное, одиночество.

Достоевский был гениален и одинок. Он был слишком многосторонен. Друзья видели и понимали только отдельные стороны его сложной натуры и на основании этого судили всего человека. Судили строго, часто беспощадно. Особенно беспощаден был долголетний «друг» Достоевского Н. Страхов.

Он написал биографию Достоевского, где восхвалял умершего, а затем послал письмо Л. Толстому, где сообщал, что во время писания биографии он «боролся с подымавшимся в нем отвращением», потому, что Достоевский «был зол, завистлив, развратен и всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким, и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен ... он никогда не каялся до конца во всех своих пакостях. Его тянуло к пакостям, и он

хвалился ими... Лица наиболее на него похожие, — это герой «Записок из подполья», Свидригайлов в «Преступлении и наказании» и Ставрогин в «Бесах». [1]

Пером Страхова водила зависть и злоба к великому современнику, но в его замечаниях есть доля правды. Мы не знаем настоящего Достоевского. Одни изображают его святым, другие грешником, но он не был только святым, или только грешником, он был и святым и грешником в одно и то же время. Достоевский исследовал глубины человеческого сознания и подсознания, его занимали вопросы будущего человечества, он создал замечательную поэму о Великом Инквизиторе, мечтал об устройстве рая на земле и в то же время был суеверен, мнителен, недоверчив, подозрителен, верил в предсказания и даже пытался сам истолковать некоторые из них. Писал о том, что должно случиться с миром и Россией в недалеком будущем, слыл сердцеведом, но был излишне доверчив и часто ошибался. Проще — Достоевский был человек, которому, несмотря на его гениальность, не только не было чуждо все человеческое, но у которого «человеческое» часто преобладало. Достаточно просмотреть «Дневник» А. Г. Достоевской, чтобы увидеть Достоевского в новом свете. Вот Достоевский запальчиво ругается с каким-то немцем в вагоне и, к удивлению Анны Григорьевны, на хорошем немецком языке, вот он под звуки музыки игрушечной шарманки танцует с женой перед детьми мазурку, под вечер бродит по улицам Старой Руссы, отыскивая пропавшую корову, ожесточенно спорит со своими родными, доказывая свои права на оставленное теткой наследство.

Личность Достоевского проявляется в огромном размахе его амплитуды от нуля до бесконечности.

«Хуже всего, — писал он, — что натура моя

подлая и слишком страстная: везде то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил». [2]

У Достоевского был тяжелый характер. В юности он, по его собственному выражению, «завел процесс со всею литературою, журналами и критиками». Все бывшие друзья, включая Тургенева, Некрасова, Белинского, стали его врагами. К концу жизни положение не улучшилось. 15 октября 1880 года в письме к П. Гусевой Достоевский сообщает: «С «Огоньком» я не знаюсь, да и заметьте тоже, что ни с одной Редакцией не знаюсь. Почти все мне враги — не знаю за что». [3] 18 октября 1880 года, т. е. через три дня в письме к М. Поливановой Достоевский пишет, что к нему приносят начинающие писатели свои рукописи и просят «пристроить их в какой-нибудь журнал, Вы де со всеми редакциями знакомы, а я ни с одной не знаком, да и не хочу знаться... И всех то я обозлил, все то меня ненавидят. Здесь в литературе и журналах не только ругают меня как собаки, но под рукой пускают на меня разные клеветливые и недостойные сплетни». [4]

«Угрюмый, пасмурный, капризный, надломленный и испорченный судьбой»,[5] — по его собственным словам, Достоевский был непонятен даже жене. Он уверял ее, что плохое только снаружи, внутри же другое, но не говорил, как можно увидеть, это другое.

В письме к жене от 20 мая, 1876 года (т. 2, стр. 10.) Достоевский, хваля Анну Григорьевну, за то, что в ее письмах видна любовь к нему, обмолвился одним очень интересным словом: «Я и наяву-то, когда мы вместе, не сообщителен, угрюм и совершенно не имею дара выразить себя всего. Формы, жеста не имею. Покойный брат Миша часто с горечью упрекал меня в этом. Милая моя простишь ли ты меня за то, что я тебя так мучаю...»

О том, что Достоевский был «несообщителен и угрюм» мы уже знаем, но почему он употребил

слово «наяву»? Значит ли это, что Достоевский был во сне другим человеком? Или действительность была для него сном, а сон явью. Или, что более вероятно, Достоевский здесь намекает на свою особенность, отличавшую его от большинства людей: способность к рефлексии. Анализируя все свои чувства и переживания, смотря на себя со стороны, Достоевский хорошо понимал истинные чувства и переживания других людей. Он видел настоящее лицо человека, видел то, в чем люди неохотно признаются самим себе. Может быть потому Достоевский так любил стихотворение Пушкина «Пророк»? В нем Пушкин говорил об этой же способности.

Видеть людей такими, как они есть очень тяжело, часто просто невыносимо. Многие наши писатели и поэты, обладавшие этой способностью, были глубоко несчастны. Гоголь умер близкий к умственному расстройству. Чехов боролся и жил, тяжело страдая; мучительные сомнения преследовали Блока. Но ни у Чехова, ни у Гоголя, ни у Блока указанная способность не была так развита, как у Достоевского.

К сожалению, до настоящего времени творчество и жизнь Достоевского с этой точки зрения не исследованы, а было бы важно для понимания Достоевского иметь работу на тему: «Мир в восприятии Достоевского». Ведь это был мир «обнаженных» людей, т. е. людей без масок, а таких, какими они есть в жизни.

Указанной способностью мы объясняем одну из особенностей творчества Достоевского, которая отмечалась, но не объяснялась многими, а именно, необычайная проницательность всех действующих лиц его произведений. Его герои обычно с неимоверной легкостью разгадывают все планы противников в самых запутаных интригах и делают верные предсказания о том, что должно случиться. Часто читатель останавливается в недоумении перед такой проницательностью, но все

это легко объясняется, если мы примем во внимание отмеченную способность. Об этой способности Достоевский писал в «Дневнике» за 1873 год в статье «Старые люди». Характеризуя Герцена, Достоевский заметил, что Герцен был «великолепный рефлектор». Дальше дается следующее объяснение: «Рефлексия, способность сделать из самого глубокого своего чувства объект, поставить его перед собою, поклониться ему, и сейчас же, пожалуй, и насмеяться над ним». (стр. 171) Вот эта-то способность и мешала Достоевскому «выражать себя». Она убивала непосредственное восприятие, делала его подозрительным и угрюмым. Достоевский любил человека, сожалел его, думал о его судьбе, мечтал о лучшем будущем, но он находил мало людей, которых он мог уважать. Отсюда непрерывные поиски «настоящего» человека, борьба за «настоящего» человека.

Отмеченной нами способностью Достоевский обладал и в юности. Н. Некрасов в повести «Каменное сердце» так описал молодого Достоевского: «В минуты сильной робости он имел привычку съеживаться, уходить в себя до такой степени, что обыкновенная застенчивость не могла подать о состоянии его ни малейшего понятия. Оно могло быть только охарактеризовано им же самим изобретенным словом «стушеваться». Лицо его все вдруг осовывалось, глаза исчезали под веками, голова уходила в плечи, голос всегда удушливый, окончательно лишался ясности и свободы, звуча так, как будто гениальный человек находился в пустой бочке, недостаточно наполненной воздухом, и притом его жесты, отрывочные слова, взгляды и беспрестанные движения губ, выражающие подозрительность и опасение, имели что-то до такой степени трагическое, что смеяться не было возможности». (К. Чуковский, «Некрасов», «Статьи и материалы», Изд. «Кубуч», Л, 1926, «Каменное сердце», стр. 356.) «Лицо гениального человека процвело, каждая веснушка его налилась

радостью, но... тут опять тень действительного сомнения и страха показались в его лице, которое имело обыкновение меняться тысячу раз в минуту, то изображая собою тучу, готовую разразиться дождем и слякотью — то вдруг мгновенно озаряясь ярким играющим светом, каким блестит солнце по морозу». (Там же стр. 355) Комментируя эту повесть, Чуковский пишет: «В этой повести воочию видишь, что все впечатления жизни, даже приятные, воспринимались Достоевским с такою чрезмерностью, что неизбежно превращались в страдания. Мудрено ли, что даже в гуманном кружке Белинского он чувствовал себя как в застенке». Нам кажется, что дело не в «чрезмерности восприятия», а просто Достоевский видел все в настоящем свете. Любезное обращение его не обманывало. Он понимал, что хотя его и ценят, как автора романа «Бедные люди», но относятся к нему насмешливо и снисходительно, смотрят на него, за исключением Белинского, сверху вниз, смеются над его манерами и наружностью, вышучивают его и потешаются над ним. Достоевский уважал этих людей, он мечтал о знакомстве с ними и вот мечта столкнулась с действительностью. Молодому писателю было трудно и почти невозможно понять как эти люди могли так жестоко относиться к нему. Но факты оставались фактами и озлобленный Достоевский порывает с кружком Белинского, угрожая «затоптать недавних друзей в грязь». Способность Достоевского как бы разделяться на две личности замечали многие.

В своих «Воспоминаниях» Н. Страхов пишет. «С чрезвычайной ясностью в нем (Достоевском Д. Г.) обнаруживалось особого рода раздвоение, состоящее в том, что человек предается очень живо известным мыслям и чувствам, но сохраняет в душе неподдающуюся и неколеблющуюся точку, с которой смотрит на самого себя, на свои мысли и чувства. Он сам иногда говорил мне об этом

свойстве и называл его рефлексиею». (Биография, письма и заметки из записной книжки, стр. 275)

Но никто не заметил того, что Достоевский, понимая себя, также хорошо мог понимать и других.

Понимание людей лишало Достоевского равновесия, необходимого при общении с ними. Этим объясняется то, что часто он был несправедлив даже с любимым братом.

«Мне вспоминается иногда, — пишет он брату, — как я был угловат и тяжел у вас в Ревеле. . Но у меня такой скверный отталкивающий характер... Я за тебя и за твоих готов жизнь отдать, но иногда, когда сердце мое плавает в любви, не добьешься от меня ласкового слова. Я смешон и гадок и вечно по сему страдаю от несправедливого заключения обо мне. Говорят, что я черств и без сердца. Помню как иногда я нарочно злился на Федю, которого любил в то же самое время даже больше тебя.» [6]

Достоевского не понимали чужие, не понимали родные, резко критиковали и осуждали друзья. В этих условиях чувство одиночества все чаще овладевало писателем. Романы были его исповедью, но в них трудно было говорить о себе: стесняла форма. Нужно было найти нечто новое необычное. Так зародился план издания «Дневника писателя».

Цель издания — избавление от одиночества. Говоря с другими, Достоевский говорил с собой. «Я ведь издавал мой листок сколько для других, столько и для себя самого, из неудержимой потребности высказаться в наше любопытное столь характерное время.» [7]

В «Дневнике» Достоевский был предельно искрен: «Я никогда еще не позволял себе в моих писаниях довести некоторые мои убеждения до конца, сказать — самое последнее слово моих убеждений... И вот я взял да и высказал последнее слово моих убеждений — насчет роли и

назначения России среди человечества и выразил мысль, что это не только случится в ближайшем будущем, но уже начинает сбываться.» [8]

Как видно, «Дневник» был «последним словом убеждений» Достоевского, а главной целью издания было «по возможности разъяснять идею о нашей национальной духовной самостоятельности и указывать ее по возможности, в текущих представляющихся фактах». [9] В «Дневнике» Достоевский вел борьбу за национальное достоинство русского человека, за русскую культуру, русский язык, русскую науку и искусство.

Достоевский подчеркивал, что «Дневник» «не простое политическое обозрение и не претендует представлять ежемесячно политические статьи, но всегда будет стараться отыскать и указать, по возможности, нашу национальную и народную точку зрения и в текущих политических событиях». [10]

«Дневник» был не пестрое собрание статей, очерков, воспоминаний, повестей и рассказов, т. е. какое-то странное смешение различных жанров, а произведение объединенное одной идеей. Достоевский сам в объявлении об издании «Дневника» на 1876 год заметил: «Из всех двенадцати выпусков составится целое, к н и г а, написанная одним пером». [11]

Существующее до сих пор пренебрежительное отношение к «Дневнику» ничем не оправдано. Еще Страхов в своих «Воспоминаниях» о Достоевском заметил: «В «Дневнике» Достоевский, можно сказать, сам написал свою биографию, указал и объяснил то, чем он был занят, что думал и чувствовал в каждый из двенадцати месяцев этих трех годов». [12]

Страхов рассматривал «Дневник», как исповедь Достоевского. «Дневник» имел величайший успех и был истинно счастливою мыслью, вполне соответствовал потребностям и приемам писания Федора Михайловича... Достоевский получил

возможность высказывать в совершенно вольной форме те мысли, которые постоянно в нем кипели и были возбуждаемы его всегдашним пристальным вниманием к совершающейся вокруг него жизни». [13]

«Дневник» был заключительным словом в развитии идей Достоевского.

«Дневник» чрезвычайно демократичен, его герои не аристократы и финансовые дельцы, а рядовые люди. «Дневник» — это повесть о России, русской интеллигенции и русском народе. «Дневник» проникнут тревогой за Россию и страстной верой в великое будущее ее ожидающее. «Дневник» — это гимн человеку, прославление его силы, способностей, гимн человеческому разуму и жизни.

Достоевский чувствовал себя органически связанным с народом. У него было две души: душа русского интеллигента, мыслителя, исследователя глубин человеческого духа и душа простого человека. Отсюда раздвоение и противоречия. Мыслитель проповедовал необходимость и пользу страдания — человек из народа ненавидел страдание, потому что страдал слишком много, часто и невинно. Наряду с призывом к терпению, прощению врагам и любви к ближнему в «Дневнике» мы встречаемся со вспышками гнева и ярости, когда Достоевский требует жестокого наказания всем, кто угнетает и мучает других. Кажется, что многие страницы «Дневника» написаны рукой готовой взяться за оружие.

Показывая несправедливость, существующую в жизни, Достоевский призывает к борьбе против зла. Зло не должно торжествовать. Зло есть проявление животной стороны человеческой натуры. Необходимо подавлять эту сторону, необходимо бороться с ней. В «Дневнике» Достоевский начал борьбу за «настоящего человека», показал «лучших людей русской нации», показал «победителей мира, которым должна принадлежать земля». Все они были люди народа. Миф о Достоевском —

Ставрогине, Свидригайлове, подпольном человеке должен быть отброшен. Эти люди были ему враждебны и чужды.

Достоевский был глубоко национален и не мог не быть им, потому что он был самым русским из всех русских. Как русского его особо интересовало будущее человечества. «Дневник» наполнен предчувствием «роковых минут» мира. Достоевский как бы слышал шум приближавшейся страшной бури. Он слышал этот шум, когда небо было ясно и сияло солнце. Современники занимались своими обычными делами и Достоевский с его волнениями и страстными поисками выхода был им непонятен и чужд. Его предсказания о «грядущем четвертом сословии» и мировых катастрофах казались фантастическими. «Вы смеетесь? — бросил он. — Блаженны смеющиеся. Дай вам Бог веку, сами увидите. Удивитесь тогда». [14] Видеть и удивляться пришлось многим.

Предвидение будущих катастроф и потрясений наложило особый отпечаток на писателя и его творчество. Он «оглушен был шумом внутренней тревоги». Эта тревога наполнила страницы его романов и страницы «Дневника». В нем Достоевский предупреждал современников о необходимости быть людьми, любить ближнего, любить человека, стремился показать настоящих людей: «Я вижу и предчувствую этих грядущих людей, которым принадлежит будущность России». [15] Отсюда напряженность, порывистость и страстность, отсюда странные, на первый взгляд, жанры и их смешение.

В «Дневнике» отразилась заветная мечта писателя о великом всечеловеческом единении.

Достоевский был русским, был предан России и беспредельно, болезненно, и страстно любил свой народ. Он выражал собою ярчайший тип русского с типичными для него общечеловеческими стремлениями. Ведь «русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успо-

коться: дешевле он не примирится».[16] Это Достоевский сказал и о себе. Он не только не хотел, но и не мог примириться с жизнью на других условиях. Поэтому его так интересовали и занимали все народы мира и их судьба. Отсюда постоянные замечания в «Дневнике» о том, как дорога и важна Европа России, утверждение, что «будущность Европы принадлежит России. Но вопрос: что будет тогда делать Россия в Европе? Какую роль играть в ней? Готова ли она к этой роли?»[17] Русские должны были, по мнению Достоевского, послужить всему человечеству, потому, что русские «приняли в себя общечеловеческое начало и даже сознали, что мы то, может, и назначены судьбою для общечеловеческого мирового соединения».[18] «Русская идея станет со временем синтезом всех тех идей, которые Европа так долго и с таким упорством вырабатывала в отдельных своих национальностях».[19] В русском обществе стремление к общечеловеческому объединению «было даже наиболее нормальным состоянием этого общества... Этот всечеловеческий отклик в русском народе даже сильнее, чем во всех других народах, и составляет его высшую и лучшую характерность».[20]

Прав или неправ был Достоевский—этот вопрос нас не интересует, хотя думаем, что в основном был прав. Наша цель—показать Достоевского таким каким он был на самом деле. Чтобы это сделать необходимо уничтожить миф о принадлежности Достоевского к определенным узким политическим группам. Стремление налепить на писателя определенный ярлык, занести в определенный разряд и на этом успокоиться вполне оправдывает себя, если мы имеем дело со средним человеком. Но Достоевский был гений, он обладал способностью «переступать». Он переживал в одно время различные часто противоположные чувства, его захватывали смерчи идей. Он мечтал об эволюции и нравственном самосовершенствовании и в то же

время слышал грозные звуки марсельезы, он находил странную отраду в раздумьях о русском бунте «бессмысленном и беспощадном». Волнениями и предчувствиями была переполнена жизнь Достоевского. Его пугали и в то же время привлекали картины будущих мировых катастроф и разрушений, у него был особый жизненный опыт и особые воспоминания. Чаще всего вспоминалась каторга. Там были люди, стоящие по ту сторону добра и зла. Вот услужливый и скромный каторжник Петров, который ухаживал за Достоевским как за ребенком. Но, как заметил один знакомый Достоевского, Петров был «самый решительный, самый бесстрашный из всех каторжных. Он на все способен, ни перед чем не остановится, если ему придет каприз. Он и вас зарежет, если ему это вздумается, так, просто зарежет». [21]

Несколько лет наблюдая за Петровым, Достоевский пришел к выводу, что его знакомый был прав. Петров был «бесстрашный и не знающий над собою никакого принуждения человек». К подобным типам принадлежал и разбойник Орлов, обладавший нечеловеческой силой воли. «Это была наяву полная победа над плотью. Видно было, что этот человек мог повелевать собою безгранично, презирал всякие муки и наказания и не боялся ничего на свете». [22] Были еще каторжники некто А-в и похожий на огромного паука силач татарин Газин. Про последнего говорили, что он резал для развлечения маленьких детей. Это были не люди, а звери. Достоевский представлял подобных людей на свободе и содрогался. В юности друг крайнего революционера Спешнева, в семидесятые годы Достоевский становится другом крайнего консерватора обер прокурора святейшего синода К. Победоносцева. Но Достоевский не был надежным другом. Победоносцев относился к нему настороженно.

Крайности были характерны для Достоевского. В 1873 году он делается редактором одного из

самых консервативных журналов — «Гражданин» и в этом же году помещает в этом журнале статью под названием «Одна из современных фальшей». В ней Достоевский прославляет свое революционное прошлое, восхваляет революционеров, показывая их как лучших людей нации. Сам он решительно заявляет, что в то время был убежденным революционером.

Несмотря на это заявление до настоящего времени существует миф, что Достоевский в кружок Петрашевского попал случайно, случайно был арестован, случайно на его деле оказалась надпись «Один из важнейших», случайно был приговорен к смертной казни и сослан на каторгу.

Здесь слишком много «случайностей». В нашей книге под названием: «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, этот вопрос рассмотрен подробно и, чтобы не повторяться, для уничтожения мифа, приводим рассказ А. Майкова о роли, которую играл Достоевский в революционных кружках. Майков всегда был настроен очень консервативно и у нас нет оснований не верить его рассказу. Кроме того, все это подтверждается и другими источниками. «Приходит ко мне Достоевский, — пишет Майков, — приходит в возбужденном состоянии и говорит, что имеет ко мне важное поручение.

— Вы, конечно, понимаете, — говорит он, — что Петрашевский болтун, несерьезный человек и что из его затей никакого толку выйти не может. А потому из его кружка несколько серьезных людей решили выделиться, но тайно и ничего другим не сообщая, и образовать особое, тайное общество с тайной типографией, для печатания разных книг, и даже журнала, если это будет возможно... Вот нас семь человек: Спешнев, Мордвинов, Момбели, Павел Филиппов, Григорьев, В. Милютин и я. Мы осьмым выбрали вас. Хотите ли вы вступить в общество? — Но с какой целью? — Конечно, с целью произвести переворот в России». (Рассказ А. Май-

кова о Ф. М. Достоевском, «Исторический архив», № 3, М. 1956, стр. 224). Итак, Достоевский выступал как заговорщик, думающий «произвести переворот в России», так что элемент случайности в его аресте отпадает.

Это было в 1849 году. Вот перед нами неопубликованный фрагмент к «Дневнику» за 1876 год. (К четвертой главке четвертой главы: «Земля и дети». А. С. Долинин, «Новое о Достоевском», «Ученые записки, Ленинградского педагогического института им. М. П. Покровского, Факультет языка и литературы, т. 2, выпуск 2, Ленинград, 1940, стр. 319). Фрагмент малоизвестен, а он очень важен для понимания взглядов Достоевского эпохи 70-х годов. В отрывке отразились идеи юности. Достоевский пишет о будущем, ожидающем человечество.

«Человечество обновится в саду и садом выправится — вот формула. Видите, как это было: сначала были замки, а подле замков землянки. В замках жили бароны, в землянках вассалы. Затем стала подыматься буржуазия... В наш век произошла страшная революция и одолела буржуазия... Теперь ждут третьего фазиса: кончится буржуазия и настанет обновленное человечество. Оно поделит землю по общинам и начнет жить в саду».

В том, что существующий порядок должен был кончиться Достоевский не сомневался, но вставал вопрос как? На Западе должна быть революция, а Россию спасет от революции православие. Как видно, в этом случае Достоевский оказался плохим пророком.

Интересное свидетельство о взглядах Достоевского оставил лично хорошо знавший Достоевского Орест Миллер. Говоря об отношении Достоевского к полякам, Миллер пишет: «Этот старый дух Польши был ненавистен Достоевскому, как с о ц и а л и с т у, — а социалистом в широком

ГОДЪ ВТОРОЙ

ГРАЖДАНИНЪ

ГАЗЕТА-ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
Типографія А. Траншеля, Стремянная, 12
1873

ПОДРОБНОЕ ОБОЗНАЧЕНІЕ
СОДЕРЖАНІЯ
52 №№ „ГРАЖДАНИНА“
ЗА 1873 Г.

№№

СТАТЬИ ПО ОБЩИМЪ ВОПРОСАМЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступленіе объявленіе на 1873 годъ . . . 1
Статьи г. Вышестѣ. 3, 10, 34
Начальникъ процесса. 4
Случай съ московскими городскими головой . . 6
Губернаторскіе обѣды 13
Статьи по женскому вопросу . . . 13, 14, 23 и 27
Новое хорошее дѣло въ земствѣ. 6
О насильственныхъ земствѣ. . . . . 7, 10 и 21
О дѣятельности нашего земства 11
О земствѣ. (Письмо къ редактору). 12
Обязательныя земства . . . . . 11 и 16
О губернаторской охотѣ . . . . . 15 и 16
Признаки времени. 19
Нѣчто о сегодняшнемъ морякѣ 23
Нынѣшнее и отжившее 27
Привычки 29
Кто виноватъ: не „мы ли сами“? 30
Люди, гдѣ же-люди? 40
Нѣчто о современномъ священникѣ 41
Дѣтскіе вопросы 41
О голодѣ . . . . . 42, 50, 51 и 52
Лѣность и безлюдіе 44
Что такое земство относительно отвѣтственности? . 45
Общее желаніе 45
Многогранные. 48
Студентъ, дипломъ и правосудіе. 49
Нѣчто о радующихъ и печальной повинности . . 49
Семейная неурядица какъ причина самоубійства . 50
О скромности и богатствѣ 50
О способахъ голодающимъ 51
О дворянствѣ передъ земскою реформою . . . 51
Екатерина II. 52
Газы воспящихъ 52

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ. Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Вступленіе. — Старые люди. — Среда. — Нѣчто личное. — Взглядъ. — Любовь. — Записки одного лица. — Сѣтенный вздохъ. — Нѣсколько писемъ одного лица. — Ряженый. — По поводу выставки. — Мечты и грезы. — Нѣсколько картинокъ. — Учитель. — По поводу новой драмы (Кашеленкаго). — Дѣтскій праздникъ. — Нѣчто о нравахъ. — Одна изъ современныхъ загадокъ. . . 1—4, 6, 8, 10, 13, 18, 21, 25, 27, 29, 35 и 50

СТАТЬИ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ И ВОСПИТАНІИ

Изъ міра нашей педагогіи 9
Нѣчто о дѣтяхъ. 21
Что намъ нужно въ дѣлѣ образованія народа? . . 43
Герберть Спенсеръ о народномъ воспитаніи . . 43
Картина вѣрнаго воспитанія. Дж. Ст. Милль . . 44
Сельскій учитель изъ мертвыхъ 45
Сельскіе учителя изъ живыхъ. 46
По вопросу объ устраненіи перкви отъ народнаго образованія 47

СТАТЬИ О ЦЕРКОВНЫХЪ ВОПРОСАХЪ.

Письмо въ московской духовной академіи . . . 7
О преобразованіи церковныхъ школъ по приблизительнымъ губерніямъ 13
О болгарскомъ вопросѣ. Архим. Г. Палмы . . . 12—14
Засѣданіе Общества любителей духовнаго просвѣщенія 29 марта 1873 г. о единовѣріи 14

№№

Церковь и государство . . . . . 17—19
Къ вопросу о монастыряхъ 31
Борьба государства съ сектами въ Германіи (ZZ.) 34 и 40
Петербургское Общество любителей духовнаго просвѣщенія . . . . . 31—37
Насаліе, оказанное вѣнскому синоду министерствомъ церковныхъ дѣлъ 40
Лѣсковскій. ZZ. 49
О церковныхъ дѣлахъ въ Германіи. ZZ. 51

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И СТАТЬИ ОБЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

Иностранное обозрѣніе за 1872 годъ 1
Наполеонъ III 2
Иностранное обозрѣніе 7
Политическое обозрѣніе. . . . . 10 и 14
Письмо изъ Ивни Дорогобужскаго уѣзда. 12
Вѣнскія пакты (изъ корреспонденціи). С. Н. . . 15—17
Императоръ Вильгельмъ. . . . . 15—16
Отвѣтъ о вѣнской всемірной выставкѣ Макса Шлезингера. . . . . 20—21, 24—28
Франція 21
Хивинскій походъ. . . . . 23—34, 38 и 39
Изъ Лондона. Пропаганда англійскаго духовенства противъ Россіи въ пользу Персіи — по поводу пріѣзда въ Лондонъ Персидскаго Шаха . . . 37
По поводу коронаціи Ея Высочества Великой Княгини Маріи Александровны съ Его Высочествомъ Принцемъ Альфредомъ Великобританскимъ. 30
Русскіе листки изъ за границы. I. Поѣздка гражданскія похороны. II. Въ протестантскомъ храмѣ. III. Вестминстерское аббатство. IV. Къ вопросу о миссіонерской церкви. V. Противорѣчія въ англиканской церкви. VI. Принципы въ Лондонѣ. VII. Деисты и унитаріи въ Лондонѣ. VIII. Воровскій ужинъ. X. Новая вѣра и новые брамы. IX. . . . . 31 35 и 39
Факты и Слова 33
Вѣсти изъ Хивы 34
Хивинское шествіе 36
Франція (Взглядъ на теперешнее ея состояніе). ZZ. . 35
Испанія. ZZ. 37
Иностранная хроника 37
Иностранныя событія. Д. . . . . 38—46, 51 и 52
Иностранныя событія. Н. Д—ча. . . . . 48—50
Изъ Германіи. Замѣтки объ университетскихъ занятіяхъ въ Германіи. Куно-Фишеръ. (Секція «Кантъ и его «Опыты»). Гротъ (Исторія политическихъ ученій и «Исторія французской революціи»). Вольтеръ исторіческаго развитія въ школьной драмѣ. Гульдъ будущаго. Натторъ и Бисмаркъ. Натторъ и принципы настоящей демократіи. Вундтъ. Бауеръ и пр. Спекуляція въ наукѣ. Національность въ наукѣ. Пи. 37
Граждане въ Босніи 41
За кулисами высокой всемірной выставки. П. Д—ча . 45
Изъ Ивни. II. Д—ча 50
Ваканъ и Достоевская власть 52

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Еще за Минина. М. Погодина 4
Къ характеристикѣ Великаго (справка съ объяснительными). М. Погодина. 9
Къ вопросу о славянофилахъ. М. Погодина . . . 11 и 13

Журнал «Гражданин», в котором начал печататься «Дневник писателя» Достоевского в 1873 г.

смысле этого слова он никогда не переставал быть». («Биография, письма и заметки», стр. 175).

И вот такой человек становится редактором «Гражданина»! Понятно, что работать там ему было трудно. Отношения с издателем журнала князем Мещерским делались все напряженнее и Достоевский через год покидает журнал. Консервативно настроенные друзья упрекали его в измене, не понимая, что Достоевский никогда не был полностью с ними. Он был вечным бунтовщиком против всего, что ограничивало и угнетало свободу человека.

Таким Достоевский встает перед нами и по другим воспоминаниям современников. «Говорил Достоевский очень хорошо, красиво и убежденно — пишет В. Микулич. — Он громил католичество и папство, громил гнилой Запад с его культурой и жизнью, в которой все подкопано, расшатано и не сегодня-завтра, рухнет и исчезнет... Он говорил не раз, что «нищей» земле нашей суждено, может быть, сказать новое слово миру. Он горячо верил в высокую миссию русского народа». [23]

Далее Микулич пишет, что Достоевский был далек от людей подобных князю Мещерскому и Страхову. «Какие они единомышленники? ... Те любят то, что есть. Он любит то, что должно прийти. А если он так ждет, так ждет того, что должно прийти, значит он не так уж доволен тем, что есть». [24]

Всеволод Соловьев написал интересные воспоминания о Достоевском, но потом он говорил: «Многое я не мог внести в свои печатные воспоминания об этом человеке великого духовного порыва и вместе великого греха». (А. Измайлов, «Литературный Олимп, М. 1911, стр. 465). Но и то, что было напечатано представляет большой интерес для понимания Достоевского. Соловьев заметил, что Достоевский был предельно искрен. «Он был самым искренним человеком и потому в словах его, мнениях и суждениях, часто встречались противоречия; но был ли он прав или не прав, о

чем бы он не говорил, он всегда говорил с одинаковым жаром, с убеждением, потому что высказывал только то, о чем думал и во что верил в данную минуту». (Всеволод Соловьев, «Воспоминания о Ф. Достоевском», «Исторический вестник» 1881, стр. 612).

Достоевский любил жизнь: «Ах! жизнь хорошая вещь; ах, как иногда хорошо бывает жить! В каждой малости, в каждом предмете, в каждой вещице, в каждом слове, сколько счастья !» (Там же стр. 616).

В 70-е годы Достоевский переживал определенный кризис, поэтому так трудно увидеть его настоящее лицо. У него было много лиц, но он не был никогда двуличным. Л. Толстой в письме к Н. Страхову от 30 ноября 1883 года (Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, т. 63, ГИЗ, М-Л. 1934, стр. 142) заметил: «Письмо ваше (о Достоевском Д. Г.) очень грустно подействовало на меня, разочаровало меня. Но я вас вполне понимаю и, к сожалению, почти верю вам. Мне кажется, что вы были жертвою ложного, фальшивого отношения к Достоевскому, не вами, но всеми преувеличения его значения и преувеличения по шаблону, возведения в пророки и святого человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы, добра и зла. Он трогателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомству нельзя человека, который весь борьба. Из книги вашей я первый раз узнал всю меру его ума... Бывают лошади — красавицы: рысак цена 1000 рублей, и вдруг заминка, и лошади-красавице, и силачу цена-грош. Чем я больше живу, тем больше ценю людей без заминки. Вы говорите, что помирились с Тургеневым. А я очень полюбил. И забавно, за то, что он был без заминки и свезет, а то рысак, да никуда на нем не уедешь, если еще не завезет в канаву. И Пресансе, и Достоевский — оба с заминкой. И у одного вся ученость, у другого ум и

сердце пропали ни за что. Ведь Тургенев переживет Достоевского и не за художественность, а за то, что без заминки».

Нельзя согласиться со всем, что пишет Толстой. Мы знаем, что Тургенев не переживет Достоевского, что «ум и сердце Достоевского» не пропали, что «заминка», если она и была у Достоевского, так имела определенное имя — «одержимость», что этой «заминкой» страдал и сам Толстой. (см. нашу книгу: «Дневник писателя Ф. М. Достоевского», стр. 42-44). Но Толстой был глубоко прав, заметив, что Достоевский умер «в самом горячем процессе внутренней борьбы» не примиренный и неуспокоенный.

Знакомство с содержанием «Дневника писателя» дает возможность разрушить еще один миф о Достоевском пассивном созерцателе жизни, витающем в заоблачных высотах, погруженном в исследование различного рода бездн. Нет, Достоевский не был таким. Нервный, раздражительный, нетерпеливый и нетерпимый, страстный всегда готовый к борьбе, к нападению и обороне, Достоевский стремился изменить и переделать жизнь, хотел изменить «лик мира сего». Он был не только мечтатель, но и сильный боец. Показывая падение человека, Достоевский не успокаивался на этом, он верил, что вслед за падением следует процесс самовосстановления и самоочищения.

В романах он показал, главным образом, жизнь «разлагающуюся», показал беспросветную тоску переходного времени. А. Ф. Кони, лично знавший Достоевского, справедливо заметил: «Три рода больных, в широком и в техническом смысле слова, представляет жизнь, в виде больных волею, больных рассудком, больных, если так можно выразиться, от неудовлетворенного духовного голода. О каждом из таких больных Достоевский сказал свое человеческое слово». (А. Ф. Кони, «Некрасов Достоевский». Петербург, 1921, стр. 58). Особое внимание Достоевского привлекают боль-

ные от «неудовлетворенного духовного голода». Присматриваясь к русской жизни, он заметил ее односторонность: развитие низменных инстинктов, жажду комфорта, денег и самообеспечения в одной части общества, жертвенную борьбу интеллигенции за лучшую жизнь народа в другой, но в обоих случаях вопрос шел об улучшении материальной стороны. Лозунг — «Не хлебом единым» был забыт. Достоевский не думал отрицать необходимости материального улучшения жизни народа, но он знал что необходимы и великие идеи, объединяющие людей.

Достоевский показал жизнь «разлагающуюся», но он также показал и жизнь «созидающуюся», заметив: «У нас есть бесспорно жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающееся. Но есть, необходимое, и жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах. Кто их подметил и кто их укажет? Кто хоть чуть-чуть может определить и выразить законы и этого разложения и нового создания? Или еще рано? » (Д. 11, 37) В «Дневнике» Достоевский уделил огромное внимание именно «складывающейся» жизни, на что обычно не обращается внимания, хотя без этого нельзя получить верного представления о взглядах великого писателя.

Мы отмечаем огромное значение «Дневника» для понимания Достоевского и его творчества. Правы ли мы? Посмотрим как же воспринимался «Дневник» и оценивался его автор в семидесятые годы журналистами различных направлений и партий? В этом восприятии можно отметить две интересные черты: первая — общее признание, что «Дневник» был незаурядным явлением- и вторая — начало борьбы за Достоевского. «Дневник» не отвергался целиком никем, но журналисты разных направлений, критикуя неприемлемые для них взгляды Достоевского, старались разъяснить писателю его «ошибки» и привлечь его на свою сторону.

Вс. Соловьев писал о зависимости журналистов от направления журналов, о монополии различных партий и о том, что только Достоевский выступил независимо: «Достоевский принадлежит к числу весьма немногих наших писателей, оставшихся вполне самостоятельными и не примкнувших ни к какому литературному лагерю... Достоевский писал в журналах с разными направлениями и никогда не делал ни малейшей уступки духу литературной партии, всегда оставался самим собою, чрезвычайно искренним и безупречно честным писателем». [25]

Все сказанное соответствовало действительности, несмотря на дружбу с Победоносцевым, Достоевский шел своей дорогой.

Касаясь «Дневника», Соловьев пишет, что мысль о самостоятельном издании «Дневника» в 1876 году «вызвала во всех газетах самые сочувственные отзывы». Значение «Дневника» было в том, что «глубоко талантливый художник-психолог, чутко прислушивающийся ко всем явлениям современной общественной жизни и обладающий необыкновенным умением схватывать их, так сказать, налету и подвергать тонкому и верному анализу — начинает, не стесняемый ничьей хозяйской рукою, беседовать с русским обществом. Автор начертил себе самую широкую программу — он говорит обо всем, что только по тем или другим причинам, останавливает на себе его внимание — опыт его жизни и вся его умственная и нравственная деятельность в течение дня, недели, месяца — вот содержание «Дневника». [26]

Об искренности Достоевского, его прямолинейности и убежденности пишет В. Буренин: «Дневник» Достоевского был таким оригинальным и главное таким глубоко искренним изданием. что он приобрел себе самые живые симпатии не только у читателей, но даже и среди наших журнальных котерий, которые любят называть себя партиями.

Несмотря на парадоксальность многих воззрений высокодаровитого писателя в его «Дневнике», в продолжении двухлетнего срока, было высказано много своеобразных, верных и иногда необыкновенно глубоких, светлых и метких мыслей и наблюдений и притом высказано такой задушевной, убеждающей горячей речью.

Без всякого сомнения в нашей периодической литературе немного насчитается изданий, могущих по внутреннему интересу конкурировать с этим маленьким журналом, издававшимся одним лицом, без помощи каких бы то ни было сотрудников. Все, кто читал «Дневник», — а его читали очень и очень многие: он имел замечательный успех — конечно пожалеют о том, что автор прекращает свою задушевную и симпатичную беседу о различных вопросах и явлениях современной действительности... Я очень оценил одно высокое и редкое в нашей журналистике качество этой деятельности: ее смелую искренность, правдивость и самостоятельность. Я не разделяю многих славянофильских и особенно мистических взглядов и парадоксов Достоевского, но мне всегда ужасно нравилось и нравится в нем, то, что он высказывается прямо от души, без псевдо-либеральной боязни показаться отсталым человеком, отступником просвещенного европеизма... он постоянно говорил «свои» слова, а не занятые на прокат, не навеянные, не рутинные фразы». [27]

А. Скабичевский, враждебно относившийся к Достоевскому, все же признавал огромный успех «Дневника» и высоко ценил заботу Достоевского о счастье всего человечества. В то же время он критиковал Достоевского за национализм: «Среди всего того исступленного кликушества, которому окончательно в последних выпусках своего «Дневника» предался Ф. Достоевский по случаю войны, он высказал несколько мыслей по поводу последней части «Анны Карениной» не лишенных справедливости». [28]

О демократизме Достоевского писал М. Супин («Заря», 7 февраля 1881 г. № 30, «Журнальное обозрение») «Достоевский апофезирует не отдельных личностей, не героев, а народ, массу. Историю делают и могут делать только народные массы. В них вся сила».

Н. Михайловский критиковал Достоевского за славянофильские взгляды, но высоко ценил любовь Достоевского к народу: «Пусть Достоевский скудно и односторонне понимал народную душу, но он горячо любил народ, желал ему добра и видел в нем надежду России... Достоевский понимал, что идет какая-то еще неясная, но грозная и грязная сила, одинаково враждебная и общим идеалам 40-х годов и мужику». [29]

Михайловский верно охарактеризовал своеобразие творчества Достоевского. Достоевский «не зовет никуда от этой серой будничной жизни и от будничных типов в неведомую даль, он, наоборот, говорит о чудной способности этих самых серепьких типов, даже наиболее несчастных, забитых и падших, испытывать высочайшие настроения любви, чувство человеческого достоинства, чести, самопожертвования и высокого мужества».[30]

Сравнивая отзывы журналистов различных партий и направлений, мы видим, что Достоевский не принадлежал полностью ни к одному. Его критиковали не только слева, но и справа.

Так К. Леонтьев пишет, что в «Речи» на празднике Пушкина «Достоевский подобно великому множеству европейцев и русских всечеловеков, верит в мировую и кроткую будущность Европы, радуется тому, что нам русским, — быть может и скоро, придется утонуть и расплыться бесследно в безличном океане космополитизма». [31]

«Слишком розовый оттенок, вносимый в христианство Достоевским, есть новшество по отно-

шению к Церкви от человечества ничего особенного благотворного в будущем не ждущей». [32]

Но Леонтьев хвалит Достоевского за веру в человека. «Теперь верят в человечество — в человека не верят больше. Достоевский, повидимому, один из немногих мыслителей, не утративших веру в самого человека». [33]

А. Горшков, рассматривая единственный выпуск «Дневника» за 1880 год, ставит в вину Достоевскому то, что он хочет вести за собой общество, не имея новых идей и поэтому похож на человека, который «в грудах мусора откопал какую-то вещичку, — по его убеждению драгоценный талисман, — и в сильных выражениях призывает людей разделить с ним его блаженную веру». Легко заподозрить в этом проповеднике юродивого, положим довольно необыкновенного и блестящего, но которому, в сущности только шаг до выкрикиваний по петушиному». [34]

Достоевский «с жаром защищает национальность индивидуальную и готов стереть с лица земли индивидуальность личную, т. е. ту, вне которой и без которой личное счастье немыслимо... Достоевский умеет любить людей, но он не умеет уважать их. Он боится довериться благородной природе человека, видит в ней вместилище всякой скверны и готов бороться против нее всеми орудиями и средствами, вплоть до инквизиции пожалуй. » [35]

Касаясь «Пушкинской речи», Горшков критикует Достоевского за непоследовательность, противоречивость и подмену социальных проблем религиозными. «В том сумбуре, который г. Достоевский выдает за «новое слово», — удивительно трудно ориентироваться... По одному мнению Достоевского спасение человечества в христианстве, но не в христианстве вообще, а непременно в православии... Если спасение человечества в православии, то как же быть с этим человечеством? Осуждено ли оно, кроме одной, сравнитель-

но незначительной его части, на безвозвратную погибель или, с течением времени, спасется поголовно принявши православие». [36]

В «Вестнике Европы» отмечалась утопичность идеалов Достоевского. «Спорить правильно против Достоевского нет никакой возможности, потому что изложение его не есть вовсе последовательное развитие какой-либо мысли, а раздражительное словоизвержение ясно показывающее, что автор резонов слушать не намерен, что им овладела страсть и то жестокое настроение, при котором аргументация невозможна и бесплодна. Эта страсть — крайнее неумеренное самолюбие, это настроение — мистицизм.» [37]

В журнале «Дело» Достоевский осуждался за национализм и внеисторический анализ событий. «Достоевский известен, как даровитый беллетрист, но он берется вовсе не за свое дело, когда пускается в публицистику и политику».

Достоевский утверждает, что в Европе нет объединяющей идеи, а у славян есть: это объединение всех народов мира. Кроме того, только славянство способно создать «общечеловека». Эти идеи не плохие, но расплывчатые и слишком общие. Призыв Достоевского к завоеванию Константинополя нереален. Достоевский уверяет, что «Константинополь должен быть наш, а раз мы им завладели, на востоке Европы воцаряется мир... Народы Запада ничего этого понять не в состоянии, а когда поймут, будет поздно... Не правда ли, какой чудак, мечтатель! Мечтатель потому, что до сих пор верит в возможность крестовых походов». [38]

Ткачев считал Достоевского «правым» и критиковал за «реакционные взгляды», не понимая, что Достоевский не был ни «правым», ни «левым», а был и «правым» и «левым» в одно и то же время.

Всев. Соловьев пишет, что когда Достоевский собирался в 1876 году издавать «Дневник» отдельными выпусками, то многие пророчили провал

этому изданию, замечая: «Он наверно начнет опять о Белинском, о своих воспоминаниях. Кому это нужно теперь, кому интересно?! Я думал Достоевский сам — интереснейшее лицо среди самых интересных лиц его лучших романов — и, конечно, он будет весь целиком в этом «Дневнике» писателя». [39]

В. Розанов высоко оценил «Дневник». «С 1876 года Достоевский начал выпускать «Дневник писателя», создав им новую, своеобразную и прекрасную форму литературной деятельности, которой в будущем во все тревожные эпохи, вероятно еще суждено будет играть великую роль». [40] Розанов верно подметил оригинальность жанра «Дневника».

В письме к А. Юрьеву А. Плещеев так отзывается о «Дневнике». «Читали ли вы дневник Достоевского? Хотя в этом дневнике есть дикости, но есть и вещи действительно интересные. Вообще он написан очень талантливо, искренно и горячо». [41]

А. Налимов пишет, что «Достоевский — человек с умом и сердцем, человек гуманный и убежденный... но, к сожалению, ему всегда необходим мистический фон, а там, где дело касается общественности — там одними мистическими утверждениями ничего решительно не разъяснить. Всякий кто прочтет этот номер «Дневника» (1880 г. Д. Г.) встретится подчас с самыми возвышенными настроениями и прекрасными побуждениями. Но, к сожалению, Достоевский совершенно справедливо веруя в нравственный прогресс человечества, представляет его в каком-то безвоздушном пространстве. И как только Достоевский заведет свою длинную речь о народном духе, народных началах, народных воззрениях, — так невольно и напрашиваются вопросы: Господи! Да в чем же, наконец, заключается этот дух, эти принципы, эти взгляды?... Что же вы, г. Достоевский, так сильно любите одну только заоблачную мечту, одну только отдаленную возможность далекого идеала? И почему же эти воздушные замки народны?» [42]

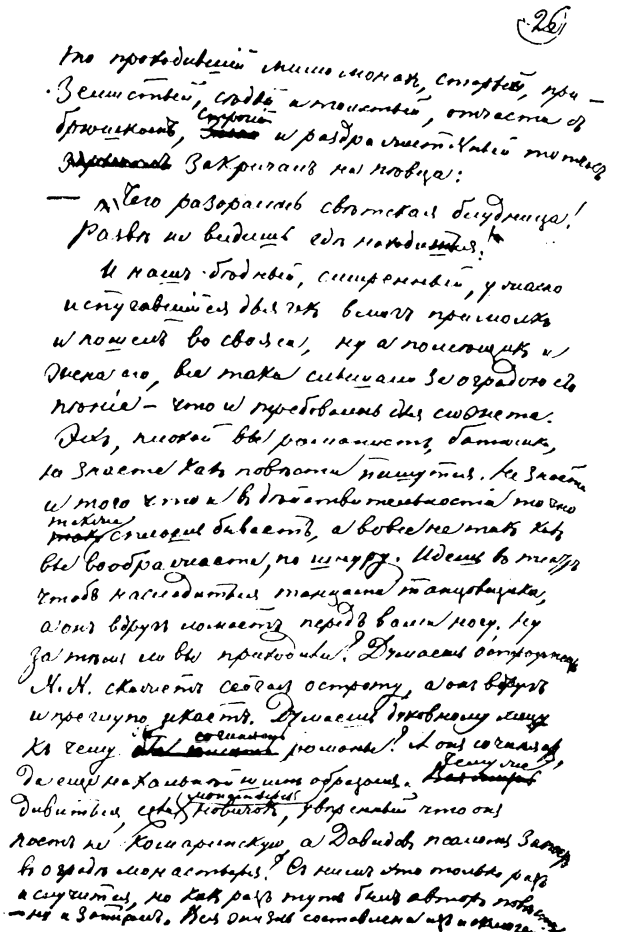
не поется"...

Автор в этом то и штука, что дьячок сам в. его поучением на голос. Не этого ужь вам завезут. Вы все забываете что он великий артист.

"а в третьих — никаких светских сочинений переложений в стенах православных монастырей распевать не дозволяется и запрещаю этим никто, живущий в монастыре, сочинять не сметь, дабы не нарушать тишину, подобающей месту."

Да вот не Кокаринскую ли он поет Р. Касторский? Это псалом, духовные стихи давно и в ходу старообрядческих монастырях поются, и если бы это было запрещено, то чтоб это повредило действительности рацкого. Я штука вам баба тишка, могу вполне успокоить, а именно, самою точною справкой по поводу того, что как только дьячок, по невольности (а отчасти и потому что переложение Кокаулина очень понравилось Вере Васильевне, в келью, откуда Фаленку) запоет это стихи,

Неопубликованный отрывок из X-ой главы «Ряженый», «Дневник писателя» за 1873 год. Две страни-



цы. Публикуется впервые. Г. Б. Л. ф. 93 Дост. I, № 2, 9/5 X.

Е. Гаршин полагает, что «Издание «Дневника» имело огромный успех именно в силу привлекательности художественного пафоса его автора. На этих исполненных живого интереса страницах всякий доискивался прорывающихся перлов самой изящной и сильной поэзии и читателю было лестно и приятно видеть как на глазах у него совершался процесс непосредственного отражения жизненных явлений в мышлении и воображении художника. Само издание «Дневника» было предпринято с чисто художественною целью, вступив в непосредственное отношение с публикой, обновить запас наблюдений». [43]

Среди многочисленных откликов на «Дневник» встречались и резко отрицательные, в которых просто обвиняли Достоевского во всех смертных грехах, но таких было мало. Все же, чтобы дать полное представление об отношении к «Дневнику» современной ему прессы, остановимся на двух статьях: В журнале «Дело» за 1880 год № 9 в статье «Романист попавший не в свои сани» анонимный автор, укрывшись за псевдонимом Г-Н, писал. «Героем и финалом этого сумбура (Пушкинского праздника Д. Г.) явился г. Достоевский. Он уже не в первый раз садится не в свои сани, принимая на себя роль публициста. Первые опыты этого рода были сделаны им в 1876 году «Дневником писателя». Особенной славы г. Достоевский, конечно, не стяжал, да и не мог стяжать, потому что для роли публициста у него не достает ни знаний, ни развития, ни политического образования, ни даже простого общественного такта. Свою бестактность Достоевский обнаруживал уже не раз... Теперь этот же самый публицист, не от мира сего, благодаря всеобщему недоразумению, господствовавшему на пушкинском празднике, выступает вновь в роли политического проповедника, прорицателя и даже чревовещателя. И этот нетерпимый болезненно — самолюбивый человек выдает себя за истинного проповедника христианской морали, народной

правды и христианской любви. Да, что вы сделали для этой любви сами г. Достоевский, что вы сделали для народа, заступником которого хотите явиться?» [44] «Достоевский выражается не иначе, как какими-то утробными восклицаниями, предсказаниями будущего и заклинаниями... В этом непроглядном, полумистическом, полупророческом и чревовещательском тумане ничего не разберешь; никакая логика и никакой здравый смысл неприменимы к этой литературной кабалистике». [45]

В газете «Новости» («Биржевая газета») за 19 августа 1880 года в номере 219 появилась статья под названием: «Автор «Переписки с друзьями», воскресший в г. Достоевском». Статья была подписана — Коломенский Кандид. В ней резко критиковалась «Пушкинская речь» и «Дневник». «Г. Достоевский, со времени своего торжества в Москве на пушкинском празднике, несомненно достиг апогея своей славы, — славы, может быть, не вполне хвалебной, но очень громкой всероссийской». Впечатление от «прорицаний» Достоевского можно определить в двух словах: «нервическая чепуха»... Последнее произведение Достоевского его «Дневник», есть уже сплошная и вовсе даже некрасивая «нервическая чепуха», начиная с заголовка. Проследить логическую нить «течения мыслей» г. Достоевского нет никакой возможности, до того он раздражительно-непоследователен, странен в умозаключениях, старчески легкомыслен и поспешен в приговорах и пророчествах». [46] «Дневник» г. Достоевского живьем восстановил в моей памяти самые выразительнейшие места из, печальной известности, «Переписки с друзьями» Гоголя!... Сходство в мыслях, в духе, в направлении, даже в тоне изложения, оказалось поразительно. Те же эпилептического характера наития, то же призывание всуе имени Христа и тот же непроглядный мрак и мрак... «Дневник» ни для какой партии не составил «события» и встречен скорее снисходительно-иронически, чем него-

дованием. Слава Богу, атмосфера у нас нынче другая; мракобесие отпраздновало масленицу на своей улице». [47]

Мы рассмотрели достаточное количество статей о «Дневнике» и сравнивая «за» и «против», можем сказать, что в основном «Дневник» оценивался современной ему критикой как крупное литературное явление.

В «Дневнике» отразился его создатель, таким, каким он был в действительности. Зная настоящего Достоевского, можно разрушить созданные о нем мифы. Достоевский принадлежал своей эпохе, но благодаря своей гениальности, он перешагнул через рубежи времени и вышел на просторную дорогу вечности.

Глава вторая

ГЕНЕЗИС И ПРЕДЫСТОРИЯ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»...

По свидетельству Анны Григорьевны Достоевской, мысль об издании «Дневника писателя» возникла у Достоевского во время заграничных скитаний периода 1867—1871 г.

Анна Григорьевна пишет, что после возвращения в Россию, «осуществить зародившуюся еще за границей идею — издавать «Дневник писателя» в виде ежемесячного журнала, было затруднительно. На издание журнала... требовались средства довольно значительные, а для нас составляло загадку — велик ли будет успех журнала, так как он представлял собою нечто небывалое доселе в русской литературе и по форме и по содержанию». [1]

Основываясь на имеющихся источниках, мы полагаем, что замечание А. Достоевской о времени появления замысла «Дневника» — неточно. Мысль об издании «Дневника» зародилась у Достоевского раньше. Еще в письме к А. Е. Врангелю от 8-го ноября 1865 года, Достоевский заметил: «В голове у меня есть одно периодическое издание, не журнал. И полезное и выгодное. Может быть, осуществлю в будущем году». [2]

Через два года в письме к С. И. Ивановой от 29-го сентября 1867 г. Достоевский замечает: «Не-

пременно хочу издавать, возвратясь, нечто вроде газеты. Я даже помнится Вам говорил это вскользь, но здесь теперь совершенно выяснилась и форма и цель. А для этого надо быть дома и видеть и слышать все своими глазами». [3] Письмо было датировано 29-м сентябрем 1867 г. Из Петербурга Достоевский выехал 14 апреля 1867 года. Следовательно, он мог говорить с Ивановой в Петербурге до отъезда.

Мысль об издании все время занимала Достоевского. 23 октября 1867 года в письме к Э. Ф. Достоевский он сообщает: «Мечтаю, воротясь в Петербург, начать издавать еженедельный журнал в моем роде, который я придумал. Надеюсь на успех». [4]

В цитируемом письме слово «газета» отсутствует, вместо него появляется «журнал». Вероятно, Достоевский, обдумывая будущее издание, еще не решил будет ли «Дневник» выходить еженедельно или ежемесячно, но он подчеркивал, что издание должно быть периодическим и отличаться своеобразием.

В письме к С. Ивановой от 13 января 1868 года Достоевский замечает: «У меня в мыслях начать, по приезде в Россию, одно новое издание». [5] Никаких пояснений о том, что это будет за издание не делается. Можно думать, что Достоевский считал вопрос для себя выясненным. За это предположение говорит и его письмо к Н. Страхову от 26 февраля 1869 года. Критически анализируя близкий ему по направлению журнал «Заря», Достоевский делает ряд замечаний, показывающих какие требования он предъявлял к периодическому изданию. Достоевский пишет, что успех основывается на новых идеях. Журнал должен высказать новую и современную мысль и бороться с рутиной, которая находит «либерализм и новую мысль в том, что старо и отстало».

Как видно из дальнейшего изложения, под «новой современной мыслью» подразумевается национальная русская мысль. Достоевский советует по-

мещать в журнале ежемесячные политические обозрения и фельетоны. Журнал не должен избегать полемики, потому что полемика есть чрезвычайно удобный способ разъяснения мысли, так «все статьи, например, Белинского имели форму полемическую». [6]

Основываясь на сделанных замечаниях, можно полагать, что мысль об издании «Дневника» зародилась у Достоевского не за границей, а в России, и, по всей вероятности, не позже 1865 года, но обдумывание деталей продолжалось за границей.

Приведенные данные о генезисе «Дневника» характеризуют только одну сторону дела, т. е. уточняют время появления замысла издания, но цель нашего исследования не ограничивается этим. Посмотрим под влиянием каких идейных воздействий сложился этот замысел.

Говоря об идейном генезисе «Дневника», необходимо принять во внимание влияние, оказанное на Достоевского, книгой Гоголя: «Выбранные места из переписки с друзьями». О влиянии Гоголя на Достоевского говорилось достаточно. Сам Достоевский в своих произведениях оставил неопровержимые свидетельства силы этого влияния. Несмотря на пародирование Гоголя в образе Фомы Опискина («Село Степанчиково и его обитатели») и чтение письма Белинского к Гоголю на собрании петрашевцев, и критику «Выбранных мест из переписки с друзьями», все же «Выбранные места из переписки с друзьями» оказали определенное воздействие на идейный генезис и композицию «Дневника».

Непосредственное обращение к читателю, разговор с ним, обсуждение волнующих общество вопросов, лирическая приподнятость речи, гибкость ее, переход от возвышенных тем к случаям обыденной жизни, проповедь, обращение, дидактические поучения, саркастические обличения, характерные для книги Гоголя, нравились Достоевскому. Нравилась ему и представляемая этой формой

свобода. Его прельщала возможность прямо поговорить с читателем о себе, своих идеях и взглядах. Правда, Достоевский во многом не соглашался с Гоголем и резко критиковал последнего за попытку повернуть обратно колесо истории, но ему всегда был близок и созвучен патриотизм Гоголя. Мысль последнего о том, что для каждого русского нужно, отбросив все, «положить себе в непременный закон служить земле своей» [7], — нашла свое развитие в «Дневнике писателя». Стремление Достоевского разъяснить духовно-национальную независимость России было связано не только, как обычно полагается, со славянофильскими тенденциями Хомякова и Аксакова, но и с высказываниями Гоголя, отмечавшего «незнание (современниками Д. Г.) России посреди России» и требовавшего от каждого русского «всего себя умертвить для себя, но не для России». [8] По его мнению, человек, не выполнявший этих требований, должен был или иметь «бесчувственное сердце, или не знать что такое Россия для русского». Гоголь сформулировал столь любимую Достоевским идею о мировой миссии русских, «призванных в мир не за тем, чтобы истреблять и разрушать, но все направлять к добру». [9]

Характеризуя особенности русского характера, Гоголь еще в «Петербургских Записках» заметил, что русский человек свободен и может даже отрешиться от самого себя, что не могут сделать представители других национальностей: «Немцу, о чем бы он ни говорил, не отрешиться от немца; французу, о чем бы он ни говорил, во всех его мнениях и словах будет слышен француз; англичанину и подавно более всех нельзя отделиться от своей природы. Стало быть, полное беспристрастие возможно только в русском уме, и всесторонность ума может быть доступна одному только русскому... К этому нужно присовокупить нашу способность схватывать живо малейшие оттенки других наций». [10]

При сопоставлении высказываний Достоевского и Гоголя поражает их сходство. В своей речи о Пушкине Достоевский отметил, что Пушкин обладал способностью перевоплощаться: «Пушкин — человек древнего мира, он и германец, он и англичанин... он и поэт Востока». [11]

Характеризуя творчество Пушкина, Гоголь за 35 лет до речи Достоевского, писал: «Как верен его (Пушкина Д. Г.) отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец, в полном смысле этого слова, заглянет к мужику в избу — он русский весь с головы до ног: все черты нашей природы в нем отозвались... в первый раз выступили истинно-русские характеры». [12]

В романе «Подросток», устами Версилова, Достоевский как бы развивает мысли Гоголя: «Всякий француз, — говорит Версилов, — может служить не только своей Франции, но даже и человечеству, единственно под тем лишь условием, что останется наиболее французом: ровно англичанин и немец. Один лишь русский... получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец. Я во Франции — француз, с немцем — немец, с древним греком — грек и, тем самым, наиболее русский. Тем самым я — настоящий русский и наиболее служу для России». [13]

Совпадают с мыслями Гоголя рассуждения Достоевского о способности только великого таланта видеть то, что многие не замечают, об отношении русских к преступникам, о славянофилах и западниках. Последнее особенно интересно. Гоголь заметил, что славянофилы и западники: «говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета, никак не догадываясь, что ничуть не спорят и не перечат друг другу. Один подошел слишком близко к строению, так что видит одну часть его,

другой отошел от него слишком далеко, так что видит весь фасад, но по частям не видит». [14]

В «Пушкинской речи» Достоевский развивает эту же мысль. Современная Достоевскому критика уловила связь между «Пушкинской речью» и «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголя.

В октябрьском номере «Вестника Европы» за 1880 год анонимный критик, сообщая о громадном успехе «Пушкинской речи», которую признали «событием» и «гениальной», заметил: «Можно, пожалуй, согласиться, что это событие, но событие довольно печальное». Он упрекает Достоевского за «неумеренное самолюбие, мистицизм» и утверждает, что сходство между «Речью» Достоевского и «Перепиской» Гоголя поразительное... Достоевский рассуждает «наитиями, провидениями, откровениями». Стиль «Речи» повторяет «Выбранные места» Гоголя. «Рядом с возвышенной, или высокопарной проповедью идет вульгарная сплетня, христианская любовь и братство с крайним озлоблением, тон высокопарный и прорицательный». [15] Трудно согласиться со всеми высказанными замечаниями, которые скорее являются обвинениями, чем объективной критикой, но связь «Речи» с «Перепиской» подмечена верно.

Говоря о влиянии Гоголя на идейный генезис «Дневника», необходимо заметить, что Достоевский относился критически ко многим взглядам Гоголя. Последний хотел улучшить положение народа, сохраняя неизменным существовавший порядок, Достоевский мечтал о своеобразной свободе. Гоголь возлагал надежды на высшие сословия, Достоевский на народ и интеллигенцию. «Дневник» несравненно глубже и содержательнее «Выбранных мест из переписки с друзьями». В нем отразилось негодование писателя на положение, при котором русский народ, «обладающий многими прекрасными качествами был взращен как зверь,

претерпел мучения еще с самого начала своего... такие, каких ни один народ в мире не вытерпел бы». [16]

Оказали определенное влияние на идейный генезис «Дневника» статьи Белинского. Пусть впоследствии Достоевский критиковал Белинского, но преодолеть его влияние он не мог. Даже в «Дневнике» отрицательные высказывания о Белинском чередуются с положительными. У критика была одна сторона, которая оставалась всегда близкой Достоевскому — это патриотизм.

Распространенное мнение о том, что Белинский, борясь против славянофилов, пренебрежительно относился к России нельзя считать правильным. Критикуя славянофилов за идеализацию прошлого страны, Белинский в то же время заявлял: «Да, в нас есть национальная жизнь, мы, русские, призваны сказать миру свое слово, свою мысль». [17] «У России была своя история, нисколько не похожая на историю ни одного европейского государства». [18] По мнению Белинского, Россия давно прошла период заимствования от других стран и теперь «настало для России время развиваться самобытно, из самой себя». [19]

Многие взгляды Белинского отразились в «Дневнике писателя». Белинский, как и Гоголь, полагал, что русские могут понимать представителей других национальностей потому, что «французы, англичане, немцы так национальны каждый по-своему, что не в состоянии понимать друг друга, тогда как русскому равно доступны и социальность француза и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца... Одни видят в этом наше превосходство перед всеми другими народами, другие выводят из этого весьма печальное заключение о бесхарактерности». [20]

Белинский присоединяется к первому мнению, заявляя: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились

в крепкое и могучее государство и как до Петра Великого, так и после него... выдержали с честью не один суровый экзамен судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой силе и крепости». [21]

«Не раз уже народу приходилось выручать себя. Он найдет в себе охранительную силу, которую всегда находил», [22] — в тон Белинскому пишет Достоевский.

Сильное влияние на идейный генезис «Дневника» оказало творчество Герцена. Анна Григорьевна Достоевская писала, что за границей Достоевский жадно читал сочинения Герцена. В апреле 1876 года он упорно искал в библиотеках Дрездена журнал: «Полярная звезда», который издавался Герценом с 1855 по 1869 г. В журнале печатались статьи самого Герцена, Огарева и произведения русских писателей и поэтов, запрещенные царской цензурой. В этом журнале было опубликовано, хорошо известное Достоевскому, письмо Белинского к Гоголю. Анна Григорьевна сообщает, что Достоевский купил два номера «Полярной звезды», потом искал «Полярную звезду» за 1855 г., но не мог найти. В другой библиотеке взяли «Полярную звезду» за 1855—1861 г.». Через две недели следующая запись: «Мы опять взяли один номер «Полярной звезды». [23] 15-го мая Достоевский берет в библиотеке «Былое и думы» Герцена. 1-го июня он обдумывает свою статью о Белинском. Первого июля покупает «Колокол» Герцена. 21-го июля следующая запись «Мы спросили «Колокол». Федя рассмотрел 4-ую часть «Былого и дум» Герцена, но не купил, так как уже читал». [24] 28-го июля «Федя работал, а я лежала в постели, перечитывая Белинского». [25]

Интерес, который возбудили у Достоевского произведения Герцена, нельзя отнести только за счет любопытства. Многое в них было созвучно ему и оказало на него определенное воздействие, как, например, мысль Герцена о том, что «вне Рос-

сии нет будощности для славянского мира, без России он не разовьется, — он расплывется и будет поглощен германским элементом», [26] или взгляд на Россию, как на «совершенно новое, неоконченное здание, где все еще пахнет свежей известью, где все работают и... где ничто еще не достигло цели, где все изменяется». [27]

Нашли отражение в «Дневнике писателя» взгляды Герцена на будущее Европы: («Я вижу неминуемую гибель старой Европы»), на отношение Европы к России («Европа нас не знает»), и на русский народ. Герцен рекомендовал Европе ближе узнать народ, «отроческую силу которого она оценила в бою, где он остался победителем». Герцен считал долгом русских писателей рассказать Европе: «об этом мощном и неразгаданном народе, который втихомолку образовал государство в 60 миллионов,... о народе, который как то чудно сумел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов,... под позорным кнутом татарским, сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатырской натуры под гнетом крепостного состояния». [28]

Приводим несколько цитат из «Дневника», показывающих сходство взглядов Герцена и Достоевского. Последний как и Герцен полагал, что «без единящего огромного центра России — не бывать славянскому согласию, да и не сохраниться без России славянам, исчезнуть славянам с лица земли вовсе». [29]. «Мы, русские, народ молодой, мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет, но большому кораблю — большое и плавание». [30]

«Над всей уже Европой несомненно носится что-то роковое, страшное и, главное, близкое». [31]

«Европейцы мало знают Россию и русскую жизнь» и т. д.

Достоевскому был близок взгляд Герцена на третье сословие и на неизбежность борьбы последнего с пролетариатом.

Следовательно, обдумывая издание «Дневника», Достоевский усиленно читал Герцена и писал статью о Белинском, перечитывая его сочинения. Можно думать, что произведения Герцена и Белинского помогли оформиться мысли Достоевского об издании своеобразного художественного и в то же время публицистического произведения. Это влияние сказалось и на форме. Так, например, «Былое и думы» Герцена близки к «Дневнику» по композиции. Та же свободная манера изложения. Бытовые картины, литературные характеристики и воспоминания, эпизоды, сцены, очерки, рассказы. Юмор, сатира, лирика. Но в отличие от «Дневника», «Былое и думы» имеют ярко выраженный автобиографический характер. Достоевский создает новый жанр, хотя и учитывает опыт Герцена.

Не прошли для Достоевского бесследно годы пребывания среди петрашевцев. Следы идей молодости обнаруживаются в «Дневнике писателя» и большинстве его романов. Они выражаются в социальной заостренности произведений. Рассуждения на тему:

«Грядет четвертое сословие, стучится и ломится в дверь, и если ему не отворят, сломает дверь! Наступит такое — чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки — все это рухнет в один миг»,[32] — часто встречаются в «Дневнике».

Кроме того, оказывается, что Петрашевский в 40-е годы сам предполагал издавать журнал: «Наш журнал русский и для русских», — писал он в предисловии. Главной целью журнала ставилось «возбудить, разбудить, вызвать чувство народности и самобытности во всех отношениях, главной мыслью, главной идеей, главным предметом должна быть Русь, и это должно быть развиваемо во всех направлениях».[33]

Как отмечалось, главной целью «Дневника» Достоевский ставил «разъяснение русской наци-

ональной духовной самостоятельности». В данном случае, как видно, комментарии излишни.

В «Дневнике» как бы продолжались диспуты, которые велись на собраниях петрашевцев. Достоевский пишет о будущем, которое ожидает мир, о революции, общественных отношениях, семье, о человеке и его потребностях, о литературе. Все эти проблемы когда-то обсуждались на собраниях петрашевцев. Знакомство Достоевского с «Карманным словарем иностранных слов, вошедших в состав русского языка» отразилось в сходстве отдельных замечаний. Например, объясняя слово «мистицизм», Петрашевский пишет, что представление о возможности особого сверхчувственного познания мира «есть величайшее заблуждение существующее с незапамятных пор».[34] В «Дневнике» за 1876 г. Достоевский замечает: «спиритизм — без сомнения, великое, чрезвычайное и глупейшее заблуждение, блудное учение и тьма».[35]

Петрашевцев интересовала издательская деятельность. А. П. Баласогло разработал «Проект учреждения книжного склада и издательства». В нем он пишет каким требованиям должен отвечать хороший журнал. «Журнал — значит дневник событий (подчеркнуто нами Д. Г.) Казалось бы, где же лучше, как не в дневнике литературных событий, и быть суду или, по крайней мере, мнению, отзыву о являющихся книгах? Но увы! Сперва надо спросить, кому вести этот дневник? Кому судить и рядить... о явлениях литературы? Неужели первому встречному, кто только набьет руку в статьеписании? Но если так, не будут ли эти дневники подобны летописям средних веков.

Если уже вести дневник событий, так вести самим знатокам дела, наблюдателям, созерцателям природы и развития человечества».[36]

Цель всей издательской деятельности Баласогло тесно связывает с задачами, стоящими перед страной:

«Пора России понять свое будущее призвание в человечестве: пора являться в ней людям, а не одним степным лешим, привилегированным старожилам Русской земли, или заезжим фокусникам просвещения, бродящим по ее захолустьям и трущобам с улыбкой пьяного презрения к человечеству России! Презрения только потому, что это человечество не имело счастья купаться в крови древнего мира, сокрушать его бессмертные памятники... и простосердечно свирепствовать на развалинах образованности, в потехах варварского молодечества готов, вандалов, франков, норманов — этих готтентотов Европы! Россия есть сама другая Европа, Европа средняя между Европой и Азией... чудная, неведомая новая страна соединения всех крайностей, борьбы всех противоречий, слияния всех характеров земли. Пора же остановить на этой стране взор ее же девственного любомудрия... В ней, и только в ней сосредоточены все нити всемирной истории... Пора увидеть Россию, пора прозреть». [37]

По мнению Баласогло: «Русский должен примириться сам с собой и стать сам собою, иначе ему не жить, а в этом акте он естественным образом будет примирителем Востока с Западом. Славянство России есть только та разумная среда, которой предназначено природой поглотить в себя все и вся и пережевать мысли мира и мысль России. Славянская душа есть избранный сосуд слияния народов и человечества... Ни Ассирии, ни Египта, ни Индии, ни Китая, ни Греции, ни самого Рима, ни даже Европы нехватило и никогда нехватит на подобную форму. Россия есть седьмая часть всего земного шара, славян до 80 миллионов душ, которые, за немногими исключениями, все — как одна душа. Восток принадлежит России неизменно, естественно, исторически». [38]

Приведенные выдержки интересны тем, что в них как бы намечен ряд проблем, получивших развитие в «Дневнике писателя» Достоевского.

Можно думать, что генезис одного из рассказов «Дневника»: «Сон смешного человека» связан с планом рассказа Д. Ахшарумова «Путешествие по вселенной». В последнем говорится о каком-то таинственном всезнающем существе, которое летит вместе с путешественником в голубом эфире между миллионами огромных шаров. Таинственное существо говорит спутнику, что они видели множество жизней и теперь приближаются «к прекрасной, великой, но вместе с тем всегда страдающей и плачущей земле: все в ней томится и изнемогает... Наслаждения и мучения слиты вместе в одном сердце, в одной душе человеческой, идеалы, чувства, мысли облечены в образы... целую жизнь идеалы рвутся из этих условий и не могут превозмочь их — это мир несовершенный, больной, оттого он весь страдает, а между тем он мир одной природы, одного творца с лучшими мирами вселенной». [39]

Ахшарумов приходит к выводу, что человек носит в себе возможность счастья и свободы, но он пренебрегает ими и заглушает в себе сознание своей силы. Он обратился для своего освобождения к неверным и ничтожным средствам и живет измученный, обезнадеженный, не подвигаясь вперед.

План и наброски рассказа Ахшарумова «Путешествие по вселенной» были написаны 30-го июля 1848 г. Можно полагать, что Достоевский был с ними знаком. В рассказе «Сон смешного человека», так же как и в «Путешествии по вселенной», два героя. Один из них простой человек, а другой какое-то таинственное существо. Так же как и Ахшарумов, Достоевский верит в то, что люди могут быть прекрасны и счастливы. «Смешной человек» Достоевского, как бы перефразирует мысли героя рассказа Ахшарумова: «На нашей земле мы истинно можем любить лишь с мучением и только через мучение! Мы иначе не умеем любить и не знаем иной любви». [40] Достоевский полагал, что все могло бы устроиться в один день и час, если бы люди испол-

нили завет «люби других, как самого себя», но они не исполняют этого завета и продолжают страдать.

Если даже предположить, что «Путешествие по вселенной» не было известно Достоевскому, все же близость идейного содержания обоих произведений говорит о мощном и одинаковом влиянии на обоих писателей атмосферы кружка петрашевцев.

«Дневник писателя» начал издаваться через четыре года после появления книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Говорить о влиянии этой книги на идейный генезис «Дневника» можно лишь учитывая, что Данилевский сам был петрашевцем и увлекался учением Фурье. Как и Достоевский, он был заключен в Петропавловскую крепость. Впрочем, не попал под суд, а был только выслан из Петербурга.

Неоднократно отмечалось влияние на эту книгу славянофильских идей. Можно согласиться с тем, что она связана со славянофильством и является «катехизисом или кодексом славянофильства», но в то же время нужно иметь в виду, что это, в сущности, не славянофильство, а особое учение, содержащее в себе новый взгляд на всю историю человечества, вернее новую теорию всеобщей истории. Это своеобразие было обусловлено влиянием идей кружка Петрашевского.

Данилевский отвергал теорию единого прогресса. Он полагал, что история есть ничто иное, как развитие отдельных культурно-исторических типов. Если славянофилы были уверены, что славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, то по теории Данилевского такой задачи не существовало. По его мнению, славяне были только особым культурно-историческим типом.

Данилевский доказывал возможность и необходимость развития новой слявянской культуры, неизбежность создания нового славянского культурного типа, необходимость образования славянского

союза, чтобы поставить Россию, не в ряд европейских государств, а рядом с целою Европою. Данилевский отмечал враждебное отношение Европы к России. «Европа не признает нас своими, она видит в России и Славянах вообще нечто ей чуждое». [41] «Европа, которая все знает, от санскритского языка до ирокезских наречий не знает одной только России». «Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила, никогда не считала нас за своих», [42] — замечает Достоевский. Он разделял взгляды Данилевского на восточный вопрос, как на проблему, касающуюся будущности всего славянства, и был уверен в том, что Царьград, как центр православия, должен принадлежать России, и быть столицей всего славянства.

Нашел отражение в «Дневнике писателя» взгляд Данилевского на историю Европы, как на непрерывную борьбу, окончившуюся «анархией религиозной, т. е. протестантизмом, анархией философской, т. е. всеотрицающим материализмом, который начинает принимать характер веры, и, понемногу занимает в умах место религиозного убеждения, и анархией политико-социальной, т. е. противоречиями между третьим сословием и пролетариатом».

Данилевский утверждал, что религия играла огромную роль в древне-русской жизни, и что русские люди сильны своим православием. С помощью религии могут быть разрешены все общественные противоречия. Славянский культурный тип будет синтезом всех типов, которые существовали до него, т. е. будет первым полным типом гармонически развитого человека.

Достоевскому были близки все перечисленные идеи, но, в отличие от Данилевского, он не ограничивал деятельность русских только созданием общеславянского государства, полагая, что задача России общемировая, т. е. служение всему человечеству, объединение всего человечества в одну семью на основе любви и православия.

Не чужды оказались Достоевскому мысли Тют-

чева, который в 40-е годы написал несколько ярких статей. В 1844 году в статье «Россия и Германия» Тютчев говорил о непонимании Западом России. Понятия Запада о России, по словам Тютчева, «напоминали в некотором смысле отношения современников к Колумбу». Тютчев высказал мысль о том, что Россия есть душа Восточной Европы. Эта мысль получила широкое признание и развитие не только в русской, но и в западной литературе. Русские рассматривались как носители высокой гуманности, как будущие освободители и обновители человеческого рода. Русские считались единственным народом, способным выполнить общечеловеческие задачи, потому что русские обладали душевными качествами, отсутствующими у других народов. Главным качеством была способность понимать все другие национальности. Эта способность появилась у русских и славян, потому что они выстрадали ее, прошли через мучения и кровь. Россия рассматривалась, как страна человеческого будущего.

В статье «Россия и революция», написаной в 1848 году Тютчев утверждает, что в Европе имеются «только две действительные силы — революция и Россия». Эти силы должны вступить в борьбу. Россия — христианская империя, русский народ — христианский народ не только в силу своих убеждений, но еще «благодаря чему-то более задушевному в силу способности к самоотвержению и самопожертвованию». Революция есть враг христианства «антихристианское настроение есть душа революции». Человек стремится заместить собою Бога, обожествить свое «я».

В статье «Папство и римский вопрос с русской точки зрения», Тютчев утверждает, что римская церковь «сделалась политическим учреждением... государством в государстве».

Мысли Тютчева оказали определенное и сильное влияние на идейный генезис «Дневника писателя».

Подводя итоги всему сказанному, можно отметить сложность идейного генезиса «Дневника», но это не значит, что Достоевский, испытывая определенные влияния, ограничивался механическими заимствованиями и «Дневник» получился подобным одежде, сшитой из разных кусков материи. «Дневник» — целое, глубоко продуманное произведение. Достоевский творчески перерабатывал то, что получал извне, хотя известная противоречивость и бесконечные поиски выхода из создавшегося положения заставляли его испытывать колебания, что и отразилось на содержании и форме произведения.

Предыстория «Дневника писателя»

При анализе «Дневника» возникает вопрос, имеются ли у Достоевского произведения сходные с «Дневником», или последний был своего рода единственным явлением? С этим вопросом связан второй — о жанре. Имеет ли «Дневник» свой особый жанр, или он является случайным собранием статей, воспоминаний, очерков и художественных рассказов? Для разрешения поставленных проблем целесообразно обратиться к творчеству Достоевского. Рассматривая сочинения Достоевского, можно отметить, что контуры «Дневника» намечались уже в фельетонах 1847 года и позже в статьях журналов «Время» и «Эпоха».

Публицистическая заостренность фельетонов и статей, и особая, свойственная Достоевскому, манера связывать частные случаи с общими проблемами, иллюстрируя их художественными описаниями, краткие, но яркие и выразительные характеристики и заключения делали их в высшей степени своеобразными и отличали от его романов.

Вторым произведением, которое можно рассматривать как близкое по жанру «Дневнику», являются «Записки из мертвого дома». В отличие от фельетонов и статей журналов «Время» и «Эпоха», «Записки из мертвого дома» — произведение

художественное, но своеобразие и особенности композиции позволяют выделить «Записки» из романов Достоевского.

«Записки» как и «Дневник» бессюжетны. В них, как и в «Дневнике», автор дает полную свободу своим рассуждениям. Он, как главный герой, остается все время на сцене, делая свои замечания. Главным действующим лицом обоих произведений был русский народ.

«Записки из мертвого дома» идейно близки с «Дневником», в них Достоевский замечает: «Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее. Стоит только снять наружную, наносную кору, и посмотреть на самое зерно повнимательней, поближе, без предрассудков, — и иной увидит в народе такие вещи, о которых не предугадывал». [43]

Достоевский пишет о добродушии и беззлобии народа, его склонности прощать врагов, в случае, если они искренно раскаялись. Он говорит об особенностях русского характера и, исследуя натуру человеческую, приходит к выводу, что условия могут до того ее исказить, что «самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя».

Все перечисленные проблемы обсуждаются в «Дневнике писателя», так что возможно говорить о влиянии «Записок» на «Дневник» и рассматривать «Записки» как произведение, предшествующее «Дневнику».

Близки «Дневнику» по жанру и содержанию «Зимние заметки о летних впечатлениях», опубликованные в 1863 году.

«Зимние заметки» особенно близки «Дневнику» своей социальной заостренностью.

Достоевский в то время путешествовал по Европе и его весьма занимал вопрос о будущем мира. Писатель был в Берлине, Дрездене, Кельне, Париже, Лондоне, Люцерне, Женеве, Флоренции. Он видел жизнь различных стран и народов, и при-

шел к весьма неутешительным выводам о западном строе. По его мнению, на Западе нет свободы. Быть свободным и делать что угодно можно, когда в кармане миллион, а так как у каждого миллиона нет, то делать что угодно может только человек с миллионом, «а человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно». [44]

В Лондоне Достоевского поразило ужасное положение рабочих: «Эти миллионы людей, оставленные и прогнанные с пиру людского, толкаясь и давя друг друга в подземной тьме, в которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть в какие-нибудь ворота и ищут выхода, чтобы не задохнуться в темном подвале». [45]

Вопросы о четвертом сословии и судьбе человечества нашли дальнейшее развитие в «Дневнике писателя».

Все рассмотренные нами произведения были предысторией «Дневника». Творчество Достоевского развивалось в двух направлениях: романы. рассказы, повести — с одной стороны, и статьи, записки, заметки — с другой. Сами названия говорили о различии. Вместо коротких и четких заглавий романов: «Бесы», «Идиот», появлялись целые предложения: «Записки из мертвого дома», «Зимние заметки о летних впечатлениях». «Записки», «заметки» — все это показывало непосредственную связь произведений с жизнью и давало автору полную возможность высказывать свои мнения.

Таким образом «Дневник» имеет свою предысторию. Он является своеобразным завершением определенного направления в творчестве Достоевского.

Если роман «Братья Карамазовы» можно рассматривать как вершину одного, то «Дневник» является вершиной и заключением второго.

Глава третья

ПРОБЛЕМЫ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Эстетические взгляды Достоевского

В «Дневнике» отразились размышления Достоевского о религии, морали, политике, литературе, социализме, революции, капитализме, войне, католицизме, атеизме, «лучших людях» и, главное, о будущем России и человечества.

Некоторые проблемы занимали его всю жизнь. К ним относились вопросы творчества, которые представляют особый интерес, так как дают возможность выяснить эстетические взгляды писателя. В молодости Достоевский был настроен романтически. Настоящее не удовлетворяло юношу, он чувствовал себя пленником и рвался на свободу. «Скорее к пристани, скорей на свободу! Свобода и призвание великое дело. Мне снится и грезится оно... Как-то расширяется душа, чтобы понять великость жизни». [1]

В 1844 году Достоевский бросает службу, горя желанием посвятить все свои силы литературе. Он много работает, знакомится с Белинским, Некрасовым, Тургеневым и переживает определенный перелом: «Брат, в отношении литературы я не тот,

что был тому назад два года», — пишет он Михаилу Михайловичу. — «Тогда было ребячество, вздор. Два года изучения много принесли и много унесли». [2]

Жестокий удар романтической настроенности молодого писателя нанесла окружающая его действительность. Он нуждался, писал, чтобы заработать деньги и часто не получал их. «Напечатают, денег не дадут», — жалуется Достоевский. — «Это какая-то олигархия... А на что мне слава, когда я пишу из хлеба». [3]

Будущее представляется ему в черных красках: «Только что прочел в «Инвалиде» о немецких поэтах, умерших с голоду и в сумасшедшем доме. Их было штук двадцать и какие имена! Мне до сих пор как-то страшно, нужно быть шарлатаном». [4]

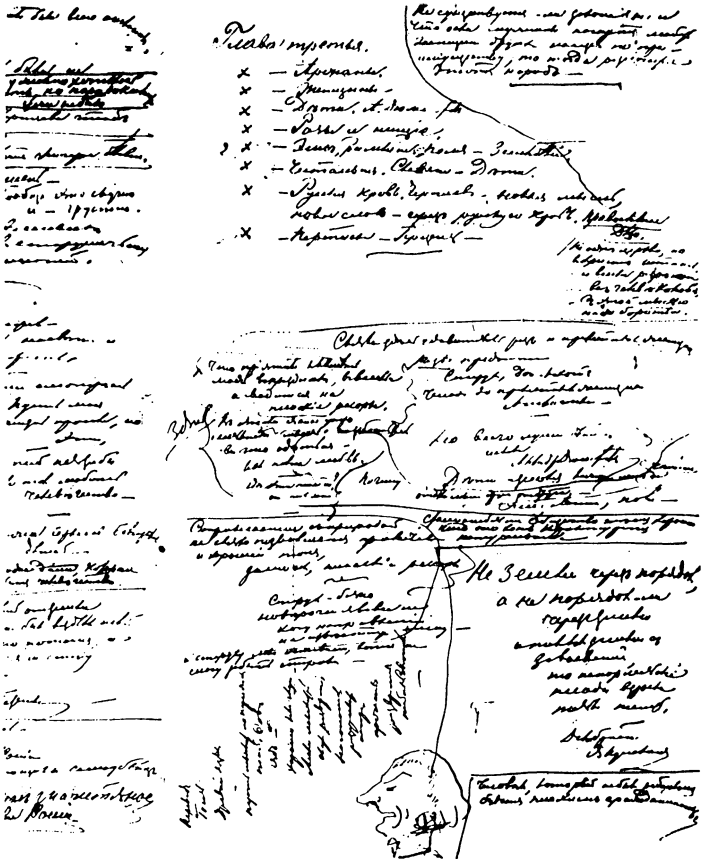
Пытаясь разобраться в происходящем, Достоевский читал статьи Белинского. Эстетические взгляды последнего оказали на него определенное воздействие и Достоевский выступил со своим первым романом «Бедные люди» под знаменем натуральной школы. В разгернувшейся ожесточенной борьбе между натуральной школой и романтиками, Достоевский встал на сторону первой. В «Объявлении» об издании альманаха «Зубоскал», напечатанном в ноябрьском номере «Отечественных Записок» за 1845 г., и в четырех фельетонах, опубликованных в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» за 1847 г. Достоевский, повторяя Белинского, требует от литературы сближения с жизнью и правдивого изображения действительности.

Оказало определенное влияние на формирование эстетических взглядов Достоевского революционное общество Петрашевского, членом которого он был с 1847 года. Петрашевцы полагали, что действительность выше мечты, писатели должны изображать жизнь с целью исправления ее. Время настало изменить и переделать «глупую, бестолковую и пустую жизнь, в которой ненормальные общественные отношения обезобразили и иско-

веркали страсти и измучили людей, сделав их придавленными и больными». Петрашевцы стремились эту «жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья».[5] Они обсуждали проблему человекобога и недопустимости людских страданий. Обе эти проблемы отразились в творчестве Достоевского. На двух собраниях общества был ожесточенный спор между Петрашевским и Толем с одной стороны, и Достоевским и Дуровым — с другой. Петрашевский упрекал Достоевского и Дурова за то, что они недостаточно глубоко изучают действительность, не отличают в должной мере существенное от несущественного и поэтому отражают в своих произведениях не главные жизненные вопросы, а мелочные. Достоевский доказывал, что «искусство не нуждается в направлении, что искусство само себе цель, автор должен только хлопотать о художественности, а идея придет сама собой, ибо она необходимое условие художественности». Писатель должен брать свои образы из действительности, но он должен осмыслить и типизировать эту действительность.

Кажется, что здесь Достоевский выражает противоположный взгляд и сближается со сторонниками теории «искусство для искусства», но это только кажется. В действительности творчество Достоевского этого периода показывает, что он продолжает развивать линию «Бедных людей»: рассказы «Ползунков», «Слабое сердце», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Белые ночи» — 1848 г. и повесть «Неточка Незванова» — 1849 г. проникнуты тенденциями, характерными для произведений писателей натуральной школы. Достоевский возражал против утилитарного отношения к искусству, он критиковал мелочную опеку над писателем, требовал свободы творчества, но в то же время полагал, что писатель должен брать свои образы из действительности, типизируя эту действительность.

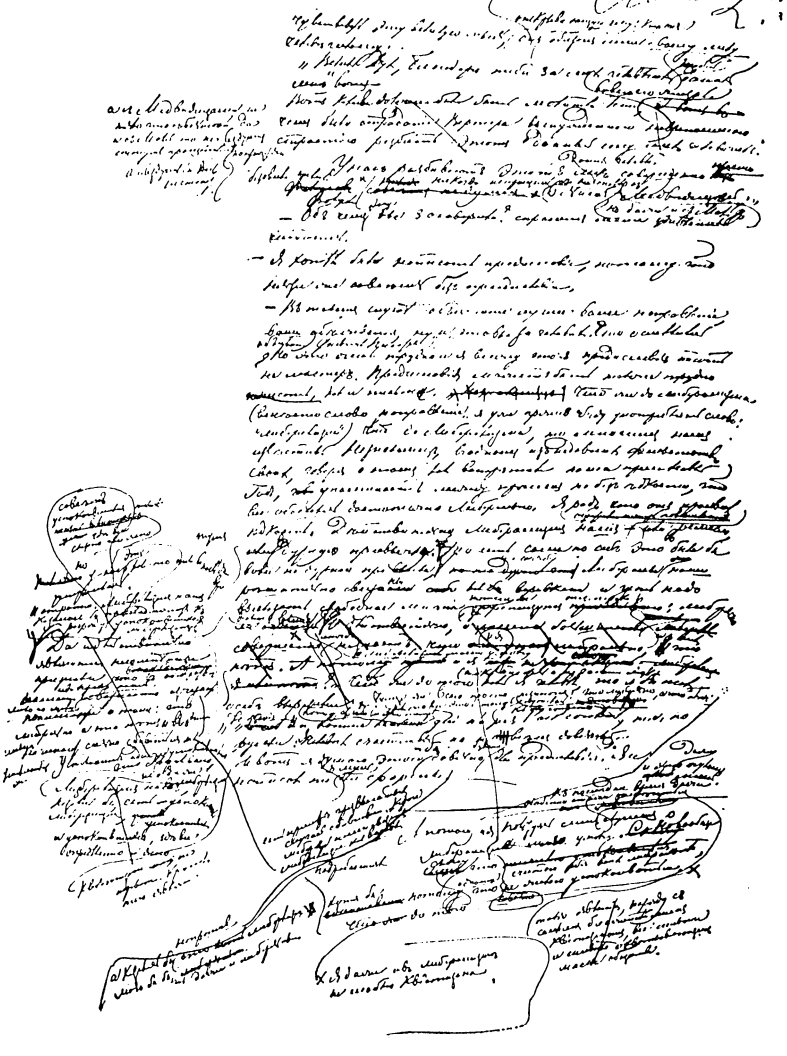
Каторга заставила Достоевского пересмотреть



Планы, наброски к «Дневнику» за 1876 год. Публикуется впервые. Г. Б. Л. ф 93. Дост. I. № 2. № 11 /11-21.

многие прежние взгляды. Он понял ограниченность и недостатки теорий социалистов-утопистов, хорошо познакомился с преступным миром, но это совсем не значило, что Достоевский отрекся от всего, чему он поклонялся прежде и превратился в сторонника теории «искусство для искусства». В 60-е годы, после возвращения с каторги, в объявлении об издании журнала «Время» Достоевский пишет: «Мы живем в эпоху в высшей степени замечательную и критическую. Не станем указывать... на те новые идеи и потребности русского общества, так единодушно заявленные, на великий крестьянский вопрос... Все это только явления и признаки того огромного переворота, которому предстоит совершиться».[6] Важнейшим вопросом, который будет обсуждаться в журнале будет «вопрос об улучшении крестьянского быта. Теперь уже не тысячи, а многие миллионы русских войдут в русскую жизнь, внесут в нее свои свежие непочатые силы и скажут свое новое слово».[7]

После выпуска первого номера Достоевский в заслугу своему журналу ставил то, что он «отзывается на потребности общества» и обещал в дальнейшем «обращать внимание на все современные явления жизни». Далее Достоевский пишет, что «литература есть одно из главных проявлений русской сознательной жизни».[8] В объявлении об издании журнала на 1863 год, говоря о дальнейших планах работы, Достоевский заметил: «Для каждого ясно, что не за искусство для искусства мы стоим». Это замечание было верным. Журнал братьев Достоевских занимался разрешением злободневных общественных вопросов, так как по мысли Достоевского, страна нуждалась «в честном, прямом и, главное, верном слове о нашем народе», потому что «вопрос о народе в настоящее время есть вопрос о жизни».[9] Достоевский требовал от образованных классов сближения с народом, а для того, чтобы это сближение произошло, необходимо «распространить в народе грамотность... по-



Страница из черновых рукописей «Дневника писателя» за январь 1876 г. Публикуется впервые. Г. Б. Л. ф. 93. 1. 2, 10.

заботиться об его умственном развитии, облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок».[10]

В 1863 году, в статье «Необходимое объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов», Достоевский дает следующую характеристику одному из вождей противного лагеря. «Добролюбов был человек глубокоубежденный, проникнутый святою праведной мыслью и великий борец за правду».[11] «Критикуя некоторые его взгляды мы всегда признавали в нем талант и, кроме того, во многом соглашались с ним».[12]

В заметке о романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» Достоевский в высшей степени своеобразно характеризует писателя. Гюго для него «великий поэт и гражданин». Основная мысль творчества Гюго есть «основная мысль всего искусства 19 столетия... Это мысль христианская и высоконравственная... восстановление погибшего человека, задавленного несправедливым гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль — оправдание униженных и всеми отринутых парий общества... Кому не придет в голову, что Квазимодо есть олицетворение пригнетенного и презираемого средневекового народа французского, глухого и обезображенного, одаренного только страшной физической силой, но в котором просыпается, наконец, любовь и жажда справедливости, а вместе с ними и сознание своей правоты и еще непочатых бесконечных сил своих».[13] Достоевский отводит искусству служебную роль. Оно должно «восстановить погибшего человека», «оправдать униженных и всеми отринутых».

В журнале «Время» Достоевский публикует ряд статей о русской литературе, имеющих особое значение для выяснения его эстетических взглядов. Статьи писались во время горячих споров между реалистами и сторонниками теории «искусство для искусства».

На чьей же стороне был Достоевский? Как и в 40-е годы он резко критикует утилитарный подход к искусству, борется за свободу писателя, за свободу творчества, но в то же время не менее резко критикует стремление сторонников теории «искусство для искусства» оторвать литературу от жизни. Полемизируя с Добролюбовым, Достоевский пишет о вреде утилитарного подхода к искусству, потому что предвзятое мнение ведет к тенденциозности, нарушая гармонию формы и содержания. Слабое произведение «никогда и ни под каким видом не достигает своей цели; мало того: более вредит делу, чем приносит пользы».[14] Поэтому «Первое дело: не стеснять искусство разными целями, не предписывать ему законов, не сбивать его с толку, потому что у него и без того много подводных камней, много соблазнов и уклонений, неразлучных с исторической жизнью человека».[15] Говоря о красоте, Достоевский замечает: «Красота полезна, потому что она красота, потому что в человечестве — всегдашняя потребность красоты и высшего идеала».[16] «Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, — неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете».[17] «Красота вечна. Образ, созданный художником, становится кумиром без всяких условий». Достоевский полагает, что требование утилитаристов изображать жизнь такой, какой она есть — неверно, потому что человеку недоступна сущность вещей, а воспринимает он действительность так, как она отражается в его сознании. Но, с другой стороны, он возражает против ухода от жизни. Если неправы утилитаристы, требуя от искусства «прямой непосредственной пользы», то неправы и те писатели, которые игнорируют общественные нужды и творят под лозунгом «служенье муз не терпит суеты». «Нам потому иногда кажется, что искусство уклоняется от действительности, что действительно есть сумасшедшие поэты и прозаики, которые прерывают всякое сношение с дей-

ствительностью, действительно умирают для настоящего, обращаются в каких-то древних греков или средневековых рыцарей и прокисают в средневековых легендах. Такое превращение возможно, но поэт-художник, поступивший таким образом, есть сумасшедший вполне». [18] Исскуство связано с жизнью: «Начиная с начала мира до настоящего времени, искусство никогда не оставляло человека, всегда отвечало его потребностям и его идеалу, всегда помогало ему в отыскании этого идеала, — рождалось с человеком, развивалось рядом с его исторической жизнью». [19] Искусство оказывает определенное влияние на жизнь: «Искусство много может помочь иному делу своим содействием, потому что заключает в себе огромные средства и великие силы». [20] «Художественность есть самый лучший, самый убедительный, самый бесспорный и наиболее понятный для массы способ представления в образах именно того самого дела, о котором вы хлопочете». [21] «Искусство всегда современно и действительно, никогда не существовало иначе и, главное, не может иначе существовать». [22] «Искусства несовременного, не соответствующего современным потребностям и совсем быть не может. Если оно и есть, то оно не искусство». [23] «Наши поэты и художники действительно могут уклоняться с настоящего пути, или вследствие непонимания своих гражданских обязанностей, или вследствие неимения общественного чутья, или от разрозненности общественных интересов, от несозрелости, от непонимания действительности, от некоторых исторических причин, от не совсем еще сформировавшегося общества». [24]

Обращаясь к поздним статьям Достоевского, мы видим, что в 70-е годы его взгляды на литературу мало изменились. Заслуга всей русской литературы оказывается в том, что она преклонилась перед правдой народной. Пушкин велик тем, что у него «повсюду слышится вера в русский характер», его роман «Евгений Онегин» «осязательно-реальный, в нем воплощена настоящая русская

жизнь с такой творческой силой и с такой законченностью, какой и не бывало до Пушкина».[25] Сам Онегин — «дитя эпохи, это вся эпоха сознательно на себя взглянувшая». В «Онегине» Пушкин явился «великим народным писателем», «в Пушкине есть что-то сроднившееся с народом», «Пушкин любил народ». «У нас все ведь от Пушкина. Поворот его к народу в столь раннюю пору его деятельности до того беспримерен и удивителен, что объяснить его можно, если не чудом, то необычайною великостью гения».[26] В то же время Достоевский требует свободы для писателя и утверждает, что красота вечна.

Из приведенных цитат видно, что и в 70-е годы Достоевский не стал сторонником теории «искусство для искусства». Он полагал, что искусство должно быть тесно связано с жизнью, задачей искусства должно быть «не описание случайностей жизни, а общая их идея зорко угаданная и верно снятая со всего многоразличия жизненных явлений».[27] Здесь Достоевский выступает против натурализма. Писатель должен уметь типизировать и находить главное в жизненных явлениях. Творчество самого Достоевского было тесно связано с жизнью. Современная писателю критика хорошо поняла это. «От лиц Достоевского веет только правдой собственного сердца автора, его пламенеющей искренностью».[28] «По другим писателям можно изучать нормальную жизнь, по Достоевскому только ее психопатию... а главное, можно изучить самого автора, его идеалы, его собственные горести, борьбу и мечтания»,[29] — писал К. Леонтьев.

Скабичевский, говоря о противоречиях Достоевского, заметил, что в душе Достоевского «живут двойники, из которых один нападал на людей своего поколения, изображая их в безобразном виде, в каком не изображали их самые заклятые обличители, а другой гениальный писатель, которого следует поставить не только на одном ряду с перво-

степенными русскими художниками, но и в числе самых первейших гениев Европы нынешнего столетия».[30] П. Ткачев, осуждая Достоевского за «тенденциозное» изображение жизни, в то же время писал «сколько искренности, сколько любви и сколько фанатизма в его привязанности к народу, к России».[31] П. Никитин полагал, что значение Достоевского как художника «с чисто эстетической точки зрения, очень и очень невелико... У него нет объективности, всегда он что-нибудь да вложит от себя, что-нибудь приукрасит, преувеличит и исказит и его субъективно-пристрастное отношение к наблюдаемым явлениям переходит за пределы всякого благоразумия и приличия».[32] По мнению Никитина, талант Достоевского обладает «неблагодарной излишней отзывчивостью, но «с точки зрения общественного интереса произведения Достоевского представляют весьма благодарный и весьма обильный материл. В романах Достоевского затрагиваются обыкновенно такие психологические явления, которые играют весьма видную роль в жизни известных классов... и которые представляют любопытный материал для оценки общественного и умственного состояния этой среды, этих классов».[33] Хотя замечания Никитина односторонни и пристрастны, все же он правильно подметил социальное звучание произведений Достоевского. Творчество последнего всегда было тесно связано с действительностью. Мало того, Достоевский требовал от искусства не только изображения жизни, но и исправления ее. В статье «Единичный случай», описывая похороны доктора, который прожил всю свою жизнь для других. Достоевский замечает: «Я ужасно люблю реализм в искусстве». Дальше он пишет, что у многих современных писателей-реалистов нет «нравственного центра». Что же из себя представлял этот «нравственный центр»? Достоевский рекомендует художникам написать следующую картину. Доктор сидит у бедной еврейки во время родов. «Невозможная, смраднейшая нищета бедной еврейской хаты, на кривом столе догорает

оплывшая сальная свеча, окно обледенелое, сквозь него брезжит рассвет нового трудового дня для бедных людей». Нет пеленок и доктор снимает и разрывает свою рубаху, чтобы завернуть ребенка. «Бывает этакая бедность.., клянусь вам, бывает, чистейший реализм. Реализм, так сказать, доходящий до фантастичности», [34] — замечает Достоевский. Казалось бы, что такую картину можно назвать натуралистической, но против натурализма и восстает Достоевский. Он требует, чтобы в картине был «нравственный центр». Художник должен так расположить все предметы и даже переставить их, чтобы «этой забавной перетасовкой сразу оцарапать вам сердце». [35]

Следовательно, в основу произведения искусства должна быть положена определенная идея, а основой искусства является жизнь. Достоевский возражает против распространенного взгляда на однообразие действительности. Для него жизнь фантастичнее и богаче искусства. Действительность бывает невероятна. Самое пылкое воображение не может представить тех «невозможностей», которые действительность представляет каждый день «тысячами в виде самых обыкновенных вещей». Жизненные происшествия отличаются иногда такой исключительностью, что если романист попытается изобразить нечто подобное, то критик докажет ему, что он бредит и что подобных происшествий никогда не могло быть в жизни.

В статье «Два самоубийства» Достоевский передает свой разговор с Салтыковым-Щедриным, которого так же интересовала проблема о взаимоотношениях искусства с действительностью. Сатирик утверждал, что соревнование между жизнью и искусством всегда оканчивается поражением последнего: «Вот вы думаете, что достигли в произведении самого комического в известном явлении жизни, поймали самую уродливую его сторону — ничуть. Действительность тотчас же представит вам в этом же роде такой фазис, какой вы еще не предполагали, и превышающий все, что могло создать

ваше собственное воображение».[36] Это свойство действительности вызывало мысли о бесполезности искусства при таком видимом его бессилии. Если в каждом факте жизни заключается глубина «какой нет, может быть, у Шекспира» зачем же писать романы? Но тут возникал вопрос, кто может увидеть эти факты, взять из них типичное, отбросив исключительное? Оказывается на это способен только гениально-одаренный человек.

Рассматривая взаимоотношения формы и содержания, Достоевский приходит к выводу, что значение произведения зависит не только от формы, но и от содержания. Огромная популярность Ж.Занд объяснялась тем, что она появилась с новыми взглядами в то время, когда общество жаждало их. Значение Некрасова было в том, что он «заключил ряд поэтов, пришедших с новым словом». Достоевский полагает, что содержание важнее формы. В статье «Смерть Некрасова», он пишет, что Тютчев был «обширнее и художественнее Некрасова, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места, в литературе нашей, которое бесспорно останется за Некрасовым».[37] Но содержание не должно быть тенденциозным и натуралистическим. В заметке о картине Репина «Бурлаки», Достоевский отмечает, как достижение, то, что Репин не ставил своей целью проведение определенной тенденции за счет художественности. Поэтому впечатление от картины получилось более сильное и она в более резкой форме выразила мысль о тяжелом положении бурлаков. Достоевский требовал от искусства не фотографирования действительности, а нахождения «идеального». Слово «идеальное» писатель повторяет довольно часто. В статье: «По поводу выставки», он упрекает художников за то, что они «боятся идеального вроде нечистой силы», тогда как «идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность».[38]

Слово «идеальное» имеет у Достоевского осо-

бое значение, которое необходимо разъяснить. Он пишет о художнике портретисте, который, работая над портретом, старается найти «главную идею физиономии», потому, что «человек не всегда сам бывает на себя похож». Художник тут должен больше «доверяться своей идее, чем предстоящей действительности». Под «идеей» Достоевский подразумевал способность писателя улавливать своеобразное, характерное, следовательно типичное. «Идея», «идеальное», включает в себе так же и идеологический элемент. Писатель видит жизнь под определенным углом зрения, потому, что «мы видим действительность всегда почти так, как хотим ее видеть, как сами, предвзято, желаем растолковать ее себе. Если же подчас вдруг разберем, и в видимом увидим не то, что хотели видеть, а то что есть в самом деле, то прямо принимаем то, что увидели за чудо... и поверим скорее чуду и невозможности, чем действительности, чем истине, которую не желаем видеть».[39] Достоевский подчеркивает субъективность восприятия действительности художником. Материал, который берется из жизни, творчески перерабатывается писателем. Чем шире его ум, чем сильнее способность находить типичное, потому что жизненные происшествия, несмотря на весь их реализм, могут быть не типичными, а исключительными, тем художественнее будет произведение. Чем одареннее писатель, тем большей глубины в изображении жизни он добивается.

Рассматривая роман Толстого «Анна Каренина», Достоевский отметил способность Толстого понять и показать «вековечную жизненную правду», которая «есть правда жизненная, самая реальная и самая неминуемая, в которую надо верить».[40]

Способность находить и изображать эту «правду», т. е. показывать происхождение и развитие глубочайших психических переживаний человека в момент жизненных катастроф, составляла одну из важнейших черт творчества Достоевского. Он писал, что «для поэта могут быть и другие задачи, кроме бытовой стороны, есть общие, вечные и,

кажется, во веки неисследимые глубины духа и характера человеческого». [41]

Достоевский пытается проникнуть в область подсознательного, проследить за влиянием, которое оно оказывает на сознательную жизнь человека. Это не значило, как утверждал П. Никитин, что Достоевский был «не в состоянии создать целостного, всесторонне, гармонически развитого художественного характера, потому что все его герои... люди безумия, а от столкновения безумных людей ничего другого и произойти не может, кроме вещей диких, нелепых, безумных. Как в их внутреннем мире, так и в их жизни, все поражает нас своею странностью, беспорядочностью, несообразностью своей неожиданностью. События следуют одно за другим без всякой, повидимому, внутренней необходимости: элемент случайного является преобладающим элементом». [42] Никитин писал, что особенность таланта Достоевского состоит в том, что «он всегда склонен исключительное, анормальное, временное, переходящее, случайное, возводить в нечто постоянное, нормальное, преобладающее». [43] Приведенные цитаты показывают, что Никитин не понял своеобразие психологического реализма Достоевского и постарался объяснить особенности его творчества склонностью к «анормальному». Нельзя рассматривать действующих лиц романов Достоевского как ненормальных. В большинстве, они такие же люди, как и другие, но находятся во власти мощных страстей или идей. Подобные состояния могут быть в жизни каждого человека.

В области анализа подсознательного Достоевский достиг большой глубины. Во многом это было обусловлено его способностью не только понимать, но и переживать различные, часто противоположные, чувства. Еще К. Головин находил своеобразие творческого метода Достоевского в том, что тот «никогда не воплощает себя в одном из своих героев всецело. Каждому из них он попеременно сообщает искру собственного духа, поочередно за-

ставляя их говорить его словами... Натура его, как музыкальный инструмент, готова отозваться на каждое чувство, струн у него хватило бы на целую симфонию». [44]

Критика упрекала Достоевского за то, что он изображал «ненастоящую жизнь». Достоевский отвергал это обвинение, замечая, что в русском обществе после огромных потрясений, вызванных реформами 60-х годов, все находится в брожении, поэтому трудно изобразить что-либо законченное. В «Дневнике» за 1877 г. он писал, что русская литература отстает от жизни, в ней описан только уголок русской действительности. Кто же будет историком других сторон жизни? «В этом хаосе... нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, может быть, и шекспировских размеров художнику, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса? Главное как будто всем еще вовсе не до того, что это как бы еще рано для самых великих наших художников. У нас есть бесспорно жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающееся. Но есть необходимое, и жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах. Кто их подметил и кто их укажет? [45] Следовательно, задачей писателя, по мнению Достоевского, должно было быть изображение современной жизни. Достоевский пишет, что литература не откликается на события действительности: «Наши художники (как и всякая ординарность) начинают отчетливо замечать явления действительности... и обрабатывать данный тип в искусстве уже тогда, когда большею частью он проходит и исчезает». [46]

Свое творчество Достоевский подчинил указанным задачам. В романе «Братья Карамазовы» обсуждается проблема «случайного семейства», в основу «Подростка» положен процесс Долгушина, в «Бесах», отразился нечаевский процесс, в «Преступлении и наказании» критикуется теория «разумного эгоизма». В письмах Достоевский часто сообщает друзьям о целях, которые он преследует в своих произведениях. Критика отмечала как

тесно связаны романы Достоевского с действительностью. Так Авсеенко, рассматривая «Подросток» с эстетической точки зрения, нашел в нем «крайний натурализм и отсутствие художественности».

Как видно, эстетика Достоевского была неприемлема для Авсеенко. Психологический реализм Достоевского для него был «смрадной атмосферой подполья», а Достоевский, не обращая внимания на подобного рода критические статьи, стремился еще теснее связать литературу с жизнью. Особый интерес в этом отношении представляют его «фантастические рассказы». В них Достоевский пытался как бы соединить литературу с действительностью.

Все сказанное характеризует эстетические взгляды Достоевского и дает возможность сделать следующий вывод. Несмотря на противоречия, Достоевский в своем творчестве никогда не следовал принципам теории «искусство для искусства», считая, что искусство тесно связано с жизнью и зависит от последней, что писатель не должен быть бесстрастным наблюдателем, а проводить в своих произведениях определенные взгляды и идеи.

Социализм и религия

Перечисленные проблемы тесно связаны друг с другом. С социализмом Достоевский соединял католицизм. Он утверждал, что «римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение... и бывшее главной причиной материализма и атеизма Европы... естественно породило в Европе и социализм, который пытается разрешить судьбы человеческие без Христа».[47] Следовательно, без католицизма не было бы и социализма.

Теория Достоевского не отличалась убедительностью. Население мира состоит не только из православных и католиков. Количество одних только буддистов намного превосходит число тех и других вместе взятых, а кроме буддийской существуют и другие религии. Что же должно было случиться с народами нехристианскими? Если у них также

мог развиваться социализм, так причем же здесь католицизм? А если нет, так это не могло быть объяснено тем, что они православные. На эти вопросы Достоевский не мог дать ответа, но социализму, как одному из возможных путей развития человечества, в «Дневнике» уделяется много внимания. Достоевский различал две стадии в развитии социализма: первая — это социализм «теоретический», мечтательный, основанный на «нравственном принципе», т. е. тот самый социализм, которым он увлекался в молодости. Вторая стадия — социализм практический, прошедший через такие испытания, как Парижская коммуна, социализм атеистический, стремящийся установить новый строй жизни, устроить рай на земле без Христа. Против этого социализма Достоевский энергично боролся. Он полагал, что изменением одних экономических условий ничего нельзя достигнуть, потому что люди останутся все те же, а с «недоделанными» людьми нельзя ничего создать нового.

«Мне вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено». («Дневник» т. 9,340.)

Введение социалистической системы потребует массу жертв. «От будущего своего человека они слишком много требуют пожертвований как от личности, устроить так человека можно только страшным насилием и поставив над ним страшное шпионство и беспрерывный контроль самой деспотической власти». («Дневник» т. 11, 67-68.) Достоевский был уверен, что при социализме не будет свободы личности, будет ликвидирована частная собственность и разрушена семья. Пролетарий идет за руководителями и «организуется в битву, единственно потому, что прельщен обещанным грабежом и взволнован перспективою разрушения и битвы». Приход социализма в Европе неизбежен. «В Европе был феодализм и были рыцари. Но в

тысячу слишком лет усилилась буржуазия и наконец задала повсеместную битву, разбила и согнала рыцарей и — стала сама на их место... Но став на место своих прежних господ и завладев собственностью буржуазия совершенно обошла народ, пролетария, и, не признав его за брата, обратила его в рабочую силу, для своего благосостояния, из — за куска хлеба». («Дневник» т. 11, 66.) Выходило, что буржуазия была ответственна за развитие социализма на Западе. Что же должно было случиться с Россией? Достоевский советовал «насаждать другие убеждения», настоящая свобода лишь в одолении себя и воли своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтобы всегда, во всякий момент, быть самому себе настоящим хозяином». Все это звучало слабо и мало убедительно. Отрицая социализм, Достоевский без социализма обойтись не мог. В последнем выпуске «Дневника» в январе 1881 года он пишет: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь, в конце концов, всесветлым единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!» («Дневник» т. 11, 522.)

Достоевский относился весьма скептически к научному обоснованию возможности построения нового строя, полагая, что наука настолько еще несовершенна и слаба, что трудно допустить, чтобы она могла установить новые законы общественного развития. Человек не имеет инстинктов, свойственных насекомым, поэтому он не может создать безошибочно «нечто вроде человеческого муравейника». Отвергнув формулу данную Богом: «Возлюби ближнего как самого себя», люди приходят ко второй возможности разрешения вопроса, т. е. организации будущего строя ценою огромных жертв. Следовательно, только православие могло указать правильный путь человечеству.

Невольно возникает вопрос, чем же было православие для Достоевского? Не смотрел ли он на православие, как на средство связи русских с дру-

гими славянскими племенами? Не полагал ли он, что православие ценно потому, что избавляет Россию от западного пути развития? И, в конце концев, был ли сам Достоевский верующим человеком? По этим вопросам нет единства мнений среди исследователей жизни и творчества писателя. Посмотрим, что говорит об этом сам Достоевский. В известном письме к Фонвизиной от 20 февраля 1854 г., он пишет: «Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой доски. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем больше во мне доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен». [48]

Достоевский сообщает, что в такие минуты он сложил себе символ веры, который очень прост: нет ничего «прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа. Если бы мне доказали, что Христос вне истины, и д е й с т в и т е л ь н о было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться с Христом, нежели с истиной». [49] Кажется, что последнее замечание говорит о фанатичной вере, но это не совсем так, необходимо учесть оговорку, что так Достоевский верит только в особые минуты.

Насколько глубока была вера Достоевского? В юности он был религиозен. Из книг в его душе укоренились два-три эмоционально сильных впечатления. Так, например, его поразила личность Христа и история о многострадальном Иове, но нельзя, основываясь на этом, сказать, что вера Достоевского в юности была очень глубокой. Так в письме к брату от 30 сентября 1844 г., характеризуя своего опекуна, Достоевский в невероятно грубом словосочетании упоминает о вере в Бога. Причем он пишет об этом не в припадке гнева, а так между прочим, но это не значит, что Достоевский был атеист. В «Дневнике» он упоминает, что еще Белинский заметил его любовь к Христу. Здесь характерно то, что упоминается Христос, а не религия. Следова-

тельно, у нас нет свидетельств, подтверждающих особую религиозность Достоевского в юности, а вера Достоевского после каторги вызывала сомнение у таких представителей христианства, как К. Леонтьев и Д. Мережковский. Леонтьев не признавал православие Достоевского христианским и, повидимому, сомневался в его религиозности. После выхода в свет романа «Братья Карамазовы», Леонтьев писал: «У нас истинно православных художественных произведений вовсе нет. Считать православным романом «Братьев Карамазовых» могут только те, которые мало знакомы с истинным православием, с христианством св. отцов и старцев афонских и оптинских». [50] По мнению Леонтьева, выходило, что Достоевский, живший продолжительное время в Оптинской обители и изучавший жизнь монахов и старцев, был «мало знаком с истинным православием». Леонтьев утверждал, что даже творчество Золя ближе к «духу истинного монашества, чем поверхностное и сентиментальное сочинительство Достоевского в «Братьях Карамазовых». Достоевский по своей лирической субъективной натуре вообразил, что он представляет нам реальное православие и русское монашество... тогда как, в самом деле, для Достоевского его мечты о небесном Иерусалиме на этой земле были дороже, как жизненной правды, так и истинных церковных нравов». [51]

Леонтьев подметил противоречивость Достоевского. Не Иван Карамазов отвергал билет на вход в рай, а сам автор, которого больше беспокоит вопрос об устройстве рая на земле, чем рай на небе. Достоевский относится с большим равнодушием к судьбе человека после смерти, и стремится только верить в бессмертие души. Леонтьев критикует непоследовательность Достоевского. В статье о «Всемирной любви», анализируя «Пушкинскую речь» Достоевского, он заявляет, что Достоевский борется за какую-то счастливую жизнь для всего человечества, забывая о неизбежном пришествии Антихриста и о том, что «Христос пророчествовал

не гармонию всеобщую, не всеобщий мир, а всеобщее разрушение... пророчество всеобщего примирения людей во Христе не есть православное пророчество, а какое-то общегуманитарное. Церковь этого мира не обещает». [52]

Достоевский мечтал о свободе и равенстве, а Леонтьев заявлял, что и на «небе нет и не будет равенства ни в наградах, ни в наказаниях — и на земле всеобщая равноправная свобода есть ничто иное, как уготовление пути антихристу». [53] С точки зрения Леонтьева, хотя Достоевский и исполнял церковные обряды, т. е. «говел и причащался», это еще не доказывало, что он «чувствовал и думал о вере совершенно правильно».

Более критически к вере Достоевского относится Д. Мережковский, который в своей известной книге «Толстой и Достоевский», заявил, что религиозное сознание Достоевского «смешивало две полярно противоположные мысли и плутало между двумя Христами, которые оба были неистинными». Мережковский говорит, что «религиозная мысль Достоевского блуждает, теряется в страшной путанице, в безысходных противоречиях». [54] Он подозревает, что Великий Инквизитор есть двойник Достоевского, «пополам с которым он и расколол образ единого православного Христа». Мережковскому, не без основания, кажется, что Достоевский может оказаться «опаснейшим еретиком и отступником от православной церкви, намного опаснее и мятежнее Л. Толстого и Ницше». Мережковский подозревает, что Достоевский не верит в чудо и называет его православие «частным, личным, не историческим, не народным, без веры в чудесное».

В конце длительного анализа Мережковский приходит к выводу, что разъяснить свои религиозные взгляды Достоевский до конца жизни не мог, потому что «слишком боялся, как бы не пришлось и ему сказать в тайне совести своей, подобно Шатову: «Я верую в Россию, я верую в ее православие, а в Бога.., в Бога я буду веровать». [55]

Пламенный поклонник Достоевского В. Роза-

нов, довольно резко заметил, что «лепет Достоевского о каком-то им открываемом «подлинном христианстве», «чистом православии», — как будто в тысячу лет оно не выразило и не определило себя — есть в сущности реакция к старому и «славному» славянству, немножко распущенному, стихийному, доброму». [56] «Достоевский говорит, что для веры в Бога надо иметь почву под собою, почву нации, семьи, отечества. Для веры в какого Бога? В «Велеса» — конечно. А для христианина христианство вне-земно, вне-отечественно, вне-семейно». [57]

Достоевского совершенно не утешает мысль, что пострадавшие на земле получат награду на небе. Он восстает против оправдания страдания детей какими бы то ни было причинами. Розанов в своей книге «Легенда о Великом Инквизиторе» пишет, что «беспорочность детей и, следовательно, невинность их есть явление только кажущееся: в них уже скрыта порочность отцов их, и с нею их виновность». [58] По мнению Розанова, Достоевский только потому так резко и бескомпромиссно выступал против страдания детей, что возможность такого объяснения, т. е. страдание детей, как расплата за грехи отцов, не приходила ему в голову. Едва ли можно согласиться с этим мнением. Мысль об ответственности детей за грехи отцов не является открытием Розанова. Она была положена в основу романа Гофмана «Элексир дьявола», который был хорошо известен Достоевскому, но все же он не изменил своего отношения к проблеме.

Н. Лосский посвятил религиозным взглядам Достоевского специальную книгу: «Достоевский и его христианское мировоззрение», в ней большое внимание уделено идейным исканиям Достоевского, но выводы о религиозных взглядах Достоевского отличаются расплывчатостью. Как, например, понять замечание о том, что «за исключением краткого периода влияния Белинского, религиозность Достоевского всегда была, как в детстве, конкретной и никогда не падала на степень абстрактного протестантского спиритуализма». [59] Неясно в чем выражалась «конкретность» религиозности Досто-

евского? Непонятно причем здесь «абстрактный протестантский спиритуализм»? Утверждение автора о том, что православие Достоевского связано с любовью к русскому народу, мало что дает для разъяснения религиозности Достоевского. Тем более, что дальше Лосский признает, что «философски выработанной теодицеи у Достоевского не было и многие проблемы остались у него не разрешенными до конца жизни». [60]

Таким образом, вопрос о религиозности Достоевского нельзя считать выясненным. Обращаясь к свидетельствам самого писателя, можно думать, что сомнения в существовании Бога мучили его всю жизнь. В письме к А. Майкову от 25 марта 1870 г., сообщая о замысле романа «Житие великого грешника», он пишет: «Главный вопрос, который проводится во всех частях — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь — это существование Божие». [61]

В своей записной книжке Достоевский замечал, что его «дразнили необразованною и ретроградною верою в Бога», но что «этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в Инквизиторе... Не как дурак же (фанатик) я верую в Бога... их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое перешел я». [62] «И в Европе такой силы атеистических возражений нет и не было. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнения моя осанна прошла». [63]

Итак, Достоевский прошел через большие сомнения, он отрицал Бога, но потом уверовал. Когда же все это было? Достоевский ссылается на эпоху работы над романом «Братья Карамазовы», который был начат в 1878 г. и кончен в 1880 г. Как видно, сомнения мучили писателя буквально всю жизнь.

За пять месяцев до смерти в августовском номере «Дневника» Достоевский, говоря о христианстве русского народа, замечает, что русский народ во время вековых своих страданий навеки принял Христа в свою душу, а сам писатель «принял вновь

от народа Христа, которого узнал в родительском доме еще ребенком и которого утратил было, когда преобразился, в свою очередь, в «европейского либерала». В обоих случаях речь идет не о христианстве, а о Христе, образ которого, как отмечалось, запечатлелся в памяти Достоевского с детства. В «Дневнике» за 1876 год, характеризуя веру русского народа, писатель смешивает понятие «христианство» с «крестьянством». По его определению, православие не одна только церковь, это «живое чувство». Он утверждает, что «в русском христианстве, по-настоящему и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ».[64]

Все эти определения, с канонической точки зрения, едва ли верны. Утверждение, что церковь существует в русском народе и, что русский народ образует церковь, что и составляет «наш русский социализм»,[65] — слишком вольно. В статье «Дневника» «Первый корень» Достоевский буквально накануне смерти доказывает, что цель церкви или русского социализма: «всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на земле», а «наш русский социализм есть всеобщее единение во имя Христово». Читая эти строки, становится понятным, почему Достоевский за два дня до смерти так беспокоился, что цензура не пропустит январский номер «Дневника». В нем шла речь об основании новой «крестьянской» религии с братским единением всех людей и с устройством рая на земле. В заключение можно сказать, что Мережковский вполне справедливо отметил желание Достоевского верить в Бога при отсутствии этой веры.

Россия и русские

Россия и русским в «Дневнике» уделено особое внимание. Это объясняется следующими причинами: русская действительность была основой всего творчества Достоевского и только русский народ, по его мнению, мог выполнить великую задачу объединения всего человечества.

Интересные замечания о значении русской действительности для творчества Достоевского имеются в его письмах.

Двадцать восьмого августа 1876 года он сообщает А. Майкову, что попал на чужую сторону, где нет русских людей, русских книг, русских мыслей. «Жизнь без родины — страданье... мне Россия нужна для моего писанья и труда нужна, (не говорю уж об остальной жизни), да и как еще! Точно рыба без воды, сил и средств лишаешься». [66]

«Мне непременно надобно воротиться в Россию, здесь же я потеряю возможность даже писать, не имея под руками всегдашнего и необходимого материала для письма, т. е. русской действительности, дающей мысли и русских людей», [67] — пишет он С. Ивановой.

«Нет русской жизни, нет впечатлений русских кругом, а для работы моей это всегда было необходимо», — пишет Достоевский А. Майкову. «Здесь я тупею и ограничиваюсь, от России отстаю. Русского воздуха нет и людей нет. Я не понимаю, наконец, совсем русских эмигрантов. Это сумасшедшие». [68]

В декабрьском номере «Дневника» за 1877 год в статье, посвященной Некрасову, рассматривая вопрос об идейной основе всего творчества последнего, Достоевский заметил, что «поэт не мог найти то, перед чем бы он мог преклониться среди людей его круга. Он отталкивался от них и шел к обиженным и оскорбленным, терпящим и простодушным. В любви к народу он находил незыблемый и святой исход всему, что его мучило. Любовь к народу была как бы исходом его собственной скорби по самом себе». [69]

Все сказанное о Некрасове можно считать исповедью Достоевского. Он сам не нашел пред чем бы мог преклониться среди окружавших его людей. Видел моральное разложение дворянства, понимал слабость интеллигенции и, в этих условиях, все свои надежды и упования возлагал на народ, который был для него оздоровляющим началом и в личном плане. Без веры в народ навряд смог бы Достоев-

ский сохранить силы для создания своих произведений и выйти невредимым из страшного мира своих «двойников». Самоанализ, стремление вскрыть взаимоотношение между сознательным и подсознательным, огромная глубина изображения внутреннего мира людей, идущих в неизвестное и обреченных на гибель, тяжело действовали на психику Достоевского. Современная писателю критика чутко подметила это. Н. Михайловский в статье: «Жестокий талант» обвинял Достоевского в том, что он сознательно мучил читателей, но Михайловский, не учел, что при этом Достоевский мучился и сам, чувствуя себя больным писателем больного поколения. Выходом из тупика был народ. Только в нем находил Достоевский то, о чем он мечтал: отсутствие дуализма, твердую веру, ясный взгляд на жизнь, смелость, силу и отвагу дерзания.

Что же представлял из себя этот народ? К отличительным чертам характера русского народа Достоевский относит, с одной стороны, развитие государственного начала до деспотизма, с другой — крайнее свободолюбие до анархии и бунта. Русский народ отличается прирожденной религиозностью и, хотя плохо знает евангелие, но он носит Христа в своем сердце: «Христос — есть, может быть, единственная любовь русского народа, и он любит его до страдания». В судьбах настоящих и будущих православного христианства «заключена вся идея народа русского, в его служении Христу и жажде подвига за Христа». По мнению Достоевского, Россия для того лишь и существует, чтобы служить Христу и защищать от неверных мировое православие.

Приведенные замечания бездоказательны и спорны. Представители каждой религии утверждают, что только их религия истинная. Да к тому же, сама мысль о «неверных» расплывчата. Религиозные взгляды Достоевского вызывали ожесточенную критику. К. Леонтьев писал, что утверждение Достоевского о том, что «в русском христианстве есть только одно человеколюбие, один Христов образ, противоречит истинному православию».

Между теоретическими высказываниями Достоевского о народе и практическим показом жизни народа было расхождение. Часто настоящее положение народа изображалось в «Дневнике» в безотрадных красках. Грязь, грубость, эгоизм, унижение слабых, ругательства, бедность, пороки, — все это искажало образ «народа-богоносца». Достоевский объяснял неприглядные явления историческими причинами. В «Дневнике» за 1876 г. в статье «О любви к народу» он пишет, что во время своей исторической жизни народ был «развращаем и мучим». «Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи брильянты».[70]

«Крепостники плюют на народ со всей откровенностью... они сыплют на него удивительные обвинения: связанного двести лет сряду дразнят пассивностью; бедностью, с которого драли оброк, обвиняют в нечистоплотности, ненаученного ничему обвиняют в ненаученности, а битого палками — в грубости нравов».[71]

Ненавистная Достоевскому теория об экономических причинах, изгоняемая им в дверь, влезала в окно. Для того, чтобы русский народ мог освободиться от «тины веков» нужно было изменить существующие условия его жизни: улучшить его положение и дать образование. «Грамотность прежде всего, грамотность и образование усиленные, — вот единственное спасение, единственный передовой шаг».[72] Правда, цитируемые строки были написаны в 1861 году, но взгляды Достоевского по этому вопросу не изменились. В «Дневнике» за 1876 г. он пишет, что «никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу жить и мыслить иначе как с верой, что все наши 90 миллионов русских (или там сколько их народится) будут все когда-нибудь образованы, очеловечены и счастли-

вы. Я знаю и твердо верую, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может. Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, чем где бы то ни было». [73]

Достоевский начал издавать «Дневник писателя» в 1873 году, т. е. через двенадцать лет после отмены крепостного права. В памяти у всех еще были живы «прошедшего житья подлейшие черты». Крепостное право наложило страшный отпечаток на характер русского человека и способствовало развитию отрицательных черт у русского народа.

После освобождения крестьян русские писатели особое внимание обращают на народ, так как будущее было за ним, но что это был за народ? Не являются ли русские печальным исключением среди человечества, как думал Чаадаев? Не принадлежат ли русские к второстепенным народам? Что предназначено судьбой совершить русскому человеку? Вопросов было много. Сомнения иногда одолевали даже такого патриота, каким был Достоевский. Раздумывая над страшными по своей дикости случаями из русской жизни он заметил: «в эти злые минуты мне представлялась иногда Россия какой-то трясиной, болотом, на котором кто-то затеял построить дворец. Снаружи почва как бы и твердая, гладкая, а между тем это нечто в роде поверхности какого-нибудь горохового киселя, ступите и так и скользнете вниз, в самую бездну». [74]

Достоевский хорошо знал отрицательные черты русского народа. Писатель видел этот народ на каторге. Каторга была пробным камнем. Достоевский видел все худшее и должен был или принять или отвергнуть своих клейменных товарищей. Достоевский принял их раз и навсегда. «Да, великий народ наш был взращен как зверь, претерпел мучения еще с самого начала своего, за всю свою тысячу лет, такие, каких ни один народ в мире не вытерпел бы, разложился бы и уничтожился, а наш народ только окреп и сплотился в этих мучениях. Не корите же его за «зверство и невежество», господа мудрецы, потому что вы, именно вы-то для

него ничего и не сделали». [75] «Да, зверства в народе много, но не указывайте на него. Это зверство — тина веков, она вычистится». [76]

Достоевский смотрел на народ с исторической точки зрения. Он понимал происхождение его пороков и недостатков, но видел и достоинства. «Чтобы судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно, и даже хотя бы и в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от обстоятельств, предшествовавших и переходящих, от рабства, от векового гнета, от загрубелости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом». [77]

Достоевский увидел и оценил великодушие народа, способность к самопожертвованию, доброту, отзывчивость и стремление быть лучше. «Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому чем желал бы стать. А идеалы его сильны и светлы, и они то и спасали его в века мучений, они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном, гармоническом соединении. А если при том и так много грязи, то русский человек и тоскует от нее всего более сам, и верит, что все это — лишь наносное и временное, навождение дьявольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет». [78]

Мы рассматриваем взгляды Достоевского на русских. Если даже допустить, что Достоевский многое преувеличивал, приписывал русским те цели и задачи, которые они перед собой не ставили, и те качества, которых они не имели, все же основываясь на его высказываниях, мы можем понять, чем жил, о чем мечтал и к чему стремился сам Достоевский. Но мы совершенно не думаем утверж-

дать, что Достоевский во всем ошибался. Он увлекался, но в основном был прав. Достоевский твердо верил в будущее России. «Мы, русские — народ молодой; мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет, но большому кораблю большое и плавание». [79]

Можно сказать, что взгляды Достоевского на Россию и русских не менялись. В журнале «Время» в 1861 году он писал: «Да, мы веруем, что русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества. Характер русского народа до того не похож на характеры всех современных европейских народов, что европейцы до сих пор не понимают его и понимают в нем все обратно». [80]

«Если есть на свете страна, которая была бы для других отдаленных и сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех других стран непонятою и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих... Для Европы Россия — одна из загадок Сфинкса. Скорее изобретется «перпетуум мобиле» или жизненный элексир, чем постигнется Западом русская истина, русский дух, характер, и его направление... Кое-что, впрочем, о нас знают. Знают, например, что Россия лежит под такими-то градусами, изобилует тем-то и тем-то и что в ней есть такие места, где ездят на собаках. Знают, что кроме собак в России есть и люди, очень странные, на всех похожие и в то же время как будто ни на кого не похожие, как будто европейцы, а между тем как будто и варвары. Знают, что народ наш довольно смышленый, но не имеет гения, очень красив, живет в деревянных избах, но не способен к высшему развитию по причине морозов. Знают, что в России есть армия и даже очень большая, но полагают, что русский солдат — совершенная механика, сделан из дерева, ходит на пружинах, не мыслит и не чувствует и поэтому довольно стоек в сражениях». [81]

Достоевский начал борьбу за «национальную независимость» русского человека еще в шестиде-

сятые годы. Уже в то время были широко распространены теории об азиатском происхождении русских, о неполноценности славянской расы вообще. Это были не невинные упражнения разных ненавистников славянства и русских, а определенные попытки дискредитации. Все это нашло свое завершение в теории «унтерменшей» и в оправдании необходимости уничтожения миллионов славян.

В «Дневнике» Достоевский продолжал борьбу за признание русского народа, за самобытность России, за национальные достоинства русского человека. По мнению Достоевского, русский человек не имел той угловатости и замкнутости, которой отличался западный человек. Русский может понять все, он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы.

На основании приведенных цитат, кажется, что Достоевский был просто русский националист, но это не так. Он не хотел унижения Европы, но резко протестовал против стремления европейцев унизить русских. Величие Достоевского мыслителя в том, что он, несмотря на противоречия, около ста лет тому назад понял, что так жить, как жили нельзя, что нужно перестроить жизнь и отношения между государствами на новых началах. Он выдвинул замечательную идею «единения всечеловеческого» как единственную возможность разрешения мировых противоречий. А русские, по его мнению, должны были выступить поборниками этой идеи. «Величайшее из величайших назначений, уже сознанных русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству». [82]

«На Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы». [83]

«Великая наша Россия, во главе объединенных

славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уж в соединение всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западно-европейской цивилизации». [84]

Достоевский пытался найти выход из тупика для всего человечества. Может быть, Достоевский был утопистом и мечтателем, но его идея «всечеловеческого единения» смотрит вглубь веков.

Любовь писателя к русскому народу во многом объясняется тем, что он считал русский народ наименее националистическим, а поэтому наиболее способным послужить человечеству. Национализм Достоевского был интернационален. Писатель думал не о завоеваниях, захватах колоний и эксплуатации других народов, а о всемирном объединении всего человечества. Эта идея была ведущей. Часто в «Дневнике» мы находим рассуждения на эту тему. «Мы непременно произнесем в Европе такое слово, которого там еще не слыхали. Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе никто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием в чем именно эта свобода и заключается, — единение любви, гарантированное уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов». [85]

Достоевский был гражданин мира. Он не за-

мыкался в национальной ограниченности «нам от Европы, — писал он, — никак нельзя отказываться. Европа нам второе отечество, — я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти также всем дорога, как Россия; в ней все Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени; и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама». [86] «Для настоящего русского Европа и удел всего великого Арийского племени так же дорога, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей». [87]

Достоевский, вопреки славянофилам, осуждает древнюю Россию за то, что она была замкнута и изолирована, следовательно, неправа. Нации должны жить не только для себя, но и для человечества.

Идея Достоевского о великом всемирном братском единении людей, является ведущей идеей всей его творческой деятельности. Нельзя не признать ее величия, но характеризуя русских, писатель допустил преувеличения. Трудно согласиться с тем, что только русские из всех народов «полны христианской высочайшей мысли, которую не понимает Европа с ее дохлым католицизмом и глупо противоречащим самому себе лютеранством», [88] — и что только русские обладают истинным Христом.

Большое внимание уделял Достоевский славянским народам и их взаимоотношениям с Россией. В сложной обстановке семидесятых годов, крупные державы стремились к порабощению слабых национальностей. Славянским племенам угрожала опасность ассимиляции. Угроза была реальной, достаточно вспомнить, что случилось со славянскими племенами в Германии, где только название местностей напоминает о том, что когда-то здесь жили славяне. Спасти славян от угнетения, рабства и ассимиляции могла только Россия, которая, вступая в кровопролитные и тяжелые войны,

часто спасала славян от полного уничтожения. Достоевский правильно указал на значение России для славян. «Без единящего огромного своего центра России — не бывать славянскому согласию, да и не сохраниться без России славянам, исчезнуть славянам с лица земли вовсе». [89]

«Россия всегда будет сознавать, что центр славянского единства — это она, что если живут славяне свободною национальною жизнью; то потому, что этого захотела она, что совершила и создала все она». [90]

Россия должна защищать славян, не считаясь ни с чем. «Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливость. Не может Россия изменить высокой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян, но всеединение это — не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству», [91] — потому что — «всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского». [92]

Что же представлял из себя русский человек по Достоевскому? Как ведущую черту его характера, Достоевский указал полярность. «Это — потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и, — в частных случаях, но весьма нередких, — броситься в нее, как ошалелому, вниз головой. Это потребность отрицания в человеке, иногда самом неотрицающем и благоговеющем, отрицание всего, самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего ... Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть — тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать все, отречься от всего: от семьи, обычая, Бога ... Но зато с такой же силой, с такой же стремительностью, с такой же жаждой самосохранения и по-

каяния русский человек, равно как и весь народ, и спасет себя сам и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, т. е. когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва, — порыва отрицания и саморазрушения».[93] Русские могут увлекаться идеей до полного самозабвения и даже до самопожертвования. Они обладают способностью понимать все национальности. Русский человек может критически относиться к себе. Он видит свои недостатки и ему чуждо самодовольство. Основной духовной чертой русского человека Достоевский считает потребность страдания.

Замечательную характеристику полярности русского человека Достоевский дает в очерке «Влас». Мы остановимся на анализе композиции этого очерка потом, а пока рассмотрим его содержание. Один мужик приполз на коленях к схимнику и рассказал ему о своем страшном грехе. Собрались как-то в деревне молодые парни и заспорили о том «кто кого дерзостнее сделает». Один заявил, что он сделает «дерзостнее» всех. Другой парень заставил его поклясться спасением души, что он выполнит все, что тот ему прикажет. Парень поклялся, и вот началось страшное состязание. По указанию своего мучителя парень должен был говеть, причащаться, но причастие он не съел, а сохранил. Мучитель приказал ему выйти в огород, положить причастие на шест, зарядить ружье и выстрелить в причастие. Первый проделал все, что приказал второй, но когда он прицелился и хотел спустить курок, то ему показалось, что он видит крест с распятым Христом. Парень упал без чувств и вот через несколько лет он пришел к схимнику на покаяние.

В этом страшном соревновании особо ярко выразилась полярность, присущая русскому народу. Бессмысленное состязание разрушило жизнь молодого человека. Клятва обязывала его совершить

любое преступление, и он выполнил бы все для бессмысленной цели. Здесь отразилась способность русского человека проводить в жизнь свои решения, не считаясь ни с чем и ни с кем, даже с собой, ставить на карту все, даже собственную жизнь.

Достоевский увидел и оценил эту страшную способность русского народа, способность совершать любые подвиги и любые преступления. «Я того мнения, — писал Достоевский, — что ведь последнее слово скажут они же, вот эти самые разные «Власы», кающиеся и некающиеся; они скажут и укажут нам новую дорогу и новый исход из всех, казалось бы, безысходных затруднений наших. Не Петербург же разрешит окончательно судьбу русскую. А потому всякая даже малейшая н о в а я черта об этих, теперь уже «новых людях», может быть, достойна внимания».[94]

Достоевский не идеализировал русский народ. Жестокость вообще присуща человеку. Если он не борется с собой, не идет вперед к высоким идеалам, то отрицательные черты его характера получают полное развитие. Но есть люди-звери, которые упиваются и наслаждаются чужими страданиями. Такие были и среди русского народа. Достоевский описывает такой случай. От зверских побоев мужа повесилась на глазах десятилетней дочери мать. Долгие годы этот мужик бил и калечил жену. Издевался над нею хуже, чем над собакой. Свидетели показали, что он вообще был очень жестокий человек. «Поймает курицу и повесит ее за ноги, вниз головой, так для удовольствия». Жену он бил чем попало: веревками, палками, зажимал ей ноги между досок и бил, подвешивал за ноги, и все это на глазах у дочери. Этот зверь наслаждался мучениями бедной женщины.

Как видно, есть люди особой категории: это мучители и палачи. Достоевский требовал суровых наказаний для подобных типов. Но и обычный человек под влиянием привычки может превратиться в зверя. Человеком нельзя просто быть, а нужно

«выделаться в человека». Нельзя все сваливать на «среду». Жизнь есть борьба не только со средой, но и с самим собой.

Как же смотрел Достоевский на человека? Если считать человека злым и жестоким по природе, то никакие реформы не смогут уничтожить общественные несправедливости и не сделают человека лучше. Выход один: каждый должен стараться исправить себя, а когда все будут хорошими, то не нужно будет никаких реформ. Этот взгляд был довольно распространен, но Достоевский не был его последователем и сторонником. У него были колебания и сомнения, но он не считал человека злым по природе. Следовательно, чтобы сделать человека лучше, нужно изменить те общественные условия, которые уродуют его. Но, как уже отмечалось, Достоевский думал, что нельзя все сваливать на общественные условия. Человек, при желании, много может сделать и сам. Не все люди при тех же самых обстоятельствах совершают те же самые поступки. Один совершает преступление, а другой предпочитает лучше погибнуть сам, чем убить кого-нибудь. О значении моральных устоев и воли человека в борьбе со злом и говорит Достоевский.

Лучшие люди

В «Дневнике» Достоевский показал не только отрицательные типы, но и лучших людей России, которые, по его мнению, должны были вести нацию. «О, если б все-то народы, даже самые высшие и интеллигентные в Европе, знали твердо и согласно условились, кого считать своими настоящими лучшими людьми, — тот ли вид имела бы Европа и европейское человечество»? [95]

«Лучшие люди, — эта тема стоит того, чтоб сказать о ней несколько слов. Это те люди, без которых не живет и не стоит никакое общество и

никакая нация».[96] «Всякому обществу, чтобы держаться и жить, надо кого-нибудь и что-нибудь уважать непременно, и главное, всем обществом».[97]

Отличительной чертой лучших людей является способность жить и работать не только для себя, но и для других, для блага своего народа и если нужно, то погибнуть за свой народ. Так было и так продолжалось до освобождения крестьян. После освобождения «находила новая гроза, наступала новая беда, — золотой мешок». Влияние денег принимало ужасные размеры. Деньги распоряжались судьбой человеческой. Владелец миллионов, купец, становился всем, хотя сам он был ничтожным человеком и «молился своему миллиону как Богу: миллион был в глазах его все, миллион вытащил его из ничтожества, дал ему все значение. В грубой душе этого «развращенного мужика» никогда не могло зародиться ни одной мысли и ни одного чувства, которые хотя бы на мгновение возвысили его в сознании над собственным миллионом».[98]

И вот подобные люди захватывали власть над обществом, пытались подчинить себе все, встать на место лучших людей. Достоевский ненавидел капитализм, который оказывал развращающее влияние на русский народ. Он ненавидел купцов-миллионеров и не находил у них ни одной положительной черты. Эти люди верили только в деньги. «Деньгами все куплю, всякую почесть, всякую доблесть, всякого подкуплю и от всего откуплюсь»,[99] как бы говорили они. Их влияние на общество было отрицательным. Старые идеалы разбились, а новые идеалы «золотого мешка» были отвратительны. Что мог противопоставить русский народ развращающему влиянию капитализма? «Свою нужду, свои лохмотья, свои подати и неурожаи, свои пороки, сивуху, порку? Мы боялись, что он сразу падет перед вырастающим в силе золотым мешком, и что не пройдет поколения, как закрепоститься ему весьма хуже прежнего».[100]

Казалось, что лучшие люди исчезли среди народа, но это только казалось. Началась борьба за

освобождение болгар от турецкого гнета, и лучшие люди появились. Кто же были они? «Лучший человек» из народа «это тот, который не преклоняется перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело Божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей, бросая дом и семью, и жертвуя жизнью». [101]

По мнению Достоевского, лучшие люди сохранились только среди народа. Вот их представители: 21 ноября 1875 года в Маргелане был замучен кипчаками захваченный в плен унтер-офицер 2-го Туркестанского стрелкового батальона Фома Данилов. Сам хан предлагал Данилову помилование и всякие награды, если он согласится переменить веру и перейти на службу к кипчакам, Данилов отказался и был зверски замучен, удивив своей стойкостью и смелостью мучителей. Достоевский с негодованием отмечает равнодушное отношение русского правительства к проявлению такого беспримерного героизма. «Случись подобный факт в Европе, т. е. подобный факт проявления высокого духа у англичан, у французов, у немцев, и они наверно прокричали бы о нем на весь мир. Нет, послушайте, господа, знаете ли как мне представляется этот темный безвестный Туркестанского батальона солдат? Да ведь это так сказать — эмблема России, всей России, всей нашей народной России, подлинный образ ее, вот той самой России, в которой циники и премудрые наши отрицают теперь великий дух и всякую возможность подъема и проявления великой мысли и великого чувства». [102] У Данилова Достоевский увидел проявление той же страшной силы повелевать собой, жертвовать собой за свою идею.

Типы «лучших людей» были разнообразны. К ним принадлежал и старый доктор, о котором Достоевский рассказывает в главе третьей «Дневника» за 1877 год. Этот доктор 58 лет бескорыстно и самоотверженно помогал всем бедным людям различных национальностей небольшого города. Когда он умер, то его было не на что похоронить, но зато

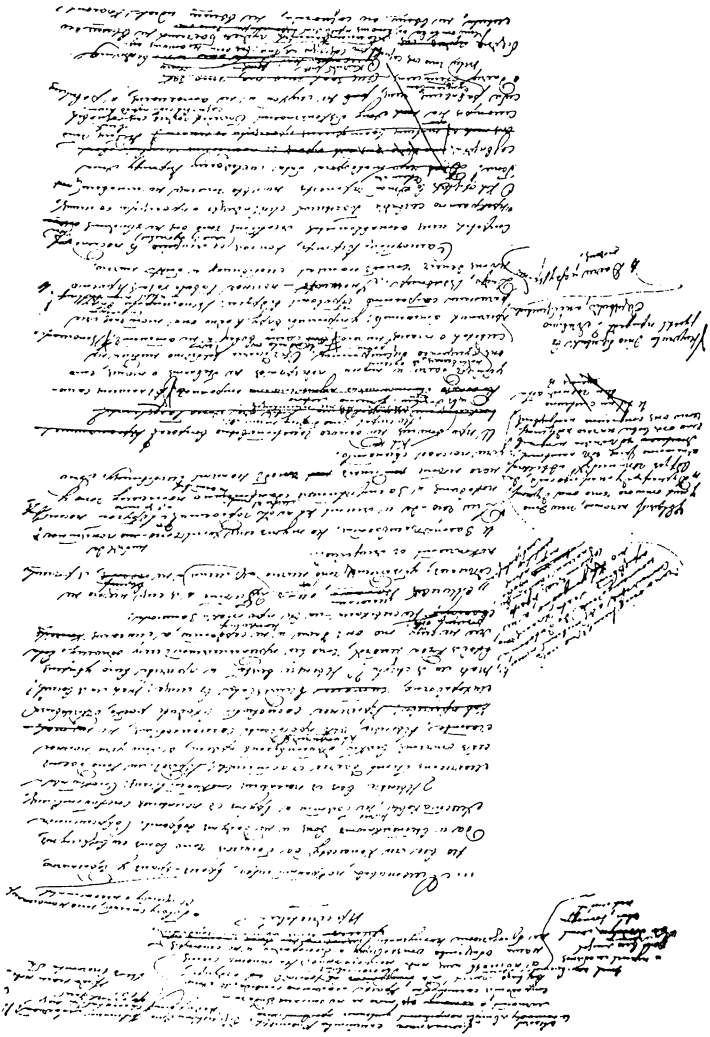
в последний путь провожало его население всего города. Звонили все колокола, над гробом усопшего говорили речи и пастор, и равин. Люди разных национальностей дружно соединились у его могилы. Достоевский пишет о громадном значении таких примеров. Хотя это единичные случаи, но без них не могут осуществиться и общие. «Пятьдесят восемь лет служения человечеству в этом городе, пятьдесят восемь лет неустанной любви соединили всех хоть раз над гробом его в общем восторге и в общих слезах». [103]

О таких людях складываются легенды, эти люди «победители мира» им должна принадлежать земля». [104]

Из среды лучших людей выходят «высшие типы». «Высшие типы ведь царят на земле, и всегда царили, и кончалось всегда тем, что за ними шли, когда восполнялся срок, миллионы людей». [105]

Мысль о лучших людях и необходимости для человека жертвенного труда на благо других развивается Достоевским в статье «Спиритизм» -- «Дневник», 1876, с. 40. Обдумывая идею, положенную в основу легенды о «Великом инквизиторе», Достоевский пишет: «Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль нетрудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что гнусно жить на даровщинку и что с ч а с т ь е н е в с ч а с т ь е, а лишь в его достижении». «Нет выше идеи, как пожертвовать собственною жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество, или даже просто отстаивая интересы своего отечества. Без великодушных идей человечество жить не может». [106] «Пролитая кровь «за великое дело любви» много значит, многое очистить и омыть может, многое может вновь оживить и многое доселе приниженное в душах наших, вновь вознести». [107]

Цитата «за великое дело любви» взята из поэмы Некрасова «Рыцарь на час». Она говорит не только о большой близости многих взглядов Достоевского в 70-е годы со взглядами Некрасова, но



Страница из черновых рукописей «Дневника писателя» за январь 1876 г. Публикуется впервые. Г. Б. Л. ф. 93. 1, 2, 10.

и о его противоречиях. Ведь Достоевский проповедовал теорию «нравственного самоусовершенствования», говорил о целительности страдания, о «непротивлении злу насилием», но все это были общие рассуждения. Сталкиваясь со злом в жизни, Достоевский отбрасывал эти теории, как ненужный хлам. Высшая доблесть человека не в терпении, смирении и непротивлении, а в борьбе с мучителями и угнетателями. Высшая доблесть в том, чтобы с оружием в руках биться за свободу, а если кому суждено погибнуть, то он должен погибнуть с оружием в руках «за великое дело любви».

Таким образом, проблема положительного героя находит свое разрешение в «Дневнике». В «Записках из подполья» Достоевский как бы приходит к выводу, что человек по природе зол и подл, но этот вывод нельзя считать окончательным. «Записки» создавались в страшное и мрачное для Достоевского время, когда умирала его жена, а журнал «Эпоха» был накануне банкротства. Достоевский не мог успокоиться на этом выводе. В романе «Идиот» он показал положительного героя, но князь Мышкин был исключением. Нетипичны были Алеша и старец Зосима в «Братьях Карамазовых», и только в «Дневнике» мы находим настоящих людей, лучших людей нации из среды которых выходят «высшие типы», т. е. гениальные деятели на благо человечества.

В «Дневнике» мы находим ответ об отношении Достоевского к человеку. Раз существуют «лучшие люди», человек не может быть злым по натуре.

Русская женщина

В игре ее конный не словит.
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Н.Некрасов

В «Дневнике» Достоевский часто пишет о русской женщине. Вот как, например, охарактеризовал он простую крестьянку, повесившуюся от зверских побоев мужа: «Знаете, господа, люди родятся в разной обстановке: неужели вы не поверите, что эта женщина, в другой обстановке, могла бы быть какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из Фауста? Я ведь не говорю, что была — и было бы это очень смешно утверждать, — но ведь могло быть в зародыше, и у ней нечто очень благородное в душе, пожалуй, не хуже, чем и в благородном сословии: любящее, даже возвышенное сердце; характер, исполненный оригинальнейшей красоты». [108]

На страницах «Дневника», Достоевский открыл русскую женщину для русских и всего мира. Правда, в литературе уделялось немало внимания женщинам и до Достоевского. Достаточно вспомнить Пушкина, Тургенева, Толстого, Гончарова и других писателей, но они создавали своих героинь, а Достоевский брал из жизни. На основании наблюдений, Достоевский смог дать полную характеристику русской женщины и указать на то, что русскую женщину ожидает великое будущее. «Женщины у нас подымаются и, может быть, многое спасут... Женщины — наша большая надежда, может быть, послужат всей России в самую роковую минуту». (10,196)

В женщинах «заключена одна наша огромная надежда, один из залогов обновления». В последние двадцать лет «возрождение русской женщины оказалось несомненным». «Подъем в запросах ее был высокий, откровенный и безбоязненный». Достоевский говорил о борьбе женщин за право на образование, за право участвовать в общественной жизни. Он понимал, как трудно было бороться с укоренившимися предрассудками и выступил на помощь. «Русская женщина целомудренно пренебрегла препятствиями, насмешками. Она твердо объявила свое желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и

самоотверженно. Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался развратy стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее. В жажде высшего образования она проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества». [109]

«Допустив искренно и вполне высшее образование женщины, со всеми правами, которое дает оно, — писал Достоевский, — Россия еще раз ступила бы огромный и своеобразный шаг перед всей Европой в великом деле обновления человечества». [110] Достоевский отводил русской женщине особо важную роль в деле «обновления всего человечества». Он считал русскую женщину способной послужить не только России, а всему человечеству потому, что русская женщина ищет дела, которому можно отдать свои силы и энергию и за которое, если понадобится, можно отдать и жизнь. Русская женщина убеждена, в том, что «нужно и должно начинать самой, первой, и безо всяких отговорок, все то хорошее, чего ждешь и чего требуешь от других людей». [111] Она стремится служить делу для дела без тщеславного любования собой и своим подвигом.

Соотечественникам, восхвалявшим женщин других национальностей, Достоевский заметил: «Не русскому отрекаться от своих женщин. Чем наша женщина ниже какой бы то ни было? Я уже не стану указывать на обозначившиеся идеалы наших поэтов, начиная с Татьяны, — на женщин Тургенева, Льва Толстого, хотя уж это одно большое доказательство: если уже воплотились идеалы такой красоты в искусстве, то откуда-нибудь они взялись же... Стало быть, такие женщины есть и в действительности. Не стану говорить, например, о декабристках, о тысяче других примеров, ставших известными. И нам ли, знающим русскую действительность, не знать о тысячах женщин, не ведать о тысячах незримых, никому невидимых подвигов их». [112]

Достоевский писал, что высшее образование должны иметь не только те женщины, которые хотят стать учеными, а все. Домашняя хозяйка с университетским образованием! В то время это звучало как несбыточная фантазия, но Достоевский смотрел вперед. Он понимал на что способна и чего достойна русская женщина. «Главное и самое спасительное обновление русского общества выпадет бесспорно на долю русской женщины. После нынешней войны, (с турками Д. Г.), в которую так высоко, так светло проявила себя наша русская женщина, нельзя уже сомневаться в том высоком уделе, который несомненно ожидает ее между нами. Наконец-то падут вековые предрассудки и «варварская» Россия покажет, какое место она отведет у себя «матушке» и «сестрице» русского солдата, самоотверженнице и мученице за русского человека». [113]

Решительно и бескомпромиссно выступает Достоевский за полное уравнение женщины в правах с мужчинами. «Ей ли, этой ли женщине, столь явно проявившей доблесть свою продолжать отказывать в полном равенстве прав с мужчиной по образованию, по занятиям, по должностям, тогда как на нее-то мы и возлагаем все надежды наши теперь, после подвига ее, в духовном обновлении и в нравственном возвышении нашего общества!... Русская женщина сама стала на подобающее ей место, сама перешагнула те ступени, где доселе ей полагался предел. Она доказала, какой высоты может достигнуть и что может совершить». [114] «В русской земле много великих сердцем женщин, готовых на общественный труд и на самоотвержение». [115]

Мы рассмотрели высказывания Достоевского о русских женщинах. Эти высказывания находятся в статьях «Дневника». Невольно возникает вопрос: как изобразил русскую женщину писатель в своих романах? Удалось ли ему показать ее на такой же высоте? Чтобы ответить на этот вопрос нужно провести специальное исследование, а пока мы можем только заметить, что в своих романах До-

стоевскому не удалось раскрыть во всю глубину этот образ. Настасья Филипповна из «Идиота», Катерина Ивановна и Грушенька из «Братьев Карамазовых», также как и героини других романов, являются воплощением только отдельных сторон характера русской женщины и не дают полного представления о всех ее замечательных чертах. Имеются определенные причины, которые объясняют почему Достоевский оказался неспособным в художественных образах воплотить то, что он видел, во что он верил и что провозглашал. Но выяснение этих причин увело бы нас очень далеко от темы.

В заключение мы можем спросить: прав ли был Достоевский, поставив так высоко русскую женщину? Не допустил ли он преувеличений? На эти вопросы ответила русская жизнь и русская история: Достоевский был прав.

Интересно, что и в западной литературе мы встречаемся с мнениями, подтверждающими нашу точку зрения. Сошлюсь, например, на книгу Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока», изданную в 1938 году в Швейцарии и выдержавшую после этого несколько переизданий. Автор книги — немец. Он утверждает, что в результате целого ряда исторических причин создался тип русской женщины. Это было явление эпохальной важности и значимости. Подобного типа женщины еще никогда не было.

«Русская женщина одна из немногих счастливых случайностей нашей планеты. С англичанкой делит она наклонность к женской свободе и самостоятельности без того, чтобы когда-либо превратиться в «синий чулок». С француженкой ее роднит духовная подвижность без претензий на глубокомыслие. Она обладает хорошим вкусом француженки, тем же пониманием красоты и элегантности, однако, без того, чтобы становиться жертвой тщеславной пристрастности к нарядам. Она обладает добродетелями немецкой домашней хозяйки, без того, чтобы вечно коптеть над кухонной по-

судой, она имеет материнские качества итальянки, не огрубляя их до обезьянего любвеобилия». [116]

«Случайное» семейство

Русская семья и русские дети всегда привлекали внимание Достоевского. В «Дневнике» каждый год помещалось что-нибудь на эту тему. В 1873 году была напечатана статья «Среда», в «Дневнике» за 1876 год в январском выпуске статьи «Опять «Случайное семейство», «Дети мыслящие и дети облегчаемые», «Мальчик с ручкой», «Мальчик у Христа на елке», «Колония малолетних преступников». В февральском выпуске: «По поводу дела Кронеберга», в июльском-августовском выпуске «Русский или французский язык», «Детские секреты», «Земля и дети», а в декабрьском «Анекдот из детской жизни».

В 1877 году появились статьи «Дело родителей Джунковских с родными детьми» и «Враг ли я детей?»

В «Дневнике» Достоевский собирал материалы не только для романа «Братья Карамазовы», но и для романа о русских детях. Смерть помешала ему написать этот роман.

В своих статьях Достоевский критиковал те семьи, в которых было «недовольство, нетерпение, грубость невежества», где серьезное образование заменялось «нахальным отрицанием с чужого голоса», а мысли о материальном обеспечении господствовали над всякой высшей идеей. В таких семействах дети воспитываются в отрыве от почвы, они не знакомы с правдой, равнодушны к отечеству или же просто не уважают его. Такие семьи Достоевский называет «случайными». По его мнению, для детей необходимы «святые и драгоценные воспоминания, которые они должны получить в детстве на всю жизнь, так как без этих воспоми-

наний прекратилась бы «живая жизнь». Что такое «живая жизнь», о которой столь часто упоминается в «Дневнике»? На этот вопрос отвечает сам писатель: «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек, а самые сильнейшие и влияющие воспоминания почти всегда те, которые остаются из детства». Человек, который в детстве получил «святые и драгоценные» принципы и идеи, никогда не сможет жить только для себя, а жизнь для блага нации, для блага человечества и была, по мнению Достоевского, «живой жизнью».

Достоевский любил детей и внимательно изучал их жизнь. Он даже решил написать роман о русских детях, взяв действующими лицами детей из всех слоев общества. Ему хотелось проследить за ними «с их самого первого детства». Замысел романа сложился и Достоевский «чуть было не начал тогда своих «Отцов и детей», но удержался, и слава Богу: я был не готов». [117].

Роман о детях остался ненаписанным, но о детях говорится почти во всех произведениях Достоевского и особенно часто в «Дневнике». Здесь были собраны материалы для будущего романа, и Достоевский заметил: «Поэма готова и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста». [118] В «Дневнике» мы можем наблюдать процесс создания романов вообще. Картина, или все идейное содержание романа, являлась Достоевскому, после наблюдений и раздумий, сразу и внезапно, а потом начиналось ее словесное воплощение, т. е. писание романа. Попытаемся проследить откуда брал Достоевский материалы для своих произведений и выяснить его взгляды на «случайное семейство».

Основой всего творчества Достоевского была русская жизнь. Он изучал ее, где было только возможно: на улицах, в магазинах, театрах, собраниях, в мертвом доме. Много новых впечатлений давали

встречи с людьми из разных общественных групп, обширная корреспонденция и, главным образом, русские газеты. Достоевский был усердным и внимательным читателем. Он обладал замечательной способностью «мыслить до конца». А. Майков в поэме «Три смерти» заметил: «Мудрец отличен от глупца, тем, что он мыслит до конца». Достоевский не только мыслил до конца, он умел домысливать, т. е. изображать то, что будет после. Его особое внимание привлекали судебные уголовные процессы. В них жизненные противоречия находили свое трагическое разрешение. Процессы показывали как разрушалась семья, оставляя «выкидышей общества». Достоевский сделал важное открытие. Он открыл «случайную семью». Подобных семей было очень много, и они представляли опасность для нации. Они создавались уродливыми условиями русской действительности. Общим для различных типов «случайных семей» было равнодушное, а зачастую враждебное, отношение родителей к детям. С этим Достоевский мириться не мог. В «Дневнике» за 1876 год он сообщает о зверском убийстве любовником мещанки Перовой. Остались сиротами два мальчика 12 и 9 лет, прижитые от другого. «Вот опять «случайное семейство», опять дети с мрачными впечатлениями в юной душе. Мрачная картина останется в их душах навеки».[119] Как отмечалось, Достоевский считал воспоминания детства самыми сильными и важными для всей жизни человека. От них зависело направление его жизни, его будущее, следовательно, будущее всей нации. Если знать с какими воспоминаниями из детских лет вступит молодежь в жизнь, то можно предугадать будущее, ожидающее нацию «наше будущее, наше русское столь загадочное будущее». «Но беда в том, что никогда еще не было эпохи в нашей русской жизни, которая столь менее представляла бы данных для предчувствования и предузнания всегда загадочного нашего будущего. Да и никогда семейство рус-

ское не было более расшатано, разложено, более не рассортировано и не оформлено как теперь». [120]

«Современное русское семейство «становится все более и более «случайным» семейством. Именно «случайное семейство» — вот определение современной русской семьи». [121]

«Спросят: что такое «случайность» и что я под этим словом подразумеваю? Отвечаю: случайность современного русского семейства, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи, в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их между собой, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь». [122]

Достоевский справедливо полагает, что если даже идея отцов будет ошибочной, то и в этом случае, она принесет огромную пользу детям, приучая их жить духовной жизнью, дети поймут отцов, простят их ошибки и найдут сами верный путь.

Для многих людей 70-х годов было характерно или сплошное отрицание прежнего, или попытки воспитывать детей согласно модным теориям в отрыве от родной почвы и народа. «Попытки эти, — пишет Достоевский, — иногда даже и с прекрасным началом, но невыдержанные, незаконченные, а иногда так и совсем безобразные, в роде огульного допущения всего того, что прежде запрещалось, на основании принципа, что все старое глупо... Наконец, ленивое отношение к делу, вялые и ленивые отцы, эгоисты: «э, пусть будет что будет, чего нам заботиться, дети, как и все, во что-нибудь выравняются, надоедают только они очень, хоть бы их вовсе и не было! Таким образом, в результате — беспорядок, раздробленность и случайность русского семейства». [123]

Разложение семьи и утрата высших идей были вызваны переходным состоянием общества. Освобождение крестьян и связанные с ним реформы

породили среди дворянского сословия лень и апатию, потому что «всякое переходное и разлагающееся состояние общества порождает леность и апатию, потому что лишь очень немногие, в такие эпохи, могут ясно видеть перед собой и не сбиваться с дороги. Большинство же путается, теряет нитку, и, наконец, махает рукой: «Э, чтоб вас! Какие там еще обязанности, когда и сами-то никто ничего толком не умеем сказать»! [124]

Такие отцы, если они богатые, дают детям образование, дети поступают в университеты, «но отца тут и не было, семейства не было, юноша вступает в жизнь один как перст, сердцем он не жил, сердце его ничем не связано с его прошедшим, с семейством, с детством». [125]

В бедных семьях дело обстоит еще хуже. Нужда, забота, малодушие отцов, ссоры, попреки, и даже проклятия детей, иногда подлость отцов, интриги — вот что остается у ребенка из детских воспоминаний, вот что унесет он с собой на жизненный путь! Какие же люди могут выйти из таких детей, если у отцов не было ни объединяющей идеи, ни великой мысли, ни великой веры, тогда как только «великая вера и в состоянии породить п р е к р а с н о е в воспоминаниях детей, — и даже несмотря на самую лютую обстановку их детства, бедность и даже самую нравственную грязь, окружавшую их колыбель». [126]

В этих случаях даже самые плохие отцы, сохранившие, хотя бы только отдаленный образ великой идеи и веры в нее и успевшие передать это своим жаждущим всего прекрасного детям, сумевшие вселить в детские души искру великой мысли и великого чувства, будут прощены от всего сердца своими детьми, несмотря ни на что остальное, потому что «без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства; без зачатков положительного и прекрасного нельзя пускать поколение в путь.

Без связующей, общей, нравственной и гражданской идеи нельзя взрастить поколение и пустить его в жизнь». [127]

В «Дневнике» Достоевский дал замечательное описание одного типичного «случайного семейства». В Калужском окружном суде 10 июня 1877 года рассматривалось дело Джунковских. Родители обвинялись в жестоком обращении с некоторыми из собственных детей. Достоевский указывает на типичность дела, замечая, что таких семей «необыкновенное теперь множество». Это тип «ленивого семейства». Джунковские были зажиточные помещики. Они возненавидели трех из своих детей: сына Николая — 13 лет, дочь Ольгу — 12 лет и сына Александра — 11 лет. Детей сурово наказывали за малейшие проступки. Их запирали в холодную уборную, оставляли без пищи, дети спали в одной комнате все вместе на полу, у них не было достаточного количества одежды. Отец и мать били детей кулаками, секли розгами, плетью, назначенной для лошадей, били так, что страшно было глядеть, как заявила одна свидетельница. Дети ели с прислугой и всегда были голодны. Мать заставляла детей чесать ей пятки по часу и долее, пока она не засыпала. Джунковский в оправдание подобного обращения говорил, что дети были испорчены, что они даже били по лицу их умершую старшую сестру, приговаривая «теперь-то натешимся над тобой за то, что ты на нас жаловалась».

Подсудимых оправдали. Достоевский сожалеет, что в законах нет статьи, «ставящей преступлением ленивое, неумелое и бессердечное отношение отцов к детям. Иначе пришлось бы осудить пол-России, — куды, гораздо больше». [128] Достоевский критикует свод законов, где «определения жестоких наказаний были до того жестоки, что решительно похожи были на истязания болгар башибузуками, и если не сажание на кол и ремни из спины, то разломанные руки ноги и не знаю еще что, так что какая-нибудь ременная плетка реши-

тельно не может подойти к статье». [129] «Секли, дескать, розгой». Да кто-же не сечет детей розгой? Девять десятых России сечет».

Родители Джунковские любили больше всего на свете самих себя и свой покой. Они были ленивые эгоисты, а «леность всегда порождает зверство, заканчивается зверством. И зверство это не от жестокости, а именно от лени». [130] От лени Джунковская секла сына «неутолимо, ненасытно, злорадно».

В статье о деле Джунковских особый интерес представляет раздел под заголовком «Фантастическая речь председателя суда». Достоевский выступает сам. Его речь была обращена к русской нации и заслуживает большого внимания. Она не потеряла своей актуальности и для наших дней. Речь проникнута гражданским пафосом. «Я говорю от лица общества, государства, отечества. Вы отцы, они ваши дети, вы современная Россия, они будущая: что же будет с Россией, если русские отцы будут уклоняться от своего гражданского долга и станут искать уединения, или лучше сказать, отъединения, ленивого и циничесского, от общества, народа своего и самых первейших к ним обязанностей»? [131]

Первая обязанность родителей это любовь к детям. «Любовью лишь купим сердца детей наших».

Воспитание детей есть «первейшая естественная и высшая гражданская обязанность». Родители должны дорожить чувствами ребенка к себе и уважать его человеческое достоинство. У ребенка, даже у самого маленького, есть тоже и уже сформировавшееся человеческое достоинство. Нельзя сдавать детей учителям, потому что «маленькие детские души требуют беспрерывного и неустанного соприкосновения с родительскими душами, требуют чтоб вы были для них, так сказать, всегда духовно на горе, как предмет любви, вели-

кого нелицемерного уважения и прекрасного подражания. Наука наукой, а отец перед детьми всегда должен быть как бы добрым, наглядным примером всего того нравственного вывода, который умы и сердца их могут почерпнуть из науки». [132] Сердечная забота о детях как теплый луч согревает все доброе, что посеяно в их душах. «Воспитание детей есть труд и долг, — для иных родителей сладкий, несмотря на гнетущие даже заботы, для других же — это самый гнетущий труд и самый тяжелый долг». [133] Такие родители стремятся откупиться от этого долга, а если деньги не помогают, или их нет, то прибегают к жестокости и строгости, к истязанию, к розге. «Я вам скажу, что такое розга. Розга в семействе есть продукт лени родительской, неизбежный результат этой лени. Все, что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, все, чего можно бы было достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером, — всего того слабые, ленивые, но нетерпеливые отцы полагают всего чаще достигнуть розгой». [134]

Наказаниями ничего достигнуть нельзя. Ребенок хитрый и скрытный — покорится и обманет родителей. Нежного и слабого ребенка легко забить, смелого и правдивого ребенка наказание только ожесточит. «Трудно, часто очень трудно детскому сердцу отрываться от тех, кого оно любит, но если оно уже оторвется, то в нем зарождается страшный, неестественно-ранний цинизм, ожесточение и извращается чувство справедливости». [135] Многие отцы должны научиться любить своих детей. Нужно уметь обуздывать себя, не являться перед детьми в недостойном отца виде, воздерживаться от распущенности и безобразных поступков. Нужно обращать внимание на то, какое мнение складывается у детей о родителях. «Верите ли вы, что ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитать себя для детей своих. О, если

родители добры, если любовь их к детям ревностна и горяча, то дети многое простят им». [136]

«Случайное семейство» было интернациональным явлением присущим всем странам и всем народам. Возможно, что оно существовало еще до рождества Христова. Не отжило и не ушло в прошлое оно и в наши дни. Достоевский, как видно, обсуждал проблему мирового значения, но, одержимый любовью к России, он ограничился анализом русского «случайного семейства». Он был твердо уверен, что эта проблема будет разрешена. «Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно... Ее назначение столь высоко..., что тот, кто верует в это назначение, должен стоять выше всех сомнений и опасений». [137]

Статьи «Дневника» о «случайном семействе» являются ключом к пониманию «путающихся и сбивающихся с дороги людей», изображенных в романах Достоевского.

Молодежь

Думая о будущем страны, особое внимание Достоевский обращал на молодое поколение. Как правило, действующие лица большинства его романов молодые люди: Иван и Алеша Карамазовы в «Братьях Карамазовых», Долгорукий Аркадий в «Подростке», Раскольников в «Преступлении и наказании», князь Мышкин в «Идиоте» и т. д. Активную роль играют в романе «Братья Карамазовы» и дети. Им посвящены многие страницы других произведений, особенно «Дневника писателя». Воспитание, обучение, дети нищие, дети-преступники, судебные дела, в которых фигурируют дети, «Дети мыслящие и дети облегчаемые», «Переделка порочных душ в непорочные», «Русский или французский язык?», «Земля и дети» — вот далеко не полный перечень проблем и статей о молодежи, помещенных в «Дневнике писателя».

Достоевский понимал, что завтрашний день русской истории принадлежит молодежи. Она должна была открыть новую страницу в жизни нации. Вот почему так страстно и напряженно пытался он разгадать молодежь, помочь ей найти себя, предупредить о тех опасностях, которые ее ожидали. Молодежь должна была познать свою страну, потому что «У нас дошло до того, что России надо учиться, обучаться как науке, потому что непосредственное понимание ее в нас утрачено». [138]

Достоевский любил встречаться с молодежью. Дверь его квартиры была всегда открыта для любого студента, курсистки, гимназиста, и начинающего писателя. Сам постоянно нуждавшийся, Достоевский никогда не отказывал тем, которые у него просили. Несмотря на протесты жены, он делился всем, что имел с молодежью. Как же относилась молодежь к Достоевскому? Как относились к нему наиболее радикальные группы молодежи из революционных организаций?

На эти вопросы легко ответить. А. П. Корба, принадлежавшая к руководящей группе «Народной Воли», пишет Достоевскому в 1876 году письмо, обращаясь к писателю, как к идейному вождю. Революционер М. Драгоманов, посылая Достоевскому свои брошюры, замечает: «в основе идей и чувств — Вы наш народолюбец». Народоволец И. Попов в своих интересных воспоминаниях пишет, что революционная молодежь признавала талант и гениальность Достоевского, но относилась к писателю «скорее отрицательно, чем положительно». Причиной был роман «Бесы», который рассматривался как карикатура на революционеров, а «главное «Дневник писателя», где часто высказывались идеи по нашему разумению ретроградного характера. Но после знаменитой речи Достоевского на пушкинских торжествах в Москве, которую приветствовали и западники и славянофилы, и молодежь, под гипнозом общего настроения и

наше отношение к нему изменилось, хотя речи мы не слыхали». [139] Лозунг «смирись гордый человек» отвергался, но тем не менее «мы даже в «Дневнике писателя» стали находить не только приемлемые, но и приятные для нас суждения... Так в рассуждении Достоевского о «сермяжной Руси», которую если призвать, то она устроит жизнь хорошо, так, как ей нужно, мы усматривали народническое направление, демократические тенденции. Достоевский завоевал симпатии большинства из нас». [140]

Попов полагает, что этот перелом в отношении молодежи к Достоевскому произошел в последний год жизни писателя, но навряд ли это так. Письма Корба и Драгоманова говорят за то, что Достоевский был близок народовольцам и народникам гораздо раньше.

До настоящего времени не исследовано отношение Достоевского к народникам и народовольцам, хотя можно полагать, что оно было более близким, чем кажется.

Через всю историю русских революционеров XIX века проходит идея жертвенного служения народу, стремление к жертве собой за народное благо. Революционеры преклонялись перед народом и, зачастую, обоготворяли народ. Все это было близко и дорого Достоевскому. Не соглашаясь во многом, все же он не мог считать революционеров чуждыми себе людьми, хотя бы потому, что они на деле выполняли завет о любви к ближнему и были способны жертвовать собой. Конечно, сам Достоевский в 70-е годы не был революционером, но он не был и консерватором.

Анализируя отношение к Достоевскому революционно-настроенной молодежи, необходимо выяснить как относилась к Достоевскому молодежь не связанная с народниками и народовольцами. Здесь известный интерес представляют записки А. Зеленецкого, который в студенческие годы встречался с Достоевским.

Зеленецкий пишет, что в России, если проанализировать ее духовное развитие, можно в каждом периоде найти какую-то ведущую фигуру, как бы духовного вождя. Сначала был Пушкин, потом Гоголь и Белинский, потом Добролюбов и Писарев, после них Тургенев, но его быстро сменил Достоевский и в 70-е годы он был духовным вождем русской интеллигенции. Достоевский «находился тогда в апогее своей славы. Только что на открытии памятника Пушкину в Москве им была произнесена речь, взволновавшая весь русский интеллигентный мир». [141] Достоевский часто появлялся на литературных чтениях. «Я не могу описать той бури восторга, — пишет Зеленецкий, — которая встретила появление Достоевского на эстраде... Урагана аплодисментов поднялся после прочтения Достоевским этого стихотворения («Пророк» Пушкина, Д. Г.). Некоторые не удовлетворяясь рукоплесканиями и криками: «браво»! стучали стульями о пол. Курсистки же, как более увлекающийся народ, прямо кричали: «Браво, пророк! Пророк Федор Михайлович Достоевский! Достоевский пророк! В самом деле, если сопоставить пушкинского пророка и Достоевского то выходило, как будто, между ними было много общего. Пушкинский пророк в «пустыне мрачной влачился» — Достоевский был в пустынях Сибири. В пустыне пророку является ангел, указывает ему путь служения человечеству — Достоевский после каторги, начинает «глалогом жечь сердца людей». В довершение сходства с библейским пророком Достоевский прочел и лермонтовского «Пророка». Сходства было еще больше с лермонтовским пророком, который стал провозглашать «любви и правды чистые ученья». Он был худ и бледен, как и пророк Лермонтова». [142]

«Вызовам его не было конца. Он уходил и, бледный, взволнованный, потрясенный этим шумным поклонением молодежи, этим бурным прояв-

лением любви, медленно проходил рядами этой молодежи». Зеленецкий рассказывает как внимательно и чутко отнесся к нему Достоевский, когда он пришел к писателю за советом.

Зеленецкий зашел случайно, был сразу принят, и Достоевский, бросив срочную работу, стал читать стихи студента. Потом завязался разговор о религии. Достоевский, по словам Зеленецкого сказал: «Если бы все люди, т. е. человечество, отказалось бы от веры в Бога, сделались атеистами и поняли бы, что они остались совсем одни, как желали того, то разом почувствовали бы, великое сиротство свое. Как беспомощны и жалки показались бы они себе! Без Бога, без Христа, без веры в Единого Безгрешного и всеискупающую кровь Его. Боже! чтобы это было за время! Но этого никогда не будет, никогда, никогда!» [143]

Достоевский убеждал своего молодого слушателя в необходимости любить свою страну и знать свой народ. «У нас одно изучение России сколько времени займет, потому, что ведь редко какой человек у нас знает Россию. У нас, в России, надо насаждать истинные понятия о свободе, равенстве и братстве... Ныне полагают свободу в денежном обеспечении, а в сущности это не свобода, а рабство деньгам. Самая высшая свобода, напротив, не копить и не обеспечивать себя деньгами, а разделить всем, что имеешь, и пойти всем служить. Если это сделают все люди, то уж, конечно, они станут братьями. А где братство, там будет и равенство. Но прежде всего нужно уверовать в Бога, русского Христа, который, «удрученный ношей крестной нашу Русь исходил благословляя», нужно полюбить народ и святую правду его». [144]

Так причудливо сочетались у Достоевского народнические и религиозные мотивы. Он был настолько национален, что даже Христа превратил в русского. Но здесь была определенная цель. «Ведь только тогда и можем мы хлопотать об

общечеловечном, когда разовьем в себе национальность... Прежде чем понять общечеловеческие интересы, надобно усвоить себе хорошо национальные, потому что после тщательного только изучения национальных интересов будешь в состоянии отличить и понимать чисто общечеловеческий интерес». [145]

Так понял Достоевского и Зеленецкий. Он пишет, что после разговора с Достоевским «народничество мое, вместо того, чтобы принять форму модного тогда радикализма и «хождения в народ», приняло ту форму, которую оно имело у Достоевского. Я стал всматриваться, во что народ верит, чему он поклоняется, какие его идеалы, какие исторические начала его». [146]

Власть

Отношение Достоевского к самодержавию было сложно и противоречиво. Он верил в идеального царя.

И. С. Аксаков в лекции, прочитанной в марте 1880 года так нарисовал идеал царя: «Царь по представлению народа, носитель народных идеалов, воплощение всего хорошего и светлого, что есть в народе, вождь и водитель этого народа». (И. Попов, «Минувшее и пережитое», 1933 М. стр. 92). Взгляды Достоевского на самодержавие близки к взглядам Аксакова. Достоевский пишет, что не только народ должен любить монарха, но и монарх должен любить народ. «Я, как Пушкин, слуга Царю, потому что дети его народ его не погнушаются слугой царевым. Еще больше буду слуга ему, когда он действительно поверит, что народ ему дети. Что-то очень уж долго не верит». [147]

Вера Достоевского в царя была верой отчаяния. Без царя мерещилась революция, которой он столь боялся. Кроме того, веря в царя, Достоевский как бы объединялся с народом, который

ждал от царя облегчения своей нелегкой участи. Достоевский имел ясное представление о положении народа после реформы. Кратко, но выразительно он заметил: «Мужик, как муха в патоке. Это уже не беспорядок, это отчаяние беспорядка. Он ищет, а ему даже и двигаться не дают... Начальство... Муха в патоке... Водка, выбивание податей». [148]

Но царь слишком долго не верил, «что народ ему дети». Вера в царя колебалась и Достоевский невольно все чаще и чаще обращал взоры на молодое поколение. Особое внимание привлекали народники. В них невольно он видел своих союзников, хотя со многим не соглашался. В свою очередь, народники считали Достоевского своим, критикуя его теорию смирения и непротивления злу насилием. Критике помогал и сам Достоевский, так как он никогда не мог последовательно провести эти теории в жизнь и противоречил себе на каждом шагу.

Противоречия объяснялись тем, что в конце 70-х годов Достоевский переживал кризис. Особенно ярко это отразилось в последнем предсмертном выпуске «Дневника», где обсуждался вопрос о конституции, или, как тогда выражались, об «увенчании здания».

Недаром Достоевский, умирая, так беспокоился за этот номер, думая, что цензура запретит его. Запретить, конечно, могли. Ведь запретили же в 1877 году статью «Старина о «Петрашевцах»! А в последнем номере «Дневника» обсуждались вопросы не менее острые. Этот номер, наряду с «Пушкинской речью», был политическим завещанием Достоевского.

Достоевский признавал необходимость введения конституции. Об этом говорится в главе первой «Дневника» за 1881 год. Достоевский пишет, что либералы требуют введения конституции, думая, что это поможет устранить все имеющиеся недостатки. Он возражает, но не против

введения конституции, а против стремления либералов захватить власть в свои руки. Достоевский был уверен, что их господство не может улучшить положение народа, что либералы будут думать о себе и от перемены власти народ ничего не выиграет. Достоевский предлагает ввести конституцию, которая дала бы власть самому народу. Он пишет, что если вводить конституцию или «увенчивать здание», то «гораздо пригоднее начать прямо снизу, с армяка и лаптя, а не с белого жилета». [149]

Понимая, что его требование заменить либералов представителями народа вызовет резкую критику, Достоевский делает следующую оговорку. «Увенчание снизу на первый взгляд, конечно, хотя бы лишь в архитектурном смысле, и противоречит всему, что было и есть в этом роде в Европе. Но так как у нас все своеобразно, все не так как в Европе, а иногда так совсем наоборот, то и в таком важном деле, как увенчание здания, дело это может произойти наоборот Европе, к удивлению и негодованию наших русских европейских умов. Ибо, к удивлению Европы, наш низ, наш армяк и лапоть, есть в самом деле в своем роде уже здание, — не фундамент только, а именно здание, — хотя и не завершенное, но твердое и незыблемое, веками выведенное». [150]

Достоевский верил в русский народ и ценил его огромные силы, верил в народный ум и способность управлять страной. Поэтому конституция будет полезна, если к управлению страной будет привлечен простой народ. Либералы далеки от народа и презирают его. «Ведь такому барину, такому белоручке, чтобы соединиться с землей, воняющей зипуном и лаптем, чем надо поступиться?... Не поступится он, ибо брезглив к народу и высокомерен к земле Русской». [151]

При таком отношении к народу «можно (и даже неминуемо) дойти опять до закрепощения народного,... хотя не прежним крепостным путем,

так интеллигентной опекой и ее политическими последствиями, — «А народ опять скуем»! [152]

Достоевский утверждал, что земля должна принадлежать крестьянам. «Я верю, — писал он, — как в экономическую аксиому, что не железнодорожники, не промышленники, не миллионеры, не банки, не жиды о б л а д а ю т землею, а прежде всего лишь одни земледельцы; что кто обрабатывает землю, тот и ведет все за собою, что земледельцы и суть государства, ядро его, сердцевина. А так ли у нас, не навыворот ли в настоящую минуту, где наше ядро и в ком? Не железнодорожник ли и жид владеют экономическими силами нашими?» [153]

Для Достоевского было невыносимо пренебрежительное отношение к народу либеральных кругов, которые считали народ русский косным, ничтожным в духовном отношении и в высшей степени отсталым. «Велика-де Федора да дура, годится лишь нас содержать... А между тем, море-океан живет своеобразно, с каждым поколением все более и более духовно отделяясь от Петербурга». [154]

Достоевский был не удовлетворен крестьянской реформой 1861 года. Осторожно оговорившись, что правительство заботилось и заботится о народе, он замечает, что простой народ, т. е. «платежная сила», «мозольные рабочие руки» не удовлетворены реформой. У народа есть «жажда правды, но неутолимая». Народ ждал большего. Освобождение было неполным. Отсюда вера в новую «золотую грамоту». Дело дошло до того, что по церквам священники читали правительственное сообщение о том, что никаких грамот не будет, но крестьяне не верили им.

По мнению Достоевского, у народа слишком много начальников, но народ одинок и не доверяет этим начальникам и не считает их своими. Народ закабален. У крестьян «свобода-то движений ровно как у мухи, попавшей в тарелку с патокой». [155]

Сравнение народа с мухой в патоке повторяется Достоевским несколько раз. Оно очень выразительно, так как показывает абсолютную беспомощность.

Вставал вопрос, что же делать? Революционеры отвечали на него ясно и определенно. Достоевский отвергал революционные методы борьбы. Он надеялся на объединение народа с интеллигенцией и на правительство, которое, по его мнению, должно было «оказать доверие», т. е. призвать народ к власти. «Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду». [156]

Дальше следует рассуждение о взаимоотношениях царя с народом. Достоевский утверждает, что царь должен быть любящим отцом, доверять народу, дать ему полную свободу и любить свой народ. Царь должен знать о нуждах народа от самого народа. Здесь Достоевский намекает на необходимость созыва земского собора.

О своем отношении к народу Достоевский сказал решительно и прямо. «Я желал бы только, чтобы поняли беспристрастно, что я лишь за народ стою прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых никто еще из нас не знает во всем объеме и величии их, — как в святыню верую, главное, в спасительное их назначение, в великий народный охранительный и зиждительный дух, и жажду лишь одного: да узрят их все». [157]

Рушится еще один миф о Достоевском — певце пользы страдания, яром консерваторе, занятом духовными проблемами и относившемся равнодушно ко всему, что происходило на земле. Достоевский выступает перед нами как реформатор и защитник интересов народа, как критик правительства. Последнее замечание разделяется далеко не всеми. Мы слишком привыкли к изображению Достоевского, как человека преданного самодер-

жавию. Это было далеко не так. Достоевский в «Дневнике» резко критикует политику самодержавия. По его мнению, Александр I был недалеким человеком и наделал массу ошибок. Вместо того, чтобы заключить мир с Наполеоном, как говорили умные советники, когда Наполеон был разбит под Москвой, и получить право быть полным хозяином на Востоке, т. е. овладеть Константинополем, Александр добил Наполеона и, по словам Достоевского, сыграл в Европе роль Репетилова «приданого взял шиш, по службе ничего».

Достоевский резко критиковал антинациональную политику русских царей, вмешивавшихся в дела Европы в ущерб интересам России.

Двести лет русское правительство глупо и бескорыстно помогало своим врагам. «Что делали мы?... Не мы ли способствовали укреплению германских держав, не мы ли создали их силу до того, что они, может быть, теперь и сильнее нас стали?... Не мы ли, по их зову, ходили укрощать их междуусобие, не мы ли оберегали их тыл, когда им могла угрожать беда? И вот — не они ли, напротив, выходили к нам в тыл, когда нам угрожала беда, или грозили выйти нам в тыл, когда нам грозила другая беда? Кончилось тем, что теперь всякий-то в Европе, всякий там образ и язык держит у себя за пазухой давно уже припасенный на нас камень, и ждет только первого столкновения. Вот что мы выиграли в Европе столь ей служа?». [158]

Достоевский вполне справедливо считал такую политику антинациональной и требовал коренного пересмотра ее. «Нужно прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более, чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами преследует нас уж чуть не два века... Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не пере-

ставали пребывать), — этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века... И чего-чего мы не делали, чтоб Европа признала нас за с в о и х, за европейцев, за одних только европейцев, а не за татар. Мы лезли к Европе поминутно и неустанно, сами напрашивались во все ее дела и делишки. Мы то пугали ее силой, посылая туда наши армии «спасать царей», то склонялись перед нею... и уверяли ее, что мы созданы лишь чтоб служить Европе и сделать ее счастливою». [159]

Достоевский обращался к русским. Он призывал соотечественников к национальной независимости и самоуважению. Русские несут новую идею, они выше, а не ниже европейцев и должны иметь национальное достоинство. Тогда все изменится и нас будут уважать и другие.

Кто же был сам Достоевский? Мы не можем отнести его к славянофилам, хотя многие из их взглядов были ему близки. Все же Достоевский отвергал славянофильскую национальную ограниченность и отрицание реформ Петра. Не был Достоевский и западником. Ему претило пренебрежительное отношение западников ко всему русскому, а в особенности, недооценка сил и способностей русского народа. В 60-е годы Достоевский выдвинул теорию «почвенничества» — нечто среднее между западничеством и славянофильством, но эта теория осталась неразработанной.

В семидесятые годы, по нашему мнению, Достоевский становится народником религиозного направления. Он верил в народ, мечтал о лучших условиях жизни, о «единении всечеловеческом», но отвергал всякое насилие.

Преступление

Болезни души человеческой всегда привлекали внимание Достоевского. Каторга дала ему возможность познакомиться с преступниками.

В «Дневнике» мы находим чрезвычайно интересные высказывания о преступлениях. Особая ценность этих высказываний заключается в том, что здесь Достоевский говорит не о вымышленных происшествиях, а о том, что случилось в жизни. Он писал, что есть «до того мрачные и страшные особи людей, в которых исчезают даже всякие следы человечности и гражданственности». [160]

К подобным типам относятся профессиональные убийцы, для которых убийство является обычным делом. Но есть и другого сорта преступники, которые при тех же самых обстоятельствах могли совершить или не совершить преступление. Кажется, что это звучит нелогично. Потому что, если человек совершил преступление, то он должен был совершить его. Весь ход событий толкал его к этому. Но Достоевский думает по другому. Чтобы выяснить его взгляды остановимся на статье «Дневника»: «Суд и госпожа Каирова». Достоевский пишет о судебном процессе, но его не интересует сам процесс, а подсудимая Каирова, которая пыталась бритвой перерезать горло жене своего любовника. Покушение не удалось, и жертва осталась жива.

«Убийство, — пишет Достоевский, — если только убивает не «Червонный валет» есть тяжелая и сложная вещь». [161]

Перед присяжными был поставлен следующий вопрос: нанесла ли Каирова, заранее обдумав, Великановой с целью лишить ее жизни несколько ран бритвой по шее, голове и груди и убила бы ее, если бы не была остановлена самой Великановой и ее мужем? Достоевский пишет, что на такой вопрос можно ответить «лишь имея сверхестественное божеское всеведение. Да и сама Каирова совершенно могла не знать того «дорежет ли она или нет Великанову».

«Да она, купив за день бритву, хоть и знала для чего ее купила, все-таки могла не знать «станет ли еще она резать-то или нет, а не только дорежет

ли, или нет?..» Да мало того, хоть и покажется абсурдом, но я утверждаю, что и когда резала, то могла е щ е н е з н а т ь: хочет ли она ее зарезать или нет». [162]

По мнению Достоевского, Каирова могла, полоснув раз бритвой по горлу соперницы, закричать от ужаса и убежать, или, испугавшись, начать бритвой резать себя и, может быть, зарезаться, или она не только бы не испугалась, а «почувствовав первые брызги горячей крови, вскочила бы в бешенстве и не только бы докончила резать Великанову, но еще начала бы ругаться над трупом, отрезала бы голову «на прочь» отрезала бы нос, губы.

«Все это могло случиться и выйти от одной и той же женщины, из одной и той же души, при одном и том же настроении и одной и той же обстановке». [163]

Достоевский дал возможные варианты поведения преступника в момент приведения замысла в исполнение. Но были и другие случаи, когда преступник без колебания выполнял задуманное.

Исследования Достоевского этих случаев представляют исключительный интерес. В Петербурге 15 октября в суде слушалось дело Катерины Корниловой. Обвиняемой было двадцать лет, она была замужем за вдовцом и имела шестилетнюю падчерицу. Муж часто обижал Корнилову. Чтобы отомстить ему, она выбросила падчерицу из окна четвертого этажа. Чудом девочка осталась жива. Дело происходило так: мачеха попросила падчерицу посмотреть из окна на улицу, а когда та взобралась на подоконник, то взяла ее за ноги и толкнула вниз. После этого Корнилова пошла в полицию и заявила о случившемся.

Достоевский знал о преступлении из газет, и в статье о Каировой, говоря о защитнике, сделал следующее ядовитое замечание: «Вон мачеха недавно выбросила из четвертого этажа свою шестилетнюю падчерицу», а адвокат будет на суде до-

казывать, что от бедности и тяжелой работы мачеха должна была возненавидеть ребенка «в отчаянную минуту, в аффекте безумия, почти не помня себя, она схватывает эту девочку и Гг. присяжные, кто бы из вас не сделал того же самого? Кто бы из вас не вышвырнул из окна ребенка?» [164]

Достоевский издевался над адвокатами, опасаясь, что преступница будет оправдана, а преступление было явное и доказанное. Сама Корнилова созналась в преднамеренном покушении на убийство ребенка. Все было ясно и просто и опасения Достоевского не оправдались. Суд приговорил Корнилову на два года и восемь месяцев каторжных работ, а после окончания на вечное поселение в Сибири.

И вот Достоевский, боявшийся, что суд оправдает преступницу, выступил на ее защиту. «Простота» всего дела оказалась обманчивой. Странным для Достоевского показалось поведение Корниловой после совершения преступления. Ну, зачем она пошла доносить на себя в полицию, когда никто не знал о преступлении, и Корнилова не знала, что девочка осталась жива? «Вот факты, — пишет Достоевский, — кажется, чего бы проще, а, между тем, сколько тут фантастического, не правда ли?» [165] Доктор, исследовавший преступницу, нашел, что преступление она совершила сознательно. С этого и начинает Достоевский. Он пишет, что бессознательное люди могут совершать только в бреду или белой горячке. Все остальное совершается сознательно. Даже сумасшедшие совершают свои безумные поступки совершенно сознательно, помнят их и могут дать в них отчет.

Во время совершения преступления Корнилова была беременна, а в этом состоянии у женщин бывают странные и непреодолимые влечения. Сознание сохраняется, но не может устоять перед влечением. Достоевский назвал такие состояния «сумасшествием без сумасшествия». Корнилова ни в чем не оправдывалась, верила сама, что она пре-

ступница, но объяснить свое преступление не могла. «Пожелала злое, только совсем уж тут не моя как бы воля была, а чья то другая». [166] Идти в полицию она тоже не хотела, «а как-то так сама пришла туда, не знаю зачем, и все на себя показала».

Достоевский поместил в «Дневнике» статью о Корниловой. Он заинтересовался этим делом и несколько раз посетил Корнилову в тюрьме. Под влиянием статьи Достоевского дело было пересмотрено, и Корнилова оправдана, несмотря на то, что преднамеренно и сознательно пыталась лишить жизни падчерицу. Теория Достоевского о «сумасшествии без сумасшествия», когда человек всецело находится во власти непреодолимых влечений и может сознательно совершать бессознательные преступления, дала новое направление развитию науки о болезнях души человеческой.

По мысли Достоевского, преступление-несчастье. Все люди потенциальные преступники, но большинство совершает преступления мысленно, а единицы под влиянием тех или иных мощных влечений или идей преступают закон на деле. Преступники такие же люди, они не хуже нас. Просто у них так трагически сложились обстоятельства. Следовательно, эти люди несчастные, а преступление — несчастье. Человек, совершивший преступление, если он не зверь, остается таким же человеком и часто горько раскаивается в сделанном. Его наказала жизнь, наказал закон и этого довольно. Люди должны жалеть его, понимая, что и они могли бы быть в таком же положении. Преступник потерял себя. Ему нужна помощь: «Не лучше ли исправить, найти и восстановить человека, чем прямо снять с него голову. Резать головы легко по букве закона, но разобрать по правде, по-человечески, по-отчески, всегда трудно». [167]

Человек имеет образ Божий, но может потерять его, стать безобразным. В «Толковом словаре». В. Даля есть два слова, безобразный и безобразный. Они различаются ударениями, но имеют

разное значение. «Безобразный» значит: неблаговидный, некрасивый, неказистый, уродливый, искаженный и т. д. Второе слово в настоящее время почти не употребляется. Оно значит — лишенный образа, потерявший этот образ. Такому человеку нужно помочь вернуть потерянный образ, нужно «образить» его, т. е. превратить в человека. В «Словаре» Даля «образить» значит придать чему-нибудь образ, придать должный и красивый вид, обмыть, очистить. О том как «образить» человека и писал Достоевский. Его мысль была глубоко гуманной. Он призывал бороться за восстановление в человеке человека. Образ теряют не только отдельные люди, но и нации, следовательно необходимо «образить» и все народы, и все человечество.

Самоубийство

Проблема самоубийства всегда привлекала внимание Достоевского, как болезнь души человеческой, как психологическая загадка, которую нужно отгадать. Как, и под влиянием каких причин, мощный инстинкт самосохранения перестает действовать, и человек сам уничтожает себя? Кроме того, эта проблема имела огромное злободневное значение. В 70-е годы разразилась эпидемия самоубийств. Экономические потрясения, вызванные отменой крепостного права, и наплыв новых идей часто оказывались не по-плечу современникам, и для многих средством для разрешения неразрешимых противоречий было самоубийство. Самоубийства исчислялись сотнями. О них, как жаловался Достоевский, даже не писали в газетах.

Особенно много самоубийств было в Петербурге — городе общественных контрастов и противоречий. Причины самоубийств были самые разнообразные. В № 13-14 журнала «Гражданин» за 1874 год сообщалось о самоубийстве юноши, которого исключили из Пажеского корпуса, в 23 но-

мере этого же журнала была заметка о целом ряде самоубийств. В Тифлисе покончила с собой по неизвестным причинам молодая и красивая девушка, дочь полковника. В другом городе умертвила себя после семейной ссоры молодая женщина, в Ямполе повесилась девушка от безнадежной любви; повесился пятнадцатилетний ученик из-за трудности учения. В газетах сообщалось и о самоубийствах среди детей. Кончали с собой тринадцатилетние и девятилетние. В Петербурге стрелялись, вешались и топились каждый месяц от 12 до 15 человек. В 1870 году в Петербурге было 125 самоубийств, в 1871 — 152, в 1872 — 167. (цифры взяты из книги А. Долинина «В творческой лаборатории Достоевского», 1947, стр. 98-99)

Люди убивали себя из-за разных причин, но часто случалось так, что убивали себя и без видимых причин. Убивали себя не только люди, уставшие жить, но и еще не жившие.

Изображая русскую жизнь, Достоевский не мог пройти мимо этого явления. Вот почему в каждом из его романов кто-нибудь из действующих лиц кончает с собой. В «Преступлении и наказании» стреляется Свидригайлов, в «Бесах» вешается Ставрогин и стреляется Кириллов, в «Подростке» стреляется Крафт, и убивают себя еще три человека. Когда люди убивали себя из-за невыносимо-тяжелых материальных условий, это можно было понять. Так второго октября 1876 года в газете «Голос» было сообщено о самоубийстве молодой швеи Марьи Борисовой. Она покончила с собой, «потому что никак не могла приискать себе для пропитания работы». Помолилась, взяла в руки образ и бросилась из окна четвертого этажа. Упала на землю с образом в руках. «Этот образ в руках, — пишет Достоевский, — странная и неслыханная в самоубийстве черта! Это уже какое-то кроткое, смиренное самоубийство. Тут даже, видимо, не было никакого ропота или попрека: просто стало нельзя жить, «Бог не захотел» и — умерла,

помолившись... Эта кроткая, истребившая себя душа невольно мучает мысль».[168] В этом же очерке Достоевский пишет о самоубийстве дочери Герцена. Молодая, образованная и вполне обеспеченная девушка, намочила вату хлороформом, обвязала себе ею лицо, легла на кровать и умерла, оставив ничего не объясняющую записку о том, что она предпринимает длинное путешествие. Если самоубийство не удастся, то просит всех отпраздновать ее воскресение с бокалами шампанского, а если удастся то похоронить, убедившись, что она мертвая, потому что неприятно проснуться в гробу: «Очень даже не шикарно выйдет». Это самоубийство Достоевский считает «странным и неразгаданным». В нем все и «снаружи и внутри загадка». Загадку он постарался разгадать, чтоб «на чем-нибудь остановиться и успокоиться». Достоевский думает, что семнадцатилетняя девушка умерла от душевной пустоты, от «прямолинейного и упрощенного взгляда на жизнь. В семье она не получила высших идей, а без высших идей не может существовать настоящий человек.

Многие кончали с собой потому, что не имели цели в жизни, а жить без цели просто так не могли. Некоторые истребляли себя потому, что утратили веру в Бога и не могли ответить на вопрос о смысле и цели жизни. О таких самоубийцах Достоевский пишет в статье «Приговор».

...Девятого июня 1876 года было написано одним из самоубийц следующее письмо: «Поветрие самоубийств может быть лишь между гимназистами, жалкими слабыми девушками, да еще между мужчинами — пролетариями. Но самоубийство результат всестороннего обсуждения всех шансов, самого смысла жизни и своего собственного я — это не преступление и даже не ошибка — это право». (цитируется по статье В. Туниманова «Приемы повествования в «Кроткой» Ф. М. Достоевского». «Вестник Ленинградского университета» 1965, № 2, Л.)

Во время жизни Достоевского это письмо

опубликовано не было, следовательно, знать Достоевский его не мог, но в статье «Приговор» он сумел воспроизвести рассуждения подобного самоубийцы, который кончает с собой, потому что природа произвела человека на свет вследствие каких-то своих вечных законов. Человек одарен сознанием, он понимает природу, и его возмущает ее произвол. Человек сознает: следовательно он страдает, а для чего и для кого нужно это страдание? Человек является какой-то частью целого, но какое это целое, какая цель этого целого, для чего оно существует? Как видно, цели нет. Если сказать, что цель — личное счастье, то как можно быть счастливым, зная, что необходимо умереть. На свете могут быть счастливы люди, которые похожи на животных, люди, которые живут как животные: едят, спят, устраивают гнезда, выводят детей.

Но в этом случае, лучше быть животным, так как животное не размышляет о цели жизни. Скажут, что человек должен жить для других, для будущих поколений, но как он может посвятить свою жизнь будущим поколениям, когда знает, что вся наша жизнь обречена на уничтожение, и весь земной шар обратится в ничто. Какое человеку дело до будущих поколений, если он живет на свете только один раз и после смерти не будет знать, что случится с человечеством. Но зато еще при жизни он очень хорошо знает, что гибель земли неизбежна. Какой смысл жизни вообще, если после тысячелетних страданий человек сумеет устроиться на разумных началах только для того, чтобы погибнуть? Как же может протестовать человек? Остается один путь: уничтожить себя.

Достоевский в этой статье пришел к выводу, что «без веры в свою душу и в ее бессмертие, бытие человека неестественно, немыслимо, невыносимо».[169] «Любовь к человечеству — даже совсем не мыслима, не понятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой. Те же, которые отняв

у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни «любовью к человечеству», те, говорю я, подымают руки на самих себя, ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству». [170]

«Самоубийство, при потере идеи о бессмертии, становится совершенною и неизбежною даже необходимостью для всякого человека, чуть-чуть поднявшегося в своем развитии над скотами. Напротив, бессмертие, обещая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землей». [171]

«Только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле. Без убеждения же в своем бессмертии, связи человека с землей порываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни (ощутимая хотя бы лишь в виде самой бессознательной тоски) несомненно ведет за собою самоубийство». [172]

«Идея о бессмертии — это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная форма и главный источник истины». [173]

«Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле л и ш ь о д н а и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек л и ш ь и з о д н о й е е в ы т е к а ю т». [174]

Как видно из приведенных цитат, Достоевский связывает самоубийство с религией. Настойчиво и упорно он пытается доказать, что при потере веры человек не может существовать и логически должен покончить с собой. Отчасти он был прав. Верующему человеку легче выносить удары судьбы, легче жить с уверенностью, что все совершается по высшей разумной воле и все предопределено. Но нельзя забывать и того, что атеисты исчисляются миллионами, что у них есть свои высшие идеи, ради которых они живут. Кроме того, верующие тоже часто кончали самоубийством. Выброси-

лась ведь из окна четырехэтажного дома швея с образом в руках. Но как образец замечательного анализа переживаний самоубийцы-атеиста статья «Приговор» представляет огромный интерес. Она вызвала оживленную полемику. Радикально настроенные критики упрекали Достоевского в том, что он единичные случаи выдает за общие, что рассуждение его самоубийцы пустое, нетипичное и «ходульное», что подобные самоубийцы это жалкие эгоисты, которых не следует жалеть и что статья Достоевского смешной и жалкий анахронизм.

Достоевский отстаивал свои идеи, справедливо указывая, что самоубийство это страшная трагедия и что нельзя называть самоубийц эгоистами и полусумасшедшими людьми, стреляющимися от скуки. Самоубийства превращались в национальное бедствие и Достоевский, как человек любивший великой любовью своих соотечественников, бил тревогу. «Самоубийства у нас до того в последнее время усилились, что никто уж и не говорит об них. Русская земля как будто потеряла силу держать на себе людей».

К особой категории самоубийц Достоевский относил людей, которые кончали с собой из-за «несоответственных» идей. «Идея вдруг падает у нас на человека как огромный камень и придавливает его наполовину, — и вот он под ним корчится, а освободиться не умеет. Иной соглашается жить и придавленный, а другой не согласен и убивает себя». [175] Что подразумевал Достоевский под «несоответственными» идеями? Думается, что здесь речь шла о русской полярности и одержимости, которые делали людей беззащитными перед влиянием идей. Противоречие между идеей и жизнью находило страшную развязку в самоубийстве. Идеи бывают односторонними, часто они не могут заменить полную борьбы и конфликтов, но в то же время яркую, многостороннюю и красочную живую жизнь.

Гибли люди и потому, что слишком утилитарно смотрели на жизнь. В семидесятые годы русская

интеллигенция, мечтая о всеобщем счастье, слишком большое внимание уделяла материальной стороне жизни. Обеднялась духовная сторона. Примером самоубийства от одностороннего примитивного понимания жизни было самоубийство Писаревой. Дочь состоятельных родителей Писарева под влиянием новых идей окончила акушерские курсы, достаточно зарабатывала, не нуждалась, но отравилась, оставив большое письмо, которое было опубликовано в газете «Новое время». В письме проглядывает нетерпение, раздражение даже грубость. Было видно, что девушка очень устала и писала, чтобы «отвязаться». Большое внимание уделено денежным расчетам. Подробно указано, как распорядиться той крохотной суммой, которая осталась. Достоевский увидел в этом отражение «главного предрассудка всей жизни», т. е. одностороннее убогое мировоззрение, которое сводит все богатства жизни к одним материальным сторонам. Девиз «не хлебом единым» был совершенно забыт в 70-е годы, и жизнь мстила за себя: люди гибли от «несоответственных» идей и скуки. Достоевский решительно выступил против самоубийств. «Милые, добрые, честные, — писал он молодежи, — куда же это вы уходите, отчего вам так мила стала эта темная, глухая могила? Смотрите на небе яркое весеннее солнце, распустились деревья, а вы устали, не живши». [176]

«Нет, устать, возненавидеть жизнь и всех, о нет, нет, пройдет это жалкое, уродливое недоношенное племя, племя корчащихся под свалившимися на них камнями, засветит как солнце новая великая мысль и укрепится шатающийся ум и скажут все: «Жизнь хороша, а мы были гадки». [177]

В статьях Достоевского, посвященных проблеме самоубийства, отразились его противоречия. Пытаясь доказать, что без веры в бессмертие души человек не может существовать на земле, Достоевский, сам как отмечалось, переживал величайшие сомнения в существовании Бога. Выступая против

самоубийств, он возлагал надежды не только на религию, но и на «новую мысль», т. е. новую идею, которая «засветит как солнце». Думается, что здесь речь идет не о религии, а о любимой идее Достоевского о «всеединении человеческом».

Еврейский вопрос

О евреях Достоевский писал часто и не только в «Дневнике». Он упоминал о них в романах и письмах. Большею частью упоминания были нелестные. В «Дневнике» он подводит итоги и делает определенные выводы. На эти выводы обычно не обращалось внимания многочисленными исследователями творчества Достоевского. Всеми как бы молчаливо признавалось, что Достоевский заблуждался и что нет смысла говорить об ошибках и заблуждениях гения. Мы думаем, что для понимания Достоевского необходимо выяснить и его отношение к евреям, так как, избегая этого выяснения, мы молчаливо признаем, что Достоевский был антисемитом. Такое признание хуже обвинения. Посмотрим, что же было на самом деле.

В романе «Бесы» Достоевский мелким почтовым чиновником сделал «жида Лямшина», который, играя на фортепиано, «представлял свинью, грозу, роды с первым криком ребенка и пр., и пр.» Лямшин был лицом эпизодическим и особого значения в романе не имел. Делать какие-либо выводы об отношении Достоевского к евреям на этом основании нельзя. Кроме того, Достоевский не лучше относился и к представителям других национальностей, достаточно вспомнить изображение поляков в «Братьях Карамазовых» или отзывы Достоевского в «Дневнике» о немцах и французах. Правда, Лямшина он наделил одной отвратительной чертой, которой не было у других — способностью все опошлять. Лямшин исполняет на рояле одну «штучку» под названием «Франко-прусская война». Начинается «штучка» грозными звуками марсель-

езы. Слышится вызов, упоение будущими победами, но вдруг где-то рядом появляется пошлый мотив пошлой песни о милом Августине. «Марсельеза» не замечает этого мотива «она на высшей точке упоения своим величием», но Августин укрепляется, его такты совпадают с тактами «Марсельезы». Она пытается отбросить пошлую мелодию, но мелодия не сдается. Она весела и самоуверенна, она радостна и нахальна. Гибнет «Марсельеза» побеждает пошлость. Августин свирепеет «слышатся сиплые звуки, чувствуется безмерно выпитое пиво, бешенство самохвальства... Августин переходит в неистовый рев... Франко-прусская война оканчивается». [178]

Эту «штучку» Достоевский заставляет играть еврея. Последний совершает и «бессмысленное, глумительное кощунство»: сажает живую мышь в оправу чтимой народом иконы.

Образ Лямшина нарисован черными красками, но тут дело совсем не в еврейском происхождении. Лямшин принадлежал к кружку ненавистных Достоевскому нигилистов, и Достоевский относится к нему как к врагу.

В «Письмах» Достоевского содержится немало резких отзывов о евреях.

Наиболее типичным является ответ на письмо А. Ковнера. Выходец из бедной еврейской семьи, Ковнер прошел тяжелую жизненную школу. Голодал, занимался самообразованием, решил быть реформатором, написал несколько произведений, в которых доказывал нелепость еврейских предрассудков, но евреи жгли его книги и проклинали автора. Потом, Ковнер сотрудничал в разных радикальных изданиях и резко критиковал Достоевского. Работал в банке, находясь в тяжелом материальном положении, присвоил казенные деньги, попал под суд и был сослан на четыре года в Сибирь. Из тюрьмы Ковнер послал несколько писем Достоевскому. Наиболее ярким из них было письмо от 14 февраля 1877 года. «Я еврей, а вы очень недолюбливаете евреев», — так начинает свое письмо

Ковнер. «Я намерен затронуть один предмет, — пишет он дальше, — который я решительно не могу себе объяснить. Это ваша ненависть к «жиду», которая проявляется почти в каждом выпуске вашего «Дневника». Я бы хотел знать почему вы восстаете против «жида», а не против эксплуататора вообще. Я не меньше вашего терпеть не могу предрассудков моей нации, но никогда не соглашусь, что в крови этой нации лежит бессовестная эксплуотация». [179]

Дальше Ковнер пишет, что русские эксплуататоры не лучше еврейских и что Достоевский, говоря о «жиде», включает в это понятие всю «страшно нищую массу трехмиллионного населения в России, из которой 2900000, по крайней мере, ведут отчаянную борьбу за жалкое существование. Ковнер упрекает Достоевского за то, что его «ненависть к «жиду» простирается даже на Дизраэли, который, вероятно и сам не знал, что его предки были евреями».

Ковнер был современник Достоевского к тому же евреем, так что он хорошо понимал отношение Достоевского к евреям. Но здесь вызывает недоумение одно обстоятельство. Если Ковнер считал Достоевского антисемитом, то почему же он все-таки обращался к нему? Почему в своем письме Ковнер пишет, что считает Достоевского «искренним и абсолютно честным», но обвиняет его в том, что он наносит «бессознательно вред громадной массе нищенствующего народа». В таком духе не было смысла говорить с врагом, и Ковнер, как видно, и не думал считать Достоевского врагом еврейского народа.

В ответном письме Достоевский сообщает, что он получал и от других евреев «в этом роде заметки», а недавно получил одно идеально-благородное письмо от одной еврейки тоже с горькими упреками. «Я вам скажу, — пишет Достоевский, — что я вовсе не враг евреев и никогда им не был! Но уж 40 вековое, как вы говорите, их существование

доказывает, что это племя имеет чрезвычайно сильную жизненную силу, которая не могла, в продолжении всей их истории, не формулироваться в разные status in statu.

Сильнейший status in statu бесспорен и у наших русских Евреев. А если так, то как же они могут не стать, хотя о т ч а с т и, в разлад с корнем нации, с племенем Русским? Вы указываете на интеллигенцию еврейскую, но ведь Вы тоже интеллигенция, а посмотрите как Вы ненавидете Русских, и именно п о т о м у т о л ь к о ч т о В ы Е в р е й, хотя бы и интеллигентный. В Вашем письме есть несколько строк о нравственном и религиозном сознании 60 миллионов русского народа. — Это слова ужасной ненависти, именно ненависти... Я бы никогда не сказал так о Евреях, как Вы о Русских». [180]

Достоевский далее упрекает Ковнера за то, что тот ненавидит русских, именно потому только, что сам еврей. Не русские плохо относятся к евреям, а евреи к русским. Евреи презирают русских «даже и за стол не захотят сесть с русским, а русский не побрезгует сесть с ними». Кто же кого ненавидит? По мнению Достоевского, не евреи унижены перед русскими, а русские перед евреями «и даже во всем, ибо Евреи пользуются почти полною равноправностью (выходят даже в офицеры, а в России это все), — кроме того имеют и свое право, свой закон и свое status quo, которое русские же законы и охраняют. Но оставим, тема длинная. Врагом же евреев я не был. У меня есть знакомые евреи. Есть еврейки, приходящие и теперь ко мне за советами по разным предметам, а они читают «Дневник писателя», и хоть щекотливые, как все евреи за еврейство, но мне не враги, а напротив приходят». [181]

Получается интересная ситуация. Достоевский критикует и оскорбляет евреев в «Дневнике», а евреи являются читателями «Дневника» и вступают в споры с его автором. Следовательно, они не считали Достоевского своим врагом, но прежде чем

делать какие либо выводы посмотрим, что писал Достоевский о евреях в «Дневнике», а также попробуем определить генезис его взглядов.

В «Дневнике» за 1873 год в статье «Мечты и грезы» Достоевский, говоря о развитии в России пьянства, замечает, что русский народ после освобождения встретил «шаткость высших слоев общества, веками укоренившуюся отчужденность от него интеллигенции (вот это-то самое главное) и в довершение — дешевку и жида».[182] Если пьянство будет продолжатся, «если сам народ не опомнится, а интеллигенция не поможет ему... то весь, целиком, в самое малое время очутится в руках у всевозможных жидков, и уж тут никакая община не спасет: будут лишь общесолидарные нищие, заложившиеся и закабалившиеся всей общиной, а жиды и кулаки будут выколачивать за них бюджет. Явятся мелкие, подленькие развратнейшие буржуа и бесконечное множество закабаленных ими нищих рабов, — вот картина! Жидки будут пить народную кровь и питаться развратом и унижением народным».[183]

В записной книжке Достоевский коротко заметил «Проект. Катать высших жидов».[184] В данных высказываниях речь идет о еврейских капиталистах, которые жестоко эксплуатируя народ, тем самым подготавливали почву для революции. Достоевский пишет о неизбежной борьбе в Европе пролетариата с буржуазией. В этой борьбе должен победить пролетариат, потому что пролетариат не пойдет больше ни на какие уступки: «Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жиды, все это рухнет в один миг и бесследно — кроме разве жидов, которые и тогда найдутся как поступить, так что им даже в руку будет работа».[185]

В статье «По поводу выставки», говоря об одной картине, Достоевский замечает, «что спра-

шивается, поймет в этой картине немец, или венский жид (Вена как и Одесса, говорят вся в жидах) ». 9. 257 В «Дневнике» за 1876 год в главке «Обособление» Достоевский пишет: «Но неужели вы и вправду укажете мне на эту толпу бросившихся на Россию восторжествовавших жидов и жидишек? Восторжествовавших и восторженных, потому что появились теперь даже и восторженные жиды, иудейского и православного исповедания». 10,99

Если в первой цитате из «Дневника» за 1873 год мы видим только оскорбительное замечание по адресу евреев, то во второй цитате проявляется враждебное отношение Достоевского не к евреям, а скорее к еврейским капиталистам, которых Достоевский так же искренне ненавидел, как и русских.

Всем этим кратким высказываниям подводится как бы итог во второй главе «Дневника» за 1877 год. Глава называется: «Еврейский вопрос». Само заглавие указывает на важность, которую Достоевский придавал этому вопросу. В начале статьи Достоевский подчеркивает, что это огромный вопрос, разрешить его задача не по силам одному человеку, что он решил только высказать свое мнение, так как получал много писем от евреев с упреками за ненависть к «жиду», ненависть как к племени. Вроде того, что «Иуда, дескать, Христа предал».

Авторы писем давали понять Достоевскому, что они сами не разделяли предрассудков своей нации, не выполняли религиозных обрядов и не верили в Бога. Достоевский делает странное и многозначущее замечание, что эти просвещенные евреи не должны «забывать своего сорокавекового Иегову и отступаться от него. И это далеко не из одного только чувства национальности грешно, а из других, весьма высокого размера причин». [186] Дальше Достоевский пишет: «Всего удивительнее мне то: как это и откуда я попал в ненавистники еврея, как народа, как нации?». [187] «Когда и чем заявил я ненависть к еврею, как к народу? Так как

этой ненависти в сердце моем не было никогда... то я, с самого начала и прежде всякого слова, с себя это обвинение снимаю, раз и навсегда».[188] Достоевский говорит, что он употребляет слова «жид», «жидовщина», «жидовское царство» для «обозначения известной идеи». Правда, Достоевский ненавидел капитализм и олицетворял капитализм с еврейскими предпринимателями и банкирами. Но это только одна сторона дела. Есть и другая, которая объясняет почему Достоевский враждебно относился к евреям. Он обвиняет евреев в том, что они слишком много жалуются на свою судьбу «на свое принижение, на свое страдание, на свое мученичество. Подумаешь, не они царят в Европе, не они управляют там биржами хотя бы только, а, стало быть, политикой, внутренними делами, нравственностью государств».[189] Полемизирую с Ковнером, выдержки из письма которого мы приводили, Достоевский пишет, что ни один еврей не забывает о своем происхождении. «Я готов поверить, что лорд Биконсфильд сам, может быть, забыл о своем происхождении, когда-то, от испанских жидов (наверно, однако, не забыл), но что он руководил английской консервативной политикой за последний год о т ч а с т и с точки зрения жида, в этом, по-моему, нельзя сомневаться».[190]

В России евреи жалуются, что лишены свободного местожительства, но в то же самое время двадцать три миллиона русских были тогда крепостными и жили в более тяжелых условиях. Что случилось после освобождения крестьян? Кто первый набросился на народ «как на жертву, кто воспользовался его пороками преимущественно, кто оплел его вековечным золотым своим промыслом?» На эти вопросы Достоевский отвечает одним словом — евреи. «Я знаю, что евреи, прочтя это, тотчас же закричат, что это неправда, что это клевета, что я лгу, «что не знаю сорокавековой истории этих чистых ангелов, которые «несравненно нрав-

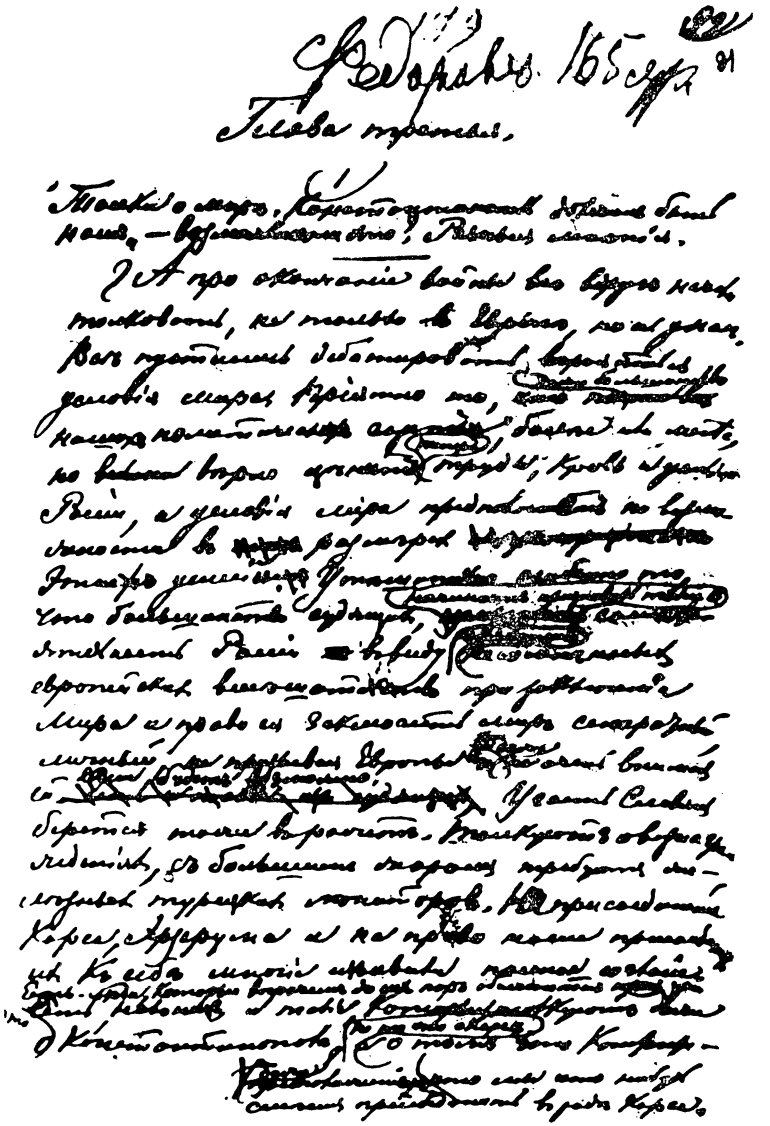
ственно чище не только других народностей, но и обоготворяемого мной русского народа» (по словам корреспондента). Но пусть, пусть они нравственно чище всех народов в мире, а русского уже разумеется». [191] Все же евреи эксплуататоры. Оказывается, что и в Америке евреи «уже набросились всей массой на многомиллионную массу освобожденных негров и уже прибрали ее к рукам по-своему, известным и вековечным своим «золотым промыслом». Достоевский говорит, что он предвидел это еще пять лет тому назад «именно, что неграм не уцелеть, потому что на эту свежую жертвочку как раз набросятся евреи, которых столь много на свете». Тоже самое случилось в Литве. Достоевский комментирует заметку из «Нового времени», в которой описывается, как евреи спаивают народ. Некоторые критики объясняли поведение евреев бедностью и борьбой за существование. Достоевский не согласен с ними: «все эти негры и литовцы еще беднее евреев, выжимающих из них соки». Литовцы и негры, несмотря на бедность, «гнушаются такой торговлей на которую так падки евреи», а если «начать писать историю этого всемирного племени, то можно тот час же найти сто тысяч таких же и еще крупнейших фактов». Эти факты не нужно искать, а лишь следует протянуть руку к любой газете и поискать «на второй или третьей странице: непременно найдете что-нибудь о евреях... и непременно одно и тоже, т. е. все одни и те же подвиги. Так ведь это согласитесь сами, что-нибудь да значит, что-нибудь да указует, что-нибудь открывает же вам... Разумеется, мне ответят, что все обуреваемы ненавистью, а потому все лгут. Конечно, очень может случиться, что все до единого лгут, но в таком случае рождается тотчас другой вопрос: если все до единого лгут и обуреваемы такой ненавистью, то с чего-нибудь да взялась же эта ненависть». [192]

Русский народ относится к евреям дружелюбно. В нем нет «предвзятой, априорной, тупой, ре-

лигиозной ненависти к еврею», хотя сами евреи относятся к русским с презрением. Еврей с русским «есть не захочет, брезгает им, сторонится и ограждается от него сколько может». Русские даже не обижаются на это. Но, если бы в России было наоборот, т. е. три миллиона русских, а 80 миллионов евреев «ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им сравняться с собой в правах? Дали бы им молиться свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем? Не избили бы до тла, до окончательного истребления, как делывали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю? Нет-с, уверяю вас, что в русском народе нет предвзятой ненависти к еврею, а есть, может быть, несимпатия к нему... но происходит это вовсе не потому, что он еврей, а от иных причин, в которых виноват уже не коренной народ, а сам еврей».

Взгляды Достоевского не отличались последовательностью, а скорей противоречивостью. Он критиковал и ненавидел еврейских капиталистов, что было понятно, но критика распространялась и на еврейскую интеллигенцию и на еврейскую бедноту. Нерасположение Достоевского к еврейской интеллигенции можно объяснить тем, что среди нее было немало нигилистов и революционеров, которых Достоевский не любил и боялся. Но причем тут еврейская беднота? Сам же Достоевский заявлял, что слепой ненависти к евреям у него не было. Оказывается, что здесь выступали другие причины к рассмотрению которых мы и переходим.

Достоевский был суеверен. Думается, что его отношение к евреям предопределяла одна идея, идея о том, что евреи готовятся к захвату власти над всем миром. Подтверждение нашего соображения мы находим в «Дневнике». В рассматриваемой нами статье Достоевский пишет, что еврейский народ не мог существовать столько веков без status in statu, который он сохранял всегда и



Наборная рукопись к «Дневнику писателя» за 1877 год. Публикуется впервые. Г. Б. Л. ф. 93 Дост. 1. № 2, № 13.

везде. Говорить о status in statu невозможно, потому что «не настали еще все времена и сроки, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом племени еще впереди». Но некоторые признаки этого status in statu изобразить можно, хотя наружно. К этим признакам относятся: «отчужденность и отчудимость на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность-еврей, а другие, хоть есть, но все равно надо считать, что как бы их и не существовало. «Выйдь из народов и составь свою особь, и знай, что с сих пор ты един у Бога, остальных истреби, или в рабов обрати, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром, верь, что все покорится тебе. Строго всем гнушайся, и ни с кем в быту своем не сообщайся... Живи, гнушайся, единись и эксплуатируй. Вот суть идеи этого status in statu, а затем, конечно, есть внутренние, а, может быть, и таинственные законы, ограждающие эту идею». [193]

Все это сложилось не на почве самосохранения, тут «некая идея, движущая и влекущая, нечто такое, мировое и глубокое, о чем, может быть, человечество еще не в силах произнесть своего последнего слова». [194]

Нужно сказать, что идея о том, что евреи готовятся к захвату мира, была широко распространена в консервативных кругах России. Даже могущественный прокурор святейшего синода К. Победоносцев был уверен, что евреи начали борьбу за захват страны. В письме к Достоевскому от 19 августа 1879 года он замечает: «А что вы пишете о жидах, то совершенно справедливо. Они все заполнили, все подточили, однако за них дух века сего. Они в корню революционно-социального движения и цареубийства, они владеют периодической печатью, у них в руках денежный рынок, к ним попадает в денежное рабство масса народная, они управляют и началами нынешней

науки, стремящейся встать вне христианства. И за всем тем — чуть поднимется вопрос об них, поднимается хор голосов за евреев во имя якобы цивилизации и терпимости, т. е. равнодушия к вере. Как в Румынии и Сербии, так и у нас никто не смей слова сказать о том, что евреи все заполнили. Вот уже и наша печать становится еврейской». [195]

Достоевский пишет о легенде, которую он слышал в детстве. Суть легенды была в том, что Мессия «соберет всех евреев в Иерусалим и низложит все народы мечом своим к их подножию».

Достоевский верил в эту легенду, верил в то, что евреи являются грозной опасностью не только для России, но и для мира. Если евреи имеют тайную организацию в государстве, то они очень опасны для этого государства. Может быть, отсюда исходило враждебное отношение Достоевского к евреям? Может быть поэтому он наделял их столь многими отрицательными качествами? Как, например, безжалостностью. По его мнению, «двигает евреев безжалостность». «Одна лишь к нам безжалостность и одна только жажда напитаться нашим потом и кровью».

Евреи медленно завоевывают мир. Положение трудящихся масс ухудшается на западе, потому что «не даром же все таки царят там повсеместно евреи на биржах, не даром они движут капиталами, не даром же они властители кредита и не даром, повторяю это, они же властители и всей международной политики... близится их царство, полное их царство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов». [196] «Верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть». [197]

Достоевский не отрицает того, что среди евреев есть хорошие люди, но подчеркивает, что он говорит не о всем народе. «Мы говорим о «жи-

довстве и об идее жидовской, охватывающей весь мир, вместо «неудавшегося христианства». [198] В России «жиды становятся помещиками, — и вот, повсеместно, кричат и пишут, что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы воротить капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли. Но попробуйте сказать что-нибудь против этого — и тотчас же вам возопят о нарушении принципа экономической вольности и гражданской равноправности. Но какая же тут равноправность, если тут явный и талмудный status in statu прежде всего и на первом плане, если тут не только истощение почвы, но и грядущее истощение мужика нашего, который, освободясь от помещиков, несомненно и очень скоро попадет теперь, всей своей общиной, в гораздо худшее рабство». [199]

Обвинения Достоевского произвольны, но, как видно, он был всецело во власти определенной теории, которая существовала с незапамятных времен. Считалось, что еще в 929 году до рождества Христова при царе Соломоне был создан совет еврейских мудрецов, который составил план завоевания евреями мира. Этот план будто бы положен в основу борьбы еврейства за мировое господство и в наши дни. Мог Достоевский так же знать книгу Дизраэли, написанную в 1852 году «Жизнь лорда Бентинк».

Книга Дизраэли Lord H. Bentinck: a political biography, London, 1852, настолько интересна, что на ней стоит остановиться. Ярый враг России и славянства Дизраэли посвятил целую главу в своей книге еврейству. Эта глава была очень мало связана с содержанием книги. Как видно, Дизраэли поставил перед собой специальную цель — оправдание еврейства от различных обвинений.

Он прославляет евреев указывая, что все нации каждый день читают еврейскую историю, поют оды

и элегии еврейских поэтов и на коленях во время молитвы признают, что посредником между Богом и ими является еврейская раса. Евреи основали христианство. Первые проповедники евангелия были ученики Христовы, т. е. евреи. Сам Христос был еврей, христианская небесная царица — еврейка. Если бы не евреи, то учение Христа не было бы известно в мире. За что же ненавидят и преследуют евреев? Будто бы за то, что они предали Христа. Но в Палестине жила только часть евреев, так почему же евреи всего мира должны отвечать за их действия? Кроме того, если бы Христос не был распят, то не было бы и искупления. Еврей необыкновенная нация, и они доказали это. Не было в мире расы, которая была бы столь возвышена, очаровательна и восхитительна. Эта раса действовала облагораживающе на всю Европу. В течение тысячелетий евреи подвергались жестоким преследованиям. Предпринимались самые жестокие попытки истребить их. Египетские фараоны, ассирийские цари, римские императоры, скандинавские завоеватели, готские принцы, святые инквизиторы — все, как один, направляли свою энергию на выполнение общей цели — уничтожения евреев. Изгнания, ссылки, пытки, казни, избиения — все это применялось против евреев в самом широком масштабе и все безуспешно. Любой народ при таких условиях разложился и погиб бы, но евреи, наоборот, размножались.

Прирожденной чертой еврейской расы Дизраэли считает «гордость своим происхождением». Евреи не хотят ни с кем смешиваться, так как считают себя выше других. Евреи очень много сделали для человечества. Они обогатили науку, музыку и искусство. Они принимают активное участие в управлении государствами, во всех общественных учреждениях вы найдете еврейский элемент.

Евреев обвиняют в том, что они «возглавляют тайные общества, которые ставят своей целью разрушение христианского строя и готовятся к

захвату власти над всем миром». (стр. 497-498) Дизраели пишет, что подобные обвинения ни на чем не основаны.

В своей статье «Еврейский вопрос» Достоевский как бы полемизирует с Дизраэли, используя его аргументы для доказательства обратного, т. е. того, что евреи царят над миром и хотят захватить мир.

Все это предопределило враждебное отношение Достоевского к евреям, но он, не был антисемитом. В заключении статьи он высказался за уравнение евреев в правах с русскими, призывая к полному братству: «Да будет полное и духовное единение племен и никакой разницы прав». «Да сойдемся мы единым духом, в полном братстве, на взаимную помощь и на великое дело служения земле нашей, государству и отечеству нашему». [200]

Рассматривая отношение Достоевского к евреям, чтобы правильно понять писателя, нужно учесть отношение к евреям наиболее прогрессивных групп русского общества.

Весной 1881 года на юге России разразились еврейские погромы. Были убитые и много раненых. Как же реагировали на погромы ведущие революционные партии: «Народная Воля» и «Черный передел»? Оказывается, что по сути дела — никак. Перед нами записки одного из видных народников и народовольцев И. И. Попова. Записки были изданы после революции, когда развернулась энергичная борьба с антисемитизмом и мы можем вполне доверять автору. Оказывается, что к «погромам большинство (народников и народовольцев Д. Г.) относилось скорее сочувственно, чем отрицательно, усматривая в них антиправительственное движение ... Нужно сознаться, что прокламация Рабочей группы по поводу екатеринославского погрома, а значительно позднее статья в Листке «Народной Воли» «По поводу еврейских беспорядков» давали повод говорить о сочувствии партии еврейским беспорядкам. Такие объяснения,

как: народ громит не евреев, а «жидов», которые держат народ в кабале, или что избиение евреев предшествовало французской революции делали нашу задачу — бороться с сочувствием к еврейским погромам довольно трудною... В самой партии «Народной Воле» и в «Черном переделе», по крайней мере, если не в головке, то в массе, не было определенно отрицательного отношения к погромам... Я не сомневаюсь, что на юге рядовые революционеры и особенно рабочие не только не противодействовали погромам, а, может быть, принимали участие в них, стараясь натравить толпу на полицию... Отношение «Народной Воли» к еврейским погромам в 1881 году, отсутствие решительного протеста со стороны партии, а вместо него статьи двусмысленного характера — историческая ошибка партии, что я смутно сознавал и в 1881 году». [201]

Может быть, Попов «смутно и сознавал», что «Народная Воля» допустила ошибку, но в свое время он не протестовал, также как не протестовали и другие, а факты остаются фактами.

Достоевский не дожил до погромов, но он решительно высказался за уравнение евреев в правах с русскими и за братство, что не сделали ни народники ни народовольцы.

Говоря об отношении Достоевского к евреям, нужно помнить то время, в которое он жил и рассматривать все с исторической точки зрения. В ту эпоху антисемитизм в России был не только сильно развит, но и поощрялся правительственными кругами. Так, Министерство внутренних дел поручило своему высшему чиновнику написать специальную записку об убийстве евреями христиан с ритуальными целями (в том, что убийства производились с подобными целями у министерства не было ни малейшего сомнения). В 1844 году результат этой работы был опубликован в ограниченном количестве экземпляров (всего десять) для раздачи высшим представителям власти под названием: «Розы-

скание о убиении евреями христианских младенцев и употребление крови их». Автор «Розыскания» В. И. Даль, был чиновником Министерства внутренних дел. В «Розыскании» утверждалось будто евреям нужна кровь христиан и, главным образом, христианских детей для ритуальных целей. «Розыскание» переиздавалось. В 1878 году оно было напечатано в журнале «Гражданин» под заголовком: «Сведения о убийстве евреями христиан для добывания крови». Редакция отметила, что оригинал «Записки» был составлен в 1844 году. В том, что Достоевский знал «Розыскание» не может быть сомнений.

В «Розыскании» рассматривались различные судебные случаи по обвинению евреев в ритуальных убийствах начиная с средних веков. Особое внимание было уделено, так называемому Велижскому делу. В городе Велиже в 1823 году был убит мальчик трех с половиной лет. Было обвинено 40 евреев. Дело тянулось до 1835 года. В конце концов, все евреи были оправданы. Но автор «Розыскания» утверждает, что велижское событие более других служит доказательством виновности евреев в ритуальных преступлениях: «Для положительного удостоверения, что обвинение это не есть клевета или вымысел, и что не одна пытка средних веков вымогала из жидов это ужасное сознание, остается разобрать несколько ближе одно из новейших дел этого рода — велижское, оно замечательно большими подробностями своими, многократно возобновленными розысканиями и ясностью всех улик».[202] В «Розыскании» перечисляется сто тридцать четыре случая убийств христианских детей будто бы с ритуальными целями. Евреями все это критиковалось впоследствии но все это было после, а во время Достоевского «Розыскание» звучало очень убедительно, так как автор с большой эрудицией, опираясь на «еврейские священные книги» доказывал, что евреям нужна христианская кровь. Достоевский, конечно,

не мог знать, что в еврейских священных книгах ничего подобного не было написано. Влияние «Розыскания» на Достоевского отразилось даже в его творчестве. Мы думаем, что случай о котором говорит Лиза Алеше в «Братьях Карамазовых» перекочевал в роман из «Розыскания». «Вот у меня одна книга, — говорит Лиза, — я читала про какой-то где-то суд, и что жид четырехлетнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене, прибил гвоздями и распял, а потом на суде сказал, что мальчик умер скоро, через четыре часа. Говорит: стонал, все стонал, а тот стоял и на него любовался». [203]

Книга Даля, несмотря на краткость, (в ней всего сто пятьдесят три страницы) производит сильное и тяжелое впечатление описанием процессов, приговоров и трупов убитых детей. Как правило, все дети были замучены одинаковым способом «все тело было истыкано и исколото, иногда клочки кожи вырезаны... иногда некоторые члены отрезаны или ладони проколоты насквозь». [204] Часто у детей были отрезаны пальцы или выдернуты ногти.

Мрачный колорит книги сгущается еще более многочисленными цитатами, которые Даль выбрал из книг еврейских равинов, перешедших в христианство. Так, один из них писал: «одного ребенка я велел привязать ко кресту, и он долго жил, другого велел пригвоздить, и он скоро умер». [205] Даль утверждал, что в преступлениях повинны не все евреи, а определенная изуверская секта хасидым. «Изуверский обряд этот не только не принадлежит всем евреям, но даже, без всякого сомнения, весьма немногим известен. Он существует только в секте хасидиев... секте самой упорной, фанатической... но и тут составляет он большую тайну... не подлежит, однако же, никакому сомнению, что он никогда не исчезал вовсе». [206]

Как видно, в то далекое время и в тех условиях, Достоевский находился во власти тех же

предрассудков, которые владели многими, но он не был ненавистником евреев, а заявил о необходимости уравнения их в правах с русскими. Как это было далеко и не похоже на то, что творилось в это время в России, когда издатель влиятельнейшей газеты: «Новое время» А. С. Суворин писал в своей газете фельетоны под заголовками: «Бить иль не бить»?

Заключение

Перечисленными проблемами не исчерпывается содержание «Дневника», оно гораздо шире и богаче. Большое внимание в нем уделяется вопросам суда, народам России и идейным влияниям. Достоевский выдвинул интересную теорию о заразительности идей.

Рассматривая вопросы этики, Достоевский замечает, что если что-либо является предосудительным для одного лица, то должно быть предосудительным и для нации. В «Дневнике» Достоевский ставит проблему о праве человека на независимость. Каждый должен исповедовать то во что он верит, не боясь насмешек и преследований. Слово должно быть свободно.

Интересна мысль Достоевского о необходимости самопожертвования за счастье и благо своего народа. Эта мысль проходит через весь «Дневник». Интересно раздумье о настоящем лице человека, так как «человек всю жизнь не живет, а сочиняет себя, самосочиняется», о том, что является из существующего действительным.

Большое внимание в «Дневнике» уделяется проблеме человека. Достоевский верил в человека. Верил в то, что «люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей» [207], — писал он.

Много страниц «Дневника» посвящены различ-

ным странам Европы. Достоевский ярко охарактеризовал многие национальности, выясняя их отношение к России.

В «Дневнике» Достоевский обсуждает проблему о взаимоотношении личности с обществом. Последнее накладывает тяжелые цепи долга на личность. Общество всегда консервативно, оно ревниво следит за тем, чтобы соблюдались его традиции, его мораль, взгляды и идеи. Все что выходит за пределы установленных норм, что не может понять данное общество, то объявляется вредным, преступным, несозвучным эпохе. Погиб Пушкин, переросший своих современников, тяжело и много страдал сам Достоевский, дерзнувший создать новую форму романа. Страдали все те, которые выступали с «новым словом», гибли «новые» люди, решившие пожертвовать своей жизнью за счастье народа. Вопрос о связи Достоевского с народниками до настоящего времени не поставлен во всей широте, и не исследован, а без этого трудно понять творчество писателя. Ведь героями большинства его лучших романов являются «новые» люди, т. е. народники. Шатов и Кириллов в «Бесах», Крафт, Васин, Дергачев, вернее целый кружок революционера Долгушина в «Подростке», к «новым» людям относится и Иван Карамазов из «Братьев Карамазовых», также как и Алеша. Народники и народовольцы читали «Дневник», вступали в переписку с его автором. В атмосфере напряженной борьбы личности с обществом, Достоевский, несмотря на всякие оговорки, решительно высказался за свободу личности. Он осудил тот общественный порядок, при котором гибли лучшие люди, но не знал что нужно сделать, чтобы его изменить. В этом была его трагедия. Всеже он всегда боролся за свободу личности, требовал гласности и свободы печати.

В «Дневнике» обсуждается проблема, поставленная еще Пушкиным в стихотворении «Анчар» и поэме «Медный всадник» о праве на жизнь, о праве

распоряжаться жизнью человека. Кто может решить, что тот или иной человек должен умереть, даже, если это нужно для блага отечества? Пушкин оставил эту проблему неразрешенной, Достоевский ответил — Никто.

В заключение можно сказать, что в «Дневнике» Достоевский откликнулся на все, что волновало не только Россию и русских, но и все народы. Общечеловеческое звучание «Дневника» было огромно. Он был адресован не только России, но и миру.

Глава четвертая

ЖАНР «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

«Дневник писателя» начал издаваться с 1 января 1873 года. Последний номер появился в январе 1881 года.

За это время, исключая перерывы в изданий с 1874 г. по 1876 г. и с 1877 г. по 1880г., было напечатано: 16 выпусков «Дневника» в журнале «Гражданин» и издано 23 номера.

По годам издание «Дневника» распределяется следующим образом: 1873 г. — 16 выпусков, 1876 г. — 11 номеров, (в том числе один двойной), 1877 г. — 10 номеров (в том числе два двойных), 1880 г. 1 номер, 1881 — один номер.

Содержание «Дневника» можно разделить на следующие части: 1) Художественные произведения: «Бобок», «Маленькие картинки», — 1873 г., «Мальчик у Христа на елке», «Столетняя», «Мужик Марей», «Кроткая» — 1876 г., «Сон смешного человека» — 1877 г.

2) Воспоминания: «Старые люди», «Нечто личное» — 1873 г., «Старые воспоминания» — 1877 г., «История глагола «стушеваться» — 1877 г.

3) Литературно-критические статьи: «Полписьма одного лица», «Влас», «Смятенный вид», «По поводу выставки», «Ряженый», «По поводу новой драмы», «Учителю», «Нечто о вранье», «Одна из современных фальшей» — 1873 год, «О Юрии

Самарине», «Будущий роман», «Идеалы растительной стоячей жизни», «Одно слово по поводу моей биографии», «Смерть Жорж Занд» — 1876 год, «Русская сатира», «Новь», «Последние песни», «Один из главнейших современных вопросов», «Об анонимных ругательных письмах», «План обличительной повести из современной жизни», «Разговор с московским знакомым», «Восьмая часть «Анны Карениной», «Сотрясение Левина», «Ложь ложью спасется», «Что значит слово «стрюцкие»?, «Смерть Некрасова», «Пушкин, Лермонтов и Некрасов», «Поэт и гражданин», «Свидетель в пользу Некрасова» — 1877 год, «Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже «Речи о Пушкине», «Пушкин», «Придирка к случаю» — 1880 год.

4) Публицистические произведения.

Из 1200 страниц, составляющих «Дневник», около 500 страниц занимают рассказы, повести, литературно-критические статьи и воспоминания, т. е. материал, имеющий безусловную художественную ценность. Остальная часть состоит из публицистических статей и художественной публицистики.

Проведенное нами деление содержания «Дневника» условно, но оно дает возможность сделать анализ более ясным.

Какую же цель ставил перед собой Достоевский, издавая «Дневник»? «Я пишу мой «Дневник», — заметил он в 1877 году, — т. е. записываю мои впечатления по поводу всего, что наиболее поражает меня в текущих событиях». [1]

«Разумеется, — пишет он Соловьеву о статьях «Дневника», — это не какие-нибудь строгие этюды или отчеты, а лишь несколько горячих слов и указаний». [2]

Достоевский подчеркивает, что «Дневник» «не простое политическое обозрение... и не претендует представлять ежемесячно политические статьи, но всегда будет стараться отыскать и указать, по

возможности, нашу национальную и народную точку зрения и в текущих политических событиях». [3]

Достоевский в своем специфическом полупублицистическом, полуфилософском и литературно-художественном издании, говорил о чем хотел и как хотел. Конечно, цензурные ограничения не давали ему возможности касаться некоторых тем, но что он мог сделать, то делал. Одержимый любовью к России, русскому народу и мечтой о золотом веке, Достоевский провозгласил, что стыдиться своих убеждений нельзя. Кто хочет сказать слово пусть говорит его, не боясь никаких последствий:

«В этом смысле «Дневник» никогда не сойдет со своей дороги, никогда не станет уступать духу века, силе властвующих и господствующих влияний, если сочтет их несправедливыми, не будет подлаживаться, льстить и хитрить». [4]

«Дневники», как политико-литературные обозрения были довольно распространены в 70-е годы. Достаточно указать на «Дневник» сотрудника «Отечественных записок» Н. Михайловского, «Русский дневник» Мельникова-Печерского, «Варшавский дневник», издававшийся под редакцией К. Леонтьева. Последний утверждал, что прогресс 19 века должен привести или ко всеобщей катастрофе, или к «перерождению человеческих обществ». Должен был исчезнуть либерализм, появиться принудительные формы жизни, возникнуть в какой-то новой форме рабство, возродиться феодализм». [5]

Все перечисленные «Дневники» не отличались особой оригинальностью. Это были простые обозрения текущих общественных и литературных явлений. Авторы критически оценивали те или другие литературные произведения, писали о событиях, случившихся за неделю или месяц, и на этом успокаивались. Очерки, фельетоны и статьи «Дневников» не имели объединяющей идеи, тогда как в основе «Дневника» Достоевского была по-

ложена определенная идея, связывающая все части в одно целое. Следовательно вставал вопрос о жанре всего произведения, над ним Достоевский работал долго и упорно.

Приступая к самостоятельному изданию «Дневника» в 1876 году, в объявлении об издании, Достоевский довел до сведения подписчиков, что «Дневник» будет не собрание статей и заметок, а «целое, книга, написанная одним пером». Объявление это имеет особый интерес для понимания замыслов Достоевского и его взглядов на «Дневник».

«В будущем 1876 году, — пишет Достоевский, — будет выходить в свет ежемесячно, отдельными выпусками «Дневник писателя». Каждый выпуск будет заключать в себе от одного до полутора листа убористого шрифта, в формате еженедельных газет наших. Но это будет не газета; из всех двенадцати выпусков составится целое, книга, написанная одним пером. Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчет о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчет о виденном, слышанном и прочитанном. Сюда, конечно, могут войти рассказы и повести, но преимущественно о событиях действительных». [6]

Так ясно и четко ответил сам Достоевский на вопрос, что такое «Дневник». Последний имеет то же основание, что и романы Достоевского, то есть русскую действительность. На нее у Достоевского был свой взгляд. В письме к Н. Страхову от 26 февраля 1879 года Достоевский заметил: «В каждом номере газет вы встретите отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных. Для писателей наших они фантастичны; да они и не занимаются ими; а между тем они действительность, потому, что они факты... Они поминутны и ежедневны, а не исключительны. Мы всю действительность так пропустим мимо носа. Кто же будет отмечать факты и углубляться в них». [7]

В письме к Х. Алчевской, от 9 апреля 1876 г.,

Достоевский, отвечая на упрек в том, что он в «Дневнике» «разменивается на мелочи» пишет, что, по его мнению, писатель должен знать «до малейшей точности изображаемую действительность... Вот почему, готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение не действительности, собственно, я с нею и без того знаком, а подробностей текущего. Одна из самых важных задач в этом текущем, для меня, например, молодое поколение и вместе с тем современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, как всего еще 20 лет назад». [8]

Для Достоевского важны были жизненные факты, но это не значит, что он был натуралистом и ограничивался описанием явлений. Основываясь на фактах, он пытался проникнуть в их суть, сделать обобщения, прийти к определенным выводам и заключениям. Достоевский стремился к созданию литературного произведения, которое было бы тесно связано с текущей действительностью; поиски новых жанров отразились в его романах. Так Лиза Дроздова («Бесы») решила издать особую книгу, основанную на газетном материале. В книге должно было отразиться лицо России:

«Книга должна быть одна, даже не очень толстая... ясная потому, что главное в плане и характере представления фактов. Конечно, не все собирать и перепечатывать... Можно многое выпустить и ограничиться лишь выбором происшествий более или менее выражающих нравственную личную жизнь народа в данный момент... Изо всего выбирать только то, что рисует эпоху, все войдет с известным взглядом, с указанием, с намерением, с мыслью, освещающею все целое, всю совокупность... Это была бы, так сказать, картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни за целый год». [9]

Итак, отобранный материал, освещенный под

определенным углом зрения, должен был составить ту книгу, которая была бы одним целым.

Роман «Бесы» начал печататься в «Русском вестнике» в 1870 г., а в 1873 году Достоевский приступает к изданию «Дневника». Трудно поверить, что Лиза Дроздова излагает в романе свои мысли, а не идеи автора. В романе «Подросток» (1875 г.) Достоевский снова возвращается к обсуждению интересовавшей его проблемы. Героиня романа генеральша Ахмакова в разговоре с Аркадием Долгоруким вспоминает о том, как они раньше читали русские газеты, чтобы изучать факты. По целым часам «говорили про одни только цифры, считали и примеривали, заботились о том сколько школ у нас, куда направляется просвещение... считали убийства и уголовные дела, сравнивали с хорошими известиями... хотелось узнать, куда это все стремится и что с нами самими будет». [10]

Близки к приведенным цитатам замечания Достоевского о жанре «Дневника». По замыслу автора, «Дневник» должен был быть похож на фельетон, но «с тою разницею, что фельетон за месяц естественно не может быть похож на фельетон за неделю». «Дневник» не был «отчетом о событии и новостях», а говорил о том, «что из него (события Д. Г.) останется нам более постоянного, более связанного с общей, с цельной идеей. Наконец, я вовсе не хочу себя связывать даванием отчета. Я не летописец. Это напротив, совершенный д н е в н и к в полном смысле слова, т. е. отчет о том, что наиболее меня заинтересовало». [11]

«Дневник» был книгой, написанной «одним пером», но состоял из различных по жанру и содержанию статей и рассказов. Отличительной чертой «Дневника», как и романов Достоевского, было обилие идей и образов, на которое жаловался Достоевский Н. Страхову, замечая, что он страдал и страдает от неуменья совладать с образами и идеями. Потому что «множество отдельных романов и повестей разом втискивались в один, так что

ни меры ни гармонии».[12] В цитируемом письме Достоевский говорит о трудности передать читателям свои художественные замыслы, раскрыть свою душу. Он сообщает Страхову, что часто, увлекаясь «поэтическим порывом», берется за выражение идеи, которая не по его силам. Под «поэтическим порывом» Достоевский понимал тот момент, когда замысел будущего произведения являлся ему ясно и отчетливо, а под «выражением идеи» — воплощение замысла в словесной форме. Если учесть ту массу образов, идей и сюжетов, которые бесконечной вереницей проносились в голове Достоевского, то делается понятным как трудно было писателю делать выбор и воплощать в словах почти неуловимые переходы чувств и переживаний героев.

Отрицательно отразился на композиции и содержании небольшой размер издания. Часто Достоевскому приходилось писать не на те темы, которые он «излюбил», а на второстепенные, так как первые требовали много места и в «Дневнике» было бы «неразнообразно мало статей, и вот пишешь не то, что хотел».

Упорно и настойчиво работал Достоевский над жанром «Дневника». В 1876 году в письме к Алчевской он пишет, что еще «не успел уяснить себе форму «Дневника»[13] — и сомневается в том, что ему когда-нибудь удастся найти эту форму. В 1877 году, сообщая С. Яновскому о проекте какого-то нового издания, в которое должен был войти и «Дневник», Достоевский замечает, что «Дневник» войдет в это издание, как самостоятельная часть: он «сам собою так сложился, что изменить его форму, хоть сколько-нибудь невозможно».[14]

В двух письмах на протяжении двух лет Достоевский дает два отзыва о жанре «Дневника». В первом он пишет, что форма «Дневника» еще не сложилась, а через год сообщает, что «Дневник» «сам собою так сложился, что изменить его форму невозможно».

В этих двух отзывах, по существу, нет противоречия. Общий жанр «Дневника», вернее идея о специфике жанра была ясна Достоевскому, но воплощение ее в жизнь, создание новых жанров, разработка этих жанров продолжалась все время. Поставив перед собой цель «уяснение нашей национальной духовной самостоятельности», Достоевский последовательно рассматривал разные стороны русской и международной жизни: интеллигенция и ее задачи, народное образование, суд, развитие русской литературы, Европа и Россия, католицизм и православие, будущее России и мира, задачи России на Востоке и на Западе, восточный вопрос, панславизм, русская женщина, Россия и Германия, «Что такое для нас Азия?» и масса других проблем составляли содержание «Дневника».

Изучение многообразных сторон русской жизни давало писателю возможность собрать огромное количество интересовавших его фактов, познакомиться с жизнью народа и, главным образом, изучить взгляды различных групп русской интеллигенции. «Дневник» способствовал расширению связей Достоевского. В письме к Л. Ожогиной от 17 декабря 1877 года он заметил, что несмотря на трудности, «Дневник» доставил ему много счастливых минут, потому что дал возможность узнать «как сочувствует общество его деятельности».

Издавая «Дневник», «я научился многому, чего прежде и не знал и никогда не мог думать, что в России такое множество лиц, сочувствующих вполне тому, во что я верую». [15] Достоевский пытался сделать свой «Дневник» настоящим дневником, но пришел к выводу, что «настоящий дневник почти невозможен». Дело здесь в цензурном гнете. Цензура не баловала Достоевского. В 1876 году ему предлагалось печатать статьи под личную ответственность, в 1877 году была запрещена статья «Старина о «Петрашевцах». За день до смерти, по свидетельству А. Г. Достоевской, Федор Михайлович волновался и с нетерпением ждал известия из

цензурного комитета: он боялся, что цензура запретит статью в очередном номере «Дневника».

Писатель получал массу писем от читателей, т. е. от людей «всех возможных существующих направлений». Ему хотелось, основываясь на этих письмах, выяснить «возможна ли общая платформа между представителями различных течений интеллигенции. Но обдумав статью, он увидел, что ее «со всею искренностью написать нельзя», потому что цензура не пропустит. Поэтому Достоевский писал, что он «Дневником» «мало доволен, хотелось бы в сто раз больше сказать».

В «Дневнике» чувствуется дыхание эпохи. Цитаты из писем читателей, отрывки из разговоров, воспоминания о дискуссиях, газетные сообщения широким потоком вливались в произведение.

Своеобразие содержания «Дневника» требовало своеобразной формы, что и отразилось в упорной работе писателя над жанром.

Между романами Достоевского и «Дневником» нет непроходимой пропасти. Черты, характерные для романов встречаются и в «Дневнике», часто содержание «Дневника» переходит в романы. Из «Дневника» берутся идеи, образы, наброски, которые потом развиваются в романах. Несмотря на это до настоящего времени «Дневник» не получил полного признания и находится в таком же состоянии, в котором находился Колизей после победы христиан. В течение долгого времени Колизей разламывали, беря материалы для различного рода построек. Так же поступают и с «Дневником»: из него берут цитаты, отрывки, высказывания. Восхищаются помещенными в нем замечательными художественными произведениями, соглашаются, что многие из этих произведений являются шедеврами не только русской, но и мировой литературы, как, например, повесть «Кроткая», но весь «Дневник» остается неисследованным.

Чем можно объяснить такое положение? С одной стороны преклонение перед романами До-

стоевского, в которых объяснено каждое слово, комментирована каждая строка и с другой — игнорирование произведения, которое раскрывает душевный мир великого писателя, дает полное представление о его творчестве, является его творческой лабораторией и складом материалов для этих же самых романов?

Мы думаем, что это объясняется двумя главными причинами. Первая — «Дневник» слишком сложен. Его жанры устремлены в будущее и могут быть полностью оценены только при дальнейшем развитии литературы. Нам они непривычны и непонятны. Они смущают нас своей необычностью. У нас нет готовых определений для этих жанров. Потребовались десятилетия, чтобы приблизительно определить жанр романов Достоевского. В. Иванов первый употребил слово роман-трагедия, но и этот термин очень условен и не дает полного представления о своеобразии жанра романов Достоевского. Потребовались дополнительные определения, как-то «психологический роман», «авантюрный», «криминальный» и т. д. С «Дневником» положение оказалось сложнее, поэтому жанр «Дневника» до настоящего времени не определен.

Кроме указанной причины есть и вторая: «Дневник» слишком противоречив. В нем отразились душевные муки и искания Достоевского. Объективно исследовать «Дневник» очень не легко. Тот образ Достоевского, который складывается у читателей его романов, разбивается вдребезги. Появляется совсем другой человек. Отсюда крушение мифов, с которыми так приятно и спокойно жить. Но приходит время, когда становится ясным, что без знания «Дневника» нельзя познать Достоевского, что «Дневник» — одно из замечательных произведений и представляет собой специфический художественный жанр в творчестве Достоевского. Конечно, это не чисто беллетристический жанр, но это еще менее публицистика. Все части «Дневника» составляют целое и только в целом мы понимаем

все значение произведения. В свою очередь, это целое является совокупностью отдельных частей. Каждая часть имеет свою относительную самостоятельность, как и главы в романах, и мы можем говорить о жанрах отдельных частей.

Жанр «Дневника» своеобразен, также, как и жанр романов Достоевского. Ведь при жизни писателя и долгое время после его смерти много говорилось о том, что Достоевский не обладал способностью создать стройную композицию для своих произведений. В лучшем случае, это объяснялось тем, что Достоевский всегда нуждался, торопился и не имел времени для отделки своих романов. Всеволод Соловьев пишет, что «Достоевский работал всегда торопясь, часто не успевая даже прочитать им написанное... поэтому в его романах так много неясного, запутанного, потому-то его романы производят впечатление только богатейшего материала для настоящего романа». [16]

Соловьев свидетельствует, что и сам Достоевский с горечью признавал недостатки своих романов, объясняя их торопливостью: «Мне тяжело так работать, как я работаю, тяжело спешить... Я не говорю об этом никогда, не признаюсь, но это меня очень мучает». [17]

Доля правды в том, что говорил Достоевский, конечно, есть, но только доля. Главное было в том, что Достоевский создал новый жанр сам не зная об этом. Новое содержание требовало новой формы. Н. Страхов заметил публицистичность романов Достоевского. Для Достоевского «главное было подействовать на читателя, заявить свою мысль, произвести впечатление в известную сторону. Важно было не само произведение, а минута и впечатление, хотя бы и не полное. В этом смысле он был вполне журналист, и отступник теории чистого искусства». [18] Дальше Страхов говорит, что Достоевский «писал полуобработанные вещи». В. Соловьев замечает, что «у Достоевского предмет ро-

мана не быт общества, а общественное движение. Он предугадывал повороты этого движения и заранее судил их». [19]

Из всего сказанного можно вывести следующее заключение. Публицистичность, присущая «Дневнику», присуща и романам Достоевского. Следовательно, «Дневник» является одним из полноправных произведений писателя.

Жанр «Дневника» чрезвычайно сложен. Приступая к изданию «Дневника» Достоевский имел за плечами огромный опыт. Он испробовал свои силы во всех жанрах, начиная с эпистолярного и кончая широкими полотнами романа-трагедии. Работая над «Дневником», Достоевский использовал все многообразие имевшихся в его распоряжении жанров. Основываясь на этих жанрах, он создал жанр этого замечательного произведения. Жанр «Дневника» — это, как бы, сплав из различных жанров. Нам легко перечислить все эти жанры, но трудно определить жанр «Дневника». Думается, что мы будем правы, определив жанр «Дневника», как специфический, созданный Достоевским, жанр нового произведения. Этот жанр оказал определенное влияние на развитие современной литературы.

«Дневник» не только сплав различных жанров, в нем сплавлены и разные стили начиная с сентиментального. В «Дневнике» Достоевский провел интереснейший опыт по соединению литературы с живописью, на чем мы остановимся впоследствии.

Жанр «Дневника» кажется простым, но эта простота только кажущаяся. «Дневник» писался в продолжении трех лет рукой замечательного мастера, когда Достоевский был в полном расцвете своего гения и таланта.

О жанре «Дневника», как отмечалось во второй главе, Достоевский думал с 1865 года до последних дней своей жизни. «Дневник» был любимым произведением Достоевского.

В «Дневнике» Достоевский производил свои опыты по созданию новых жанров, поэтому в

«Дневнике» много набросков, заметок, много недоконченного, много сырого материала, приготовленного для романов, много руды и шлака, но много и драгоценных камней, которые нужно уметь найти.

«Дневник писателя» — это попытка Достоевского создать новые жанры, сблизить литературу и жизнь до крайнего предела, попытка объяснить жизнь и сделать соответствующие выводы.

Достоевский создал особый дневник, или, вернее сказать, новый жанр дневника, который резко отличался от обычного жанра дневников, столь распространенных в жизни и литературе. Но в «Дневнике» Достоевского было много черт взятых из жанра обычного дневника. В каждом дневнике неизбежно должна отразиться личность его автора. Особенностью дневника является полная свобода. Автор пишет о чем он хочет и как хочет, так как дневник он пишет для себя.

Эти две черты привлекли особое внимание Достоевского и он ввел их в свой «Дневник писателя». По сути дела, у Достоевского создание жанра «Дневника» было попыткой разбить цепи жанра, создать новый вид произведения факта, дать возможность писателю быть действующим лицом своего произведения. Роль автора активизируется. Он как главный артист получает возможность все время быть на сцене перед публикой, обращаться непосредственно к читателю, высказывать свои мнения и произносить приговоры.

Мы охарактеризовали общий жанр «Дневника», но «Дневник» состоял из различных произведений. Чтобы получить полное представление о нем необходимо рассмотреть жанры всех его произведений.

Публицистика

Достоевский был публицистом по натуре. Его замечательные способности публициста проявились уже в журналах «Время» и «Эпоха». Люби-

мейшим жанром Достоевского был фельетон. Достоевский ввел его в свой «Дневник» и даже сравнивал последний с фельетоном за месяц. Публицистика привлекала Достоевского тем, что давала возможность исследовать жизнь, касаясь самых различных ее сторон. В публицистической статье можно было писать обо всем, что волновало общество: вопросы культуры, истории, философии, морали, психологии, жизненные происшествия, уголовные дела, то есть обо всем, что было связано с действительностью. Публицистика давала возможность прямо высказывать свои взгляды, критиковать, осуждать, проповедовать и поучать. Материал для статей брался из действительности. Цель всей публицистики Достоевского — критика отрицательных явлений жизни с целью исправления их.

Но прежде чем перейти к анализу публицистики Достоевского посмотрим как развивался «Дневник». В первый год издания «Дневника», в журнале «Гражданин» всего за 1873 год было опубликовано 181 страница, в 1876 году самостоятельно издано — 444 страниц, в 1877 году — 455 страниц. Один выпуск «Дневника» вышел в 1880 году и последний в 1881 году. В обоих выпусках было 103 страницы. Мы видим, что «Дневник» занимал в творчестве Достоевского все больше и больше места. Интересно проследить тенденции в развитии жанров «Дневника». В 1873 году публицистические произведения занимали всего около 26 страниц, в 1876 году — 298 страниц, в 1877 — 1881 г. 335 страниц. Как видно, публицистический жанр становится ведущим жанром «Дневника». Это объясняется тем, что в 70-е годы влияние Достоевского непрерывно росло и он вполне законно рассматривал себя, как духовного вождя нации, как человека, призванного служить России, как борца за духовную и национальную независимость русского народа. К концу 70-х го-

дов Достоевский нашел общий язык с молодежью, был признан и даже популярен среди народников и народовольцев. К нему обращались за советами, от него ждали помощи. Он жил в эпоху массовых самоубийств, в тяжелое время сомнения в смысле жизни, которое охватило молодежь. Понятно, что Достоевский как общественный деятель, как русский патриот поспешил протянуть руку помощи гибнущим. С этой точки зрения мы намерены рассматривать его публицистику. Но сначала несколько слов о композиции выпусков «Дневника». Что представлял из себя этот маленький журнал большого писателя?

Месячный выпуск «Дневника» состоял обычно из 46 страниц, но Достоевский не особенно строго придерживался определенной нормы, часто в номерах было по 38, по 36 или 35 страниц. Каждый номер обычно подразделялся на две-три главы, хотя были и двойные номера, в которых было по четыре главы. Каждая глава подразделялась на главки, отмеченные римскими цифрами. Вот перед нами номер «Дневника писателя» за март 1877 года. Он состоит из трех глав. Глава первая. I. «Еще раз о том, что Константинополь рано ли, поздно ли, а должен быть наш... II. Русский народ слишком дорос до здравого понятия о восточном вопросе с своей точки зрения... III. Самые подходящие в настоящее время мысли. Глава вторая. I. «Еврейский вопрос» II Pro и contra. III. Status in statu. Сорок веков бытия. IV. Но да здравствует братство! Глава третья. I. Похороны «Общечеловека». II. Единичный случай».

Композиция номеров была строго продумана. Каждый номер, являясь частью целой книги, в то же время имел свое индивидуальное лицо. Каждая глава была законченным небольшим произведением, в котором развивалась до конца какая-то тема. Но иногда целые главы посвящались одной проблеме, если Достоевский считал эту проблему особо

важной. В сдвоенных выпусках «Дневника», иногда одной проблеме посвящались даже две главы, как например, в выпуске «Дневника» за июль-август, где вторая и третья главы посвящены роману Л. Толстого «Анна Каренина».

Рассматривая публицистику «Дневника» необходимо сказать какие статьи мы относим к публицистическим. Общепризнано, что к публицистике относится все, что связано с злободневными общественно-политическими вопросами, но многие публицистические статьи «Дневника» пронизаны художественными элементами: тут и воспоминания, и лирические отступления, и замечательные образы действующих лиц и глубочайший психологический анализ их переживаний. Куда отнести такие произведения? Как определить их жанр? Ведь это же не простая публицистика? Но на ряду с такими статьями имеются и схематические наброски или просто описания каких либо событий. На содержании статей отразились и спешка и цензурный гнет. О многом «излюбленном» Достоевский не мог просто писать, вернее не дерзал писать, опасаясь цензуры. Он жаловался на то, что в «Дневнике» не мог высказать и десятой доли того, что хотел. Несмотря на отдельные слабые статьи, в основном, публицистика Достоевского была крупным шагом вперед в развитии этого жанра не только в русской, но и в мировой литературе.

Для удобства анализа мы делим публицистические статьи на художественную публицистику и на публицистику. Статьи первой группы представляют большой интерес не только для выяснения взглядов писателя, но также и для выяснения его художественных приемов.

Заглавия публицистических статей отличаются большим разнообразием и оригинальностью. Первая глава декабрьского выпуска «Дневника» за 1876 год начинается статьей под названием: «Опять о простом, но довольно мудром деле». Наряду с по-

добными названиями встречаются и лаконические, как например: «Голословные утверждения, «Кое-что о молодежи», «О самоубийстве и высокомерии». Встречаются названия и из одного слова: «За умершего», «Ягодки». Иногда заглавия статей состоят из вопросительных предложений: «Сила мертвая и сила грядущая?», «Постыдно ли быть идеалистом?», «Русский или французский язык?», «На каком языке говорить будущему столпу своей родины?», «Что для нас Азия?» и тому подобные. Достоевский стремился не только к краткости и выразительности, но и к предельной ясности. Он старался заинтересовать читателя самим названием статей. Как например: «Один из неизвестных русских великих людей», «Высшие интересы цивилизации и «да будь они прокляты, если их надо покупать такой ценой!», «Не всегда война бич, а иногда и спасение», «Жажда слухов и того, что «скрывают». В некоторые названия включались слова из произведений других писателей: «Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающие делать луну в Гороховой». Стиль публицистических статей резкий и напряженный. Здесь мы встречаемся и с ораторской речью, и с обличением, и с саркастической иронией и злобными шутками и замечаниями насчет тех, кто угнетает и мучает других. Повествование отличается страстностью и одержимостью. Достоевский не мог быть спокойным и равнодушным рассказчиком. В свои статьи он вкладывал всего себя. Кажется, что многие из них написаны огненными буквами, настолько они ярки и жгучи. Способность видеть «настоящее» лицо человека давала Достоевскому возможность замечать в людях то, что не видели другие. Там, где зрители на судебном процессе видели приличного, просвещенного господина, неосторожно наказавшего свою дочь розгами, Достоевский видел садиста и палача, истязавшего ребенка. Все явления жизни Достоевский воспринимал и изображал с ослепляющей яркостью. Он

безошибочно воссоздавал по сухим судебным отчетам характеры и даже внешность обвиняемых, показывал внутренние побуждения и причины, заставившие их совершить преступление. Достоевский понимал людей. Это понимание было одной из важнейших черт его творчества.

Основываясь на сделанных замечаниях, ни в коем случае нельзя считать Достоевского человеконенавистником, видевшим вокруг рожи и хари. Спасала вера в «лучших людей» вера в человека и человечество.

Публицистика Достоевского динамична. Он стремился к тому, чтобы произвести наиболее сильное впечатление на читателя и успешно достигал этого. Его статьи как тараны пробивали стену людского равнодушия и безучастного отношения к страданиям других. Публицистические статьи Достоевского были связаны с жизнью и жизнь отражалась в них. Отсюда сложность жанров: вернее смесь. В публицистических статьях слились и эпические, и драматические, и комические элементы. Здесь и басня, и исповедь, и эпистолярный жанр. Как правило, автор не устраняется со сцены. Наоборот, часто он сам вмешивается в речи действующих лиц, произносит свои суждения, делает замечания и произносит приговоры. В публицистических статьях для уничтожения противников Достоевский часто и охотно прибегает к пародии. Он любит доводить мысли противников до абсурда. Часто события изображаются по принципу отображения в кривых зеркалах. Так во вступлении к «Дневнику» за 1873 год, Достоевский, сообщая о назначении его редактором журнала «Гражданин», в гротескной форме изображает как бы прошло его назначение на этот пост в Китае. В статье две композиционных линии, которые развиваются параллельно: русская действительность иронически сравнивается с китайской, причем предпочтение перед Россией во всем отдается Китаю. «В Китае, — замечает Достоевский, — я бы отлично писал,

здесь это гораздо труднее. Там все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет, здесь же все вверх дном на тысячу лет. Там я даже поневоле писал бы понятно, так что не знаю, кто бы меня стал и читать. Здесь, чтобы заставить себя читать, даже выгоднее писать непонятно». [20] Статья наполнена ироническими намеками. «У нас говорить с другими — наука, т. е. с первого взгляда, пожалуй так же, как и в Китае, как и там есть несколько очень упрощенных и чисто научных приемов. Прежде, например, слова: «я ничего не понимаю», означали только глупость произносившего их, теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и с гордостью: «Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве», — и вы тотчас же ставите себя на отменную высоту. И это особенно выгодно, если вы в самом деле ничего не понимаете». [21]

Публицистические статьи отличаются афористичностью. Приводим несколько афоризмов из рассматриваемой статьи: «У нас каждый подозревает другого в глупости безо всякой задумчивости и безо всякого обратного вопроса на себя: «да уж не я ли это глуп в самом деле?» [22] или «Задумчивость в наше время почти невозможна: дорого стоит!» [23] «Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно придем к тому же концу, но когда?». [24]

Обращаясь к композиции «Вступления» нужно отметить, что хотя все «Вступление» состоит всего из четырех с половиной страниц, композиция его сложна. В начале идет ироническое сравнение России с Китаем. Дальше сообщается индейская басня о свинье и льве. Свинья вызвала льва на дуэль, но испугалась и перед дуэлью вывалялась в грязи. Лев пришел, понюхал и отказался от дуэли. Кроме басни в статье есть воспоминание о Герцене и Бе-

линском. Как видно, здесь и публицистика, и воспоминание, и басня.

Отличаются разнообразием жанры и других статей. В «Дневнике» за 1873 год помещена статья «Влас». В ней вместо всяких пояснений или введения, Достоевский обращается к читателям со следующим вопросом: «Помните ли вы Власа? Он что-то мне вспоминается». С первого взгляда кажется, что начало небрежно, но это только кажется. Начало написано рукою мастера. Достоевский вводит литературный прием, которым пользовались потом очень многие, включая Чехова. Прием активизации внимания читателя. Услышав вопрос, «Помните ли вы Власа?», читатель начинает думать и вспоминать что это за Влас? Второе предложение статьи создает определенное настроение. Настроение грусти, задумчивости и лирически окрашивает статью. Достоевский обращается к читателю как к другу, как к близкому человеку. Чтобы напомнить о Власе приводится довольно длинная выдержка из стихотворения Некрасова «Влас». Достоевский резко критикует Некрасова за то, что тот недостаточно серьезно отнесся к верованиям народа и пугает нас «впадая в тон набожной старушки. Ух, ведь какие грехи». Влас видел «невообразимые ужасы так даже, что страшно читать». «Но всего не описать, богомолки, бабы умные, могут лучше рассказать». Дальше следует прямое обращение Достоевского к поэту: «О, поэт, (к несчастью истинный поэт наш) если бы вы не подходили к народу с вашими восторгами, про которые «Богомолки, бабы умные могут лучше рассказать», — то не оскорбили бы и нас...» [25] Статья превращается в оживленную дискуссию. Достоевский анализирует стихотворение «Влас», критикует, порицает и хвалит за отдельные места автора. «Чудесно как хорошо! Даже так хорошо, что точно и не вы писали». Критика заканчивается афоризмом: «Любить общечеловека, значит наверно уж

презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека». [26]

Как будто бы перед нами литературно-критическая статья, но оказывается все это только введение. Достоевскому был нужен образ стихотворения Некрасова только для того, чтобы показать ту страшную силу и решимость, которыми обладает русский человек. Достоевский показывает Власов из действительной жизни. Мы уже рассмотрели этот случай и теперь остановимся только на особенностях жанра и композиции. Здесь как бы рассказ в рассказе. Первый рассказчик автор. Он говорит о том, что сообщил кому-то монах-советодатель. Дальше выступает и ведет повествование сам монах. Последний сообщает, что хотя он за двадцать лет слышал немало страшных рассказов о грехах, совершенных людьми и хорошо познакомился «с самыми потаенными и сложными болезнями души человеческой, но и через двадцать лет приходишь иногда в содрогание и в негодование, слушая иные тайны». [27] Дальше следует рассказ пришедшего к старцу на покаяние мужика о страшном состязании в дерзости, которое у него было несколько лет тому назад с другим парнем. Затем старец и мужик исчезают и на сцене появляется сам автор, который основываясь на рассказе старца, дает характеристику русского народа. Здесь Достоевский столкнулся с проблемой, поставленной Пушкиным в пьесе «Пир во время чумы».

«Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья».

Действительно трудно объяснить, почему смертельная опасность привлекает человека, почему человек любит играть со смертью? Достоевский углубил эту проблему. Он открыл в человеке стремление к саморазрушению и показал странное и

страшное наслаждение этим. У одних это стремление может быть совсем не выражено, у других выражено слабо, но встречаются люди у которых это стремление выражено с огромной силой: такие люди обречены на гибель. Гибнет Настасья Филипповна в романе «Идиот», на страшное преступление толкает это стремление простого деревенского парня. Оно заставило его «надругаться над святыней народной... разрушить себя самого во веки веков для одной лишь минуты торжества отрицанием и гордостью». [28]

В статье дан замечательный анализ душевного состояния преступника перед приведением замысла в исполнение. Достоевский пытался найти объяснение этому страшному состязанию в дерзости и не находил, а объяснение было простое: здесь был типичный случай саморазрушения.

Заключение статьи чисто публицистическое. Достоевский пишет о русском народе. «Богатырь проснулся и расправляет члены; может захочет кутнуть, махнуть через край. Говорят, уж закутил. Рассказывают и печатают ужасы; пьянство, разбой, пьяные дети, пьяные матери, цинизм, нищета, бесчестность, безбожие» [29] — вот каково было лицо «освобожденного» народа. Но Достоевский понимал, что народ не погибнет «вспомним Власа и успокоимся». Народ «спасет себя сам. Себя и нас спасет, ибо опять-таки — свет и спасение воссияют снизу». [30]

Статья отличается афористичностью: «Немцы — народ по преимуществу самодовольный и гордый собой». [31] «Можно многое не сознавать а лишь чувствовать. Можно очень много знать бессознательно». [32]

Как образец сатиры Достоевского рассмотрим статью: «Полписьма одного лица». Этот выпуск «Дневника» был напечатан в журнале «Гражданин». Журнал был все время под огнем критики, что страшно раздражало Достоевского. Не желая вступать в полемику по существу, возможно по-

тому, что он сам часто не был согласен с издателем, князем Мещерским, Достоевский все же решил ответить досаждавшим ему журналистам, поместив в 10 номере «Гражданина» указанную статью.

В предисловии к ней сообщается, что она принадлежит перу того самого автора, который уже раз «отличился» в «Гражданине» насчет могилок, что автор человек болезненный и что некоторые сведения из его биографии уже были сообщены прежде. Действительно в шестом номере «Гражданина» был помещен рассказ «Бобок», героя которого Достоевский делает автором статьи «Полписьма одного лица». Мастерскими штрихами набрасывается портрет. Мнимый автор, человек «огорченный» и ежедневно себя «огорчающий» отзывается на все с «неимоверной силой гражданской энергии», «с горечью, с яростью, с ядом и со слезой умиления». «Девяносто процентов на яд и один процент на слезу умиления». В уста такого типа Достоевский вкладывает свои мысли. При помощи этого приема, он достигает двух целей: делает публицистическую статью занимательной и получает возможность резко критиковать противников. Перед читателями выступает «огорченный» человек, который в высокопарных, напыщенных выражениях поучает «невоздержанных литераторов». Высокопарный близкий к классическому слог пестрит простонародными словами, и вульгаризмами, что создает комический эффект: «нанятой борзописец», «смрадный успех», обрызганный слюной и чернилами», «нагишем», «кудлашка», «с пеной ярости вцепились друг другу в волосы», «зловонный», «отупелые рожи», «врешь», «свинья», «напихивать» и т. д.

Присматриваясь к этому литератору, мы видим, что он страдает манией величия. Он стремится поучать, давать советы и указания. «Все увещевания и советы даю, критикую и путь указую».[33] «Меня пугает эта непомерная сила «гражданской энергии» сего сотрудника, — замечает редактор. — Он пи-

шет из «гражданского долга». Начнется новый журнал или газета, он уже немедленно тут, поучает и дает наставления... как издавать, как вести себя, об чем писать и на что обращать внимание».[34] После предисловия начинается статья. Обратим внимание на слог. Вот первое предложение: «и неужели в слове «свинья» заключается столь магический и заманчивый смысл, что ты тотчас же и несомненно принимаешь его на свой счет? Я давно уж стал замечать, что в русской литературе это слово постоянно имеет некоторый особый и даже как бы мистический смысл... Читающий литератор, даже в уединении и про себя, встретившись с словом сим, немедленно вздрагивает и тотчас начинает задумываться: «Не я ли это? Не про меня ли написано? Согласен, что словцо энергическое, но зачем же подразумевать непременно себя и даже себя одного? Есть и другие, кроме тебя. Уж не имеешь ли тайных причин к сему?»[35] «Второе, что замечу тебе, о друг мой фельетонист, это то, что ты невоздержан в планировке своих фельетонов. Ты напихиваешь в столбцы свои столько генералов, акционеров, князей, в тебе и в острых словах твоих имеющих нужду, что поневоле заключаю, читая, что за обилием многих не имеешь ни одного. Здесь ты присутствуешь на значительном заседании совета и изрекаешь бонмо, свысока и небрежно, но тем бросаешь луч света, и совет немедленно и торопливо переменяется к лучшему... Там заезжему милорду, в интимном разговоре, в салоне, в шутку открываешь всю тайную подкладку России; он в страхе и в восхищении, тут же телеграфирует в Лондон и на другой же день министерство Виктории падает. Там, на Невском, на прогулке от двух до четырех ты разрешаешь государственную задачу трем отставным, но бегущим за тобою министрам».[36]

Мы полагаем, что в образе литератора-неудачника Достоевский создал злую пародию на Гоголя, который в «Выбранных местах из переписки с

друзьями» поучал, давал советы и указания. Гоголь и притягивал и отталкивал Достоевского. Ему был близок и понятен исступленный патриотизм Гоголя. Достоевский высоко ценил его творчество, но не переносил адской гордости Гоголя, дерзнувшего поставить себя рядом с Россией, верившего в свою избранность, верившего в то, что он является мессией, посланным, чтобы указать недостатки и путь к спасению своему народу. Тут была и доля зависти. Достоевскому хотелось самому быть пророком и мессией, но он не обладал железной верой Гоголя. Только Гоголь дерзнул поставить себя рядом со страной и спросить Россию: «Русь! чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?» [37] Достоевский мог только мечтать об этом. Кроме того, он лучше других понимал Гоголя, знал его таким, каким Гоголь был на самом деле. Достоевский понимал, что Гоголь страдал манией величия и зло и ядовито изобразил Гоголя в рассказе «Бобок» и очерке «Полписьма одного лица». Правы ли мы? Мог ли Достоевский в 70-е годы так относиться к Гоголю? Думаем, что мог, и что мы правы. Это подтверждается самим Достоевским. В «Дневнике» за 1877 год, рассуждая о самолюбии, Достоевский пишет, что есть «самолюбие от необыкновенного величия». Русский «великий человек» всего чаще не выносит своего величия. Право, если б можно было надеть золотой фрак, из парчи, например, чтоб уж не походить на всех прочих и низших, то он бы откровенно надел его не постыдился». [38] Достоевский обрывает это рассуждение, обещаясь поговорить об этом потом. Потом ничего не было, но сохранился набросок, не вошедший в текст данного выпуска, хотя он был тесно связан с обсуждавшейся проблемой. В нем говорится следующее: «Про золотой фрак мне пришла мысль наверно еще лет тридцать тому назад, во время «Исповеди»,

«Переписки с друзьями», «Завещания» и последней повести Гоголя. Мне всю жизнь (подчеркнуто нами Д. Г.) потом представлялся этот не вынесший своего величия человек, что случается со всеми русскими, но с ним случилось это как-то особенно с треском. Вероятнее всего, что Гоголь сшил себе золотой фрак еще чуть ли не до «Ревизора». [39]

Огромное влияние Гоголя на Достоевского до настоящего времени не оценено и не исследовано во всей его глубине, хотя Гоголя можно считать двойником Достоевского, с которым Достоевский боролся всю жизнь. Он начал диспут с Гоголем в своем первом романе «Бедные люди» и не окончил его в «Братьях Карамазовых» и «Дневнике писателя». В «Братьях Карамазовых» части: «О священном писании», «Нечто об иноке русском и о возможном значении его», «О молитве, о любви», «О вере до конца» и другие своим идейным генезисом имеют «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя. Последний обсуждал вопрос о значении церкви и духовенства. Защищая церковь от нападений, Гоголь высказал целый ряд мыслей, которые получили развитие в романе «Братья Карамазовы» и «Дневнике писателя». Например: «Церковь, которая... как бы снесена прямо с неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословие, звание и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России». [40] «Церковь наша есть жизнь». [41] «В нашей Церкви сохранилось все, что нужно для просыпающегося ныне общества. В ней кормило и руль наступающему новому порядку вещей и чем больше вхожу в нее сердцем, умом и помышлением, тем больше изумляюсь чудной возможности примирения тех противоречий, которых не в силах примирить теперь Церковь западная». «Судите всякого человека

двойным судом и всякому делу давайте двойную расправу. Один суд должен быть человеческий. Другой же суд сделайте Божеским. И на нем осудите и правого и виноватого. Выведите ясно первому, как он сам был тому виною, что другой его обидел, а второму — как он вдвойне виновен». [42] «Верховная инстанция всего есть Церковь и разрешение вопросов жизни в ней». [43]

В романе «Братья Карамазовы» Достоевский разбивает эти мысли устами монахов и старца. На эти же темы встречаются рассуждения и в «Дневнике писателя». Приводим для сравнения несколько отрывков из романа «Братья Карамазовы»: «каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле». [44] «Суд церкви есть суд единственно вмещающий в себя истину». [45] «Государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле». [46] «Царство небесное, разумеется не от мира сего, а в небе, но в него входят не иначе как через церковь... Церковь же есть воистину царство и определена царствовать и в конце своем должна явиться как царство на всей земле». [47]

Как отмечалось, в статье «Полписьма одного лица» и рассказе «Бобок» Достоевский пародировал и Гоголя, и стиль «Выбранных мест из переписки с друзьями». Та же приподнятость, та же торжественность, тот же учительский тон, те же наставления, поучения и указания.

Наряду с приподнятостью стиля простонародные выражения и вульгаризмы. Приводим несколько цитат из «Выбранных мест из переписки с друзьями». «Я писатель, а долг писателя — не одно доставление приятного занятия уму и вкусу; строго взыщется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется от него ничего в поучение людям». [48] «Потомство плюнет на эти драгоценные строки,

если в них бездушно повторится то, что уже известно, и если не дышит от них святыня того, что должно быть свято».[49] «Друг мой! Считай себя не иначе, как школьником и учеником».[50]

«Твое стихотворение меня восхитило... Тайна твоей музы тебе открывается... Одних нужно поднять, других попрекнуть».[51] «Опозорь, в гневном дифирамбе, новейшего лихоимца нынешних времен... Возвеличь в торжественном гимне, незаметного труженика... Ублажи гимном того исполина, какой выходит только из русской земли, который вдруг... плюнувши в виду всех на свою мерзость и гнуснейшие пороки становится первым ратником добра».[52] «Итак, не останавливайся, учи и давай советы».[53] «Охота же тебе, будучи таким знатоком и ведателем человека, задавать мне те же пустые запросы».[54] «Только в глупой светской башке могла образоваться такая глупая мысль».[55] «Не смущайся мыслями будто прежние узы, связавшие помещика с крестьянами, исчезли навеки... плюнь ты на такие слова. Возмись за дело помещика как следует за него взяться».[56] «Но вот, однако, тебе совет в хозяйстве, только раскуси его хорошенько не будешь в накладе».[57]

Имя Гоголя часто встречается в «Дневнике». В майско-июньском выпуске за 1877 год в главке третьей первой главы «План обличительной повести из современной жизни» Достоевский упоминает о Поприщине и проводит параллель между автором анонимных писем и Поприщиным. «И Поприщин у Гоголя начал ведь с того, что отличился чисткою перьев... Но время Поприщиных прошло, да и перьев теперь не чинят».[58]

Дальше продолжается сравнение образов. Дочь генерала, в которую был влюблен Поприщин, вышла замуж за адьютанта. Выходит замуж за адьютанта и возлюбленная сочинителя ругательных писем. Но последний не сошел с ума, как Поприщин «наш Поприщин, современный нам Поприщин, — ни за что в мире не в состоянии поверить, что

он такой же самый Поприщин, как и первоначальный, только повторившийся тридцать лет спустя».[59] Далее сравнение продолжается. «Его обуял своего рода мираж, как и Поприщина... странная идея осеняет его, что он ведь Поприщин, не более как Поприщин, тот же самый Поприщин, но только в миллион раз подлее».[60] Достоевский перефразирует слова гоголевского Поприщина, который заметил, «Что письмо? письмо вздор. Письма пишут аптекари».[61]

Анонимный ругатель у Достоевского говорит: «Что позор, позор вздор, позора боятся теперь лишь аптекари».[62]

Влияние Гоголя сказалось и в стилистических подражаниях, как, например, в рассказе «Бобок» литератор-неудачник говорит: «Я начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи».[63]

У Гоголя в «Записках сумасшедшего» Поприщин заметил: «С недавнего времени начинаю иногда слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал».[64]

Образцом смешения жанров является сентябрьская статья «Дневника» за 1876 год "Piccola bestia". Жанр этой статьи сложен. Главный образ вокруг которого объединяется содержание — это образ тарантула. В нем воплощены жестокость, коварство и подлость, а главное безжалостность. Статья писалась в то время, когда турки при молчаливом попустительстве европейских держав расправлялись с восставшими болгарами. Россия была единственной страной, поддерживающей восставших. Достоевский пишет, что, казалось бы, что восточный вопрос должен быть разрешен и болгары получить свободу, но мешает тарантул, который кусает европейские нации. Просто, они не верят России, боятся ее усиления и невинные люди должны гибнуть. «Двести уже лет живет Европа с Россией, насильно заставившей принять себя в европейский союз народов, в цивилизацию, но Европа всегда косилась на нее, предчувствуя не-

доброе, как на роковую загадку, Бог знает откуда явившуюся, и которую надо, однако же, разрешить во что бы то ни стало».[65]

«Кто они, эти русские? Азиаты, татары, хорошо кабы так, дело было бы ясно: но, нет, то-то и есть, что нет... И что такое это единение славян? На что оно, с какими целями?» Саркастически и иронически изображает Достоевский страх западных стран перед Россией и их ненависть к ней. Как символ враждебного отношения к России Европы, Достоевский берет руководителя английского парламента Биконсфильда. Последний пытался изобразить всю борьбу славян за свою независимость, как незаконное восстание, поддерживаемое Россией. Биконсфильд обвинял Россию в том, что она будто бы на помощь восставшим посылала свои «разрушительные элементы», т. е. социалистов, коммунистов и коммунаров, которыми Россия будто бы была начинена. Биконсфильд провозгласил в своей речи, что «Сербия, объявив войну Турции, сделала поступок бесчестный, и что война, которую ведет теперь Сербия бесчестная, и плюнув, таким образом, почти прямо в лицо всему русскому движению, всему русскому одушевлению, жертвам, желаниям, мольбам»,[66] он пытается напугать английских фермеров завоевательными планами России. Рассуждения Достоевского вдруг прерываются ироническим восклицанием: «Паук, паук, piccola bestia действительно ужасно похож, действительно маленькая мохнатая bestia. И ведь как шибко бегает! Ведь это избиение болгар — ведь это он допустил... Во что эти люди веруют, как они засыпают ночью, какие им сны снятся, что делают они наедине со своей душой?»[67] Дальше саркастически изображается жизнь Биконсфильда и ему подобных: «О, души их наверно полны изящного! Сами они кушают такие прелестные обеды... по вечерам их ласкают в самом изящнейшем и самом высоком обществе такие прелестные леди, — о, жизнь их так благообразна, пищеварение их удивительно,

сны легки, как у младенцев».[68] Здесь повествование резко меняется. В сухом протокольном тоне Достоевский сообщает, что турки распяли на крестах двух болгарских священников и те умерли через сутки в страшных мучениях. Биконсфильд знает об этом, но он «отгоняет от себя эти пустые, дрянные и даже грязные, неприличные картины, но эти два черные, скорченные на крестах трупа могут, ведь вдруг вскочить в голову», когда Биконсфильд готовится заснуть. «Что ж думает Биконсфильд, — эти черные трупы на этих крестах... гм... оно, конечно. А, впрочем государство не частное лицо».[69] Образ Биконсфильда снижается при помощи иронических замечаний. «Гм, ну, и что же такое эти два священника?... Вольно же было подвертываться; ну спрятались бы там куда-нибудь... под диван... вы мне нестерпимо надоели с вашим глупым приключением. И Биконсфильд засыпает, сладко нежно. Ему все снится, что он виконт, а кругом его розы, ландыши и прелестнейшие леди».[70]

Достоевский прибегает здесь для усиления впечатления к контрастному сравнению: страшные людские муки с одной стороны и «сладкий, нежный сон», «изящная жизнь», «прелестнейшие леди» на фоне роз и ландышей» и сам Биконсфильд — с другой. Достоевский увидел и показал настоящее лицо людей подобных Биконсфильду. Это были люди в масках, за утонченными манерами и улыбками таилась жестокость, лицемерие и равнодушие к страданиям других. Достоевский относился к таким людям с ненавистью и презрением, он сравнивал их с гадами: «Паук, паук — маленькая мохнатая бестия», — сказал он про Биконсфильда.

* * *

Жанры публицистических статей разнообразны. Достоевский пытался, как всегда, идти своим новым путем, прокладывая дорогу для других. Хотелось бы выделить обобщить и охарактеризовать ведущие черты, но это почти невозможно, по-

тому что каждая статья имела что-то новое свое. Как хороший мастер Достоевский не повторялся, а изобретал новое. Приходится анализировать наиболее выдающиеся статьи, не прибегая к обобщениям. Общим для всех статей являются четкие заголовки и подзаголовки. Но даже и они необычны, так же как и все необычно, казалось бы в этом самом обычном «Дневнике».

В февральском номере за 1877 год главка I первой главы имела следующее интригующее название: «Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающие делать луну в Гороховой. Один из неизвестнейших русских великих людей». Главка вторая: «Доморощенные великаны и приниженный сын «кучи». Анекдот о содранной со спины коже. Высшие интересы цивилизации «и да будь они прокляты, если их надо покупать такой ценой». Главка третья: «О сдирании кож вообще, разные аберрации в частности. Ненависть к авторитету при лакействе мысли». Главка четвертая :«Меттернихи и Дон-Кихоты».

Глава вторая состоит из следующих главок: 1. «Один из главнейших современных вопросов. 2. Злоба дня. 3. Злоба дня в Европе. 4. Русское решение вопроса».

Рассматриваемый выпуск интересен по жанру и по особо яркому выражению взглядов Достоевского. Здесь мы видим Достоевского таким, каким он был в жизни. Кажется, что в строки статей пересилилась взволнованная, негодующая и страстная душа писателя. Выпуск посвящен борьбе славян за свою независимость и свободу. Это общая объединяющая тема. Содержание гораздо шире. Достоевский обсуждает много исключительно важных проблем, на которых мы остановимся, сделав несколько замечаний о жанре. Все главки выпуска связаны общей идеей, хотя по темам они разны. Тут мы встречаем и анализ стихотворений Пушкина о славянах, и осуждение скептиков из русской интеллигенции, относившихся критически к борьбе

славян, и заметку о болгарских и сербских детях и о трусости некоторых сербских солдат, замечание о воспитании детей и порядках в школах, о девочке, видевшей, как с живого ее отца сдирали кожу, об отношении Европы к турецким зверствам, о том, чем должны жить нации и много других проблем. Несмотря на кажущуюся пестроту все главки связаны общей темой. Выпуск является стройным целым. В свою очередь, все двенадцать выпусков «Дневника» за год были объединены тематически и идейно.

Так темой для «Дневника» за 1877 год является «всечеловеческое единение». Идея — необходимость освобождения славян и объединения их с Россией, для того, чтобы Россия смогла выполнить свою всемирную миссию.

Как видно, Достоевский был прав, заявив, что «Дневник» будет не собрание отдельных рассказов, очерков и статей, а книга, написанная одним пером. Попробуем проследить это. Главной проблемой январского выпуска был патриотизм: «Фома Данилов, замученный русский герой» — это рассказ о гибели бесстрашного унтер-офицера русской армии. В февральском номере продолжает развиваться та же тема в новом варианте. Достоевский пишет о необходимости для каждого человека жертвовать жизнью за родину и своих близких. Если в первом выпуске Фома Данилов был «эмблемой России», то во втором, вопрос идет о России, о необходимости помощи славянам. В выпуске за март обсуждается вопрос о будущем русского народа и о взаимоотношениях русских с народностями, живущими в России. Выпуск заканчивается призывом к единению и показом «лучших людей». В апрельском выпуске продолжает развиваться тема о необходимости освобождения славян и помощи им. Двойной выпуск за май и июнь посвящен внутренним проблемам России. Выпуск за июль-август посвящен русскому обществу. В нем критически рассматривается роман Толстого «Анна

Каренина» и резко критикуются взгляды Толстого на восточный вопрос и помощь русских славянам. Сентябрь — международные проблемы и положение России. Октябрь. О России и войне с Турцией. О римских клерикалах у нас в России. Ноябрь. О необходимости для России завоевания Константинополя. Декабрь. Роль России в Азии. Единственный выпуск «Дневника» за 1880 год был посвящен «Пушкинской речи» и объяснению ее, но в основном все содержание сводилось к определению роли России и русских во всемирном объединении людей. Единственный выпуск за 1881 год был посвящен внутренним проблемам России.

Обращаясь к анализу февральского выпуска, мы можем отметить, что название первой главки связано с творчеством Гоголя. «Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающие делать луну на Гороховой» — у Достоевского. «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается... Делает ее хромой бочар, и видимо, что, дурак, никакого понятия не имеет о луне» — у Гоголя.[71] Название выполняет определенную задачу. Им Достоевский говорит, что противники славянского движения и помощи славянам — отжившие люди, столь же мало понимающие в жизни как Поприщин, а их деятельность можно сравнить с деятельностью хромого бочара, делающего луну. В начале главки упоминается роман Тургенева «Новь». Упоминание очень интересно. В романе «Новь» Тургенев говорил о деятельности народников. Достоевский пишет, что восточный вопрос, т. е. вопрос о борьбе славян за свою независимость, заслонил собой все и в том числе, роман Тургенева. Этим Достоевский подчеркивал, что борьба славян важнее деятельности народников. Достоевский идейно борется с Тургеневым. В романе «Новь» народник Нежданов пишет стихотворение «Сон», в котором изображает Россию как спящее царство и русский народ во власти сна и алкоголя:

«Все спят! Спит тот, кто бьет, и тот, кого колотят!
Один царев кабак — тот не смыкает глаз.
И, штоф очищенной всей пятерней сжимая,
Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном, отчизна, Русь святая!» [72]

Достоевский знал и писал о пьянстве, невежестве и отсталости русского народа, но он знал, что это временное, преходящее, «тина веков», что русский народ ожидает прекрасное будущее. Достоевский верил в народ и Россию. Говоря о людях, не верящих в народ, (к ним он относил и Тургенева) Достоевский перефразировал приведенный отрывок из стихотворения Тургенева. Скептики сумели «разглядеть в лице России лишь спящее гадкое пьяное существо, протянувшееся от финских хладных скал до пламенной колхиды, с колоссальным штофом в руках». [73]

Перефраз стихотворения Тургенева не был случайностью. В лице Тургенева Достоевский олицетворял ту часть западнически настроенной интеллигенции, которая не понимала самобытность России и не верила в народ. «Видите ли, — писал Достоевский, — наш европеизм и «просвещенный» европейский наш взгляд на Россию — то все та же еще луна, которую делает все тот же самый заезжий хромой бочар в Гороховой, что и прежде делал, и все так же прескверно делает». [74]

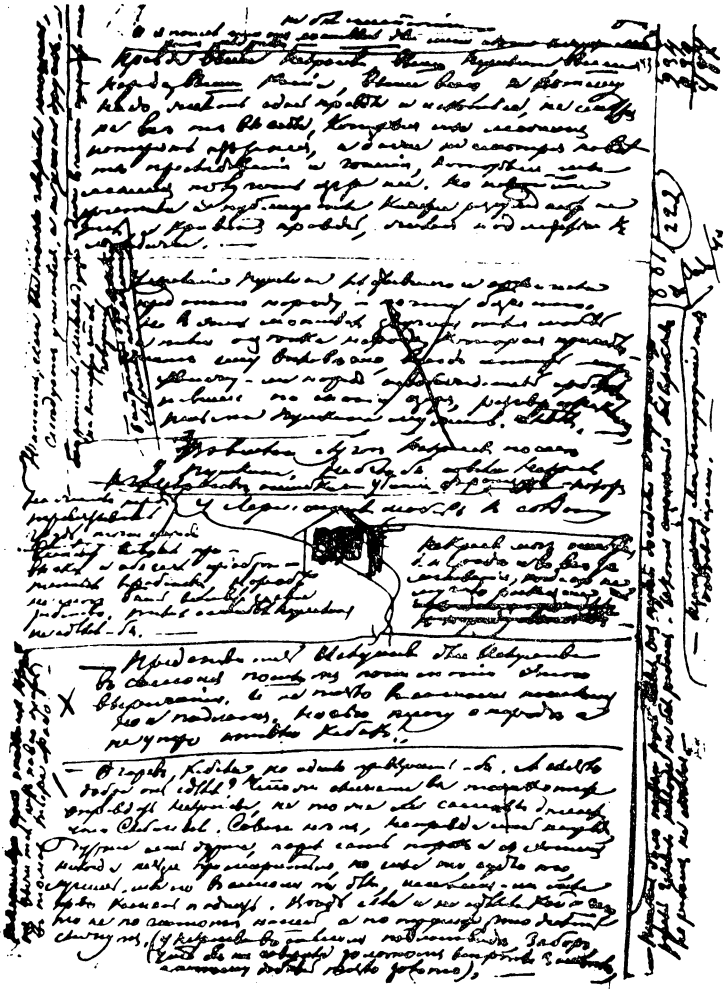
Дальше Достоевский, основываясь на наблюдениях за сербскими и болгарскими детьми, которые ссорились и не хотели играть вместе, делает вывод о розни между славянами и о той роли, которую должна играть Россия в их объединении. «Без единящего огромного своего центра России — не бывать славянскому согласию, да и не сохраниться без России славянам, исчезнуть славянам с лица земли вовсе». [75]

Для подкрепления своих взглядов, Достоевский обращается к «Песням западных славян» Пушкина и приводит десять строчек из «Песни о битве у Зеницы Великой». Достоевский пишет, что

песни эти никто не помнит и не знает, а «это — шедевр из шедевров Пушкина, между шедеврами его шедевр, не говоря уже о пророческом и политическом значении этих стихов».[76]

Мы видим в публицистической статье литературно-критические элементы. Положение, которое выдвигает Достоевский — спорно. Он утверждает, что эти стихи «шедевр из шедевров», но не доказывает. Но он не думал о литературной полемике. Стихи ему были нужны для доказательства правильности его взглядов. «Факт тогдашнего появления у нас этих песен важен: — Это предчувствие славян русскими, это пророчество русских славянам о будущем братстве и единении».[77] Далее Достоевский пишет, что он ни в одной критической статье не читал, что «Песни» — шедевры Пушкина. «Считали их так себе, а между тем они именно шедевры... По моему, Пушкина мы еще и не начали узнавать; это гений, опередивший русское сознание еще слишком надолго. Это был уже русский настоящий, русский, сам, силою своего гения, переделавшийся в русского... Это был один из первых русских, ощутивший в себе русского человека всецело вызвавший его в себе и показавший на себе, как должен глядеть русский человек, — и на народ свой, и на семью русскую, и на Европу и на хромого бочара (русских западников и космополитов Д. Г.) и на братьев славян».[78]

Достоевский рассматривает Пушкина не только как русского, но и как всеславянского поэта, выразившего в своих «Песнях» отношение русских к славянам. Нельзя отказать в оригинальности этому взгляду. Думается, что Достоевский был здесь прав, но эта тема требует специального исследования. Мы ограничиваемся сделанными замечаниями, добавив, что Достоевский верно указал и на то, что творчество Пушкина не привлекло в славянских странах должного внимания. «Сербы, — пишет Достоевский, — прочтя эти песни, конечно увидали бы, как думаем мы об их свободе, чтим мы ее или нет, радуемся ли ей или нет, хотим или



Наборная и черновая рукопись к «Дневнику писателя» за январь 1876 г. Публикуется впервые. Г. Б. Л. ф. 93, Дост. 1. № 2, № 13.

нет захватить их в свою власть и лишить их этой свободы».[79]

Название второй главки февральского выпуска состоит из трех длинных предложений. «Доморощенные великаны и приниженный сын «кучи». Анекдот о содранной со спины коже. Высшие интересы «цивилизации» и да будь они прокляты, если их надо покупать такою ценою». Цель заголовков привлечь внимание читателей, пробудить интерес, заставить думать. Слово «анекдот» взято в противоположном смысле, чтобы контрастно подчеркнуть жестокость расправы турок над болгарами.

Между привезенными в Москву славянскими детьми оказалась девочка восьми-девяти лет, которая часто падала в обморок от одного страшного воспоминания. На ее глазах черкесы сдирали кожу с ее отца и содрали всю. «О, цивилизация! О, Европа, — восклицает Достоевский. — Эти, столь высокие интересы европейской цивилизации... но да будь прокляты эти интересы цивилизации, и даже сама цивилизация, если, для сохранения ее, необходимо сдирать с людей кожу. Но, однако, это факт: для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу».[80] Дальше для усиления впечатления следуют риторические вопросы: «С людей? С каких людей? С крохотной только части людей, где-то там в уголке?» Решительно и безоговорочно Достоевский выступает за угнетенных славян. Третья главка: «О сдирании кож вообще, разные аберрации в частности. Ненависть к авторитету при лакействе мысли», посвящена проблеме «недоделанных» людей и необходимости критического отношения к идеям. Полярность, присущая русским, толкает их на крайности. Увлекаясь какой-нибудь идеей, они часто не в силах критически относиться к ней и не останавливаются ни перед чем, принося ненужные жертвы и совершая ненужные жестокости.

«Мыслители провозглашают общие законы, т. е. такие правила, что все вдруг сделаются сча-

стливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если б этот идеал и возможен был, то с недоделанными людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные». [81]

Здесь Достоевский обсуждает мучивший его всю жизнь вопрос о том, что нужно сделать, для того чтобы люди были счастливы? Нужно ли сначала изменить общественные отношения, то есть провести революцию, или это бесполезно, так как на смену одним угнетателям явятся другие, потому что люди несовершенны и изменением законов ничего не сделаешь, а с несовершенными людьми нельзя создать совершенное общество, сначала надо исправить людей. В таком случае отпадала необходимость революции, но оставался открытым вопрос как сделать всех людей совершенными? Завет о необходимости любить ближнего был всем хорошо известен, но никем не выполнялся. Разрешить эту проблему Достоевский не смог, хотя и назвал главку «Русское решение вопроса». Он призывал людей служить друг другу, помогать друг другу, любить друг друга. Все это было известно и звучало не особенно убедительно. Сам Достоевский, кажется, чувствовал это заметив: «Скажут, что это фантазия, что это «русское решение вопроса» — есть «Царство небесное» и возможно разве лишь в Царстве Небесном», [82] но Достоевский утверждал, что в России такое решение вопроса возможно, потому, что есть люди, склонные к самопожертвованию, как Влас, а на Западе таких нет, и потому другого выхода нет, так как «с неготовыми, с невыделанными к тому людьми никакие правила не удержатся и не осуществятся, а, напротив, станут лишь в тягость». [83]

Главка четвертая: «Меттернихи и Дон-Кихоты», тесно связана с содержанием всего выпуска. Ее жанр своеобразен. Достоевский как бы выступает перед аудиторией. Он задает вопросы, отвечает на них и делает обобщающие замечания. Создается

впечатление оживленной, откровенной беседы. Достоевский объединяется с читателями и говорит, как бы, не только от своего имени, но и от имени читателей: «Вот мы действительно не сдираем кож, мало того, даже не любим этого (только один Бог знает: любитель часто прячется, любитель мало известен до времени, стыдиться «боится предрассудка»).[84] А если мы против сдирания кож, то должны энергично протестовать «в размере нашего сострадания, а не в размере десяти целковых пожертвования. Мне скажут, что ведь нельзя же отдать все. Я с этим согласен, хотя и не знаю почему. Почему же бы и не все? В том то и дело, что тут решительно ничего не понимаешь даже в собственной природе».[85]

Экстремизм Достоевского проявляется в этой статье как и во всем «Дневнике». Лозунгом Достоевского как раз было — «все». Идти, так идти до конца. Содержание статьи дает возможность хорошо понять взгляды Достоевского. Говоря об «интересах цивилизации» он пишет: «Интересы цивилизации — это производство, это богатство, это спокойствие нужные капиталу. Нужно огромное и прогрессивное производство по уменьшенной цене, в видах страшного нарощения пролетариев... Шум войны прогонит производство. Капитал труслив, он забоится войны и спрячется... А пролетарий опасен на улице. В речах палатам уже упоминается прямо и откровенно, вслух на весь мир, что пролетарий опасен, что с пролетарием неспокойно, что пролетарий внимает социализму. «Нет, уж лучше пусть где-то там в глуши сдирают кожу. Да и что такое эти кожи? Стоят ли две, три каких-нибудь кожицы спокойствия всей Европы, ну двадцать, ну тридцать тысяч кож, — не все ли равно? Захотим, так и не услышим вовсе, стоит уши заткнуть».[86]

По содержанию приведенный отрывок похож на цитату из политической экономии. По композиции он построен по методу усиления на основе

градаций. Достоевский берет одно слово и как молотом по гвоздю ударяет этим словом по сознанию читателей. Например, слово «пролетарий». В четырех смежных строчках оно повторяется четыре раза: «пролетарий пойдет на улицу», «пролетарий опасен на улице», «пролетарий опасен», «с пролетарием неспокойно». Слово «пролетарий» имеет при себе пояснительные слова. Обратим внимание на них: «пойдет на улицу», «опасен», «неспокойно», при чем слово «опасен» повторяется два раза. Эти слова создают тревожную и напряженную атмосферу. С целью усиления впечатления Достоевский повторяет слово «кожа». «Дать сдирать кожу», «Да, что такое эти кожи? Стоят ли две, три каких-нибудь кожицы спокойствия всей Европы, ну двадцать, ну тридцать тысяч кож, — не все ли равно?». В этих строчках пять раз повторяется это слово, но в разных вариантах: «кожа», «кожу», «кожи», «кожица», «кож». Ироническое употребление слова в ласкательной форме «кожица» придает описанию зловещий смысл, так же как и повторение числительных и междометия «ну», «ну двадцать, ну тридцать тысяч кож».

Достоевский критикует распространенный взгляд на разницу в оценке действий одного человека и государства. Что бесчестно для одного человека, то должно быть бесчестно и для государства. «Это учение очень распространено и давнишнее, но да будь и оно проклято!.. Лучше верить тому, что счастье нельзя купить злодейством, чем чувствовать себя счастливым, зная, что допустилось злодейство». [87]

«Что в том благосостоянии, которое достигается ценою неправды и сдирания кож? Что правда для человека как лица, то пусть останется правдой и для всей нации». [88] Статья отличается афористичностью, на что указывают приведенные выше высказывания.

Достоевский олицетворяет Россию в образе Дон Кихота. Россия бескорыстно жертвует собой,

чтобы помочь славянам. Заканчивается статья афоризмом: «Солнце показалось на Востоке, и для человечества с Востока начинается новый день: Когда просияет солнце совсем, тогда и поймут, что такое настоящие «интересы цивилизации». [89]

Во второй главе в главках: «Один из главнейших современных вопросов» и «Злоба дня» Достоевский пишет о романе Л. Толстого «Анна Каренина». Эти главки относятся к литературно-критическим статьям и будут рассмотрены в соответствующем разделе, но идейно они связаны с содержанием выпуска. Выпуск заканчивается главками: «Злоба дня в Европе» и «Русское решение вопроса». О последней главке мы уже говорили. Обратим внимание на первую. В жанровом отношении она не представляет особого интереса, но для выяснения взглядов Достоевского очень важна. В ней он пишет, что «буржуазия совершенно обошла народ, пролетария, и, не признав его за брата, обратила его в рабочую силу, для своего благосостояния, из-за куска хлеба». [90]

Собственник знает, что пролетарий усиливается и «когда совсем усилится, то сковырнет его с места, как он когда-то рыцаря и точь в точь так же скажет ему: «убирайся, а я на твое место». Где же тут право, тут одна история». [91] Предводители пролетария заявляют, что «для себя ничего не хотят, а работают лишь для человечества, хотят добиться нового строя вещей для счастья человечества». [92] Буржуа «возражает, что это общество, на основаниях научных, чистая фантазия, что они представили себе человека совсем иным, чем устроила его природа. Что человеку трудно и невозможно отказаться от безусловного права собственности, от семейства и от свободы.. В заключение они вызывают указать ту силу, которая бы смогла соединить будущего человека в согласное общество, а не в насильственное». [93] Предводители пролетария, отвечая на это, ссылаются на «пользу и необходимость, которую сознает сам человек и,

что сам он, чтобы спасти себя от разрушения и смерти, соглашается добровольно сделать все требуемые уступки».[94] Достоевский уверяет, что в Европе революция неизбежна, что там прольются реки крови и погибнет 100 миллионов человек, а для России есть другой выход, но об этом мы уже писали.

Как отмечалось, в публицистических статьях Достоевский стремился создать атмосферу полной искренности и доверия, втянуть читателя в свои рассуждения. Он обращался к нему, как к другу, делал его как бы участником и, в конце концов, своим сторонником.

Все это достигалось рядом приемов. Что может быть, например, лиричнее названия статьи: «Мечты и грезы». («Гражданин», номер 21, 1873 г.). Инстинктивно читатель ожидает чего-то связанного с личностью писателя, с его переживаниями. Поэтому первые строки производят огорашивающее впечатление своей сухой публицистичностью: «Мы заговорили... о возможности исцеления от язвы всенародного пьянства». Но следующие лирически окрашенные предложения примиряют читателя с началом: «Давно и невольно, — пишет Достоевский, — грусть и сомнение приходят на сердце». Он замечает, что ему хочется помечтать и ссылается на героя «Записок сумасшедшего» Гоголя, который мечтал об испанских делах и которого «все эти события так убили и потрясли».

Это странное смешение стилей, иронические ссылки на Поприщина делают статью интересной и занимательной. «Я признаюсь, — продолжает Достоевский, — что и меня иногда многое потрясает, и право я даже в унынии от моих мечтаний. Я на днях мечтал, например, о положении России, как великой европейской державы».[95]

После подобного вступления, Достоевский от частной проблемы (пьянство) переходит к общим. Он пишет о слабости России, о ее границах, инородческих племенах, стратегической уязвимости, о

необходимости развития образования, новой технике и рассматривает взгляд на Россию западников и славянофилов. Потом обсуждается вопрос о том как найти средства для образования. Оказывается, что половина государственного бюджета оплачивается водкой и тут Достоевский переходит к теме статьи. Он полагает, что пьянство — следствие общественного неустройства, заброшенности и невежества народа. Положение в стране рисуется в мрачных красках: «Матери пьют, дети пьют, церкви пустуют, отцы разбойничают». Достоевский выступает в роли обличителя, пропагандиста. Статья заканчивается обращением к интеллигенции и резкой критикой эмигрантов, которые уезжают в Америку, где часто ведут жалкое существование.

Статья «По поводу дела Кронеберга» посвящена судебному процессу. Отец обвинялся в истязании 7-летней дочери. Достоевский, ограничившись замечанием, что дело всем известно, сообщает какое впечатление оно произвело на него. Оказывается, что прочитав о процессе в вечерней газете, Достоевский тотчас же, несмотря на позднее время, решил съездить к одному высокопоставленному лицу, имевшему какое-то отношение к суду. В 11 часов вечера Достоевский посетил его и узнал об оправдании отца. Для статьи характерны лирические обращения к читателям, трактовка события с точки зрения личного восприятия: «Я был в негодовании», «Я очень рад», «Я главное желаю», «Я не ошибся» и т. д.

Достоевский замечает, что у него остались от этого суда несколько недоумений, которые он и хочет сообщить читателям. Оговорившись, что может быть эти недоумения несерьезны в глазах людей компетентных, он замечает, «но ведь я пишу мой «Дневник» для себя, а мысли эти крепко у меня засели. Впрочем сознаюсь, это даже и не мысли, а так все какие-то чувства». [96]

Замечание о «недоумениях», и о том, что они может быть «несерьезные» может рассматриваться

как литературный прием. У писателя было определенное мнение о данном процессе. Вводная часть статьи построена с расчетом создать своеобразную атмосферу непредрешенности, неуверенности, полной беспристрастности, чтобы тем сильнее впоследствии поразить противника. Основательность высказанного соображения подтверждает дальнейшее содержание.

В части второй: «Нечто об адвокатах» Достоевский пишет, что он только лишь взял перо, а уже боится и заранее краснеет за наивность своих вопросов и предположений. Более чем сомнительно, чтобы Достоевский переживал подобные чувства: все это как и дальнейшее оправдание существования адвокатуры, лишь особенности его композиционных приемов. Писатель заботливо перечисляет все положительные стороны адвокатуры, как учреждения. Дает примеры ее полезности, ссылается даже на случай из собственной жизни, но все это с определенной целью. Нагромоздив целую пирамиду положительных примеров, он вдруг одним толчком опрокидывает все свои логические построения, чтобы ярче и рельефнее показать отрицательные стороны и подвести читателя к следующему заключению: «Избежать фальши и сохранить честность и совесть адвокату так же трудно, вообще говоря, как и всякому человеку достигнуть райского состояния».[97] Адвокат не может действовать по совести, не может не играть своею совестью, если б даже и хотел.

Для оживления статей, Достоевский насыщает их цитатами. С тою же целью в них часто включаются интересные воспоминания и ценные высказывания по тем или другим вопросам. Так в анализируемой статье имеется рассуждение на тему: «Что такое талант?», краткое воспоминание о Белинском и характеристика одного из деятелей французской революции 1848 года. Вводные эпизоды не только оживляют содержание, но и служат иллюстрациями для главной мысли.

Статья о деле Кронеберга занимает всю вторую главу и состоит из следующих подразделений: 1. «По поводу дела Кронеберга», 2. «Нечто об адвокатах». «Мои наивные и необразованные предположения. Нечто о талантах вообще и в особенности». 3. «Речь г. Спасовича». «Ловкие приемы», 4. «Ягодки», 5. «Геркулесовы столпы», 6. «Семья и наши святыни. Заключительное слово об одной юной школе». Как видно из названий частей, в них развивается одна тема, но каждая глава строится по принципу усиления. Начиная в спокойном насмешливо-ироническом тоне, Достоевский становится чем дальше, тем серьезнее. Насмешку и иронию сменяет сарказм. Общие рассуждения заменяются анализом фактов и психоанализом переживаний действующих лиц. Полемизируя с видным адвокатом того времени Спасовичем, Достоевский дает замечательные образцы анализа чувств ребенка. Он сам превращается в обвинителя адвоката. Останавливаясь на данных медицинской экспертизы, которые приводил Спасович, (на спине девочки через пять дней были обнаружены только темнобагровые пятна) Достоевский рассказывает как в Сибири наказывали арестантов, у которых так же через пять дней оставались только темнобагровые пятна. После этого следует прямой вопрос защитнику о том, считает ли он пятнадцатиминутное наказание розгами истязанием и мучительством или нет?

Спасович говорил, что наказанная девочка на другой день играла. Достоевский, хотя и сомневается в этом, но принципиально допускает возможность игры. Он рассказывает о пятилетнем мальчике, который, умирая от скарлатины, просил принести все его игрушки, чтобы он мог, хотя бы посмотреть на них, и говорил о собачке, которую ему купят.

Полемическая острота публицистических статей Достоевского отличалась большой силой и напряженностью. Иногда он шел от частного к

общему иногда от общего к частному. Как особенность публицистических статей можно отметить их саркастичность. Примером последней служит ответ Достоевского на вопрос Спасовича о том, кто определит сколько отец может дать ребенку ударов, не повреждая организма? «То-есть, не ломая ему ноги, что ли? А если не ломает ноги, то тут можно все? Серьезно вы говорите это г. Спасович? Серьезно вы не знаете, где предел этой власти... Если вы не знаете, то я вам скажу... Предел этой власти в том, что нельзя семилетнюю крошку драть девятью рябиновыми «шпицрутенами», и драть четверть часа, не слушая ее криков». [98]

Детские мучения не должны быть прощаемы. Адвокат, защищающий истязателя, достоин презрения. С глубоким и непосредственным чувством жалости и печали говорит Достоевский об истязуемом ребенке. Чем ближе к концу, тем напряженней становится стиль. Перед нами уже не диспут, а горячая отчаянная полемика. Адвокат обвиняет девочку в том, что она будто бы хотела украсть у отца деньги. Достоевский считает это обвинение глупым, заявляя, что если ребенок взял в сундуке кусок сахару, а там лежали банковые билеты, то нельзя на основании этого утверждать, что «от сахара недалеко до банковых билетов». «Зачем ребенку деньги, что она с ними в Америку убежит или концессию на железную дорогу снимет? Подождите, подождите, обвинители!... это невозможно и невыносимо, это фальшь нестерпимая. И кто мог, кто решился выговорить про нее, что она «крала». [99]

Стиль делается все более эмоционально насыщенным. Восклицательные предложения следуют одно за другим. Все чаще встречаются прямые обращения к защитнику, требования справедливости и обвинения истязателя. Выступает новая сторона творчества Достоевского — гневный пафос обличения.

Публицистику «Дневника писателя» по содер-

жанию, в основном, можно разделить на две группы: к первой относятся статьи, посвященные различным вопросам внутренней жизни России, ко второй — статьи о взаимоотношениях России с Западом и о будущем мира: «Мечты о Европе», «Мой парадокс», «Самое последнее слово цивилизации», "Piccola bestia". «Три идеи», «Злоба дня в Европе», «Германский мировой вопрос», «Кто стучится в дверь» и другие. По композиции они мало чем отличаются от статей первой группы, хотя можно отметить, что в них меньше отступлений воспоминаний и примеров. Больше логических построений, сильнее пафос обличения и критика третьего сословия. Так, например, в статье «Мечты о Европе», Достоевский пишет, что республика, провозглашенная во Франции после войны с Германией, обязана своим существованием мелким собственникам, которые провозгласили ее, чтобы она защищала их от «соперника и врага всей Европы — коммунизма». Статья построена в духе политического трактата. В ней Достоевский анализирует положение, создавшееся во Франции после революции. На основании анализа, он приходит к выводу о неизбежности борьбы между пролетариатом и буржуазией, которая «извратила естественный ход стремлений демократических и обратила их в жажду мести и ненависти». По его мнению, единой Франции не существует. Существуют партии с противоположными интересами. «Олигархи имеют в виду лишь пользу богатых, демократия лишь пользу бедных». Где же выход? Наука, на которую надеются социалисты, не знает во всей глубине «природу человека», а без этого невозможно «установить новые законы общественного организма».

В статье есть пророческие элементы, но не мистического, а чисто реалистического характера. Основываясь на анализе сложившейся во Франции обстановки, Достоевский полагает, что массы де-

моса «победят несомненно и если богатые не уступят во время, то выйдут страшные дела».[100] Он не осуждает демос, полагая, что «нельзя винить нищих: олигархи сами держали их в этой тьме».

Стиль публицистических статей, посвященных европейским проблемам, отличается некоторой дидактичностью, сниженностью тона и афористичностью. Мрачные перспективы, ожидавшие, по мнению Достоевского, Европу отражаются в пессимистических замечаниях типа: «Уже и теперь социализм проел Европу, а к тому времени уже подточит все окончательно. Князь Бисмарк про это знает, но слишком по немецки надеется на кровь и железо. Но что тут сделаешь кровью и железом?»,[101] или: «Есть исторические события, увлекающие все за собою и от которых не избавишься ни волею, ни хитростью, точно так же как не запретишь морскому приливу остановиться и возвратиться вспять».[102]

Композиционной особенностью всех публицистических статей является обобщающее заключение. Идет ли Достоевский в своем анализе от частного к общему, или от общего к частному, обычно в конце он подводит итоги.

В публицистических статьях Достоевского отразились его проповеднические и пропагандистские стремления. Писатель смотрел на себя как на руководителя общества. Несмотря на критическое отношение к проповеднической деятельности Гоголя, как отмечалось, все же роль пророка привлекала Достоевского. Правда, он не решился так смело и с такой неимоверной гордостью, как Гоголь, заявить во всеуслышание — «я и Россия», но судя по отдельным замечаниям, разбросанным в «Дневнике», мечтал о такой роли. Стремление доказать, что он провидец видно везде. То Достоевский выступает в роли толкователя предсказаний из книги Иоанна Лихтенберга за 1528 год, пытаясь объяснить туманные пророчества последнего, то пишет статью, где доказывает, что его предсказания сбываются, как, например: «Кто стучится в дверь, кто

войдет?», то утверждает, что все что он написал раньше гадательного подтвердилось фактами «почти точнейшим образом» и что «прорицания», на которые он решился в настоящей статье, к выходу «Дневника» могут оказаться уже совершившимися и поэтому устарелыми, как бы списанными с совершившихся фактов.

Возникает вопрос был ли Достоевский пророком?

Д. Мережковский ответил на этот вопрос положительно. Большинство русских достоеведов послереволюционного периода не считает нужным рассматривать данную проблему, считая ее абсурдной.

Едва ли можно доказать, что Достоевский был пророком, особенно с мистической точки зрения, хотя бы потому, что многие его пророчества сбылись наоборот. Пожаром революции был охвачен не Запад, а Россия. Вызывает сомнение его предсказание о той роли, которую в будущем должно играть православие, как всемирная религия. Но нельзя, основываясь на этом, всецело отрицать способность Достоевского, обладавшего замечательным знанием человеческой психики и хорошо знакомого с различными теориями устройства будущего общества, строить своеобразные гипотезы, которые можно рассматривать, как попытки заглянуть в будущее.

Со стороны композиции статьи Достоевского, посвященные предугадыванию будущего, отличаются приподнятостью тона, некоторой торжественностью и афористичностью: «На Востоке действительно загорелась и засияла необыкновенным и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы». [103] Для усиления впечатления создаются специальные словесные конструкции: «На Востоке загорелась, загорелась действительно и засияла». Эти повторения «загорелась», «засияла», «небывалым», «неслыханным», «мировая идея —

идея славянская, идея нарождающаяся». Слова «гореть», «сиять», «небывалая», «неслыханная» и три раза повторенное существительное «идея» как удары молотка вбивали в головы читателей мысли автора.

В ноябрьском номере «Дневника» за 1877 год в статье «Опять в последний раз прорицания» снова отмечалось, что мир стоит накануне «самых величайших и потрясающих событий и переворотов в самой Европе». Достоевский утверждает, что «Европу ждут огромные перевороты, такие, что ум людей отказывается верить в них, считая осуществление их как бы чем то фантастическим». [104]

Публицистика Достоевского отличается эмоциональной насыщенностью, лирической взволнованностью и приподнятостью тона. Достоевский выступает не как бесстрастный бытописатель, а как активный участник событий или как обвинитель, или как защитник. Он становится на определенную сторону и защищает ее со страстью и гневом. Одержимость Достоевского, о которой мы писали в первой книге о «Дневнике писателя», проявляется в публицистических статьях особенно резко. Несмотря ни на что и не считаясь ни с чем, Достоевский идет до конца в разоблачении тех явлений жизни, которые он считает отрицательными. Общая, огромной силы идея захватывает все его существо, накладывая мощный отпечаток на все произведения. Эта идея — борьба за свободу человека, за свободу его убеждений, свободу совести, жизни, борьба против насилия над человеком, против жестокостей, совершаемых людьми друг над другом. Одержимостью Достоевского объясняется его частое обращение к жанру ораторской обличительной речи и проповеди. Во многих, если не в большинстве публицистических статей, Достоевский выступает как проповедник. Подобные статьи похожи на обращения к широкой аудитории.

Достоевский упорно работал над этим жанром, стремясь уничтожить всякие перегородки между собой и читателем, стремясь превратить свои

статьи, как бы в непринужденную беседу, в проповедь своих идей. Это необходимо принять во внимание, рассматривая публицистику. Содержание статей в выпусках «Дневника», несмотря на все разнообразие главок, связано общими идеями, часто одна главка служит как бы иллюстрацией для другой. Публицистика Достоевского связана с русской жизнью, критикой, литературой и международными событиями. Публицистические статьи связаны со всем творчеством Достоевского. Их нельзя рассматривать как что-то особое, публицистические элементы, как отмечалось, пронизывают все творчество Достоевского. Опыт «Дневника» был использован Достоевским при создании романа «Братья Карамазовы», в котором публицистические жанры «Дневника» нашли свое применение. Достаточно сослаться на речь защитника и прокурора на судебном процессе Дмитрия Карамазова. В публицистических статьях отразилось отношение Достоевского к литературе факта, т. е. к газетным происшествиям. Достоевский ценил эти факты чрезвычайно высоко. В «Дневнике» мы видим, как факты ежедневных происшествий собирались, обобщались и, основываясь на них, писатель делал важнейшие выводы. Из «Дневника» многое перешло в роман «Братья Карамазовы».

Выпуск «Дневника» за май и июнь был двойным. Содержание его было обширно и разнообразно. Он состоял из четырех глав со следующими главками: Глава первая. «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенберга 1528 года». 2. «Об анонимных и ругательных письмах». 3. «План обличительной повести из современной жизни».

Глава вторая: «Прежние земледельцы — будущие дипломаты». 2. «Дипломатия перед мировыми вопросами». 3. «Никогда Россия не была столь могущественна, как теперь, — решение недипломатическое». Глава третья: 1. «Германский мировой вопрос. Германия страна протестующая». 2. «Один гениально мнительный человек». 3. «И сердиты и сильны». 4. «Черное войско. Мнение ле-

гионов, как новый элемент цивилизации». 5. «Довольно неприятный секрет». Глава четвертая: 1. «Любители турок». 2. «Золотые фраки. Прямолинейные». Все эти разнообразные статьи были объединены одной общей идеей: борьба за национальную самобытность и независимость русского народа, борьба за освобождение славян.

О статье «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенберга» нами уже упоминалось. Предсказания Иоанна были расплывчаты и темны, толкования Достоевского тенденциозны и субъективны. «Восстанет орел великий на Востоке, островитяне западные восплачут. Три царства захватит орел,.. который спит многие годы»,[105] — писал Лихтенберг. «Конечно, темновато, — заметил Достоевский, — но согласитесь», — и он просил своих читателей согласиться с тем, что орел — это Россия, островитяне, которым придется плакать — англичане. Дальше Достоевский находит в пророчествах предсказание неизбежной победы славян в борьбе за свое освобождение. Он критикует западников и прославляет русский народ, для которого высшие сословия ничего не сделали, а «ушли от него, двести лет назад, покинули его и разъединили с собой, обратили его в податную единицу и в оброчную для себя статью, и рос он, господа просвещенные европейцы, вами же забытый и забитый, — вами же загнанный как зверь в берлогу».[106] В статье слиты вместе и эпические, и лирические, и драматические элементы. Достоевский саркастически изображает людей подобных Биконсфильду, которые «воздвигают зверство как идол» и поклоняются ему, «считая себя за это-то добродетельными». Эти люди закрыли глаза на муки, которым подвергались целые славянские племена, потому что, эти племена «несут в себе нечто новое, а, стало быть, их тем более надо задавить совсем до корня, и тоже ради интересов старой, загнившей цивилизации. Вот это так зверство — образованное и вознесенное как добродетель, и кланяются ему, как идолу».[107] Главка отличается афористич-

ностью. Например: «Не одни лишь чудеса чудесны. Всего чудеснее бывает весьма часто то, что происходит в действительности».[108] В главке второй: «Об анонимных и ругательных письмах», дается характеристика русского народа. Начав с анонимных писем, Достоевский кончает хвалебным гимном русской молодежи: «Народ и юное поколение интеллигенции нашей сойдутся вместе вдруг и во многом и гораздо ближе и успешнее поймут друг друга».[109] Главка третья: «План обличительной повести из современной жизни», связана со второй. В ней Достоевский пишет об анонимном ругателе, как о литературном образе. Мы как бы входим в лабораторию писателя и присутствуем при творческом процессе, когда жизненные факты превращаются в художественные образы.

Сочинитель анонимных писем, по мнению Достоевского, «серьезный литературный тип». Появление подобного типа обуславливается определенными общественными и историческими причинами. После реформы дворянские семьи приходили в упадок. Недовольные скептические отцы не дали детям никаких положительных идей, а привили им цинизм и равнодушное отношение ко всему на свете. Из детей вышли «холодные ненавистники нашего настоящего». Отцы оставили детям в наследство «нищету и завет подлости». Некоторые черты автора анонимных писем были использованы Достоевским при создании образа семинариста Ракитина в романе «Братья Карамазовы». Та же беспринципность, цинизм, поверхностное увлечение новыми идеями и опошление их, а в основе эгоизм и то же стремление к личному самообеспечению. Причем, беспринципность и подлость оправдываются различными рассуждениями, вроде: «Нынче время раздвоения мысли и широкости, ныне прямолинейной мыслю не проживешь». Основой творчества Достоевского была действительность. Из нее он брал материалы при создании своих образов. В данном случае мы имеем полный сюжет будущего произведения, видим как зарождался и

развивался образ. Начало творческому замыслу положили два анонимных ругательных письма, которые получил Достоевский. Дальше следует рассуждение о времени и эпохе, которая предопределила появление подобных типов. Потом следуют замечания, характеризующие целую группу людей подобных авторам анонимных писем. Начав с индивидуального случая, Достоевский переходит к обобщениям и типизации. Таков был его творческий процесс. Подготовив почву, показав, что этот образ не случайный, а весьма распространенный, Достоевский набрасывает «План обличительной повести из современной жизни». Это как бы разработанный сюжет, но здесь имеются и художественные штрихи. Автор анонимных писем выступает и сам. Он делает различные замечания, все они сопровождаются комментариями Достоевского. Как например, «Нет-с, мы пока еще оппозиция, а если они захотят меня, то пусть сами придут — поклонятся». [110] И вот он ждет, пока кто-нибудь ему поклонится, и злится, злится». Или «Нет-с, это обидно! Нет, зачем же не я, а он? И везде-то, вездето все занято! Нет, думает он, тут не моя карьера, да и что служить, служат мешки». [111] И вот он начинает рассылать по редакциям свои произведения. В этом наброске дан психологический анализ мыслей пасквилянта. «Ну, вот и карьера, думает он, — да и к чему бы годились женщины, если б нельзя было через них сделать умному человеку карьеру: в этом, в сущности весь женский вопрос и заключается». [112] Дальше следует изложение сюжета, вновь прерываемое художественными штрихами. «О, злые, проклятые люди, — думает пасквилянт, — ну, можно ли так притворяться? Ведь они знают же, что э т о я, знают все до единого, ведь они об этом шопотом говорят друг с другом, когда я прохожу мимо, знают и бумагу, которая обо мне там в кабинете приготовлена и... все притворяются! Все скрывают от меня!». [113]

Мы привели внутренний монолог пасквилянта. Монолог построен по методу усиления. Повторение

слова «знают», отрывочные предложения с восклицательными знаками подготавливают кульминационный пункт, когда пасквилянт уверенный, что всем известно, что он пишет анонимные ругательные письма начальнику бросается тому в ноги и признается во всем, надеясь в душе, что его оценят и поймут.

Образ пасквилянта обладает большой обобщающей силой. Пасквилянт не только клеветник, но он может быть и доносчиком, и предателем, и шпионом — у него нет моральных устоев, он способен на все из-за личных интересов. Совершая подлости, он чуть ли не гордится ими, оправдывая себя во всем и обвиняя окружающих. У подобного рода людей собственное «я» становится Богом и они готовы на любые преступления для того, чтобы удовлетворить ненасытные требования этого «я». Подобного рода люди являются не только верными слугами, а скорее верными псами любого режима, пособниками угнетения и порабощения. Тип получился огромной обобщающей силы, но Достоевский остановил свой творческий процесс и все замерло и застыло накануне полного воплощения.

В статье имеется и начало, и кульминационный пункт и конец и даже эпилог, т. е. полная схематическая разработка будущей повести. Сам Достоевский пишет, что «тип анонимного ругателя — весьма недурная тема для повести. Тут, конечно бы, нужен Гоголь, но я рад, по крайней мере, что случайно набрел на идею. Может быть, и в самом деле попробую вставить в роман». [114] В роман статья не вошла, но замечание Достоевского говорит о том, что между «Дневником» и романами существовала тесная связь.

Главка первая второй главы: «Прежние земледельцы — будущие дипломаты» связана с первой главой идейно. Достоевский пишет, что он рад, что он не за границей и не увидит «слоняющихся наших там русских. В самом деле, в наше, столь народное, столь единительное и патриотическое время, когда именно всюду ищешь у себя дома рус-

ских, ждешь русских, желаешь и требуешь русских, в такое время слишком тяжело видеть за границей, куда, вот уже 20 лет, ежегодно, экспортируется и где колонизируется наша интеллигенция, претворение чисто русского, сырого и превосходного, может быть, материала в жалкую, международную дрянь, обезличенную, без характера, без народности и без отечества» [115]. Из России эмигрировали помещики и всякие люди «более или менее ненавидящие Россию, иные нравственно, вследствие убеждения, «что в России таким порядочным и умным, как они, людям, нечего делать», другие уже просто ненавидя ее безо всяких убеждений, так сказать натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобожденного мужика, за русскую историю, одним словом, за все ненавидя»[116].

Достоевский резко критикует либеральных болтунов, которые ничего не сделали для России. Стиль статьи меняется. Он возвышен и лиричен, когда Достоевский пишет о России, он снижается, когда вопрос касается помещиков, которые «гуляют за границей... набивая цены в ресторанах, таская за собой, как богачи, гувернанток и бонн». [117] Достоевский, саркастически издеваясь над помещиками, заставляет давать объяснения их самих: «Ну, что ж, что дети останутся без состояния, зато унаследуют идею, благородную закваску истинного и священного образа мыслей. Воспитанные вдали от России, они не будут знать попов и глупое слово: «Отечество». Они поймут, что Отечество есть предрассудок и даже самый пагубнейший из всех существующих в мире»[118] Заграницей можно устроить карьеру в посольствах. «Что за прелесть все эти места при посольствах, при консульствах и какая бездна-бездонная этих милейших местечек. Вот и хватит на наших детишек: и покойно и хорошо»[119] Достоевский вступает в спор, заявляя, что «херувимчики наши бесспорно будут дурачками», потому что они не будут знать своего родного языка. Дальше следует любопытный диалог писателя с «маменькой». Образ маменьки отличается большой

обобщающей силой. В нем изображались косные и консервативные дворянские круги с их враждебным и презрительным отношением ко всему русскому и преклонением перед всем иностранным. На жанре статьи отразилось стремление Достоевского сделать ее доступной и понятной для рядового читателя. Достоевский замечает, что ему хотелось бы, чтобы «каждая маменька» могла прочитать его рассуждения. Статья афористична. Например, «Есть такая тайна природы, закон ее, по которому только тем языком можно владеть в совершенстве с каким родился, т. е. каким говорит тот народ, к которому принадлежите вы» [120] Рассуждения автора прерываются вопросами к «маменьке» — «Вы, морщитесь, я вас обидел, вы смотрите насмешливо, вы махаете ручкой»... «Сударыня, сударыня, восклицаю я». Иронически-насмешливый диспут кончается. Выступает сам автор с серьезными заключениями. Родной язык очень важен для жизни человека. Только на нем можно выразить полностью свои мысли и чувства, можно выразить самого себя. У молодого человека, выросшего на чужбине начнут «в свое время рождаться мысли, идеи, чувства, его будут давить, так сказать, изнутри эти мысли и чувства, ища и требуя себе выражения, а без богатых, усвоенных с детства, готовых форм выражения, т. е. без языка, без развития его, без утонченностей его, без обладания оттенками его сын ваш будет вечно недоволен собой: обрывки мыслей перестанут его удовлетворять, накопляющийся в уме и в сердце материал потребует основательного уже выражения... Молодой человек станет озабочен, рассеян, беспредметно задумчив, потом брюзглив, несносен, потом расстроит свое здоровье, даже желудок, может быть, верите ли тому?»... [121] Невольно поражает замечательная проницательность Достоевского. Только в наше время хороший врач психиатор может так четко и ясно установить причины, которые доводят молодежь, даже при полном материальном благополучии, до тяжелого нервного расстройства и других заболеваний, а нередко и

до самоубийства. Оказывается такой причиной в эмигрантских семьях может быть язык. Ребенок с детства знает два языка и не может полностью считать родным ни один. Попытки родителей оставить только один, запретив родной, ни к чему не ведут, так как принадлежность к тому или иному народу неизбежно даст себя знать.

«Но вижу, вижу, вы покатились со смеху, — говорит Достоевский маменьке, впадая опять в шутливо-иронический тон, — я опять увлекся, согласен (а ведь Боже какую я правду говорю!) [122] Дальше Достоевский остро и саркастически критикует современных дипломатов. Настоящий дипломаг должен быть умным и большой культуры человеком. Он должен быть способным предвидеть, способным проникать в сущность вещей, понимать людей, видеть за много лет вперед. Но современные дипломаты не обладают такими качествами. Современный дипломат, по мнению Достоевского, «великий зверь на малые дела» [123] Поговорка, кажется, изобретена самим Достоевским. Жанр этой главки интересен в том отношении, что здесь публицистика пронизана художественными элементами. Портрет маменьки, махающей ручкой, создан несколькими штрихами, но он получился очень выразительным. В композиционном отношении интересно соединение разных элементов и стилей.

Вторая главка связана с первой названием. «Дипломатия перед мировыми вопросами». Она является продолжением первой. Это чисто публицистическая главка. Достоевский пишет, о значении восточного вопроса: «Восточный вопрос — есть, так сказать, один из мировых вопросов, один из главнейших о т д е л о в мирового и ближайшего разрешения судеб человеческих». [124]

Достоевский полагал, что в мировой истории есть важные действующие силы. Он высмеивал попытки объяснения исторических событий как следствия ссор между королями или их приближенными. История создает личности. «А Наполеон, например, — тип уж архи-случайный, и не явись Наполеон, умри он

там, в Корсике, трех лет от роду от скарлатины — и третье сословие человечества, буржуазия, не потекло бы с новым своим знаменем в руках изменять весь лик всей Европы, а так бы и осталось сидеть там у себя в Париже» [125] В статье есть элементы предсказания. «Нынешний век, — пишет Достоевский, — кончится в Старой Европе чем-нибудь колоссальным... стихийным и страшным, и тоже с изменением лика мира сего» [126], но эти предсказания не мистического характера, а социального. Дипломаты не видят грядущих событий, не смотрят в суть явлений и пытаются кое-как примирить противоречия. «Одним словом: заплаточки, заплаточки и заплаточки... Заплаточки, ведь, если хотите, вещь тоже необходимая и полезная, благородная и практическая». [127] Достоевский отмечает враждебное отношение к славянам Англии. «Всякое улучшение судеб славянских племен, есть в о в с я к о м с л у ч а е, явный ущерб для Англии». [128] Англии прежде всего надобен союз выгодный, т. е. такой, при котором она возьмет все, а сама отплатит по возможности н и ч е м». [129] Достоевский вскрыл социальный смысл фактов. Противоречие интересов между государствами вели к допущению страшных зверств. Турки истребляли болгар, потому, что Англия и другие страны боялись объединения славян, так как это усиливало Россию. С принесением человеческих интересов в жертву узко национальным не мог примириться Достоевский. Он выступил, как совесть мира и был глубоко прав. Нужно сказать, что русские писатели не прошли равнодушно мимо этих зверств. Тургенев откликнулся на них стихотворением «Крокет в Виндзоре». Вот королева смотрит как придворные играют в крокет.

...«Ей чудится: вместо точеных шаров,
Гонимых лопаткой проворной —
Катаются целые сотни голов,
Обрызганных кровию черной.
То головы женщин, девиц и детей...
На лицах — следы истязаний,

И зверских обид, и звериных когтей —
Весь ужас предсмертных страданий»

От этого зрелища королеве делается плохо и она обращается к своему доктору, который говорит ей, что это случилось от чтения газет, в которых толкуют о том, «как болгарский народ стал жертвой турецкого гнева. Вот капли... примите... все это пройдет. И в замок идет королева». В замке случайно взглянув на свою одежду королева обнаруживает, что она залита кровью и королева восклицает:

«Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британские реки!
Нет, ваше величество! Вам уже не смыть
Той крови невинной вовеки». [130]

От восточного вопроса Достоевский переходит к Германии. Его характеристика Германии как страны вечно протестующей произвольна и бездоказательна, но показ борьбы Германии за мировое господство был верен. О Европе Достоевский пишет: «Та часть общества, которая выиграла для себя с 1789 года политическое главенство, т. е. буржуазия — восторжествовала и объявила, что дальше и не надо идти». [131] Но на этом дело не стало. Просвещенные умы провозгласили необходимость объединения трудящихся для продолжения борьбы.

В главке второй: «Один гениально мнительный человек» речь идет о Бисмарке и франко-прусской войне. Достоевский пишет о немцах следующее: «Народ, необыкновенно редко побеждавший, но зато до странности часто побеждаемый — этот народ вдруг победил такого врага, который почти всех всегда побеждал» [132], но Достоевский думает, что немцы победили не французов, а французские плохие порядки и что в будущем французы могут победить немцев: «То, что может казаться теперь прочным, то, может быть, всего только еще фантазия». [133] В главке третьей: «И сердиты и сильны» Достоевский пишет о католичестве и папе. Его

рассуждения весьма субъективны. Он критикует стремление католичества к светской власти «Римскому католичеству нужен не Христос, а всемирное владычество». [134]

В главке четвертой: «Черное войско. Мнение легионов как новый элемент цивилизации», Достоевский продолжает критику католичества и иезуитов. «Эта черная армия стоит вне человечества, вне гражданства, вне цивилизации и исходит вся из одной себя. Это status in statu, это армия папы, ей надо лишь торжества одной своей идеи, — а затем пусть гибнет все, что на пути ей мешает, пусть гибнут и вянут все остальные силы, пусть умирает все несогласное с ними — цивилизация, общество, наука!» [135] Об отношении Достоевского к католичеству уже говорилось. Оно было непримиримо враждебным, так что ничего нового в этом высказывании нет. Оно интересно как жанровый образец. Стремясь внушить свои мысли читателям, Достоевский превращался как бы в оратора и строил свою речь по методу усиления, вбивая свои мысли в головы слушателей. Здесь Достоевский, повторяя слова «это» и «вне» придает высказыванию огромную силу убедительности». «Эта черная армия», «это status in statu, «это армия папы», «стоит вне человечества, вне гражданства, вне цивилизации».

Главка пятая: «Довольно неприятный секрет», посвящена международному положению и возможности новой войны между Францией и Германией. В заключении Достоевский пишет, «что Россия не только сильна и могущественна, как всегда была, но теперь, особенно теперь, она самая сильная из всех стран Европы, и что никогда ее решающее слово не могло цениться в Европе так веско, как в данный момент». [136] В главе четвертой, первая главка имеет название: «Любители турок». В ней Достоевский сводит счеты с либералами и западниками, отрицавшими необходимость вступления России в войну за освобождение славян. Война Турции была объявлена Россией в апреле 1877 го-

да. Война была вызвана не только стремлением России к укреплению и расширению своего влияния, в основе ее было стремление широких масс русского народа помочь славянам и единоверцам в их борьбе за свободу. Эта борьба продолжалась веками и славяне вписали много славных страниц в мировую историю, героических подвигов. В 1875 году вспыхнуло восстание против турок в Боснии и Герцеговине, а в 1876 году в Болгарии. Восстания были подавлены с чудовищной жестокостью. Самые широкие слои русского населения, включая интеллигенцию, народников и даже народовольцев сочувственно и горячо откликнулись на эти восстания. Зверства турок вызвали возмущение и негодование. В газетах сообщались страшные факты: убивались десятки тысяч людей, включая женщин и детей. Применялись садистические пытки, например, мать привязывали к столбу и на ее глазах клали маленького ее ребенка на горящие угли или выкалывали ему глаза и сажали на кол. Русский народ горячо и великодушно откликнулся на призыв славян о помощи. Молодые люди записывались добровольцами, собирались пожертвования. В правящих кругах России народное движение вызвало немалое беспокойство и было немало сделано для его ослабления, чтобы не раздражать Австрию и Англию. Несмотря на стремление русского правительства затушить начавшийся пожар, он разгорался и Россия должна была объявить войну Турции. Война окончилась в 1878 году разгромом Турции, но благодаря угрозам Англии и Германии Россия не могла воспользоваться плодами своих побед, хотя большинство славян получило независимость, что было огромным достижением.

Все же русское общество хорошо поняло, что антиславянская и антирусская политика Германии, Англии и Австрии во время Берлинского конгресса, на котором обсуждался мирный договор, и прямые угрозы Англии объявить войну России не дали России освободить славян полностью. Значительная часть Болгарии и вся Македония остались в

руках турок, а Босния и Герцеговина стали колониями Австрии, но русская кровь, пролитая «за великое дело любви» принесла независимость славянским народам. В главке второй: «Золотые фраки. Прямолинейные.» Достоевский критикует либералов и западников, которые не поняли народного движения в защиту славян. Жанр статьи не отличается оригинальностью. Это диалог. Один человек утверждает, а другой возражает. Статьи на тему «Разговор между А. и Б.» были довольно распространены еще во времена Белинского. Обычно А., т. е. сам автор был поумнее, а Б. поглупее и разговор заканчивался победой А. У Достоевского нет А. и Б. Больше говорит автор. Противник возражает изредка. Автор говорит о геройстве русских солдат и офицеров, которые бросаются в опасность не щадя себя.

— Да, но этак бросаться на верную смерть может только пьяный или сумасшедший, — замечает противник.

— Как неужели вы не предполагаете в нем (народе Д. Г.) великодушного сознания, что он жертвует собой для России, служа ей...

— Кулаком

— То есть как же? В войне надо драться. Чем же бы он мог принести пользу?

— Гм! Например школы.

— Интеллигенция, которая участвует в войне вместе с народом заслуживает его уважение.

— Заслужить уважение через кулак; заставить народ уважать кулак?

— Тут не один кулак, а стремление проявить личность, прославить имя.

— Ага, сделать карьеру!

— Но все эти чувства и побуждения великодушны... Развеется тоска, цинизм, явится уважение к честному подвигу.

— И к кулаку.

— Тут не одни кулачные бойцы, люди идут служить человечеству, угнетенным, оскорбленным.

— Служить человечеству кулаком.[137]

Для убеждения противника Достоевский приводит один пример. Из Болгарии привезли девочку лет десяти. У нее упадок сил, она медленно умирала. У нее одно воспоминание, которого она не может перенести. Турки взяли ее маленького брата, ребенка двух лет, сначала выкололи ему иголкой глаза, а потом посадили на кол. Ребеночек страшно и долго кричал пока не умер. Достоевский пишет, что факт этот совершенно верный и спрашивает, что сделал каждый, кто находился бы поблизости. «Скажите, неужели вы бы не бросились остановить их, даже кулаком? Достоевский обновляет старый жанр и заставляет его звучать сильно и резко при помощи доведения до абсурда мыслей противника и путем повторения одного и того же слова. Мы думаем, что Достоевский в этой главке ядовито и зло высмеивает учение Толстого о «непротивлении злу насилием» и полемизирует здесь непосредственно с Толстым, заставляя его повторять нелепое слово «кулак». Мы думаем так, потому что в июльско-августовском номере «Дневника» Достоевский открыто выступил против взглядов Толстого, изложенных в 8 части «Анны Карениной», где Толстой писал о войне с турками. Эпизод с ребенком, которому турки выкололи глаза, а потом посадили на кол, приведен и здесь.

Достоевский воображает, что Левин (читай Толстой Д. Г.) стоит с ружьем и штыком около болгарского села, а в двух шагах от него турок готовится выколоть глаза двухлетнему ребенку. Сестренка мальчика кричит и как безумная бросается на помощь к брату. А Левин стоит и думает.

— Не знаю, что сделать. Я ничего не чувствую. Я сам народ. Непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть...

— Нет, серьезно, чтобы он сделал, после всего того, что нам высказал? Ну, как бы не освободить ребенка? Неужели дать замучить его, неужели не вырвать, сейчас же, из рук злодея турка?

— Да, вырвать, но ведь, пожалуй, придется больно толкнуть турка?

— Ну и толкни!

— Толкни! А как он не захочет отдать ребенка и выхватит саблю? Ведь придется, может быть, убить турку?

— Ну и убей!

— Нет, как можно убить! Нет, нельзя убить турку. Нет, уж пусть он лучше выколет глазки ребенку и замучает его, а я уйду к Кити. [138]

— Вот как должен поступить Левин, (Толстой Д. Г.) это прямо выходит из его убеждений.

Сентябрьский выпуск «Дневника» состоял из двух глав с типичными для жанра публицистических статей интригующими заглавиями. В главке первой главы: «Несчастливцы и неудачники» Достоевский обсуждает положение в Европе. Главка вторая: «Любопытный характер» посвящена маршалу Мак-Магону. В главке третьей: «То да не то. Ссылка на то, о чем я писал три месяца назад» проявились особенно ярко пророческие тенденции Достоевского. Он уверяет читателей, что существует католический заговор, что католики под руководством папы, хотят завоевать мир, что они пытаются захватить Францию, чтобы расправиться с Германией, что Бисмарк знает, что «римское католичество есть еще далеко не раздавленный враг, что враг этот тысячелетний, что жить этому врагу хочется страстно, что живучесть его феноменальна, что сил у него множество, и что столь огромная историческая идея, как светская папская власть, не может угаснуть в одну минуту». [139] Таким образом, общественные противоречия Достоевский переносит на религиозную почву.

В главке пятой: Кто стучится в дверь? Кто войдет? Неизбежная судьба, Достоевский утверждает, что «все, что я написал в этой главе еще гадательно, подтвердилось теперь почти точнейшим образом. «Дневник» мой явится в свет седьмого октября, а теперь двадцать девятого сентября и мои, так сказать «прорицания»... окажутся отчасти уже устарелыми и совершившимися фактами, с которых я скопировал мои «прорицания». [140] Досто-

евский пишет, что все о чем он писал в предыдущем выпуске «Дневника» уже «подтвердилось» или начинает подтверждаться. И, однако, я слышал тогда еще мнение о той статье: ее называли «исступленным беснованием», фантастическим преувеличением. Над силою же и значением клерикального заговора просто смеялись».[141] Все эти «подтверждения» были довольно общего характера, но Достоевский придавал им очень большое значение. Он даже в четырех пунктах сформулировал свои «прорицания». В основном, все сводилось к тому, что мировое католичество, овладев Францией, начнет войну с Германией, а затем начнется мировая война, которая разрешит «тысячелетний вопрос римского католичества, и что, волею Провидения, на его место станет возрожденное восточное христианство и бой кончится в пользу Востока, в пользу восточного союза».[142] Все эти «предсказания» отличались фантастичностью и не сбылись, но важно то, что Достоевский чувствовал приближение грозных событий. «Да, и теперь, — писал он, — кто-то стучится, кто-то новый человек, с новым словом — хочет отворить дверь и войти... Но кто войдет — вот вопрос: совсем новый человек, или опять похожий на всех нас старых человечков».[143]

Главка первая второй главы: «Ложь ложью спасается» идейно связана с предыдущими главами, но жанр ее резко отличается. Здесь публицистические элементы смешаны с художественными причем преобладают художественные. Получился как бы сплав публицистики и художественного творчества. Достоевский пишет, что однажды Дон Кихот впал в сомнение. Ему показалось, что при всем желании рыцарь не сможет истребить в несколько часов стотысячную армию противника, как утверждалось в «правдивейших книгах, именуемых рыцарскими романами». Для истребления нужно огромное время. Но Дон Кихот разрешил это противоречие, придумав следующее объяснение: тела солдат этих армий не похожи на обычные, а «более

похожи, на тела, как например, у слизняков». Меч рыцаря проходил через них мгновенно и без задержки. Достоевский пишет, что Сервантес подметил «одну из глубочайших и таинственных сторон человеческой души», а его книга великая книга «какие посылаются человечеству по одной в несколько сот лет». Взять хотя Санхо. Самый благоразумный человек, олицетворение здравого смысла, хитрости, золотой средины, стал другом и спутником «самого сумасшедшего человека в мире». Санхо обманывает Дон Кихота как ребенка, и в то же время верит во все его фантастические сны, верит, что Дон Кихот сделает его губернатором острова.

Но главное, что самый фантастический из людей, до помешательства уверовавший в самую странную и фантастическую мечту, «вдруг впадает в сомнение и недоумение, почти поколебавшее всю его веру. И любопытно, что могло поколебать: не нелепость его основного помешательства, не нелепость существования скитающихся для блага человечества рыцарей, не нелепость тех волшебных чудес, которые об них рассказаны в «правдивейших книгах», нет, а самое, напротив постороннее и второстепенное, совершенно частное обстоятельство. Фантастический человек вдруг *затосковал о реализме*».[144] Значит в «правдивейших книгах» все ложь, и, чтобы спасти истину Дон Кихот придумывает другую мечту «уже вдвое, втрое фантастичнее первой... *Реализм*, стало быть, удовлетворен, *правда спасена*».[145] Достоевский приходит к заключению, что так случается с каждым человеком. Мы верим в то, во что хотим верить, а если возникают сомнения, то придумываем для объяснения их, новую мечту, новую ложь, которой спешим с любовью поверить. Статья написана в лирическом тоне: «Эту самую *грустную* из книг не забудет взять с собой человек на последний суд Божий. Он укажет на собственную в ней глубочайшую и роковую тайну человека и человечества».[146]

Здесь Достоевский касается важнейшего вопроса об одаренности, таланте и гении. Тайна книги

Сервантеса оказывается заключается в том, что величайшая красота человека, его чистота, мужество, величайший ум, героизм, часто обращается в ничто, проходит бесследно, а иногда вызывает насмешки, потому, что всему этому недостает одного — гения, чтобы все богатство этих даров и всю эту огромную силу направить на верный путь, а не на фантастический и сумасшедший. К сожалению, гениев очень мало, поэтому мы видим, как замечательно-одаренные люди искренне желающие пожертвовать свою жизнь для блага человечества, обречены на гибель, подвергаются преследованиям и издевательствам, потому что не сумели понять и уяснить смысл исторических событий и сказать новое слово.

Достоевский дает замечательное объяснение образа Дон Кихота, но какое все это имеет отношение к войне России с Турцией и судьбе славян? Посмотрим вторую главку: «Слизняки принимаемые за людей. Что нам выгоднее: когда знают о нас правду, или когда говорят о нас вздор?» Оказывается первая главка тесно связана со второй, являясь как бы художественным введением к ней. «Слизняками принимаемыми за людей» оказались турки. По мнению Достоевского, в «Турции нет и не может быть сил правильного и здорового национального организма, мало того — что и организма-то, может быть, уже не осталось никакого? — до того он расшатан, заражен и сгнил; что турки азиатская орда, а не правильное государство». [147]

Дон Кихот считал людей за слизняков, а европейские нации из ненависти к России слизняков, т. е. турок считали за людей — вот вывод, к которому приходит Достоевский. В главке много интересных высказываний, дающих возможность глубже понять взгляды и идеалы писателя. Касаясь отношения Европы к России он пишет: «В Европе и прежде нас мало знали, даже до того, что всегда надо было удивляться, что столь просвещенные народы так мало интересуются изучить тот народ, который они же так ненавидят и которого постоянно боятся». [148] Европа не понимает, что война с Тур-

цией есть «национальная война и что народ наш вовсе не мертвая и бездушная масса, как они всегда представляют его себе, а могущественный и сознающий свое могущество организм, сплоченный весь как один человек и нераздельный сердцем и волею со своей армией».[149] Достоевский полемизирует с западниками, считавшими, что восточный вопрос выдумали славянофилы. По его мнению, восточный, т. е. славянский, вопрос никем не выдуман, а был выдвинут исторической необходимостью. Восточный вопрос — вековой вопрос. Он возник вместе с возникновением России и не умирал никогда. «Оставить славянскую идею... значит все равно, что сломать и вдребезги разбить всю Россию».[150] Против этой идеи выступают в России только биржевики. Биржевиками Достоевский называл представителей буржуазии, которые заботились только о своем кармане. Эти люди не понимали, что надо «чтобы нация жила в самом деле, т. е. настоящею живою жизнью, а не была бы гальванизированным трупом в руках жидов и биржевиков».[151] Конец главки афористичен: «Нации живут великим чувством и великою, всех единящею и все освещающею мыслью, соединением с народом наконец,... вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля. Чем богаче духовно нация, тем она и материально богаче».[152]

*
* *

Статья «Учителю» была напечатана в № 32 журнала «Гражданин». Поводом для ее написания послужила ругательная заметка, помещенная в газете «Голос» о фельетоне Достоевского «Маленькие картинки». Достоевский замечает, что фельетонист обругал статью кажется «из целомудрия, за то, что я.... заговорив о сквернословном языке нашего хмельного народа, упомянул, уж конечно, не называя прямо, об одном неприличном предмете».[153] Достоевский пишет, что ему было грустно и он набросал несколько грустных мыслей. С глубоким со-

чувствием и печалью описывает он жизнь рабочих: «Скудость их радостей, забав, скудость их духовной жизни, подвалы, где возрастают их бледные, золотушные дети, скучная, вытянутая в струнку широкая петербургская улица».[154] Описание строится по методу усиления. Обращает на себя внимание звуковая окрашенность слов: «скудость», «скудость», «скучная», «струнка». Повторение «с» и «к» создает тоскливо печальное настроение, которое усиливается перечислением предметов и их признаков: «скучная», «вытянутая», «широкая», «бледные, золотушные дети», «скудость радостей, забав». Достоевский стремился вызвать у читателей определенное настроение и привлечь их на свою сторону. Указанная особенность была одной из важнейших сторон публицистики Достоевского. Он боролся за душу человека.

От частного случая Достоевский идет к общим выводам. Он пишет, что хотя русский народ любит сквернословить, но сверкнословит он больше по привычке и в пьяном виде, а по натуре русский народ целомудрен, тогда как высшие круги развратны. «Мужи известные самыми идеальными добродетелями, даже богомольцы, даже самые романтические поэты с жадностью участвуют в сих разговорах (речь идет о непристойных анекдотах Д. Г.)... Нравится им именно пакость и утонченность пакости... нравится низость падения, именно, вонь, а народ наш не развратен, а очень даже целомудрен».[155]

После подобных рассуждений и лирических отступлений, Достоевский расправляется со своим критиком, обращаясь к сарказму и иронии. Обычный метод Достоевского это цитирование противника с сопровождением цитат ядовитыми замечаниями. «Московский учитель мой, — пишет Достоевский, — оканчивает обо мне в своем фельетоне с чрезмерною, почти сатанинскою гордостью»: «Я воспользуюсь примером почтенного коллеги, т. е. моим), говорит он, когда мне случится писать фельетон, а материала никакого не будет, и поста-

раюсь тогда заняться тоже «картинками», — (какое презренье!) — но в данный момент мне нет надобности пользоваться преподанным мне примером — (т. е. у умного человека и без «н е г о» всегда много мыслей), — потому что хоть у нас в Москве «жар и пыль», «пыль и жар» — (начальные слова моего фельетона — для того, чтоб еще раз устыдить меня) — но из этой пыли — (а-а! вот тут-то теперь и пойдет, вот он покажет нам сейчас, что может умная московская фельетонная голова вывести даже из «этой пыли» — сравнительно с петербургскими), но из этой пыли и из под этого жара — это что же такое «из-под жара!») можно, при известной внимательности, усмотреть — (слушайте! слушайте!) — «что пульс нашей белокаменной значительно слабеющий летом... оживляется достигая интенсивности зимой». — Вот так мысль! Вот оно как в Москве-то! А мне-то, мне-то какой урок! А знаете что, учитель? Мне-то вот и кажется, что вы нарочно подхватили у меня о н е м именно чтоб сделать и ваш фельетон занимательнее... Не стали бы вы так копаться и размазывать и столько раз поминать об этом; мало того что поминали и размазывали, даже нюхали... «все же мы доросли до того... чтоб разнюхать, когда нам подносят что-нибудь уж очень бьющее в нос, и умеем ценить это, помимо намерений автора»... — Ну, так чем же пахнет?» [156] Заканчивает таким вопросом Достоевский свою статью.

Фельетон «Нечто о вранье» был помещен в №35 «Гражданина» в нем Достоевский критиковал русскую интеллигенцию и высшие сословия за потерю чувства национального достоинства, преклонение перед Западом, подражательность и неумение держать себя. Жанр — вид свободной беседы. Достоевский как бы обращается не к читателям, а к слушателям — это один из приемов, который он часто употреблял в публицистических статьях. Фельетон начинается с вопроса. «Отчего у нас все лгут, все до единого? Я убежден, что тотчас же остановят меня и закричат: «Э, вздор, совсем не все». [157]

«Пусть припомнит кто угодно — не случалось ли ему... прибавить число верст, которые проскакали, в час времени, везшие его тогда-то лошади... Ну, а охотничьи собаки... Не толковали ли вы о естественных науках, или о банкротствах и бегстве разных петербургских и других жидов за границу, ровно ничего не смысля в этих жидах и не зная, в зуб толкнуть об естественных науках?» [158]

А за границей русские стараются подражать представителям других национальностей, не умеют держать себя, стыдятся того, что они русские и в обществе стараются показаться не тем, что они есть. У них есть стремление «спрятать и прибрать свое данное Богом русскому человеку лицо и явиться другим, как можно более чужим и не русским лицом. Все это из самого полного внутреннего убеждения, что собственное лицо у каждого русского — непременно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если он возьмет французское лицо, английское, одним словом не свое лицо, то выйдет нечто гораздо почтеннее, и что под этим видом его никто не узнает. Отмечу при этом нечто весьма характерное: весь этот дрянной стыдишко за себя и все это подлое самоотрицание себя — в большинстве случаев бессознательны». [159] Достоевский резко критикует «известного рода бессовестность русского человека», который часто, обладая очень скудными знаниями берется судить с видом знатока обо всем на свете. Эта черта «свидетельствует о таком равнодушии к суду над собой своей собственной совести, или, что то же самое, о таком необыкновенном собственном неуважении к себе, что придешь в отчаяние и потеряешь всякую надежду на что-нибудь самостоятельное и спасительное для нации, даже в будущем, от таких людей и такого общества». [160]

«Э, стоит ли начинать, если никто не узнает», — рассуждал поручик Пирогов у Гоголя в повести «Невский проспект» после того, как его высекли. «Это «стоит ли начинать», — пишет Достоевский, конечно, с одной стороны намекает на такую спо-

собность уживчивости со всем, чем угодно, а вместе с тем и на такую широту нашей русской природы — что перед этими качествами бледнеет и гаснет даже все безграничное. Двухсотлетняя отвычка от малейшей самостоятельности характера и двухсотлетние плевки на свое русское лицо, раздвинули русскую совесть до такой роковой безбрежности, от которой... ну, чего можно ожидать, как вы думаете?» [161] Заключительная фраза энергична и выразительна, она активизирует внимание читателей. Достоевский в то далекое время ставил перед русским обществом на обсуждение проблемы, имевшие огромное значение для будущего России.

Интригующее название статьи «Одна из современных фальшей», помещенной в номере пятидесятом «Гражданина» взято для маскировки, так как оно не соответствует содержанию. Достоевский пишет о своем революционном прошлом, восхваляя своих товарищей революционеров, с которыми он был в кружке Петрашевского и Спешнева.

Жанр и композиция статьи тщательно продуманы. Достоевский знал, что писал об острых вопросах и опасался цензуры, поэтому, заговорив о петрашевцах, он сразу же замечает, что «Дело Петрашевцев, — это такое давнопрошедшее дело, принадлежит к такой древнейшей истории, что, вероятно, не будет никакого вреда из того, что я о нем припоминаю». [162] Все это не соответствовало действительности. Дело петрашевцев не принадлежало «к древнейшей истории» и было хорошо известно. Достоевский просто пытался усыпить внимание цензуры. Для этого он имел основания, так как статья о петрашевцах, подготовленная для январского номера «Дневника» за 1877 год, была запрещена. Достоевский начинает в спокойном повествовательном тоне, сообщая, что некоторые критики заметили, что в романе «Бесы» было использовано Нечаевское дело. Дальше он, ссылается на статью, появившуюся в «Русском мире», где писалось, что учащаяся молодежь не вступает в политические организации, что «идиотический фанатик Нечаев наб-

рал себе последователей из среды праздной, недоразвитой и вовсе неучащейся молодежи».[163]

Приведя эту цитату, Достоевский берется за любимое оружие — сатиру. На первый случай, он заявляет, что приведенные строчки «довольно ничтожны (автор, надеюсь, извинит меня). Но в них есть выверт и старая приевшаяся ложь».[164] После этого саркастического замечания, Достоевский пишет, что он не знает, что хотел доказать автор «статейки», но он отличается «тем высшим простодушием, которое так похвально и даже трогательно по своей беззащитности». Оказывается, что «ложь, принятая за правду, имеет всегда самый опасный вид (несмотря даже на то, что является в «Русском мире»), — кроме того, брасается в глаза и то, что никогда еще не являлась она в столь обнаженном, точном и безыскусственном виде, как в этой статейке. Подлинно, заставь иного человека молиться Богу, и он лоб расшибет. Вот в этом-то виде и любопытно проследить эту ложь и вывести ее на свет».[165] Здесь Достоевский два раза употребляет слово «ложь», усиливая его звучание: «ложь, принятая за правду», «никогда еще не являлась в столь обнаженном, точном и безыскусственном виде», «любопытно проследить эту ложь». Цель — создание впечатления, что автор статейки написал какую-то чудовищную клевету и что сам он глупый и ограниченный человек. На это явно намекается пословицей, в которой вместо «иного человека» нужно вставить слово «дурака». Употребляя свой любимый прием, Достоевский доводит мысли противника до нелепости. Если тот назвал «идиотическим фанатиком» одного Нечаева, то Достоевский обвиняет автора в том, что он утверждает, что «Нечаевы» непременно должны быть «идиотами», «идиотическими фанатиками», и шалопаями. Но самое интересное заключается в следующем заявлении Достоевского. «Не верю, не все; я сам старый «Нечаевец», я тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни, и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных».[166] Достоевский

характеризует петрашевцев, как лучших людей нации. Предвидя возражение, что он не нечаевец, а петрашевец, он пишет «пусть из Петрашевцев. Почему же вы знаете, что Петрашевцы не могли бы стать Нечаевцами т. е. стать на «Нечаевскую» же дорогу, в случае если б так обернулось дело? Конечно, тогда и представить нельзя было: как бы это могло так обернуться дело? Не те совсем были времена. Но позвольте про себя одного сказать. Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но Нечаевцем не ручаюсь, может и мог бы... во дни моей юности». [167] Так решительно и безоговорочно относит себя Достоевский к наиболее революционно настроенным членам революционных кружков и говорит о том, что мог бы принять активное участие в борьбе, «если б так обернулось дело», т. е. если бы дошло до крестьянского восстания. О настроенности Достоевского говорит и его поведение в страшный час расстрела, «мы не были буянами, даже, может быть, не были дурными молодыми людьми. Приговор смертной казни расстрелянием, прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти... некоторые из нас... может быть и раскаивались в иных тяжелых делах своих... но то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающими, мученичеством, за которое многое нам простится! И так продолжалось долго. Не годы ссылки, не страдания сломили нас. Напротив, ничто не сломило нас, наши убеждения лишь, поддерживали наш дух сознанием исполненного долга». [168]

Жанр статьи сложен. Здесь и дискуссия, и полемика, и замечательные воспоминания слиты в одно органическое целое.

Интересное свидетельство о взглядах Достоевского на свое революционное прошлое содержится

в статье-миниатюрке, помещенной в «Дневнике» за 1877 год. Статья называлась: «Старина о «Петрашевцах». Слово «старина» должно было указывать на то, что действие происходило очень давно, что, конечно, не соответствовало действительности, Достоевский просто опасался цензуры и надеялся обмануть ее бдительность. Это ему не удалось. Цензор Ратынский на заседании цензурного комитета 29 января 1877 года заявил, что в статье дана «далеко не объективная оценка разных типов государственных преступников» и статья была запрещена. Ратынский был цензором «Дневника» с момента его основания, так что элемент случайности в запрещении статьи отпадает. Ратынский хорошо понял, что Достоевский прославлял своих товарищей революционеров, изображая их как лучших людей нации. Статья была напечатана только в 1922 году.

Предлогом для написания статьи была передовая «Петербургской газеты», где доказывалось, что тип политического преступника в России мельчает. Высшим типом были декабристы, в 40-е годы тип стал мельче — петрашевцы. Приведя длинную выписку, Достоевский замечает, что вряд ли прав автор, указывая на примере петрашевцев об изменении типа политического преступника: «Автор говорит, что декабристы были люди «выходившие из среды высшего интеллигентного общества». Но чем же иным были Петрашевцы?». (Достоевский «Дневник писателя» за 1877, 1880 и 1881 годы, т. 12, Гиз, М. 1929, стр. 26).

Сравнивая Петрашевцев с декабристами, причем слово «Петрашевцы» всегда пишется Достоевским с заглавной буквы, он приходит к выводу: «Что же до «интеллигентности», как высшего качества декабристов над Петрашевцами, то в этом автор совсем уже ошибся: общество декабристов состояло из людей несравненно менее образованных, чем Петрашевцы. Между Петрашевцами были, в большинстве, люди, вышедшие из самых высших учебных заведений — из университетов, из Александровского лицея... Было много преподающих и

специально занимающихся наукой... весьма многие из них заявили себя потом... как профессора, как авторы замечательных ученых сочинений, как издатели журналов, как весьма заметные беллетристы, поэты... Повторяю, по отношению к образованию Петрашевцы представляли тип высший перед декабристами». Так бывший государственный преступник Достоевский через двадцать восемь лет отозвался о своих товарищах-революционерах.

Говоря о взглядах Достоевского в юности не следует смешивать их с его взглядами эпохи 70-х годов. Он делает много критических замечаний о социализме. Так, Достоевский полагает, что «из нетерпения голодных людей, разжигаемых теориями будущего блаженства, произошел впоследствии социализм политический, сущность которого, несмотря на все возвещаемые цели, покамест состоит лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими, а затем «будь что будет». [169] «Мне вот, что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено». [170]

Теперь остановимся на публицистических статьях «Дневника» за 1876 год. Жанр их весьма разнообразен. Главка первая, первой главы январского выпуска имеет следующее название: «Вместо предисловия о Большой и Малой Медведицах, о молитве великого Гете и вообще о дурных привычках». Экспозиция задержана. Начало отрывочно: «...Хлестаков, по крайней мере, врал — врал у городничего, но все же капельку боялся, что вот его возьмут, да и вытолкают из гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием». [171] Дальше Достоевский пишет о самоубийцах. Его удручала та легкость, с которой люди кончали с собой. Он приводит одну из типичных записок. Молодой человек стреляется, потому что

решил, что из него ничего не выйдет. А другой стреляется из-за того, что нет денег, чтобы завести любовницу. «Это уж полное свинство». Достоевский полагает, что стреляются не оттого, что много думают, а оттого, что мало думают. Нет ни одного гамлетовского вопроса, типа: «Но страх, что будет там». Достоевский упоминает о Вертере, который, кончая расчеты с жизнью, жалел о том, что больше не увидит «прекрасного созвездья Большой Медведицы». Вертер сознавал, что он часть вселенной, чувствовал свою связь с ней и благодарил великого духа за то, что тот дал ему лик человека. «У нас разбивают этот данный человеку лик совершенно просто и без всяких немецких фокусов, а с Медведицами, не только с Большими, да и с Малой-то, никто не вздумает попрощаться.

— О чем это вы заговорили? — спросил меня удивленный читатель. — Я хотел было написать предисловие, потому что нельзя же совсем без предисловия.

— В таком случае объясните ваше направление, ваши убеждения, объясните, что вы за человек и как осмелились объявить «Дневник писателя»? [172] При помощи вопросов Достоевский получает возможность говорить о чем он хочет или даже менять темы. Итак, вопрос был поставлен о направлении, т. е. о взглядах и принадлежности к каким-то группам. Это был очень нелегкий вопрос. Радикальная критика упрекала Достоевского в консерватизме, но он не был консерватором. Раскольников как-то, мрачно заметил, что у каждого человека свои шаги. Свои шаги были и у Достевского. Он враждебно относился к некоторым идеям радикальной интеллигенции, для него были неприемлемы диктаторские стремления Нечаева, он не мог без раздражения говорить о Бакунине, призывавшем к расчленению России на отдельные государства, отрицавшем такие чувства как любовь к родине. Достоевский понимал оторванность от народа радикальной интеллигенции и утопичность идей народников, но это совсем не значило, что он был консерватор.

Многое из программы народников ему было близко, главное: признание будущего России и преклонение перед русским народом. Достоевский призывал к объединению интеллигенции с народом, хорошо понимая, что разъединение может быть гибельно, он призывал интеллигенцию к работе на благо народа, мечтал о своеобразной конституции во главе с представителями народа. Вот каким предстает перед нами Достоевский по «Дневнику писателя». В рассматриваемой статье он заметил о себе следующее: «либералы наши, вместо того, чтобы стать свободнее, связали себя либерализмом как веревками, а потому и я, пользуясь сим любопытным случаем, о подробностях либерализма моего умолчу. Но вообще, скажу, что считаю себя всех либеральнее, хотя бы потому одному, что не желаю успокаиваться». [173] Дальше он многозначительно добавил: «Я человек счастливый, но кое-чем недовольный».

О главке второй: «Будущий роман. Опять «Случайное семейство», нами уже писалось, о главке третьей: «Елка в клубе художников. Дети мыслящие и дети облегчаемые. «Обжорливая младость». Вуйки. Толкающиеся подростки. Поторопившийся московский капитан» частично упоминалось, чтобы не повторяться ограничиваемся некоторыми замечаниями. Все главки, начиная с первой и включая четвертую, отличаются краткостью. Это было типично для многих публицистических статей «Дневника». Первая главка состоит из трех страниц, вторая из двух, третья из пяти, четвертая из двух. Краткие статейки требовали особого жанра. Над ним Достоевский много и упорно работал. Он выступал как новатор. Традиционный жанр публицистической статьи оказался непригодным. Достоевский часто обрывает вступление и начинает или с вопроса, или с цитаты, или просто заявляет свое мнение. Иногда, он ссылается на какой-нибудь известный образ из литературного произведения, как в главке первой. Образы Хлестакова, или Дон Кихота сразу вызывали определенное представление.

Таким образом экономилось место и время. Достоевский задолго до Чехова использовал все возможности активизировать внимание читателей. Огромное значение в развитии сюжета имеют реплики, замечания, восклицания. Автор прерывается слушателями, а они, в свою очередь, прерывают его. Большое значение имеют цитаты. Все это было разработано Достоевским на основе опыта русской публицистики. Он учился у Белинского, Герцена, учитывал опыт Гоголя и Пушкина и создал свой оригинальный фельетон-миниатюрку и миниатюрную публицистическую статью. Чтобы сказать на двух-трех страницах о многом, Достоевский обратил внимание на заглавие, заставив его выполнять дополнительную функцию. Часто название вводит читателя в курс статьи, объясняя о чем будет идти речь. Как отмечалось, большое внимание обращалось и на начало статей. В рассматриваемой статье первая главка начинается с предложения «...Хлестаков, по крайней мере врал»... Вторая главка — «В «клубе художников была елка и детский бал, и я отправился посмотреть на детей». Третья главка: «Елку и танцы я, конечно, не стану подробно описывать». Четвертая главка: «А впрочем, мне было, и скучно, т. е. не скучно, а немного досадно». Три последние главки связаны единством темы. В фельетоне-миниатюрке, как правило, отсутствуют портреты и длинные описания. Действующие лица характеризуются речью, проявляют себя в споре, в действиях.

Главка первая, третьей главы январского выпуска «Дневника» имеет следующее название: «Российское общество покровительства животным. Фельдегер. Зелено вино. Зуд разврата и Воробьев. С конца или с начала?» Достоевский начинает в лаконическом тоне, сообщая, что в газете «Голос был помещен отчет о праздновании торжественного юбилея первого десятилетия Российского общества покровительства животным. Нежная любовь членов общества к собакам и равнодушное отношение к людям страшно раздражили Достоевского

и он разразился саркастическими замечаниями о том, что «не одни же ведь собачки и лошадки так дороги «Обществу», а и человек, русский человек, которого надо образить и очеловечить».[174] «Я рад, что высокоуважаемому «Обществу» дороги не столько скоты, сколько люди». Вообще же «пока у нас люди мрут с голоду по голодным губерниям, такие нежные заботы о собачках несколько как бы режут ухо. Но все подобные возражения не выдерживают никакой критики. Цель общества вековечнее временной случайности. Это идея светлая и верная».[175] Достоевский, саркастически восхваляя «вековечные» цели Общества, ядовито критикует его за бессердечное отношение к людям. Интересен жанр и композиция статьи. Начав с иронического восхваления, Достевский издевательски высмеивает деятельность Общества. Вдруг он обрывает повествование и рассказывает об одном случае из своей жизни. В жанр фельетона включаются воспоминания, которые выполняют определенную задачу, а именно, подтверждают мысль Достоевского о том, что сначала нужно очеловечить людей, а потом заботиться о животных. Достоевский рассказывает, что случилось с ним в юности, когда он ехал из Москвы в Петербург. Оказывается, он видел, как фельдегерь методически и хладнокровно избивал ямщика. Кулак фельдегеря опускался со страшной силой на затылок ямщика, а тот обезумев, бил кнутом лошадей. «Но кто же бы из Общества решился привлечь этого мужичка к ответственности за бесчеловечное обращение со своими лошадками, ведь не правда ли?» «Тут каждый удар по скоту, так сказать, сам собою выскакивал из каждого удара по человеку».[176] Эта отвратительная картина осталась в воспоминании Достоевского на всю жизнь и «многое позорное и жестокое в русском народе как-то поневоле и долго потом наклонен я был объяснять, конечно, слишком односторонне».[177]

Дальше Достоевский пишет о пьянстве, которое разрушает семью и зверит человека и если бы 750 членов Общества, вместо того, чтобы заботиться о

собаках, заботились о людях, то много помогли бы русскому народу. «Как заставить сострадать, когда вещи сложились именно как бы с целью искоренить в человеке всякую человечность?» [178] Достоевский пишет о страшной власти денег, о произволе и беззащитности народа. В заключении статьи он пишет, что ничего не имеет против Общества, но хорошо, если бы оно действовало «не все с конца, а хоть отчасти бы и с начала», т. е. обратило бы внимание не на судьбу собак, а на судьбу людей.

В главке второй: «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти», Достоевский пишет о том, что не может по недостатку места обсуждать все проблемы, интересующие его. Ему хотелось бы поговорить о войне, окраинах, литературе, декабристах «и еще на пятнадать тем, по крайней мере. Вижу, что надобно писать теснее и сжиматься, — указание вперед». [179] Это замечание многое объясняет в жанре «Дневника». Стремление «писать теснее и сжиматься» заставило Достоевского создать жанр, отвечающий этим требованиям.

В главке обсуждался вопрос занимавший широкие общественные круги: существование духов и возможности общения с ними. Была создана специальная ученая комиссия, чтобы проверить все случаи общения. Комиссия пришла к выводу, что общения с духами не существует. Достоевский разделял мнение комиссии, но главное было в том, что в этой главке особенно ярко проявилась связь «Дневника» с творчеством Достоевского. Именно здесь сформирована идея, положенная в основу поэмы о «Великом инквизиторе» в романе «Братья Карамазовы». Идея о необходимости свободы для человека, свободы его воли, личности и деятельности. Идеалом человека для Достоевского был свободный человек, живущий широкими интересами не только своей нации, но и всего мира. Человек должен чувствовать себя частью вселенной, должен дерзать и творить, бороться не за свое личное благосостояние, а за «всечеловеческое еди-

нение». Достоевский понимал, что без великих объединяющих идей не может существовать нация и, он выдвинул лозунг: «Не хлебом единым».

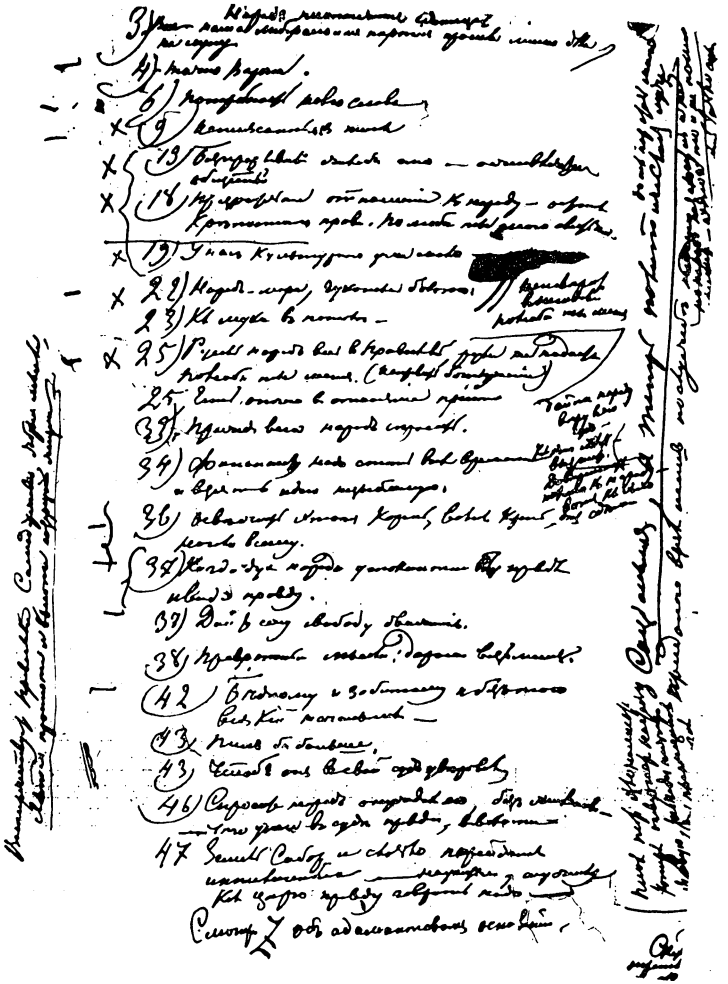
Четвертая главка: «Одна турецкая пословица» самая краткая в «Дневнике». Она состоит из восьми строк и является ответом Достоевского многочисленным критикам. Содержание ее сводится к следующему: «Если ты направился к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели».[180] В главе второй майского номера «Дневника» интересна, для выяснения взглядов Достоевского, главка первая: «Нечто об одном здании. Соответственные мысли». Начало лаконично. «Ложь и фальшь, вот что со всех сторон, и вот что иногда несносно!», — пишет Достоевский. Он рассказывает о посещении им воспитательного дома. Все показалось ему настолько интересным, что он решил еще раз зайти туда и даже хотел съездить в деревню к чухонкам, которые за плату брали на воспитание младенцев. Достоевский описывает здание, где был воспитательный дом «ряд великолепных зал, в которых размещены младенцы, удивительная чистота». Симпатичные надзирательницы. «Они имеют такой ласковый вид (ведь не притворились же они для нашего посещения), — подозрительно добавляет Достоевский. Он видел комнату, куда матери приносят детей, чтобы оставить их там навсегда. Достоевский делает ценные психологические наблюдения над детьми. Он пишет, что дети в самом раннем возрасте понимают уже так много, что мы даже не можем и подозревать. Ребенок доходит до «ужасающей, невероятной глубины понимания, с которою он вдруг осиливает, совсем неизвестно каким способом, иные идеи, казалось бы совершенно ему недоступные».[181] Пятилетний-шестилетний ребенок знает уже «удивительные вещи и такой неожиданной глубины», что кажется, что он обладает особыми нам неизвестными способностями приобретать знания. Мы этого не только не можем до-

пустить, но на основе педагогики должны бы отвергнуть. Пяти-шести летний ребенок может знать о добре, зле, что стыдно и что похвально столько же, сколько и взрослый человек. Подкинутые дети чрезвычайно рано узнают, что они не такие, как все, а «всех хуже». Узнают они это не от нянек, а сами. Как же смотрел Достоевский на этих детей? Многие относились к ним с пренебрежением и презрением. Достоевский думал, что если судьба лишила этих детей семьи и счастья возрастать у родителей, то нужно вознаградить детей, возрастить их в великолепном здании, дать за счет государства университетское образование, «приискать им место, поставить на дорогу, одним словом, не оставлять их как можно дольше, и это, так сказать всем государством, приняв их за общих, за государственных детей. Право, если уж прощать, то прощать вполне».[182] Достоевский предвидит, что многие будут негодовать, скажут, что это поощрение разврата, что простой человек не может дать своим детям даже среднее образование. В статье вводится оппонент. Это больной отец многочисленного семейства, который не в состоянии дать своим детям даже среднего образования. А те вышвырки университет доканчивать будут, места получать»... Достоевский считает такое возражение законным и в то же время незаконным. Он хотел, чтобы образование было доступно для всех, но не знал как этого добиться. Многие из «вышвырков» выйдут озлобленными. Они не простят обществу своего положения и будут мстить за себя, даже не догадываясь, что мстят, но большинство, если получит образование и возможность работы, будет полезным своей стране. Достоевский в этой статье выступает не только как блестящий психолог, но и как гуманист призывавший в то далекое время помочь брошенным детям.

В июньском выпуске «Дневника» мы остановимся на первой главке второй главы: «Мой парадокс», и на второй — «Вывод из парадокса». Они не представляют особого интереса в отношении

жанра, но важны для понимания взглядов Достоевского на отношение Европы к России и русских к Европе. Достоевский пишет: «русских не любят в Европе... об этом, я думаю, никто не заспорит, но между прочим, нас обвиняют в Европе, всех русских, почти поголовно, что мы страшные либералы, мало того, — революционеры и всегда, с какою-то даже любовью, наклонны примкнуть скорее к разрушительным, чем консервативным элементам Европы». [183] Европейцы видят в русских «варваров, шатающихся по Европе и радующихся, что что-нибудь и где-нибудь можно разрушить, — разрушить лишь для разрушения, для удовольствия лишь поглядеть, как все это развалится, подобно орде дикарей, подобно гуннам». [184] Достоевский соглашается с тем, что русские в Европе примыкают к левым элементам «одним словом Тьеров из русских гораздо меньше найдешь, чем коммунаров». [185] Европейцы объясняют это тем, что русский по сути татарин, а потому любит разрушать, как дикий. Достоевский отвергает это объяснение. Он думает, что введенная Петром европеизация во многом была чужда русским. Было оскорблено национальное чувство и достоинство... Возник протест во имя своего русского независимого начала и это выразилось в отрицании Европы, в борьбе против нее. Белинский, увлекаясь социализмом и будучи западником был «самый крайний боец за русскую правду за русскую особь, за русское начало». [186] Все что желают в Европе, в зародышевом виде есть в России «это идеи всемирного человеческого обновления». [187]

Во второй главке продолжается обсуждение этого же вопроса. Достоевский приходит к следующим выводам. Русские левые элементы, примыкая на западе к революционным организациям, оставались русскими националистами и боролись за интересы России. Русские консерваторы на западе, примыкая к правым кругам «становились разрушителями России, врагами России... Русскому, ставшему действительным европейцем, нельзя не сделаться в



Наброски к единственному выпуску «Дневника писателя» за 1881 год. Публикуется впервые. Г. Б. Л. ф 93. Дост. 1. № 2, № 18/1-2.

то же время естественным врагом России. Белинский, отрицавший Европу, оказался в высшей степени русским... а коренной древнейший русский князь Гагарин, став европейцем, нашел необходимым не только перейти в католичество, но уже прямо перескочить в иезуиты». [188] «Русские европейские социалисты и коммунисты — прежде всего не европейцы и кончат-таки тем, что станут опять коренными и славными русскими». [189]

Двойной июльско-августовский выпуск «Дневника» разнообразен по содержанию. Остановимся на некоторых статьях. Главка первая, первой главы. «Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах» — по жанру путевые заметки. Достоевский едет в Эмс и пишет о дорожных впечатлениях. В начале статьи имеется очень интересное замечание о «Дневнике». Сообщая читателям, что он едет лечиться и два месяца уже не беседовал с ними, как бы извиняясь, Достоевский пишет, что все это слишком личное и частное, «но дело в том, что я пишу мой «Дневник» не только для публики, но и для себя самого — (вот потому-то, вероятно, в нем иногда и бывают иные как бы шереховатости и неожиданности, т. е. мысли мне совершенно знакомые и длинным порядком во мне выработавшиеся, а читателю кажущиеся совершенно чем-то вдруг выскочившим, без связи с предыдущим») [190] Здесь Достоевский обмолвился о том значении, которое имел для него «Дневник». В нем выражались заветные идеи, в нем жила душа автора. «Дневник» не только ключ к творчеству Достоевского, но и к самому Достоевскому.

Композиция рассматриваемой главки довольно интересна. Достоевский пишет о Крыме, о необходимости заселения окраин России русскими. По его мнению, правительство должно пойти, если будет необходимо, на чрезвычайные затраты, но заселить Крым русскими «если не займут места русские, то на Крым непременно набросятся жиды и умертвят почву края». [191] В главке много места отведено путешествующим русским, их не-

уменью держать себя, боязни общественного мнения, того что про них скажут и подумают. «Это происходит именно от глубоко затаившегося неуважения к себе, при необъятном, разумеется, самомнении и тщеславии».

Главка третья: «Самое последнее слово цивилизации» — образец обличительного жанра. Достоевский как бы с трибуны обращается ко всей нации. Вводная часть отброшена. Начало резко: «Да, в Европе собирается нечто как бы уж неминуемое. Вопрос о Востоке растет, подымается, как волны прилива». [192] Достоевский пишет об отношении Европы к турецким зверствам. Он перечисляет страшные факты истребления турками болгар при молчаливом попустительстве и одобрении Европы, которая считает восставших славян за «гадов и клопов». «Десятки, сотни тысяч христиан избиваются как вредная паршь, сводятся с лица земли с корнем, до тла». [193] «А Европа, христианская Европа, великая цивилизация, смотрит с нетерпением... «когда же передавят этих клопов». [194] Европа делает вид, что не верит этим фактам. Это сами болгары избили 60 тысяч своих людей. Достоевский цитирует Гоголя: «Ваше превосходительство, она сама себя высекла». Слог становится нервным и напряженным. Саркастические замечания усиливают мрачный колорит статьи. Предложение «последнее слово цивилизации» повторяется несколько раз в контрастном сопоставлении с зверствами турок. Конец статьи лиричен. «Где же правда, неужели и вправду мир еще так далек от нее? Когда же пресечется рознь и соберется ли когда человек вместе, и что мешает тому? Будет ли когда-нибудь так сильна правда, чтобы совладать с развратом, цинизмом и эгоизмом людей? Где выработанные, добытые с таким мучением — истины, где человеколюбие? Да и истины ли уж это, полно? И не одно ли они упражнение для «высших» чувств, для ораторских речей или для школьников, чтобы держать их в руках, -- а чуть дело, н а с т о я щ е е дело, п р а к т и ч е с к о е уже дело — и все по боку, к черту идеалы! Идеалы

вздор, поэзия, стишки! И неужели правда, что жид опять везде воцарился, да и не только «опять воцарился», а и не переставал нигде царить».[195] Приведенный отрывок дает представление о взглядах Достоевского и о силе его обличения. Взволнованность тона, вопросы, восклицания: «где же?», «когда же?», «где», «Будет ли так сильна правда?», « и неужели правда»?. Повторения: «настоящее дело», «практическое дело». Резкие выражения: «все по боку, к черту» усиливают действенность статьи.

Во второй главе первая главка: «Идеалисты-циники» и вторая: «Постыдно ли быть идеалистом?» — тематически и идейно связаны с первой главой, кроме того они связаны и друг с другом. Жанр — мемуары, но не только мемуары. В первой главке пять страниц, во второй — четыре. Главка «Идеалисты-циники» начинается с вопроса: «А помнит ли кто статью незабвенного профессора и незабвенного русского человека — Тимофея Николаевича Грановского?» Достоевский характеризует Грановского как идеалиста и лучшего человека той эпохи. Но в характеристике есть и иронические нотки. Оказывается, Грановский был, так сказать, «патентованным» проповедником всего прекрасного и высокого». Он написал статью о Восточном вопросе, в которой доказывал, что любое государство не частное лицо и поэтому такие чувства, как великодушие, благодарность, бескорыстие, любовь к родственным национальностям, в политике не имеют никакого значения и ими нельзя руководиться. Достоевский возражает против подобного отношения, «не лучшая ли политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже повидимому и в ущерб ее интересам (а на деле никогда не в ущерб)... эти-то великие и честные идеи (а не один барыш и шерсти клок) и торжествуют, наконец, в народах и нациях, несмотря на всю, казалось бы, смешную непрактичность этих идей и на весь их идеализм... политика чести и

бескорыстия есть не только высшая, но, может быть, и самая выгодная политика для великой нации, именно потому, что она великая».[196] Практичность и погоня за выгодой показывают мелочность и внутреннее бессилие государства. Достоевский уверяет, что, в конце концов, всегда торжествуют правда и честь», «потому что так того, неизменно и вечно, хотели и хотят люди». Когда уничтожили торговлю неграми сколько было воплей, что это вредит основным интересам государства, что это недопустимо, так как негр не человек. Тоже самое было, когда у нас освободили крестьян. Грановский в своей статье указывал, что Россия, добиваясь освобождения славян, преследовала свои политические цели. Достоевский пишет, что если рассуждать с точки зрения «выгоды», то России, может быть, в настоящий момент был бы выгоден мир, укрепление торговли, рубля, а для этого нужно лишь покинуть славян, предать их, а потом, когда обстоятельства переменятся, можно и помочь, так как все равно без России славяне не обойдутся «государство не частное лицо». Последняя фраза иронически повторяется несколько раз. Достоевский обращается к сатире, отпуская ядовитые замечания по адресу Грановского, он борется не только с ним, а с западниками и либералами. Язык статьи резок. В нем много простонародных слов: «шерсти клок», «плевок на честь и совесть», «по боку идеалы», «давить», «барыши» и т. д. Есть и саркастические высказывания от имени мнимых оппонентов, как, например: «Вот-де, милые братцы славяне, государство не частное лицо, ему нельзя из великодушия жертвовать своими интересами, а вы не знали этого?»[197] В главке второй продолжается обсуждаться та же тема. Главное, что было неприемлемо для Достоевского в статье Грановского, это взгляд Грановского на русский народ, как массу совершенно не понимающую происходящих событий и равнодушную ко всему за исключением своих узких практических интересов. В данном случае, Грановский был неправ. Само правительство

считалось с возможностью народных выступлений и волнений и боялось их. Достоевский пишет, что Грановский лично любил народ, но высказал невольно «взгляд на народ нашего заклятого западника, готового всегда признать в народе прекрасные зачатки, но лишь в «пассивном виде» и на степени «замкнутого идиллического быта». Для западников народ был «косной и безгласной массой». Достоевский был прав. Русский народ сочувствовал славянам и помогал им в борьбе за свободу как мог и чем мог, часто к неудовольствию своего правительства. Русские люди шли добровольцами в отряды восставших болгар и сербов и жертвовали своей жизнью, а пролитая кровь «за великое дело любви», — говорил Достоевский, много значила. В статье приводится отрывок из думы К. Рылеева «Волынский»

«И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной.
И он и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ». [198]

Достоевский приводит этот отрывок, говоря о смерти Н. А. Киреева «положившего жизнь свою за народное дело». Цитата интересна и потому, что показывает знакомство Достоевского с поэзией декабристов. По всей вероятности, Достоевский знал это стихотворение на память, или, по крайней мере, помнил о нем, а если знал и помнил, то значит любил поэзию Рылеева. Достоевский пишет, что русский народ рад «если предстанет великая цель, и примет ее как хлеб духовный». Идеи имеют огромную силу, часто идея, которая кажется непрактичною и слабою развивается и побеждает мир. Краткость главки обусловила ее афористичность. «У идеалиста и реалиста, если они только честны и великодушны, одна и та же сущность — любовь к человечеству и один и тот же объект — человек». [199] «Стыдиться своего идеализма нечего: это

тот же путь и к той же цели».[200] «Идеализм, в сущности точно так же реален, как и реализм, и никогда не может исчезнуть из мира».[201]

Рассмотрев содержание главок, можно сказать, что ошибаясь в частностях, в основном Достоевский был прав, указывая на всегдашнее стремление русских помочь славянам. Прав был Достоевский и в оценке русского народа. Он понимал его слабые стороны, видел отсталость, но знал и его грозную мощь.

Мы уделили так много внимания и времени анализу публицистических произведений «Дневника», потому, что публицистика Достоевского не только не исследована, но и не оценена по достоинству. Многие полагают, что она вообще не заслуживает внимания. Думается, что такое мнение неверно. Публицистические произведения замечательны по содержанию, разнообразны и интересны по жанру. Без знания публицистических статей, нельзя получить полного представления о Достоевском, так как публицистика была зеркалом его души. Ведь он был не только писатель, но и публицист, замечательно владевший грозным оружием сатиры. Публицистические статьи содержат богатейший материал для понимания взглядов писателя, насыщены идеями его волновавшими, проникнуты пафосом обличения, художественными зарисовками, философскими рассуждениями и обращены не только к разуму, но и к чувству, не только к прошлому, но и к будущему.

Публицистические статьи характеризуют писателя как проповедника, трибуна, обличителя и пророка. Они проникнуты той одержимостью, которая характерна для его романов. Достоевский выступает, как защитник страдающего человечества. У него не было гоголевского юмора, но была сатира, сарказм и ирония.

Художественная публицистика

Содержание «Дневника» не исчерпывается только публицистическими статьями. Большое мес-

то занимают в нем произведения, которые можно назвать художественной публицистикой.

Статьи этой группы посвящены злободневным вопросам, но в то же время они проникнуты художественными элементами. Наше деление весьма условно, потому, что художественными элементами проникнута почти вся публицистика Достоевского.

Во втором номере журнала «Гражданин» за 1873 год была помещена статья «Среда». По теме она весьма злободневна. Достоевский обсуждает в ней вопрос о работе суда после реформы. Крестьяне-заседатели выносили очень много оправдательных приговоров. Достоевский пытается выяснить причину этого мягкосердечия. Анализируя факт, по своему методу от частного к общему, он приходит к выводу, что мания оправдания во что бы то ни стало захватила не только крестьян, но и профессоров и присяжных высших классов.

Кажется, что «Среда» обыкновенная публицистическая статья. Начало ее довольно обыденно, но с третьей страницы Достоевский вводит двух оппонентов, которые начинают спорить с ним. И этот прием сам по себе не нов. Им часто пользовался Белинский, Герцен и другие писатели. При помощи этого Достоевский оживляет статью. Начинается спор, в который незаметно втягивается читатель. Проблема расширяется. Чтобы понять «жалостливость» русского народа, нужно понять русский народ и его психологию. Почему русские всех оправдывают, сваливая ответственность на учение о «среде»? Может быть потому, что по существу своему, по природе, по «славянским наклонностям» они склонны к этому учению?

Втянув в спор читателя, поставив вопрос на принципиальную высоту, Достоевский вдруг выступает как оратор и проповедник: «Ну, тут с народом пока еще фортель, а не «философия среды». Тут есть еще одна ошибка, один обман»... [202]

«Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виноват... Я бы мог представить и примеры тому, но отложим их пока... Я

был на каторге и видел преступников... с виду это был страшный и жестокий народ...» [203] «Не хотел бы я, чтобы слова мои были приняты за жестокость... Самоочищение, страдание легче, — легче говорю вам, чем та участь, которую вы делаете многим из них». [204]

Ораторская речь с обращениями, вопросами, отрицаниями постепенно переходит в проповедь, поучение и, порою, в саркастическое обличение. Достоевский обнаруживает свое возмущение в довольно резкой форме. Он говорит о том, что заграницей встречал русских эмигрантов и жалел о них как о погибших для России людях, но после чтения русских газет, иногда «ей Богу, господа, я невольно мирился с абсентизмом и абсентистами. Сердце поднималось до боли. Читаешь, — там оправдали жену, убившую мужа. Преступление явное, доказанное, она сознается сама: «Нет, не виновата». Там молодой человек разламывает кассу и крадет деньги... И хоть бы все эти случаи оправдывались состраданием, то-то и есть, что не понимал я причин оправдания, путался... В эти злые минуты мне представлялась иногда Россия какой-то трясиной, болотом, на котором кто-то затеял построить дворец. Снаружи почва как бы и твердая, гладкая, а между тем это нечто вроде поверхности какого-нибудь горохового киселя, ступите и так и скользнете вниз в самую бездну». [205]

Изложение ведется в виде публицистической проповеди. Нервный и горячий тон показывает субъективность автора. На основе анализа делается определенный вывод, а в заключение дается художественный пример. Вот схема построения статьи.

Достоевский выступает против учения о «среде». Он доказывает, что это скользкий путь, что глупо оправдывать влюбленного человека за то, что он украл деньги, чтобы угодить любовнице. И вообще думать, что раз общество несовершенно так и люди несовершенны и на основании этого прощать преступления нельзя.

Учение о среде Достоевский рассматривает довольно односторонне, сводя дело к случаям вроде кражи денег для любовницы. Он пытается обосновать свои взгляды на преступление и с точки зрения религиозной морали. Преступление — несчастье, преступник — несчастный. Он, может быть, и не хуже других, но он согрешил и должен принять возмездие. Достоевский утверждает, что взгляд на преступника как на несчастного человека принадлежит к числу «сокрытых в русском народе идей, идей русского народа... идея эта чисто русская. Ни в одном европейском народе ее не замечалось». [206]

Жалость хорошее чувство, но не абстрактная жалость, и не жалость к обидчику, а только к обиженному. В приговорах русских судов Достоевский не видит жалости, которая могла бы хоть что-нибудь объяснить, а только «мрак, в котором живет какой-то сумасшедший».

Бывший петрашевец, проведший долгие годы на каторге, был чужд жалости к угнетателям. Теоретические рассуждения статьи обрываются. Писатель обращается к судебной хронике и рассказывает о том, как мужик долгие годы увечил жену, обращался с ней хуже чем с собакой и вот в отчаянии, решившись на самоубийство, почти обезумевшая, она идет жаловаться в сельский суд. Там ее отпускают, сказав равнодушно, чтобы они жили в согласии. «Да разве это жалость?» — спрашивает Достоевский. «Это какие-то тупые слова проснувшегося от запоя пьяницы, который едва различает, что вы стоите перед ним, глупо и беспредметно машет на вас рукой, чтобы вы не мешали, у которого еще чад и безумие в голове». [207]

Дальше, буквально в четырех строках, дана история этой женщины, повесившейся от зверских побоев мужа в присутствии десятилетней дочери. Заметив, что дело всем известно, Достоевский добавляет: «Но мне долго еще мерещилась вся обстановка, мерещится и теперь». Тут начинается замечательное художественное воспроизведение харак-

теров действующих лиц, объяснение побудительных мотивов их действий, предугадывание, что могло бы выйти при других обстоятельствах (другой среде) из героини. Противореча себе, Достоевский заявляет, что люди рождаются в разной обстановке: «Неужели вы не поверите, что эта женщина могла бы быть в другой обстановке какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из Фауста... могло быть в зародыше у ней нечто очень благородное в душе... любящее, даже возвышенное сердце, характер, исполненный оригинальной красоты. Уже одно то, что она столько медлила наложить на себя руки, показывает ее в таком тихом, кротком, терпеливом, любящем свете». [208]

С возмущением Достоевский говорит об избиениях и диких мучениях, которым подвергалась эта женщина и о переживаниях дочери, наблюдавшей как мучается подвешенная отцом за ноги мать. Картина, нарисованная Достоевским, получилась потрясающая. Мать вешается на глазах дочери, которая кричит: «Мама, на что ты давишься!». Девочка, после того, как мать повесилась несколько раз подходила к ней из своего угла.

Эпизод уголовной хроники в свете психологического реализма Достоевского получил необычайную выразительность. Забывая свою теорию о необходимости и спасительности страдания, Достоевский доказывает, что жалость к мучителям — идиотизм. Он требует сурового наказания для мужа, приговоренного только к 8 месяцам тюрьмы. Его беспокоит судьба ребенка. Отец вернется из тюрьмы и возьмет дочь. «Будет кого за ноги вешать», — иронически замечает писатель.

«Достоин снисхождения!» И ведь этот приговор дан зазнамо. Знали ведь, что ожидает ребенка. К кому, к чему снисхождение? Чувствуешь себя как в каком-то вихре: захватило вас и вертит, и вертит» [209], — пишет он в заключение.

Рассматривая эту статью, трудно определить ее жанр. С одной стороны, ее можно отнести к су-

дебной хронике. Темой ее является уголовное дело, следовательно можно говорить о злободневности статьи. В ней обсуждается ряд общественных вопросов, следовательно статья публицистична. Это же подтверждает и сама манера обсуждения. Но все же наше определение будет неполным. В статье обсуждаются и философские проблемы, следовательно статья и философская, но в таком случае куда же отнести замечательные художественные и психологические зарисовки автора? Приходится признать статью и художественной. Так для определения жанра статьи необходимо или собрать несколько прилагательных вроде: публицистически-злободневная, философски-художественная, или ограничиться замечанием, что здесь мы имеем дело с новым жанром, жанром «Дневника».

Вообще начала произведений рассматриваемой группы отличаются краткостью и лаконичностью. В статье «Мальчик с ручкой», которой открывается вторая глава январского номера «Дневника», начало афористично: «Дети странный народ, — пишет Достоевский, — они снятся и мерещатся». Дальше сообщается история мальчика, которого встретил Достоевский на прогулке. В страшный мороз, одетый почти по-летнему, ребенок собирал подаяние.

Наблюдения, взятые из жизни, складывались в художественные картины, но Достоевский как бы прерывал творческий процесс... Так создавалась художественная публицистика. Она интересна для понимания творческого метода писателя. По ней можно проследить процесс создания его романов.

Статья «По поводу выставки» была помещена в 13 номере «Гражданина» за 1873 год. По жанру она — публицистична. Достоевский, рассматривая картины русских художников, и анализируя произведения русских писателей, приходит к выводу, что «все характерное, все наше национальное по преимуществу (а, стало-быть все истинно-художественное).... для Европы неузнаваемо».[210] По мнению Достоевского, всем русским крупнейшим та-

лантам суждено очень надолго остаться для Европы неизвестными. Наоборот, русские легко и свободно понимают всех европейских писателей, хотя те тоже весьма национальны. Эта способность есть особый дар русских перед европейцами, также как и способность говорить на чужих языках. Европейцы вообще мало знают Россию и русскую жизнь. «Европейцу, какой бы он ни был национальности, всегда легче выучиться другому европейскому языку и вникнуть в душу всякой другой национальности, чем научиться русскому языку и понять нашу русскую суть». [211] Как видно, русские долго еще будут находиться в «печальном уединении» среди европейских народов. Европейцы еще долго будут ошибочно судить о русских и судить все в худшую сторону. Непонимание основано на каком-то «сильнейшем непосредственном и гадливом ощущении, враждебность к нам Европы; отвращение ее от нас как от чего-то противного, отчасти даже некоторый суеверный страх ее перед нами и — вечный, известный, давнишний приговор ее о нас: что мы вовсе не европейцы... Мы, разумеется, обижаемся и изо всех сил таращимся доказать, что мы европейцы» [212] Подобные рассуждения довольно часто встречаются в публицистических статьях Достоевского, дальше следует одно интересное замечание. На выставке была картина В. Е. Маковского: «Любители соловьиного пенья». Достоевский художественно раскрывает ее содержание. Описав обстановку, он творчески воссоздает образы действующих лиц, показывая их внутренний мир. Мы узнаем, что чувствуют и переживают купцы, как и почему так ведет себя владелец соловья. Достоевский написал не объяснение к картине, но сам создал маленькую картину, заметив, что в таких «маленьких картинах... есть даже любовь к человечеству, не только к русскому в особенности, но даже и вообще». [213] Жанр главки сложен. Кроме публицистических рассуждений и художественных зарисовок в главке есть критические замечания, характеризующие эстетические взгляды Достоевского.

Об этом уже писалось, чтобы не повторяться,

рассмотрим некоторые высказывания. Они интересны и своей афористичностью. «Я ужасно боюсь «направления», — пишет Достоевский, — если оно овладевает молодым художником, особенно при начале его поприща; и как вы думаете, чего именно тут боюсь: а вот именно того, что цель-то направления не достигнется». [214] «Всякое художественное произведение, без предварительного направления, исполненное единственно из художественной потребности и даже на сюжет совсем посторонний, совсем и не намекающий на что-нибудь «направительное»... окажется гораздо полезнее... чем, например, все песни о рубашке (не Гуда, а наших писателей)». [215] «В угоду общественному давлению, молодой поэт давит в себе натуральную потребность излиться в собственных образах, боится, что осудят за «праздное любопытство», давит, стирает образы, которые сами просятся из души его, оставляет их без развития и внимания и вытягивает из себя, с болезненными судорогами, тему удовлетворяющую общему, мундирному, либерализму и социальному мнению». [216] Достоевский не был сторонником теории «искусства для искусства», но он отвергал также утилитарный подход к искусству, полагая, что писатель должен быть и гражданином и откликаться на все, что волнует общество. Если писатель одарен и талантлив, то он и не может стоять в стороне от общественной жизни, но это не значит, что общество может требовать от писателя, чтобы он создавал произведения на ту или иную тему... Как на иллюстрацию к высказанному, Достоевский ссылается на Некрасова, которого Достоевский обвинял в «мундирном сюжете, мундирности приема, мундирности мысли, слога, натуральности». [217] В основном, Достоевский был не прав, хотя отдельные произведения Некрасова отличались тенденциозностью. Можно согласиться с Достоевским, что в поэме «Русские женщины» Некрасов слишком идеализированно изображает жизнь и что навряд ли жена, приехавшая к мужу — за шесть тысяч верст, при встрече с ним сразу же

будет целовать его цепи. Достоевский справедливо считает это огромной натяжкой, заявляя, что женщина сначала поцелует мужа, а потом, может быть, его цепи.

Достоевский хвалит картину Репина «Бурлаки», за то, что в ней художник правдиво изобразил жизнь. В картине отсутствует тенденция, но верное изображение действительности вызывает у зрителей чувство жалости к бурлакам. Затем Достоевский пишет о жанре. Под жанром он подразумевает творческий метод, а именно, как и что художник или писатель должен изображать. Говорят, что нужно изображать действительность такою, какой она есть «тогда как такой действительности совсем нет, да и никогда на земле не было, потому что сущность вещей человеку недоступна, а воспринимает он природу так, как отражается она в его идее, пройдя через его чувства, стало быть, надо дать поболее ходу идее и не бояться идеального».[218] В пояснение своей мысли Достоевский приводит интересный пример. Художник прежде чем нарисовать портрет человека, долго изучает его лицо, потому что часто человек бывает не похож на самого себя. Художник старается отыскать главную черту, или как выражается Достоевский, «главную идею его физиономии», то есть художник больше доверяет своему «идеалу», чем действительности. «Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность».[219] Достоевский требовал от художника типичности, нахождения в явлениях жизни главного, а не поверхностных натуралистических описаний и зарисовок.

Главка вторая первой главы мартовского выпуска «Дневника» за 1876 год называлась: «Столетняя». В ней мы видим как творил Достоевский, как впечатления действительности превращались в художественные произведения. Жанр главки сложен. Одна знакомая сообщила Достоевскому, что она на улице встретила старушку, которой оказалось 104 года и женщина дала ей пять копеек. Старушка

шла очень медленно и часто отдыхала. Шла она на обед к своей племяннице. Достоевский замечает, что это был даже не рассказ, а «так какое-то впечатление» и он позабыл о нем, но поздно ночью, внезапно вспомнил про старушку и «почему-то мигом дорисовал себе продолжение». Получилась другая «может быть, очень правдоподобная история» [220] Рассказ знакомой дал толчок творческому воображению Достоевского. Способность Достоевского додумывать и домысливать проявилась в полном блеске. Он описывает семью племянницы старушки, их комнатку в подвале. Муж племянницы оказался цирюльником. Он ходит «в засаленном как блин сюртуке, от помады что ль, не знаю... воротник на сюртуке всегда у него точно в муке вывален». [221] У хозяина оказался гость. Достоевский передает разговор, который шел и, что особо интересно, создает типичный язык для всех действующих лиц. Племянница говорит старушке: «Смотри, Максимовна, какое пальто (для сына) построили... ведь шесть рублей как одна копеечка... говорят нам дешевле и начинать нечего... сами говорят потом слезьми заплачете... умылась наша копеечка». [222] Старушка устала, она тяжело дышит и становится бледной «губы совсем побелели. Она тоже всех оглядывает, но как-то тускло. — Вот думаю... пряничков деткам... пятачок-то... И опять остановилась». Хозяин наклонился к ней, но старушка не отвечает, она стала «как бы белее, а лицо как бы вдруг все осунулось. Глаза остановились, улыбка застыла на губах; смотрит прямо, а как будто уж и не видит». Так Достоевский описал смерть столетней. «А ведь за минуту смеялась, как веселилась! Ишь пятачок-то в руке! Пряничков, говорит, о-ох, жисть-то наша!» [223] — замечает гость. Потом он с хозяином идет заявлять куда надо. Рассказ кончается. На сцене появляется автор. Он сообщает, что происходит дальше. Хозяйка посылает за соседками и те охотно приходят на помощь. Маленький племянник Миша, сколько ни проживет, все будет помнить прабабушку, как

умерла, держа руку на его плече, а когда он умрет, то никто не узнает, что жила была когда-то такая старушка. «Да и зачем помнить, ведь все равно. Так отходят миллионы людей: живут незаметно и умирают незаметно... Благослови Бог жизнь и смерть простых добрых людей!» [224]

Мы как бы присутствовали в творческой лаборатории Достоевского, когда он создавал свое произведение. В конце главки Достоевский пишет, что получилось «легкая и бессюжетная картинка». Он стремился пересказать из слышанного за месяц, что-нибудь самое интересное «а как приступишь, то как раз или нельзя, или нейдет к делу, или «не все то говори, что знаешь», а, в конце концов, остаются все только самые бессюжетные вещи» [225] Как видно, цензурные стеснения и небольшой размер главок («Столетняя» состоит из шести страниц) не давали Достоевскому возможности писать о чем он хотел.

В третьей главке «Обособление» Достоевский продолжает свой разговор с читателями, заявляя, что пишет «о виденном, слышанном и прочитанном». Дальше он поясняет, что рад, что не стеснил себя обещанием «писать о б о в с е м «виденном, слышанном и прочитанном». Здесь Достоевский ясно и четко указывает на то, что он тщательно отбирал материал для «Дневника», а не печатал в нем все что попало.

Главка первая третьей главы мартовского выпуска за 1877 год называлась «Похороны общечеловека». Достоевский начинает с жалоб на то, что не может говорить обо всем о чем хочет. «И сколько тем, на которые я уже целый год собираюсь говорить и все не соберусь». [226] Он получал много писем от читателей «Дневника». Письма были очень важны, так как давали представление о том, что происходило в России. Были письма подписанные, были анонимные. Письма давали представление «о нашем русском умственном теперешнем настроении, о том, чем интересуются и куда клонят наши не праздные умы, кто именно наши не празд-

ные умы»[227] Достоевскому хотелось написать обо всем этом, но он понимал, что это невозможно. «Разумеется, обо всем нельзя сказать и всего нельзя передать и даже, может быть, самого любопытного».[228] Достоевский был прав. Ведь к нему писали письма революционеры, народники и даже народовольцы. Все эти письма лежат в архивах, а было бы очень важно и интересно для понимания Достоевского, опубликовать всю его переписку и посмотреть, что за люди писали ему. По цензурным условиям он не мог касаться важнейших тем. В рассматриваемой крохотной главке в две с половиной страницы, Достоевский приводит длинную выдержку из письма молодой еврейки. Она писала о похоронах доктора Гинсбурга. Ему было 84 года. Всю свою жизнь он посвятил бедным людям, а когда умер, то его не на что было похоронить. Он 58 лет практиковался в городе. Был доктор и акушер. «Имя его перейдет в потомство, — пишет девушка, — о нем уже сложились легенды, весь простой народ звал его отцом, любил, обожал». Доктор был немец и протестант, но о нем совершали богослужение и еврейский раввин и пастор. Доктор не только бесплатно лечил, но и давал деньги людям, находившимся в тяжелом положении. Во время родов у одной страшно бедной женщины, он видя, что не во что завернуть ребенка, снял и разорвал свою верхнюю рубашку.

Раз доктор лечил семью бедного еврея-дровосека и попросил того продать последнюю козу, чтобы заплатить за лечение. Еврей продал и заплатил доктору четыре рубля. Доктор приложил к ним двадцать рублей и купил для еврея корову, сказав, что козье молоко для него вредно. Хоронили доктора как святого.

Вторая главка «Единичный случай» служит продолжением первой. Достоевский пишет, что он потому назвал доктора «общечеловеком», что все многочисленные национальности губернского города, где жил доктор, признали его за своего. В этой главке мы встречаемся с чрезвычайно интересным

приемом художественного творчества. Достоевским как бы вводится в литературу живопись. Он говорит, что если бы был художником, то написал бы картину, как доктор сидит у бедной еврейки-роженицы. В картине должна быть показана «идеальная, невозможная, смраднейшая нищета бедной еврейской хаты. На кривом столе догорает оплывшая сальная свечка, а сквозь единственное, заиндивевшее и обледенелое оконце уже брезжит рассвет нового дня, нового трудового дня для бедных людей»... [229]

Картина, созданная Достоевским, получилась необычайно выразительной и яркой. Он обращает внимание художника на значение освещения. На столе догорает свеча, в обледенелое окно не проникают лучи, их нет, а «брезжит» рассвет. Слово «брезжит» дает представление о слабом мерцающем полусвете. Достоевский пишет, что в картине художник должен изобразить доктора без рубашки, дрожащего от утренней сырости, его лицо и лицо молодой измученной роженицы еврейки, которая смотрит на ребенка. Кроме того, в картине должна быть изображена усталая старуха, мать роженицы и еврей, выходивший за дровами. Он возвращается «и мерзлый пар клубами врывается на миг в комнату. На полу, на войлочной подстилке крепко спят два маленьких еврейчика». [230] Большое внимание Достоевский обращает на детали. На столе лежит столбик из медных монет, это тридцать копеек, которые доктор оставил на питание семье, около лежит перламутровая докторская сигарочница. Из этого очерка мы видим, как Достоевский создавал свои произведения и какие требования он к ним предъявлял.

Конец главки публицистичен. Достоевский говорит о значении единичных примеров. Такие люди, как доктор объединяют других, без таких людей не может существовать человечество, «нужно очень немного таких, чтобы спасти мир, до того они сильны. А если так, то как же не надеяться»? [231]

Литературно-критические статьи

При исследовании творческой деятельности Достоевского, обычно внимание обращается на его романы, а литературно-критические статьи остаются незаслуженно забытыми. Это забвение ничем не оправдано. Достоевский был талантливым и оригинальным критиком. Его статьи имеют не только исторический интерес. Они проникнуты художественными элементами, в них встречаются замечательные образы, воспоминания, яркие характеристики и описания. В них не только отразились мысли и идеи Достоевского, но запечатлелся и образ самого автора. Нервный, раздражительный, захваченный вихрем идей, одержимый этими идеями и слепо верующий в них, Достоевский не был объективным критиком. Наоборот, он был субъективен и пристрастен, но его субъективность часто была объективной, потому что он рассматривал литературные произведения с исторической точки зрения. Это накладывало на статьи Достоевского особый отпечаток.

Мы ставим своей целью рассмотреть только литературно-критические статьи, помещенные в «Дневнике писателя», но Достоевский публиковал критические статьи и в своих журналах «Время» и «Эпоха». Писал он критические статьи и в юности. Вопрос о Достоевском — литературном критике еще не поставлен во всей широте, а думается, что пора бы его поставить.

Романы Достоевского, как огромные горы, привлекают к себе всеобщее внимание, заслоняя все остальные стороны его деятельности. Но Достоевский писал не только романы, он был и публицист, и проповедник, и пророк, и литературный критик.

Как пророк и проповедник Достоевский был слаб, но как литературный критик должен получить полное признание. Он был прирожденным публицистом и критиком. Критическими замечаниями и высказываниями были наполнены его фель-

етоны 1847 года, он писал литературно-критические статьи для своих журналов. Как литературный критик очень часто выступал он и в своих романах.

В «Дневнике» за 1873 год первая критическая статья «Смятенный вид» посвящена повести Н. Лескова «Запечатленный ангел». Отношения с Лесковым у Достоевского были довольно натянутыми. Он считал антинигилистические романы Лескова слишком тенденциозными. В свою очередь, Лесков неприязненно относился к Достоевскому. Здесь были и элементы личной вражды, но в основном для Лескова Достоевский был слишком радикален и слишком тесно связан с молодым поколением. Враждебные отношения отразились в критических заметках Лескова и резких ответах Достоевского. Рассматриваемая статья была написана Достоевским еще до появления критических заметок Лескова и в ней Достоевский довольно объективен. По размеру статья очень небольшая. В ней всего пять с половиной страниц. Жанр — непринужденная свободная беседа. Достоевский обращается прямо к читателю со следующим сообщением: «Я кое-что прочел из текущей литературы и чувствую, что «Гражданин» обязан упоминуть о ней на своих страницах. Но какой я критик? Я действительно хотел было писать критическую статью, но, кажется, я могу сказать кое-что лишь «по поводу». [232] Приведенную фразу можно рассматривать как литературный прием. Достоевский был сильным критиком, но он пытался, как и в публицистических статьях, создать атмосферу непредрешенности, свободной беседы, где каждый может высказать свое мнение. Статья состоит из рассуждений Достоевского. В этом заключается своеобразие ее жанра. Автор, как бы в присутствии читателей, говорит не столько о повести Лескова, как по поводу ее. В повести речь шла об одном значительном чиновнике, который захотел взять с раскольников взятку в 15000 рублей, а когда они отказали, он велел забрать все их иконы, находившиеся в церкви, просверлить в них дыры и

нанизать на один железный прут. На одну особо чтимую икону, чтобы оскорбить и унизить раскольников, чиновник приказал поставить сургучевую печать. Печать была прямо поставлена на лицо ангела. Православный архиерей узнав об этом ограничился одним замечанием «смятенный вид». Вот этот момент и привлек особое внимание Достоевского. Сделав несколько замечаний о художественных достоинствах повести, Достоевский с яростью обрушивается на архиерея, который «после такого неслыханного, всенародно-бесстыдного и самоуправного святотатства, которое позволил себе взяточник-чиновник, касающегося как раскольников, так равно и всех православных, ограничивается лишь тем, что говорит с воздыханием: «Смятенный вид!» и не в силах остановить даже второстепенного чиновника от таких зверских и ругательных действий» [233] Достоевский пишет, что повесть произвела на него впечатление «болезненное».

Чем дальше, тем тон статьи делается взволнованнее и нервнее: «Неужели от того только, что икона побыла некоторое время в руках раскольников, она потеряла свою святыню?.. ведь она была древле освещенною православною иконою, чтимою до раскола всем православием? И неужели при сем местный архиерей не мог и не имел бы права поднять хоть палец в защиту святыни!» [234] «Я того убеждения, что оскорбление народного чувства во всем, что для него есть святого — есть страшное насилие и чрезвычайная бесчеловечность». [235] Неужели архиерей «обратился в чиновника от правительства?» Если так будет продолжаться, то «раскол будет смотреть на православную церковь с презрением». Достоевский критиковал не только архиерея, но и правительство, которое допускало подобные безобразия, тем более, что повесть Лескова была основана на фактах. В конце Достоевский пишет о русском народе и о необходимости для духовенства учить народ. Но чему учить? В чем убеждать? Нужно развивать

«добрые нравы», «но какие же тут «добрые нравы», когда народ пьян с утра до вечера, а от продажи вина правительство получало огромные прибыли и с уничтожением пьянства лишалось их. «Остается, стало быть, проповедовать, чтобы народ пил немножко только поменьше».[236]

Статья под названием «Ряженый» отличается особой резкостью и полемичностью. Она была направлена против Лескова. Последний напечатал в газете «Русский мир» две ругательных заметки о Достоевском, укрывшись в одной за псевдонимом «Псаломщик», а во второй за псевдонимом свящ. П. Касторский. В первой обличалось «невежество писателя Достоевского, который не разбирался в одеянии церковных певчих, а во второй «грубое смешное и непростительное невежество Достоевского» как редактора Гражданина»

Оказывается Достоевский поместил в одном из номеров «Гражданина» рассказ Недолина «Дьячок», в котором будто-бы неверно изображалась жизнь духовенства. Обе заметки были написаны в грубо издевательском тоне. Одна называлась «О певческой ливрее», а другая — «Холостые понятия о женатом монахе». Достоевский догадался кто был автор заметок и отвечал на них исключительно резко и саркастически, упрекая автора в том, что он осуждая «невежество» Достоевского, сам ничего не знает и после всего, «что натрубил довольствуется вялой догадкой... а звону то звону». Статья изобилует простонародными выражениями. Типа: «Выскочил, намахал руками, и — ничего не вышло». «Вы просто-запросто подтасовали дело, и я преспокойно ловлю вас на плутне». «Но вы немножко ошиблись, батюшка, и рассчитали без хозяина».[237] «Я вас, батюшка, имею средство на этот счет в высшей степени успокоить».[238] Жанр статьи оригинален. Сначала Достоевский приводит отрывки из заметки, снабжая их ядовитыми примечаниями: «Прервем на минуту... такой глупой фразы у меня совсем нет». Лесков пишет, что певчие у раскольников поют стоя: «Выходит, пожа-

луй, что у нас, в теперешних православных храмах, певчие поют сидя. Сведующего человека всегда полезно послушать».[239] «Опасаясь (пишет Лесков) (есть чего!) добавляет Достоевский, «дабы через несведующее слово г. Достоевского не укрепилось неосновательное мнение насчет этих ливрей», (землетрясение будет от этого, что ли?»[240] Достоевский вступает в прения с Лесковым: отвечает на его обвинения, задает язвительные вопросы, сам разражается обвинениями и замечаниями, типа: «Подумаешь, что за страшные преступления натворил этот Достоевский: простить даже невозможно!»[241] или «Прошу вас обратить внимание на заглавие вашей статьи «Холостые понятия о женатом монахе»... к чему тут «холостые?» Насколько изменятся понятия, если они будут женатые?»[242] Лесков писал, что дьячек бежал на Афон, где успокоился под мусульманским управлением султана. (представьте, а я до сих пор думал, что султан христианин! — ядовито замечает Достоевский). Эта статья представляет особый интерес, потому что в ней отразились взгляды Достоевского на творчество. Он пишет, что «истинные происшествия, описанные со всей исключительностью их случайности, — почти всегда носят на себе характер фантастический, почти невероятный».[243] Следовательно, писатель не должен натуралистически описывать отдельные случаи жизни, так как они несмотря на свою реальность могут быть не типичны. Он должен понимать и изображать «реализм событий».

Интересен взгляд Достоевского на писателя. Писатель должен любить и уважать людей. Чтобы понимать человека нужно «поменьше этого цинизма, этого «духовного» материализма; поменьше этого презрения к людям, поменьше этого неуважения к ним, этого равнодушия. Поменьше этой плотоядной стяжательности, побольше веры, надежды, любви».[244]

Интересны замечания Достоевского о языке литературного произведения, вернее действующих

лиц. Писатели собирают и записывают характерные для определенных групп населения слова и выражения и наделяют ими действующих лиц своих произведений. Чуть заговорит купец или священник как в его речь вставляются все слова из тетрадки. Достоевский называет такой прием «говорить эссенциями». В жизни купцы или священники так не говорят. У них, может быть, встретится характерное слово одно из десяти, а остальные такие же как и у всех. Следовательно, выходит не правда, а ложь, если персонажи говорят, «как по книге». Такую работу Достоевский называл «малярной». Нужно иметь чувство меры и быть кратким. Часть статьи Достоевский по каким-то соображениям не опубликовал, но осталась рукопись. В ней обсуждается вопрос о связи искусства с жизнью. В жизни огромную роль играет случай и это надо учитывать при создании литературных произведений. Нельзя писать рассказ «по шнуру», т. е. основываясь на одной логике. В жизни бывает по другому. Вы идете в театр, смотреть балет, а главный артист ломает ногу: «Ну за тем ли вы приходили»? Вы ожидаете, что остроумец. Н. скажет остроту, а он преглупо икает. «Вся жизнь составлена из исключений. Это вовсе ничему не мешает. А иначе было бы не натурально, не интересно». [245] («Неопубликованый отрывок из главы 10 «Ряженый», «Дневник писателя» за 1873 год. Отдел рукописей Достоевского, Государственная библиотека им. Ленина, Москва, Дост. I 2 (9/5). «Эх, плохой вы романист, батюшка, — говорит Достоевский, — обращаясь к автору заметок. — Не знаете как повести пишутся. Не знаете и того, что и в действительности тоже также сплошь бывает, а вовсе не так как вы воображаете». [246] Там же.

Как отмечалось, Достоевский не был сторонником эстетической школы. Это отразилось во всех его критических статьях. Часто он использует литературное произведение, чтобы, основываясь на нем, вынести приговор определенному явлению русской жизни. В статье «По поводу новой драмы»,

рассматривая пьесу Кишенского: «Пить до дна не видать добра», Достоевский связывает события, описываемые в пьесе, с эпохой, когда после освобождения крестьян один строй разрушался, а на смену ему шел другой. Но мрачные стороны прежнего строя: эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажность не только не отошли в прошлое, но продолжали жить и даже усиливаться. Развивалось страшное пьянство. Водка все захватила, все отравила и направила к худшему. «Мрачную, ужасную картину этого нового рабства, в которое вдруг впал русский крестьянин, выйдя из прежнего рабства, и рисует г. Кишенский». [247] Но дело было не только в водке, а и в экономическом закабалении рабочего и крестьянина. Хозяином жизни стал капитал. Купец и фабрикант распоряжались судьбами человеческими. В пьесе были ярко показаны причины, которые заставляли народ пить. Достоевский приводит длинную цитату из пьесы, где пьющий глава семьи говорит о том в каких ужасных условиях живут и работают люди на фабриках. За неделю рабочий дико изматывается и устает, а в воскресенье ему некуда идти и не о чем говорить. «Разве о том, что штрафы пишет незнамо за что, да провизию отпускает гнилую, да за рублевый чай берет два с полтиной, да за ворота не пускает, чтобы провизию у него брали, да чтобы разврату было больше... И глянь, что творится на фабрике-то! Девченки двенадцати лет полюбовников ищут... На пагубу ребят своих туда отдаем!» [248] Достоевский делает только несколько критических замечаний по поводу художественных достоинств и недостатков пьесы. По его мнению, автор слишком любит одного из действующих лиц и рисует его слишком хорошим, но зато в пьесе верно изображено целое поколение погибающих. Таких несчастных, как Маша (гулящая девушка) «на Руси у нас сколько хотите, все деревни полны, бездна. Верность этого изображения заставит человека с сердцем и смотрящего в наше будущее сознательно — ужаснуться». [249] В статье мы встре-

чаемся с терминами «пожертвованное поколение», «погибшие», «среда» — все эти выражения были хорошо знакомы Достоевскому, так как они очень часто употреблялись на собраниях петрашевцев. Достоевский останавливается особо внимательно на описанном в пьесе разложении общины. Он чутко и болезненно относился к этому, потому что все надежды возлагал на крестьянскую общину и ее высший орган — мирскую сходку. Достоевский надеялся, что православие и община дадут возможность России избежать капиталистического пути развития. Что же было в действительности? От мирской сходки осталась лишь пустая форма. Мирской приговор состоится такой, какого хочет богатый и сильный мироед. «Так уж лучше, вместо пустой формалистики, прямо и перейти под власть этого мироеда... Все рабы уже по существу своему». В пьесе показывалось как купец, пожелавший овладеть крестьянской девушкой, отправляет ее жениха в рекруты, а девушку просто покупает. Ее брат, с согласия матери, дает девушке усыпляющего и продает ее купцу за триста рублей и синюю поддевку. К недостаткам пьесы Достоевский относит появление в конце «добродетельного фабриканта». «Появление его тем более нелепо, что это тот самый фабрикант, который закабалил весь окрестный люд, замучил произвольными штрафами и кормит работников гнилою пищею».

Статья «Идеалы растительной стоячей жизни» была ответом Достоевского литератору В. Авсеенко, который в «Русском мире» №27 от 29 января и №55 от 27 февраля 1879 года поместил две статьи о Достоевском. Статьи были напечатаны под общим заголовком: «Очерки текущей литературы». Но у первой был следующий подзаголовок «Чем отличается роман г. Достоевского, написанный для журнала «Отечественные записки» от других его романов, написанных для «Русского вестника». Речь шла о романе «Подросток». Авсеенко обвинял Достоевского в крайнем натурализме, в изображении «грязи и нечистых явлений без соблюдения

границ приличия и вкуса». Авсеенко пишет, что «если считать ядовитыми для общества сладострастные изображения французских романистов, то еще более ядовитою надо считать литературу, которая держит читателя в смрадной атмосфере подполья».[250] Действительно, роман «Подросток», напечатанный в 1875 г. в «Отечественных записках» Некрасова резко отличался по идейной направленности от романов, напечатанных в «Русском вестнике». Авсеенко понял это и критиковал Достоевского за изменение взглядов, отрицательно отзываясь о его романе. Для Достоевского был чужд и неприемлем Авсеенко с его пренебрежительным отношением к народу и преклонением перед высшим светом и Достоевский написал уничтожающую статью, охарактеризовав Авсеенко как пустого, тщеславного и бездарного литератора. Заметив кратко, что отвечать Авсеенко нет смысла, так как тот сам не понимает то, что он пишет. «А если б и вникал, то вышло бы то же самое». Достоевский не касается своего романа, а рассматривает взгляды Авсеенко на русский народ. Взгляды не отличались оригинальностью или глубиной. Это была какая-то смесь славянофильских и западнических идей. Авсеенко не верил в народ, его творческую силу, в его способности. Рассуждения Авсеенко не отличались логичностью и убедительностью и Достоевский справедливо заметил: «Я очень долго не понимал г. Авсеенко, — то есть, не статей его, а статьи его и всегда не понимал, да и нечего в них понимать или не понимать». Жанр главки интересен тем, что Достоевский включает в нее воспоминания. Говоря о пренебрежительном отношении Авсеенко к народу, Достоевский вспоминает одного хилого и больного помещика, который яростно утверждал, что он не только выше народа по нравственному развитию, но и физическая природа его выше мужицкой. Характеризуя доброту русского народа, Достоевский вспоминает свою няню, которая услышав, что сгорела деревня Достоевских, предложила им все, что у нее было, т. е. все

скопленные за много лет деньги: всего около пятисот рублей. Достоевский вспоминает западников, утверждавших, что русские оказались способными изобрести только самовар. В то время он не мог знать, что русские сделали очень много в области развития науки, но многие изобретения не были обнародованы и поддержаны правительством и были присвоены другими нациями. Его защита русских трогательна. Он даже пытался объяснить почему русские мало сделали. «Слишком ясно и понятно, что все делается по известным законам природы и истории, и что не скудоумие, не низость способностей русского народа и не позорная лень причиною того, что мы так мало произвели в науке и промышленности... тут все зависит от того, как был поставлен народ природой, обстоятельствами.. Тут причины географические, этнографические, политические, тысячи причин, и все ясных.. Европа, дескать, деятельнее и остроумнее пассивных русских, оттого и изобрела науку, а они нет. Но пассивные русские, в то время как там изобретали науку, проявили не менее изумляющую деятельность: они создавали царство и с о з н а т е л ь н о создали его единство. Они отбивались всю тысячу лет от жестоких врагов, которые без них низринулись бы на Европу». [251] Достоевский говорил о страшном прошлом русского народа и объяснял многие отрицательные черты теми условиями, в которых народ жил.

Интересен взгляд Достоевского на религию, по его мнению в беспросветно тяжелой жизни народа, вера в Христа спасала его от гибели. Попутно в статье критикуется Европа, где несмотря на формальное равенство «во Франции, да и повсеместно в Европе, всякого пролетария, всякого ничего не имеющего работника — до сих пор считают за собаку и каналью... Прямо по закону ему, конечно, нельзя, сказать, что он собака и каналья; но зато сделать все можно с ним именно как с собакой и каналье». [252] Все три главки объединены одной темой: критикой взглядов Авсеенко, но Достоев-

ский в них высказывает свои мнения о русских писателях, доказывая вопреки Авсеенко, что «художественность не только не исключает внутреннее содержание. Напротив, дает его в высшей степени». Это замечание не следует забывать, рассматривая романы самого Достоевского.

В июньском номере «Дневника» за 1876 год две главки посвящены Жорж Занд. Первая: «Смерть Жорж Занд», вторая — «Несколько слов о Жорж Занд». Первая главка начинается с воспоминаний. Достоевский пишет о том, что значила для него Ж. Занд в юности. В главках развиваются две параллельные темы. Достоевский характеризует творчество Ж. Занд и утверждает, что в России каждый западный поэт находит свое признание и как бы вторую родину потому, что русские способны понимать всех, а это является указанием, что они призваны выполнить общечеловеческую задачу, послужить всему человечеству. Жанр обусловлен этими двумя темами, которые все время переплетаются друг с другом. Всякий европейский поэт и мыслитель, кроме своей страны, из всего мира —наиболее и наироднее бывает понят и принят в России». «Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторяющееся в других народах в такой степени, во всю всемирную историю». [253] Всякий поэт, всякий новатор в Европе, пришедший с новой мыслью «не может не стать тотчас же и русским поэтом». Достоевский пишет об огромной популярности Ж. Занд в России и объясняет это той ролью, которую сыграло творчество Ж. Занд в мире. Французская революция обманула возлагаемые на нее надежды. «Передовые умы слишком поняли, что лишь обновился деспотизм, что новые победители (буржуа) оказались еще, может быть, хуже прежних деспотов (дворян) и что «свобода, равенство и братство» оказались лишь громкими фразами и не более.» [254] В минуту уныния явились новые люди, которые провозгласили, что движение не должно останавливаться, что ничего не достигнуто и нужно бороться

за радикальное и социальное обновление человечества. Достоевский пишет, что движение это продолжается «и кажется, вовсе не намерено остановиться. Я вовсе не намерен говорить здесь ни за, ни против его».[255] Ж. Занд принадлежала к этому движению. Она была «не мыслитель, но одна из самых ясновидящих предчувственниц более счастливого будущего, ожидающего человечество».[256] Она верила в это будущее до конца, а «сохранение этой веры до конца обыкновенно составляет удел всех высоких душ, всех истинных человеколюбцев».[257] Думается, что здесь Достоевский говорил о себе, «Дневник» дает нам право утверждать это.

Достоевский пишет, что Ж. Занд была социалисткой. «Она основывала свой социализм, свои убеждения, надежды и идеалы на нравственном чувстве человека, на духовной жажде человечества, на стремлении его к совершенству... Она верила в личность человеческую безусловно (даже до бессмертия ее)».[258] «Она не могла не любить великого, примиряться с низким, уступить идею».[259] Последнее замечание можно смело отнести к самому Достоевскому.

Жанр рассматриваемых главок отличается от многих других своей лиричностью и спокойствием. Все это похоже на воспоминания, но мы не можем сказать, что это только воспоминания, так как прошлое соединено с настоящим и даже с будущим. В центре находится Ж. Занд, но часто она отступает на второй план, а главной темой является будущее человечества.

Главка третья второй главы январского выпуска за 1877 год: «Русская сатира». «Новь». «Последние песни». «Старые воспоминания», по жанру может быть отнесена к воспоминаниям, но в ней сильны и критические элементы. Эта главка важна для понимания молодого Достоевского. Мы включаем ее в раздел литературно-критических статей условно, так как она с таким же правом может быть включена и в раздел воспоминаний. Дело в том, что жанры «Дневника» часто переплетаются, вза-

имопроникая друг друга, и это и является одной из отличительных черт жанра «Дневника». Достоевский шел к созданию новых жанров, тесно связанных с жизнью, которые давали бы ему полную свободу выражать свои мысли. Полифоничность, присущая его романам проникла и в «Дневник». Ведь большинство статей, особенно публицистических, представляет из себя как бы записи диспутов на разные темы. Причем право голоса дается каждому участнику. Автор не пользуется никакими привилегиями, а обладает равными со всеми правами. Своеобразие композиции требовало особого жанра над созданием которого Достоевский все время упорно работал, производя различные опыты в своем «Дневнике».

Рассматриваемая главка начинается с рассуждения Достоевского о русской сатире. Никаких оппонентов не вводится. Он просто замечает, что где-то прочел, что русская сатира стремится найти в жизни одни отрицательные явления, а если находит положительные, то приходит в беспокойство и не успокаивается, пока не найдет в основе поступка или явления подлого замысла. Достоевский не соглашается с этим мнением. Он думает, что хотя публика и любит сатиру, но больше любит положительную красоту «алчет и жаждет ее». Какие же требования предъявлял к сатире сам Достоевский? Он упрекал русских сатириков в безыдейности. «Сатира наша, как ни блестяща она, действительно страдает некоторою неопределенностью — вот что разве можно про нее сказать... Чему она сама-то верит, во имя чего обличает, — это как будто тонет во мраке неизвестности». [260] Попутно Достоевский делает следующее замечание. «Граф Лев Толстой, без сомнения, любимейший писатель русской публики всех оттенков». [261] О романе Тургенева только замечено, что с идеей романа Достоевский не согласен. После нескольких заметок о последних стихах Некрасова, идут замечательные воспоминания. Достоевский пишет, как тридцать лет назад Некрасов и Григорович,

прочитав рукопись романа «Бедные люди», в четыре часа утра пришли к нему в белую петербургскую ночь, чтобы поздравить его и поговорить о романе и о себе, а через два дня Достоевский был представлен Белинскому. Эти события произвели на Достоевского огромное неизгладимое впечатление. «Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни, — пишет он. Я в каторге, вспоминая ее, укреплялся духом. Теперь еще вспоминаю ее каждый раз с восторгом. И вот, тридцать лет спустя, я припомнил всю эту минуту опять, недавно, и будто вновь ее пережил, сидя у постели больного Некрасова».[262] В заключение Достоевский приводит отрывок из стихотворения Некрасова, в котором тот, вспоминая погибших друзей, пишет, что их портреты смотрят на него «укоризненно». «Тяжелое здесь слово это у к о р и з н е н н о. Пребыли ли мы «верны», пребыли ли? Всяк пусть решает на свой суд и совесть».[263] Достоевский знал за что многие осуждали Некрасова и за что строже всех других судил себя сам поэт, но он становится решительно на его сторону и, как увидим дальше, в большой статье, оправдывает Некрасова, вернее объясняет его трагедию. После смерти Некрасова Достоевский посвятил ему всю вторую главу декабрьского выпуска. Она состояла из следующих главок: I Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле. II Пушкин, Лермонтов и Некрасов. III. Поэт и гражданин. Общие толки о Некрасове, как о человеке. IV. Свидетель в пользу Некрасова. Все эти главки объединяются общей темой. Жанр — сплав жанров. Это и литературно-критические статьи полемического характера, и воспоминания, и художественные произведения. Достоевский начинает с воспоминаний. Первый раз он посетил Некрасова за месяц до смерти и второй раз в день смерти. «Страшно изможденное страданием и искаженное лицо его как-то особенно поражало. Уходя, я слышал как псалтирщик, четко и протяжно прочел над покойным: «Несть человек иже не согрешит».[264] Это изрече-

ние дает тон всей статье. Возвратясь домой, Достоевский всю ночь напролет до четырех часов утра читал стихи Некрасова и только тут понял, как много Некрасов, как поэт в продолжении тридцати лет занимал места в его жизни. Достоевский пишет о кратком периоде дружбы с Некрасовым, о памятной встрече в четыре часа ночи, когда он понял Некрасова и разгадал его трагедию. Перед ним раз и навсегда обрисовался «этот загадочный человек самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, как мне разом почувствовалось тогда, было раненое в самом начале жизни сердце, и эта-то никогда не заживавшая рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь». [265] Эта рана была источником «всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает, от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнетет нашу русскую женщину, нашего ребенка в русской семье, нашего простолюдина в горькой, так часто, доле его». [266]

Достоевский высоко оценил поэзию Некрасова сказав, что Некрасов пришел с «новым словом» и его место вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Достоевский произнес эти слова перед раскрытым гробом Некрасова, но тут раздалось несколько возгласов, что Некрасов выше Пушкина и Лермонтова, потому что те были только байронисты. Ответом на эти возгласы явилась вторая главка: «Пушкин, Лермонтов и Некрасов». Достоевский пишет, что появление Байрона было обусловлено историческими причинами и браниться словом «байронист» нельзя. Байрон выразил страшную тоску и разочарование, охватившее человечество, когда оно поняло, что революция обманула возлагавшиеся на нее ожидания. Байрон ознаменовал целую эпоху и ведущие поэты мира не могли не откликнуться на его творчество. Русское общество переживало в то время кризис и творчество Байрона сказалось ему особенно созвучным, но Пушкин не был простым подражателем. «Величие Пушки-

на, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти совсем не понимавшими его людьми, нашел твердую дорогу»[267], это «преклонение перед правдой народа русского». Пушкин понял русский народ, понял его силы, его назначение, поверил в него. Говоря о Пушкине, Достоевский развивает те мысли, которые он положил в основу своей знаменитой речи о Пушкине, а именно, Достоевский отметил способность Пушкина перевоплощаться. Эта способность, указывала на всечеловечность русского народа и говорила «о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и все возрождающего». [263] Постепенно, как это обычно случалось, Достоевский переходит к обсуждению той роли, которую должен играть русский народ в мире. Пушкин был велик и тем, что он не только сумел полюбить народ и поклониться тому, чему поклонялся народ, но и «сам вдруг оказался народом. Он преклонился перед правдою народною, он признал народную правду, как свою правду». [269] Пушкин несмотря на пороки народа, понял его душу, оценил его огромные дарования и силы, поверил и взял это как свой идеал. Многие жалели народ, но презирали его в душе, считая рабом. Пушкин не только понял, но и объявил, что русский человек по натуре не раб и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство. «Было рабство, но не было рабов». Пушкин признал высокое чувство достоинства свойственное русскому человеку. Пушкин любил все, что любит русский народ: русскую природу, русскую деревню, русскую жизнь.

Некрасов тоже преклонился перед правдой народа. Он шел по следам Пушкина и был «печальником горя народного». Сравнивать Некрасова с Пушкиным нельзя, потому, что «Пушкин, по обширности и глубине своего русского гения, до сих пор есть как солнце.... а Некрасов есть лишь малая точка в сравнении с ним». [270] «Все же за Некрасо-

вым останется бессмертие вполне им заслуженное». Некрасов видел в народе не только звериные черты, но и красоту.

В главке третьей. «Поэт и гражданин. Общие толки о Некрасове, как о человеке». Достоевский обсуждает вопрос о «практичности» Некрасова. Еще Гамлет удивлялся на слезы актера, плакавшего по какой-то Гекубе и спрашивал: «что ему Гекуба?» Спрашивается не был ли Некрасов таким же актером? Достоевский отвечает, что не был, но признает, что у Некрасова было «нечто мрачное и мучительное». По мнению Достоевского, это было стремление к самообеспечению. Некрасов, испытав в жизни много тяжелого, стремился отгородиться от людей, быть независимым от них, их злобы и угроз. Этот демон поселился еще в душе подростка, когда тот голодал в Петербурге и Некрасов, написав «уведи меня в стан погибающих за великое дело любви», сам туда не пошел. Демон осилил человека, за что человек заплатил страданием всей жизни своей. Некрасов не был актером. Он искренне любил народ. «Любовь к народу была у Некрасова, как бы исходом его собственной скорби по себе самом. В любви к народу он находил свое оправдание... Он преклонялся перед правдой народной». [271] Все сказанное можно отнести к самому Достоевскому. Здесь он раскрывает свою душу, это он не мог найти друзей среди окружавших его людей, это он уверовал в великое будущее, ожидающее Россию, он разгадал русского человека, он сказал, что Россия и русские вынесут все, но не изменятся в своей сути. Достоевский смотрел в будущее России.

Достоевский отнесся к Некрасову очень мягко. Современники судили Некрасова гораздо строже. Считали его слишком практичным, двойственным, двуликим. В нем было много заискивающего, плебейского. «Стихи благородные, а он сам необразованный пошлый сердцем человек», — заметил Грановский. [272]

— Подлец, вредный иезуит, — говорил о Некрасове, — один жандарм. — Из-за него столько народу сидит в казематах, а он катается в колясках, как ни в чем не бывало».[273] Очень резко отзывается о Некрасове Герцен. Некрасову, по замечаниям современников, была доступна одновременно и самая циничная и самая высокая мысль о каждом предмете. В 1866 году, чтобы спасти от закрытия «Современник» Некрасов прочитал оду М. Муравьеву, который в 1863 году усмирил огнем и железом польское восстание. По поводу этого ходила следующая эпиграмма.

«Из самых к р а с н ы х наш Н е к р а с о в либерал.
Суровый демократ, неподкупной сатирик
Ужели не к р а с н е л, когда читал
Ты Муравьеву свой п р е к р а с н ы й панегирик».

Сохранился следующий рассказ о чтении. На каком-то приеме Некрасов подошел к Муравьеву и попросил позволения прочитать стихотворение. Последовало холодное разрешение. Некрасов прочитал и спросил: «Ваше сиятельство позволите напечатать? — Это ваша собственность, — сухо ответил Муравьев, — и вы може располагать ею как хотите».

— Но я просил бы вашего совета, — настаивает Некрасов.

— В таком случае не советую, — отрезал Муравьев. Некрасов ушел, как оплеванный, сопровождаемый брезгливыми взглядами всех».[274]

Один ссыльный лишь случайно ускользнувший от виселицы писал: «При всей подлости этого поступка, какая была в нем доля глупости... Некрасов сделал бы меньшую подлость, если бы на собственный счет построил для нас виселицы».[275] Вчерашние поклонники рвали портреты Некрасова или писали на них «подлец» и посылали ему. Все эти факты говорят против Некрасова, но он был не так виноват как кажется. Польскому восстанию его руководителями был придан антирус-

ский характер, диктатор Лянгевич надеялся, что Англия и Франция выступят против России, кроме того, борясь за свободу Польши, руководители восстания не думали дать свободу белоруссам и украинцам, а польские помещики не хотели отдавать свою землю крестьянам. Все восстание получило не народный, а дворянский характер. Широкие круги русского общества хорошо помнили кончившуюся только восемь лет назад Крымскую войну и боялись начала новой. Восстание было встречено в высшей степени несочувственно. Муравьева, назначенного диктатором для подавления восстания, не «только партия, а вся Россия, за исключением малочисленных интеллигентских кругов, приветствовала, как своего избавителя... на Муравьева посыпалось такое огромное количество спичей, депеш, адресов, депутаций, торжественных встреч, оглушительных криков ура, букетов, гирлянд, вензелей, флагов, поздравительных писем, что он скоро почувствовал себя любимцем России, популярнейшим человеком в империи». — Внимание и сочувствие России — лучшая для меня награда, — неизменно отвечал он на приветствия. Не всякому самодержцу выпали такие почести. Его сутулая, тяжелая фигура почти заслонила Александра II. Александр стушевался перед этим самодержавным диктатором. Дело дошло до того, что Герцен в своем «Колоколе», шутя предлагал Муравьеву похерить Александра II да и сесть на всероссийский престол.[276] Отметим кстати, что придворные круги с Александром во главе беспредельно ненавидели Муравьева и постарались избавиться от него, как только представилась первая возможность.

Муравьев был настроен патриотически. Его высшей похвалой кому-нибудь было: «В душе в высшей степени русский», а ругательством — Космополит».[277]

Чуковский заметил, что «по своим вкусам и навыкам, по своему положению в обществе, Некра-

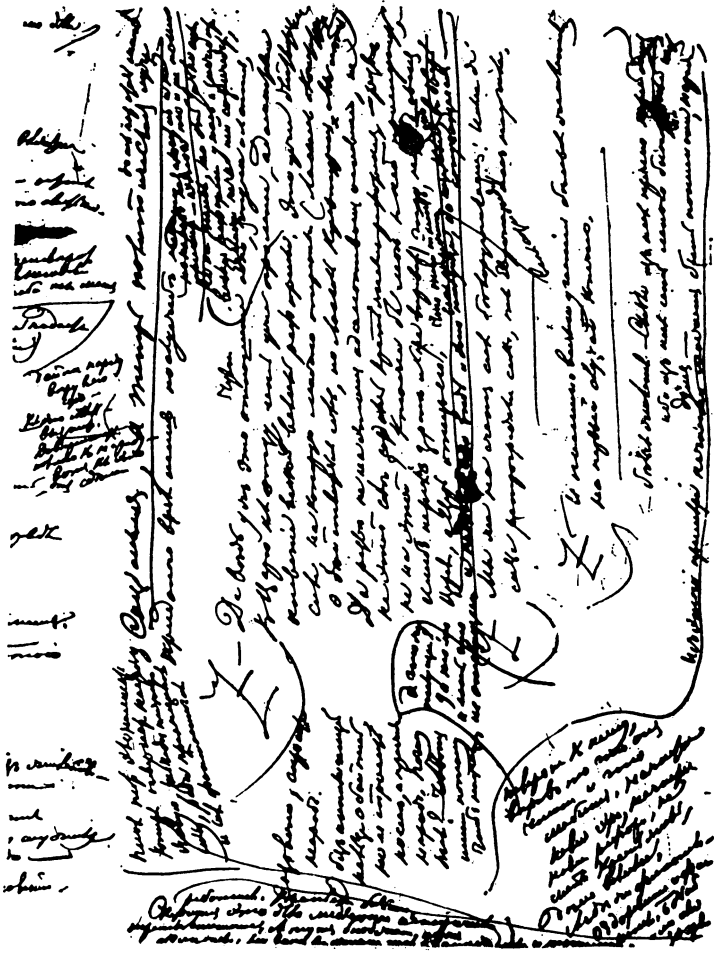
сов был гораздо ближе к Муравьеву, чем думают». [278]

Обычно говорят о падении Некрасова, когда по сути никакого падения не было, а просто Некрасов, как и большинство современников, отнесся отрицательно к польскому восстанию и в глубине души уважал Муравьева. Достоевский хорошо во всем разбирался и его симпатии были на стороне Некрасова.

* * *

В июльско-августовском выпуске «Дневника» за 1877 год вторая глава посвящена роману Л. Толстого «Анна Каренина». Во всех главках преобладают публицистические тенденции. Достоевский судит взгляды Толстого на русскую действительность, т. е., главным образом, отношение Толстого к народному движению в помощь славянам. Толстой считал, что такого движения вообще нет, оно подделано правительством и раздуто продажными журналистами и, что у народа нет непосредственного чувства к страдающим славянам, а в добровольцы шли пьяницы, глупцы и авантюристы. «Одержимость» оказала плохую услугу автору «Анны Карениной». Чтобы спасти свою теорию о том, что на зло нельзя отвечать насилием, Толстой с громадными натяжками пытался отрицать факты. Первая главка состоит из двух страниц. В ней Достоевский определяет, что намерен доказывать Толстой. Во второй главке — «Признание славянофила» Достоевский говорит о себе и своих взглядах, о необходимости освобождения славян и объединения их вокруг России с тем, чтобы Россия смогла сказать всему европейскому человечеству свое новое слово. По сути, главка является публицистической. О подобных вопросах Достоевский писал уже не раз. Но Достоевский высказывает свои мысли, чтобы противопоставить их высказываниям Толстого. В главке третьей: «Анна Каренина», как факт особого значения», жанр отличается своеобразием. Достевский пишет, что он

встретился с каким-то известным писателем, и тот сказал, что «Анна Каренина» «вещь неслыханная, это вещь первая. Кто у нас, из писателей может поравняться с этим? А в Европе — кто представит хоть что-нибудь подобное? Было ли у них, во всех их литературах, за все последние годы, и далеко раньше того, произведение, которое бы могло стать рядом?» [279] Достоевский заметил, что он вполне разделяет этот взгляд и что «Анна Каренина» является книгой, которая может ответить за нас Европе. «Если гений русский мог родить этот факт, стало быть, он не обречен на бессилие». [280] Достоевский утверждает, что в русской литературе было три гения: Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь. Толстой идет прямо от Пушкина «одного из величайших русских людей, но далеко еще не понятого и не растолкованного». У Пушкина две главные мысли «Первая мысль — всемирность России, ее отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями всех времен и народов мира... Всем этим народам Пушкин сказал и заявил, что русский гений знает их... что он может перевоплощаться в них во всей полноте, что лишь одному только русскому духу дана всемирность». [281] Другая мысль Пушкина — это его обращение к народу, вера в народ и понимание, что только в народе заключается все будущее России. Все величайшие писатели после Пушкина шли по его следам. «Анна Каренина» — показывает на что способен русский гений. Это «совершенство, как художественное произведение, с которым ничто подобное из европейских литератур не может сравниться». [282] В «Анне Карениной» взяты люди в ненормальных условиях. Зло существует прежде них. Захваченные в круговорот лжи, люди совершают преступление и гибнут неотразимо». [283] В Европе считают, что есть два выхода: первый сохранять существующий порядок, зная, что он несовершенный и несправедливый. Второй — так, как существующий строй отжил и исправить его нельзя, то нужно его разрушить, уничтожить,



Черновая рукопись к единственному выпуску «Дневника писателя» за 1881 год. Публикуется впервые. Г. Б. Л. ф. 93. Дост. 1. № 2, № 18/1-2.

и построить новое на иных началах, которые, хотя неизвестны, но не могут быть хуже теперешних. Главная надежда возлагается на науку. По мнению Достоевского, значение Толстого в том, что он показал, что «зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой, и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей о к о н ч а т е л ь н ы х, а есть Т о т, который говорит: «Мне отмщение и Аз воздам».[284] В приведенной цитате отразились противоречия Достоевского, проповедуя теоретически непротивление злу насилием, на практике он призывал к решительной борьбе со всяким злом вплоть до применения оружия. В этом случае рассуждения на тему, что «зло таится в человеке» просто отбрасывались. Но допустить, что в России будет развиваться, как и на Западе, капитализм и может быть революция Достоевский, не мог. Отсюда поиски выхода, и попытки разрешения общественных противоречий путем обращения к религии.

Главка четвертая: «Помещик, добывающий веру в Бога от мужика» посвящена Толстому. Достоевский пишет о восьмой части романа «Анна Каренина» и называет эту книгу «несчастной», потому что Толстой в ней снизил образ русского народа, отнял у него способность к состраданию славянам, право на подвиг и жертву, право независимо мыслить и принимать определенные решения, т. е. изобразил народ тупой и косной массой. Анализируя образ Левина, Достоевский замечает «это барич, московский барич средне-высшего круга, историком которого и был по преимуществу граф Л. Толстой».[285] Достоевский доказывает, что Левин, хотя и заявляет, что он народ, но народом не является. В нем есть какое-то «праздношатайство»,

эта честная душа есть самая праздно-хаотическая душа».

В главке первой третьей главы: «Раздражительность самолюбия» Достоевский пишет о старом князе, Левине, Кознышеве, Катовасове. Достоевский отмечает некоторую тенденциозность этих образов. Он понял замысел Толстого и указал, что тот ошибался. Ошибочные взгляды приводили к снижению художественной правды. Так, например, Кознышев говорит Левину, что если бы тот шел по улице и увидел как пьяные бьют женщину, то бросился бы ей на помощь и убил бы нападавших. «Не убил бы, — сказал Левин». «Нет, ты бы убил», — твердит Кознышев. Такое глупое утверждение снижает образ Кознышева потому, что Кознышев выражает взгляды противоположные Левину. Главка третья: «О безошибочном знании необразованным и безграмотным русским народом главнейшей сущности восточного вопроса», является по жанру рассуждением о русском народе, его отзывчивости, любознательности, страсти к путешествиям и хождениям по святым местам. Достоевский доказывает, что русские люди знали за что они шли сражаться и за кого умирать во время болгарского восстания. Это было закономерно. После освобождения крестьян прошли годы и что же увидел народ? «Увеличение пьянства, умножившихся и усилившихся кулаков, кругом себя нищету, на себе нередко звериный образ».[286] Это была одной из причин, заставившей многих мечтать о подвиге, чтобы нравственно очиститься.

В главке четвертой: «Сотрясение Левина. Вопрос: Имеет ли расстояние влияние на человеколюбие? Можно ли согласиться с мнением одного турка о гуманности наших дам? Чему же, наконец, нас учат наши учителя»? Достоевский резко и саркастически критикует образ Левина, в котором воплотились некоторые черты самого Толстого. Следовательно, Достоевский критиковал и Толстого. Достоевский берет небольшие цитаты из восьмой главы и снабжает их своими замечаниями. Если

Левин говорит, что даже чтение газет с описаниями турецких зверств не вызывает у него непосредственного чувства к славянам, то Достоевский ядовито спрашивает, «если расстояние действительно так влияет на гуманность, то рождается сам собою новый вопрос: на каком расстоянии кончается человеколюбие»? [287] С беспощадной логикой Достоевский доказал, что теория непротивления злу насилием ложна. Она дает возможность туркам спокойно истреблять тысячи славян. «Ведь это извращение понятий, это тупейшее и грубейшее сентиментальничанье, это исступленная прямолинейность, это самое полное извращение природы». [288] Достоевский саркастически пишет, как счастливый Левин радуется тому, что Кити весела и хорошо кушала, что сын узнает его «какое мне дело, что там в другом полушарии происходит; непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть, — потому что я ничего не чувствую. Этим ли закончил Левин свою эпопею? Его ли хочет выставить нам автор, как пример правдивого и честного человека? Такие люди, как автор «Анны Карениной» — суть учители общества, наши учители, а мы лишь ученики их. Чему ж они нас учат?» [289], — горько спрашивает Достоевский, заканчивая свой диспут с Толстым.

Анализ литературно-критических статей, проведенный нами, дает возможность сделать следующее заключение. Достоевский создал оригинальную критическую статью миниатюрку. Он разрушил жанр обыкновенной литературно-критической статьи, где последовательно анализировалось все произведение. Достоевский отбрасывает это. Он не хотел связывать себя ничем. Поэтому он так часто и так охотно пишет не о художественном произведении, а «по поводу», т. е. просто берет одну какую-нибудь сторону романа или идею его и пишет о том, что его поразило, игнорируя все остальное. Достоевский как бы направляет луч сильнейшего прожектора на одно место и мы видим в ослепи-

тельно ярком свете одну часть, выхваченную из картины. Но эта часть показывается с такой потрясающей силой, что врезывается в память. Кажется, что мы сами видим то, о чем говорит Достоевский. Луч прожектора бродит и мы с неослабевающим вниманием не можем оторвать взгляда от все новых и новых картин, появляющихся перед нами.

Литературно-критические статьи дают возможность понять огромное значение для всего творчества Достоевского выражения «по поводу». Ведь все романы Достоевского были написаны «по поводу». «Бесы» по поводу нечаевского дела, «Подросток» по поводу долгушинского, «Преступление и наказание» по поводу нигилизма, «Братья Карамазовы» по поводу «случайного семейства» и новых людей. Это, конечно, не значит, что во всех романах обсуждались только перечисленные проблемы, содержание их гораздо шире, но главным мотивом создания произведений все же были не образы, а идеи, захватившие автора. Без идей Достоевский не мог создавать. Во всем его творчестве идея занимала первое место и до тех пор пока она не появлялась, он не мог писать. Этим объясняется почему так часто в «Дневнике» Достоевский повторяет, что он не ставит своей целью описание событий и всего, что случилось за месяц, а пишет о тех впечатлениях, которые произвели на него те или иные события или произведения, проше он пишет «по поводу». Поставленной целью определялся жанр критических статей. В нем было много сходных черт с жанром публицистических статей. Небольшой размер статьи обязывал быть экономным. Отсюда особые требования к названиям. Они, как отмечалось, выполняли важную функцию, т. е. вводили читателя в курс дела. Предисловие, как правило, отбрасывается. Статья начинается с вопроса, цитаты, воспоминания или замечания о прочитанном произведении. Внимание читателя активизируется. На многих статьях сказалось влияние Белинского, А. Григорьева и других критиков, но это не значило, что литературно-критические статьи

были простым подражанием. Достоевский дал много своего нового и оригинального, как в области содержания, так и в области жанра. Он объединил проблемы литературы с огромной важности общественными вопросами и на этом фоне показал значение творческой деятельности таких писателей, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев и Толстой. Многие статьи отличались своей художественностью. Все они были крупным вкладом в развитие русской критики и не потеряли своего значения до наших дней.

Художественные произведения

«Нет, этого я не могу допустить; нет, воистину нет!... Разврат в таком месте, разврат последних упований, разврат дряблых и гниющих трупов и — даже не щадя последних мгновений сознания!» «Бобок».

«Все мертво и всюду мертвецы, Одни только люди, а кругом их молчание — вот земля». «Кроткая».

«Я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». «Сон смешного человека».

Художественные произведения «Дневника» представляют для нас особый интерес. Некоторые из них, как повесть «Кроткая», являются жемчужинами не только русской, но и мировой литературы. Все они связаны с русской жизнью, но в них обсуждаются общечеловеческие проблемы.

Художественные произведения делятся на две группы: к первой относятся повести, рассказы, очерки, ко второй — воспоминания.

В хронологическом порядке художественные произведения располагаются следующим образом: 1873 год — «Бобок», «Маленькие картинки», 1876 год — «Мальчик у Христа на елке», «Столетняя», «Кроткая», 1877 — «Сон смешного человека».

К воспоминаниям относятся: 1873 год — «Старые люди», «Нечто личное», 1876 год — «Мужик Марей, 1877 год — «Старые воспоминания», «История глагола «стушеваться». Перечисленные произведения тесно связаны со всем творчеством Достоевского и с содержанием и композицией «Дневника писателя». Рассказ «Бобок» связан со статьей «Полписьма одного лица», «Кроткая» с публицистическими статьями: «Два самоубийства», «Приговор». Здесь мы можем наблюдать как у Достоевского впечатления действительности превращались в замечательные создания искусства. «Дневник писателя» был посвящен России и русским. России и русским были посвящены и его художественные произведения. Недаром в «Объявлении» об издании «Дневника» на 1876 год, как отмечалось, Достоевский писал: «Это будет дневник в буквальном смысле слова... Сюда, конечно, могут войти рассказы и повести, но преимущественно о событиях действительных».

Поставленной целью обусловливалось своеобразие жанра произведений, но прежде чем рассматривать жанр, остановимся на содержании.

«Рассказ «Бобок» был написан в то время, когда Достоевский был редактором журнала «Гражданин» и соприкасался с аристократическими кругами. В рассказе резко и сатирически критикуется высшее общество. Достоевский изображает проснувшихся в могилах мертвецов. Кто же они и чем занимались при жизни? Тайный советник Тарасевич — развратник, кроме того, он вор, так как растратил 400000 рублей казенных денег. Граф Клиневич сам кратко охарактеризовал себя, заметив, «Я только негодяй». Барыня высшего света занималась всю жизнь развратом, генерала Первоедова лакей вытащил из под одной супружеской кровати. Надворный советник Лебезятников — подлый льстец. Вот люди, которые составляли верхний слой. Сюжет рассказа фантастичен, но содержание реалистично. Мертвецы проснулись в гробах. У них осталось три месяца какой-то жизни и они решили

провести это время ничего не стыдясь. «На земле жить и не лгать невозможно, ибо жизнь и ложь синонимы, ну, а здесь мы для смеху будем не лгать... там вверху все было связано гнилыми веревками. Долой веревки и проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся!» [290] Предложение графа Клиневича восторженно принимается всеми.

Единственное положительное лицо рассказа полусумасшедший литератор, подслушав разговоры мертвецов, осуждает высшее общество. Композиция рассказа оригинальна. Литератор выведен как рассказчик. Кроме того, он резонер и выразитель взглядов автора. В этом сказалась классическая тенденция. Достоевский не боялся обращаться к старым жанрам, но он обновлял их. Резонер Достоевского далек от резонера классических драм. Он живой человек, наделенный положительными и отрицательными чертами. В рассказе чувствуется влияние Гоголя. Как отмечалось, резонер Достоевского сильно походит на Поприщина из рассказа Гоголя «Записки сумасшедшего». Да и подзаголовок рассказа «Бобок» «Записки одного лица» напоминает заглавие рассказа Гоголя «Записки сумасшедшего». У Достоевского в начале рассказа: «Семен Ардальоныч третьего дня мне как раз. — Да будешь ли ты, Иван Иванович, когда-нибудь трезв, скажи на милость». [291] У Гоголя начальник отделения говорит Поприщину: «Что у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой? Ты иной раз метаешься, как угорелый, дело подчас так спутаешь, что сам сатана не разберет». [292] Но главное сходство стилей. Отрывистые, резкие, рубленые предложения. Вульгаризмы, простонародные слова — все это характерно, как для повествования Гоголя, так и Достоевского. «Разбесился начальник отделения. Когда я пришел в департамент, он подозвал меня к себе и начал мне говорить так: «Ну, скажи, пожалуйста, что ты делаешь?» «Как что? Я ничего не делаю». [293] «В восемь отправился в департамент. Начальник от-

деления показал такой вид, как будто бы он не заметил моего прихода. Я тоже со своей стороны, как будто бы между нами ничего не было».[294] Или «Чрезвычайно неровный слог. Тотчас видно, что не человек писал. Начнет как следует, а кончит собачиною».[295] «Тьфу, к черту! Экая дрянь! И как можно наполнять письма эдакими глупостями. Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека!»[296]

«Лет двадцать пять, я думаю, не бывал на кладбище: вот еще местечко! Во-первых, дух! -Мертвецов пятнадцать наехало... Причту нельзя пожаловаться: доходы. Но дух, дух. Не желал бы быть здешним духовным лицом». «Да я, прежде всего, желаю уважать. Я ж а ж д у уважения, — сказал мне как-то раз, на-днях, один мой знакомый». «Жаждет он уважать!» И Боже, подумал я, что бы с тобой было, если б ты это дерзнул теперь напечатать».[297] Или «Свести с ума у нас сведут, а умнее-то еще никого не сделали. Всех умнее, по моему, тот, кто хоть раз в месяц самого себя дураком назовет, — способность ныне неслыханная».[298] Влияние Гоголя сказалось не только на стиле, но и на сюжете. Достоевскому нравилась саркастическая сатира Гоголя, нравился и гоголевский рассказчик. У Гоголя ведет записки Поприщин, у Достоевского литератор-неудачник. Оба на грани психического расстройства. Поприщин, в конце концов, сходит с ума. Недалек от этого и герой Достоевского.

Рассказ Достоевского отличается некоторыми чертами символизма. Мертвецы в могилах были мертвецами и в жизни. Они не жили, а существовали. Достоевский показывает, что люди не могут жить без высших идей. Общество, не имеющее их, осуждено на гибель. Оно гниет и это гниение ничем не может быть остановлено. Рассказ был тесно связан с современностью. Критикуя представителей высшего общества, Достоевский отрицательно относился и к космополитически настроенным интеллигентам, готовым осуждать все русское.

Жанр рассказа — записки, но это не дневник. Достоевский создал образ мнимого автора недалекого от психического расстройства. Создав этот образ, Достоевский должен был наделить его соответствующим языком. Литератор-неудачник употребляет простонародные слова и вульгаризмы, перемешивая их со словами высокого стиля. «В печати надо все благородное, идеалов надо». [299] «Какой теперь Вольтер; нынче дубина, а не Вольтер! Последние зубы друг другу повыбили». [300] «Безвозмездно письма по редакциям рассылаю... Все увещевания и советы даю, критикую и путь указую». [301] «Покойник добывал, ну, а теперь пенсионишка. Подожмут хвосты». [302]

Рассказчик вводит нас в курс событий. Он засыпает на кладбище и слышит разговор покойников. Дальше он устраняется и на сцене выступают умершие. Их язык индивидуализирован. Это дает возможность ответить на вопрос: мог ли Достоевский создать язык для каждого действующего лица своего произведения. Но об этом уже писалось нами в нашей книге «Дневник писателя» Ф. М. Достоевский», стр. 193-196. Думается, что на жанр рассказа «Бобок» оказали некоторое влияние «Повести Белкина» Пушкина. Влияние Пушкина на все творчество Достоевского было огромным и до настоящего времени полностью не исследовано, хотя имеется на эту тему не мало отдельных замечаний. Достоевский начал с прославления Пушкина и кончил свое литературное поприще знаменитой речью о Пушкине. Пушкинские идеи пронизывают все творчество Достоевского. Но это тема для специальной работы. Здесь мы ограничиваемся замечанием, что на образ литератора-неудачника в рассказе «Бобок» повлиял образ доморощенного сочинителя Ивана Петровича Белкина из «Повестей Белкина» Пушкина. Интересно и то, что в обоих произведениях рассказчики только вводят читателей в курс событий, а затем устраняются.

В «Дневнике» Достоевский производил опыты по созданию новых жанров. Можно думать, что

«Бобок» был одним из таких опытов. У рассказа нет экспозиции. Вводная часть чрезвычайно кратка и необычна. Это как бы замечание редактора: «На этот раз помещаю «Записки одного лица». Это не я, это совсем другое лицо. Я думаю, более не надо никакого предисловия».[303] Рассказ начинается с вопроса. Достоевский стремился к краткости и лаконичности. Характеристика рассказчика дается следующим образом. Художник нарисовал его портрет «из случайности». А потом выставил со следующей надписью: «Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо». Достоевский активизирует внимание читателей, «болезненное, близкое к помешательству лицо» заставляет работать воображение и додумывать портрет.

Стиль рассказа афористичен. Например, «Не люблю, когда при одном лишь общем образовании суются у нас разрешать специальности; а у нас это сплошь».[304] Описывая разговор покойников, Достоевский должен был охарактеризовать каждого по его речи, что он блестяще выполнил. Пейзаж краток и лаконичен. Он создает определенное настроение: «За обедней, — замечает литератор, — я вышел из церкви на воздух; день был сероват, но сух... Заглянул в могилы — ужасно: вода, и какая вода: Совершенно зеленая»[305] Ведущий мотив в рассказе — это запах, или, как выражается литератор «дух». Посетив кладбище, где он не был лет 25, литератор пишет: «Во-первых, дух... дух, дух».[306] На запах жалуются и мертвецы в могилах. «Ах, он опять за тоже, так я и предчувствовала, — говорит барыня о лавочнике, — потому слышу дух от него, дух, а это он ворочается». «Не ворочаюсь я, матушка, — возражает лавочник, — и нет от меня никакого такого особого духа... а вот вы, барынька, так уже тронулись, — потому дух действительно нестерпимый даже и по здешнему месту.

— Ах, скверный обидчик, от самого так и ра-

зит, а он на меня», — раздраженно отвечает барыня. На вопрос одного из мертвецов, каким образом они не имея обоняния чувствуют вонь, следует ответ, что «тут вонь слышится, так сказать, нравственная. Вонь души».[307] Достоевский вводит в рассказ новый фактор — запах. Повторяя слово «вновь» много раз он вызывает у читателей чувство гадливости и отвращения. Из замечаний литератора видно, что рассказ должен был иметь продолжение, но продолжения не последовало. По всей вероятности Достоевский нашел этот сюжет слишком острым.

«Маленькие картинки» были помещены в 29 номере «Гражданина» за 1873 г. Это описание петербургского дня. Очерк состоит из маленьких картинок, зарисованных с натуры, но зарисованных великим художником. Картинки отличаются типичностью и яркостью. Мы видим, чувствуем и ощущаем Петербург. Пейзаж лаконичен, но красочен. Он состоит из перечисления одних существительных: «Лето, каникулы, пыль и жар, жар и пыль».[308] «Пыль и жар, удивительные запахи, взрытая мостовая».[309] И снова: «Пыль и жар».[310] На протяжении нескольких страниц Достоевский несколько раз повторяет те же самые слова, переставляя их. Достоевский стремился повлиять на чувства читателей и достиг этого. Мы как бы ощущаем жар, видим пыль, обоняем «удивительные запахи», т. е. воспринимаем пейзаж Достоевского всеми чувствами. «Маленькие картинки» отличаются лиричностью. Писатель говорит о себе, своих мыслях и переживаниях: «Хочется воздуху, воли, свободы; но вместо воздуха и свободы бродишь один без цели по засыпанным песком и известкой улицам и чувствуешь себя как бы кем-то обиженным».[311] Достоевский стремился вызвать определенное настроение у читателей, и он достигает своей цели. Кроме летнего пейзажа, Достоевский изображает и зимний. Чтобы показать Петербург, Достоевский описывает трудности перехода Невского проспекта. Переходя его, вы «сильно рискуете, особенно, если белый морозный

туман с рассвета опустился на город, так что в трех шагах едва различаешь прохожего. Вот проскользнул кое-как мимо первых рядов карет и извозчиков, несущихся в сторону Полицейского моста, и радуешься, что уже не боишься их и сиплые окрики кучеров остались за вами».[312] Достоевский употребляет местоимение «вы», заставляя читателя путешествовать вместе с ним. Пейзаж Достоевского динамичен. Все внимание писатель обращает на движение, на жизнь огромного проспекта. Перешедший половину Невского проспекта человек, останавливается в нерешительности и страхе. Сквозь туман плохо видно, но слышны топот и крики... «И вот вдруг, внезапно раздаются из тумана быстрые, сильно приближающиеся твердые звуки, страшные и зловещие в эту минуту, очень похожие на то, как если бы шесть или семь человек сечками рубили в чане капусту. Куда деваться? Вперед или назад? Успею или нет? — И благо вам, что остались: из тумана, на расстоянии лишь одного шагу от вас вдруг вырезывается серая морда жарко-дышащего рысака, бешено несущегося со скоростью железнодорожного курьерского поезда: пена на удилах, дуга на отлете, вожжи натянуты, а красивые сильные ноги с каждым взмахом быстро, ровно и твердо отмеривают по сажени. Один миг, отчаянный окрик кучера и все мелькнуло и пролетело из тумана в туман, и потом, и рубка, и крики — все исчезло, как видение».[313] Зимний пейзаж Достоевский создает, подчеркивая и выделяя несколько характерных признаков: туман, движение, звуки. Зимний туман действует на зрительное восприятие. Туман характеризует очень холодный зимний день. Кроме того, туман вызывает чувство неуверенности и тревоги, чувство опасности. Чтобы показать жизнь огромного города, Достоевский дает описание движения. Кареты движутся непрерывным потоком, заполняя проспект и, как кульминационный пункт описания, появляющаяся внезапно из тумана, голова «жарко-дышащего рысака», который несется с бешеной скоростью. Движение связано с шумом и

Достоевский дает гамму звуков: «топот и грохот», «сильные окрики кучеров», «топот и крики», «приближающиеся быстрые, частые... твердые звуки, страшные и зловещие». В пейзаже Достоевского есть что-то символическое. Туман как бы поглощает город. Петербург кажется призрачным видением возникшим из тумана. Достоевский чувствовал непрочность всего существующего, знал, что Россия стоит на пороге огромных событий и это отразилось в его пейзаже.

Главное внимание в «Маленьких картинках» уделено рабочему люду столицы. «Скажите, — спрашивает Достоевский, — отчего в Петербурге гораздо грустнее по воскресеньям, чем в будни? От водки? От пьянства? Оттого, что пьяные мужики валяются и спят на Невском проспекте среди белого... вечера, как я сам это видел?» [314] Рабочие «ходят по праздникам пьяные, иногда толпами, давят и наталкиваются на людей — не от буянства, а так, потому что пьяному и нельзя не натыкаться и не давить; сквернословят вслух, несмотря на целые толпы детей и женщин, мимо которых проходят». [315] Достоевский замечает, что он любит, бродя по улицам изучать незнакомые лица, угадывать кто они, как живут, чем занимаются и что особенно их в данную минуту интересует. Его интересовали бедные люди столицы. Вот Достоевский видит мастерового и маленького мальчика. Дается полная характеристика мастерового. У него, по мнению Достоевского, недавно от чахотки умерла жена. Дальше начинается творческий процесс. Достоевский пишет, что мастеровой идет к родственникам, дается описание родственников, сообщается о чем будет говорить с ними мастеровой, как будет вести себя мальчик, чем будут его кормить. Но Достоевский прерывает процесс художественного воплощения, меланхолически замечая: «И вот ходишь — ходишь и все этакие пустые картинки и придумываешь для своего развлечения. Никакого в этом нет толку и ничего поучительного нельзя извлечь. Оттого и берет хандра по воскресеньям, в каникулы,

на пыльных и угрюмых петербургских улицах. Что не приходило вам в голову, что в Петербурге угрюмые улицы? Мне кажется, это самый угрюмый город, какой только может быть на свете». [316] В «Маленьких картинках» ярко проявилась способность Достоевского угадывать человека. Достоевский буквально описал, что произойдет у мастерового с родственниками вплоть до того о чем они будут говорить.

Далее Достоевский пишет о бледных, нездоровых и истощенных детях рабочих. «Ребенок что цветок, что листок завязавшийся весною на дереве; ему надо свету, воздуху, воли, свежей пищи, и вот вместо всего этого, душный подвал с каким-нибудь квасным или капустным запахом, страшное зловоние по ночам, нездоровая пища, тараканы и блохи, сырость, влага, текущая со стен, а на дворе — пыль, кирпичи, известка». [317] Достоевский пишет, что рабочие любят своих бледных и худых детей. Он сетует на то, что масса детей умирает. Весь очерк связан с жизнью, но Достоевский не знал как изменить существующее положение и в конце очерка пессимистически замечает: «Пустые, самые пустые картинки, которые даже совестно вносить в дневник». [318] Замечательный пейзаж, лирическая исповедь, описание жизни рабочего люда Петербурга, все это придавало «Маленьким картинкам» особый колорит.

Кроткая

В 1876 году в ноябрьском выпуске «Дневника» появилась повесть «Кроткая». Достоевский счел нужным написать к ней специальное предисловие. Он понимал, что по жанру эта повесть отличалась от других его произведений и выступил с объяснением. Подзаголовком к повести было: «Фантастический рассказ». С разъяснения этих слов и начинает Достоевский. Он пишет, что озаглавил рассказ «фантастический», тогда как сам считает его «в высшей степени реальным». Действительно, в повести не было ничего фантастиче-

ского в обычном смысле этого слова, но жанр ее был необычным. «Кроткая» не рассказ, не записки, не дневник. Это разговор самого с собой мужа, у которого несколько часов тому назад жена покончила самоубийством. Ее труп лежит на столе. Муж ходит по комнате, пытается осознать, что произошло и разговаривает сам с собой. Достоевский пишет, что так должно быть и в действительности. Если бы стенограф мог подслушать и записать рассуждения человека в подобном состоянии, то вышло бы тоже самое. Чтобы объяснить своеобразие жанра Достоевский ссылается на «Последний день приговоренного к смертной казни» В. Гюго. Но эта ссылка не совсем верна. У Гюго приговоренный сам пишет дневник и чуть ли не до самой казни. Это было неправдоподобно. Навряд ли человек в подобном состоянии смог бы писать записки да еще до самого последнего мгновения.

Достоевский, как психолог, понимал это и решил создать что-то новое, более правдоподобное и более тесно связанное с жизнью. Человек в минуты страшного душевного напряжения навряд ли сможет писать дневник, но разговарить сам с собой, он не только может, но зачастую просто должен, так как он пытается понять, то что произошло, объяснить себе и оправдаться перед другими. Достоевский в «Дневнике» проводил эксперименты по созданию новых жанров. Главною целью было сближение литературы с жизнью. Писатель пытался найти предел, который отделял литературу от действительности, установить как далеко может идти художник в изображении реальной жизни. Как отмечалось, в повести «Портрет» Гоголь обсуждал эту же проблему и пришел к выводу, что искусство не должно изображать жизнь с фотографической точностью. Художник, нарисовавший портрет ростовщика, изобразил его глаза настолько жизненно, что они производили отталкивающее и невыносимо тяжелое впечатление. Между искусством и жизнью должна быть какая-то грань переступать которую нельзя. В повести «Кроткая»

Достоевский вплотную подошел к этой грани. Жанр повести был настолько близок к жизни, что Достоевский назвал повесть «фантастической». Действительно, здесь не дневник и не рассказ и не исповедь, а разговор человека самого с собой. В то же время здесь не сумасшествие. Все жизненно оправдано и ясно. «Господа, я далеко не литератор, — говорит муж самоубийцы, — и вы это видите, да и пусть, а расскажу как сам понимаю». [319] Фантастичной Достоевский назвал повесть и потому, что он понимал, что многие жизненные происшествия по своей исключительности являются как бы не реальными, хотя они и случаются в жизни. Действительно, бывают такие совпадения, про которые мы говорим: «Попробуй, опиши это в романе. Никогда не поверят. Скажут это не жизненно, а сам автор выдумал». Такие исключительные случаи и называл Достоевский фантастическими. Но здесь он подчеркивал, что фантастическим был не случай, а жанр повести. Достоевский создал замечательное по глубине психологического анализа, яркости и выразительности произведение. Оно было посвящено проблеме самоубийства. Самоубийств в России было слишком много. В октябрьском выпуске «Дневника» Достоевский писал о двух самоубийствах: самоубийстве швеи и дочери Герцена. Повесть «Кроткая» была связана с этими случаями. Композиция повести оригинальна. Экспозиции нет. Начало динамично и стремительно. «Вот пока она здесь, — еще все хорошо: подхожу и смотрю поминутно; а унесут завтра и как же я останусь один?» [320] Мелкие детали придают рассказу достоверность факта. «Она теперь в зале на столе, составили два ломберных, а гроб будет завтра, белый, белый гранденапль, а впрочем не про то... Я все хочу себе уяснить это... Дело в том, что я хожу, хожу, хожу... Это вот как было. Я просто расскажу по порядку. Порядок!» [321] «Не во мне совсем дело... А, кстати, что для меня теперь — во мне или не во мне дело? Вот этого так уж совсем решить не могу. Лучше

бы спать лечь. Голова болит».[322] Мотив сна играет особую роль в повести. Страшное напряжение, которое иногда испытывает человек, настолько невыносимо, что только сон может дать облегчение. Недаром, закладчик замечает: «Приговоренные к смертной казни, чрезвычайно, говорят, крепко спят в последнюю ночь. Да так и надо, это по природе, а то силы бы не вынесли... Я лег на диван, но не заснул».[323] «Стучит маятник бесчувственно, противно. Два часа ночи».[324]

Сон бежит от измученного человека, хотя он и пытается уснуть, понимая, что в этом его спасение. Возбужденное, близкое к бредовому состояние овладевает им все сильнее. Он все видит в особом свете. Некоторые мелочи представляются ему ослепительно ярко, ослепительно ярко представляются многие эпизоды из прошлого. Повесть не простая исповедь, когда человек говорит только о себе. В ней имеются и другие образы. Главное внимание обращено на Кроткую. Она выведена как самостоятельный тип. Муж во многом не понимает ее, но он настолько полно передает все факты, что у читателя остается право произнести свой суд. Повесть драматизирована и динамична. Важное значение имеет в повести время. Неоднократно отмечалось, что в романах Достоевского проблема времени имеет особое значение. Иногда время тащится как черепаха, иногда летит с быстротою молнии. Иногда дни и месяцы проходят без всяких событий, иногда события нагромождаются с катастрофической быстротой. В повести «Кроткая» проблема времени стоит в особом плане. Недаром часть повести имеет заголовок: «Всего только пять минут опоздал». Достоевский обсуждает вопрос о роли мгновения в жизни человека. Могут проходить бесследно и спокойно целые годы, но бывают минуты и мгновения, когда решаются вопросы жизни и смерти человека. Чаще всего этими мгновениями управляет слепой и бессмысленный случай. Нет ничего обиднее и трагичнее, как погибнуть от случая, который притом

мог быть и не быть, мог случиться от несчастного стечения обстоятельств, которые могли пройти мимо, как облака. Конечно, все подготавливается ходом жизни и Кроткая не выбросилась бы из окна, если бы обстоятельства сложились по другому, но весь ужас в том, что и при данных обстоятельствах она могла бы остаться живой, если б муж вернулся на пять минут раньше. Бессмысленный трагизм гибели человека, зависимость этой гибели от ничтожных причин и показывает Достоевский. «Всего только пять минут опоздал, — говорит муж. — А разве нет? Разве это правдоподобно? Разве можно сказать, что это возможно? Для чего, зачем умерла эта женщина?» [325] «Главное, обидно то, что все это случай, — простой, варварский, косный случай. Вот обида! Пять минут, всего только пять минут опоздал! Приди я за пять минут — и мгновенье пронеслось бы как облако, и ей бы никогда потом не пришло в голову». [326] «Нет, все это — мгновение, одно лишь безотчетное мгновение. Внезапность и фантазия... Все мгновение продолжалось, может быть, всего только каких-нибудь десять минут, все решение — именно, когда у стены стояла... Влетела в голову мысль, закружилась и — не могла устоять перед нею». [327] «Я думаю, что много самоубийств и убийств совершалось потому только, что револьвер уже был взят в руки. Тут тоже бездна, тут покатость в 45 градусов... и вас что-то вызывает непобедимо спустить курок». [328] Так показывает Достоевский роковую власть мгновения над человеком. Можно сказать, что Достоевский открыл эту власть и обосновал ее. События огромной важности совершаются в мгновения и то что случается, часто не может быть исправлено никакими усилиями.

В повести дан анализ переживаний человека, впавшего в отчаяние. В отличие от всяких дневников и исповедей, когда человек как будто бы пишет только для себя, а в действительности для того, чтобы прочли другие, в повести «Кроткая» все обращено к людям и говорится для людей. Муж просит их рассудить его с женой, пытается дока-

зать, что он был не так виноват, что получилось трагическое, роковое и непоправимое недоразумение.

Конфликт, лежащий в основе повести можно объяснить по разному. Муж говорит, что он начал холодно и сдержанно относиться к жене потому, что хотел, чтобы она его оценила и полюбила. Но это объяснение несостоятельно. Спрашивается как могла жена догадаться по холодному обращению, что муж хочет ее любви и покорности и как она могла понять и оценить его при взаимном молчании? Думается, что тут была борьба двух сильных характеров, борьба мужского и женского начала за право первенства. Только для того, чтобы покорить жену муж выдерживает страшное испытание с револьвером. Только для того, чтобы узнать, что за человек ее муж прислоняет жена револьвер к его виску. Она хочет убедиться был ли он трусом, которого товарищи выгнали за трусость из полка, или настоящим человеком. «Я знал всей силой моего существа, что между нами, в это самое мгновение, идет борьба, страшный поединок на жизнь и смерть». [329] Поединок окончился победой мужского начала. «Я победил, — говорит муж, — и она была навеки побеждена». Самоубийство Кроткой именно и было вызвано этой победой. Она была побеждена, но не могла покориться. Оставалось самоубийство.

В конце повести рассказчик выражает мысли автора о страшном одиночестве человека. «Косность! О, природа! Люди на земле одни — вот беда! Говорят, солнце живит вселенную. Взойдет солнце и — посмотрите на него, разве оно не мертвец? Все мертво и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругом них молчание — вот земля! «Люди любите друг друга», — кто это сказал? чей это завет?» [330]

От частного случая Достоевский идет к обобщениям. Одинок несчастный муж, одиноки люди, одиноко человечество. Но одиночество может и должно быть преодолено взаимной любовью людей

иначе они погибнут. Стучащий маятник является как бы олицетворением бездушной природы, чуждой, а зачастую враждебной человеку. «Вот маятник стучит, ему дела нет, ему ничего не жаль. Нет никого вот беда!» [331] Повесть наряду с глубочайшим анализом душевных переживаний действующих лиц, отличается реалистичностью и яркостью деталей. Кроткая приносила закладывать следующие вещи: «серебряные позолоченые сережки, дрянненький медальончик, — вещи в двугривенный». [332] «Она вдруг позволила себе принести остатки (т. е. буквально) старой заячьей куцавейки». Потом принесла «образ Богородицы. Богородица с младенцем, домашний, семейный, старинный, риза серебряная, золоченая — стоит — ну, рублей шесть стоит». [333] Описано и самоубийство. «Я только помню, что когда я вошел, она была еще теплая... и она лежала с образом... Помню только того мещанина: он все кричал мне, что «с горстку крови изо рта вышло, с горстку, с горстку!» и указывал мне на кровь тут же на камне. Я, кажется, тронул кровь пальцем, запачкал палец». [334]

Большое внимание обращено на образ закладчика. Он дворянин, бывший офицер, прошел тяжелую школу нужды и лишений. Довольно начитан, цитирует из «Фауста». Но годы нужды и скитаний не прошли даром. Все это отразилось на речи. «Я ведь для чего хотел жениться! А, впрочем, обо мне наплевать»... «Они даже ее били, попрекали куском. Кончили тем, что намеревались продать. Тьфу! опускаю грязь подробностей». [335] Лавочник двух жен «усахарил». «А кто был для нее тогда хуже — я, аль купец?.. Да и наплевать на меня»!.. «Ну, да наплевать обо мне». [336] Наряду с вульгаризмами есть и афористические выражения. «В женщинах нет оригинальности, это, это аксиома... Женщин погубила одна лишь неоригинальность». [337] Закладчик знаком и с русским фольклором. «Есть ли в поле жив человек?» — кричит богатырь». [338]

В повести нет каких-то выдающихся героев. И закладчик и его жена рядовые люди. Обыкновенна

и их жизнь, но на фоне этой серой бедной и однообразной жизни, разыгрывается страшный поединок, заканчивающийся гибелью Кроткой. Достоевского занимала не внешняя жизнь действующих лиц, а главным образом, столкновение и борьба идей. В повести проявилась склонность Достоевского к изображению катастроф в личной жизни человека. Он был исследователем тех страшных и разрушительных сил, которые таятся в душе каждого из нас. К формуле «Человек — это сила создающая, Достоевский добавил вторую часть «и разрушающая». В повести «Кроткая» он и показал действие второй силы.

Очерк «Столетняя» связан с «Маленькими картинками». Он посвящен описанию жизни трудящихся столицы, но о нем мы уже говорили раньше.

Рассказ «Мальчик у Христа на елке» помещен во второй главе январского выпуска «Дневника» за 1876 год, а в первой главке второй главы, помещен очерк «Мальчик с ручкой». Достоевский пишет о том, что он перед Рождеством встречал на одном из углов улицы мальчика лет семи. В страшный мороз одетый почти по летнему, мальчик просил подаяние. Он «ходил с ручкой», т. е. собирал милостыню. Достоевский пишет с печалью о судьбе подобных детей. Многие из них умирают, а те, что выживают превращаются в воришек и беспризорников и становятся совсем дикими. Несмотря на краткость очерка, видно, что Достоевский хорошо знал жизнь и страдания маленьких нищих. Вторая глава: «Мальчик у Христа на елке» тесно связана с первой. Достоевский пишет: «Но я романист и, кажется, одну «историю» сам сочинил. Почему я пишу: «кажется» ведь, я сам знаю наверно, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось».[339] Сюжет о мальчике замерзающем в рождественскую ночь особой новизной не отличается, но рассказ Достоевского проникнут русским бытом. Здесь и хозяйка углов, и халатник, который целые сутки лежит мертвецки пьяный. Главное — это глубокий анализ психоло-

гии ребенка и все это на четырех страничках! Описание елки у Христа, заканчивается чисто жизненными замечаниями. Маленькие дети бывшие на елке у Христа оказались такими же детьми бедняков, как и мальчик: «одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохнулись у чухонок, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода), четвертые задохнулись в вагонах третьего класса от смраду». [340] Так русская действительность ворвалась в рождественский рассказ Достоевского. Достоевский сам уловил противоречие между формой и содержанием рассказа, заметив: «И зачем же я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя! А еще обещал рассказы о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно, — то-есть то, что происходило в подвале и за дровами, а там об елке у Христа — уж и не знаю как вам сказать, могло ли оно случиться или нет?» [341]

«Сон смешного человека»

В «Дневнике писателя» за апрель 1877 год был помещен рассказ «Сон смешного человека». Подзаголовком было: «Фантастический рассказ». Но здесь слово «фантастический» взято в более широком значении, чем в повести «Кроткая». В рассказе соединены натуралистические описания с элементами фантастическими, что придавало жанру рассказа особый колорит и Достоевский обратил на это внимание читателей, поставив слово «фантастический». Главное действующее лицо рассказа смешной человек. Образ смешного человека привлек внимание Достоевского еще в юности. Можно думать, что смешной человек является трансформацией образа Ползункова из одноименного рассказа Достоевского, написанного еще в 1848 году. Сходство между действующими лицами очень

большое. В наружности Ползункова было что-то такое, что заставляло каждого «разразиться самым неумолкаемым смехом». Но «это странное создание, этот смешной человек вовсе не был шутом из профессии». «Я даже скажу более: по моему мнению, это был честнейший и благороднейший человек в свете».[342] «Я смешной человек... Я всегда был смешон, и знаю, это, может быть, с самого моего рождения».[343] Сходство простирается и дальше, оба любят людей, хотят служить им и оба лучше и благороднее других. Мысль о том, что в жизни прекрасное преследуется и превращается в смешное, как видно, появилась у Достоевского в юности и не покидала его всю жизнь. Тему о прекрасном, которое делают смешным грубые и невежественные люди, развивал Достоевский и в романе «Идиот». Действительно, трагическая фигура «рыцаря бедного» князя Мышкина вызывала смех у окружавших его людей, видевших в нем идиота. Повесть «Смешной человек» это полное развитие идеи о прекрасном, которое не видят и не понимают люди. Оно кажется им странным, непонятным, а потому смешным. В мире, где жребием людским распоряжается золото, все те, которые стремятся к самопожертвованию, любят других и бескорыстно помогают им, кажутся странными, непрактичными и смешными. Повесть Достоевского это повесть о тех, которые страдают сами, когда видят мучения других. Таких людей мало, но они бывают в жизни. К ним принадлежал, например, В. Гаршин. Когда он бросился в пролет лестницы с пятого этажа и умирал — на вопрос о боли, он не говорил о тех муках, которые испытывал сам, а указав на сердце сказал: «Тут больно», намекая на муку вызванную страданиями других.

Повесть «Сон смешного человека» тесно связана с идеями, владевшими Достоевским в юности. В ней отразились размышления Достоевского о человеке и жизни. Основываясь на содержании всего «Дневника», можно сказать, что несмотря на сом-

нения и колебания, не смешной человек, а сам Достоевский заявил «Я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей».[344] «Но как устроить рай — я не знаю».[345] Вот в этом-то и была трагедия Достоевского. «Пусть, пусть, это никогда не сбудется, не бывать раю, — говорил смешной человек, — ну, а я все-таки буду проповедовать».[346] Эти слова повторял и Достоевский, издавая свой знаменитый и так незаслуженно забытый потомками «Дневник писателя». Мы рассматриваем «Сон смешного человека» как выражение идей самого Достоевского. Повесть тесно связана и идейно и по жанру с повестью «Кроткая» и рассказом «Бобок». В ней, как и в рассказе «Бобок» все содержание является сном, который видит рассказчик. В идейном плане все три названные произведения составляют как бы трилогию. В них критикуется жизнь, основанная на стремлении только к материальным благам, жизнь не освещенная высокими целями и идеями. Гниет и разлагается общество, основанное на купле и продаже. Терпит крушение закладчик, поставивший целью основать свое счастье на несчастье других. Находит цель жизни и счастье смешной человек, решивший жить для других. В повести «Бобок» Достоевский показал к чему приводит жизнь под лозунгом: «После нас хоть потоп». В «Кроткой» крушение индивидуализма, в повести «Сон смешного человека» он пытался дать ответ на вопрос, что же делать? Все действующие лица перечисленных произведений близки между собой. Все они страдают и не удовлетворены жизнью. Но литератор в рассказе «Бобок» ограничивается только критикой существующего общества. Закладчик пытается бороться с этим обществом теми же методами, т. е. стать в ряды угнетателей. Оба они терпят крушение. Смешной человек несет в общество новые идеи — идеи Достоевского, о любви и братстве, о создании рая на земле, о «всечеловеческом единении».

Обращаясь к художественным особенностям повести «Сон смешного человека», можно сказать, что ее стиль отличается резкостью и стремительностью. Он выражает ту одержимость, которой был охвачен Достоевский. Он не мог спокойно «творить», а писал торопясь и волнуясь, спеша высказать свои идеи, обличить то, против чего он боролся. Введения в повести нет. Начало резко и отрывисто: «Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим».[347] Большую роль в произведении играет пейзаж. Мрачному настроению смешного человека, решившего убить себя, соответствует мрачный пейзаж. «Я возвращался тогда в одиннадцатом часу вечера домой и именно, помню, я подумал, что уж не может быть более мрачного времени. Даже в физическом отношении. Дождь лил весь день и это был самый холодный и мрачный дождь, какой-то даже грозный дождь, я это помню, с явной враждебностью к людям, а тут вдруг в одиннадцатом часу, перестал, и началась страшная сырость, сырее и холоднее чем когда дождь шел, и ото всего шел какой-то пар... Мне вдруг представилось, что если б потух газ, то стало бы отраднее, а с газом грустнее сердцу, потому что он все освещает».[348] «Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванные облака, а между ними бездонные черные пятна. Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку и стал пристально глядеть на нее. Это потому, что эта звездочка дала мне мысль: я положил в эту ночь убить себя».[349] Пейзаж Достоевского символичен. Он отражает переживания героя. Интересна и композиция пейзажа. В Инженерном училище воспитанники много чертили. Достоевский даже ввел во всеобщее употребление слово «стушеваться». Работа с тушью оказала определенное влияние на пейзажи Достоевского. Он как бы чертит их тушью: «темное небо», «разорванные облака», «между ними бездонные черные пятна» и в одном из этих пятен звездочка. Этот пейзаж производит тяжелое и угнетающее впечатление.

Резкие и выразительные эпитеты усиливают впечатление безысходности: «мрачное время», «самый холодный и мрачный дождь», «какой-то грозный дождь» с «явной враждебностью к людям». В повести есть и другой тип пейзажа новой земли, куда попал смешной человек. Там «в ярком свете солнечного прелестного как рай дня... Ласковое изумрудное море тихо плескало о берега и лобызало их с любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокие прекрасные деревья стояли во всей роскоши своего цвета, а бесчисленные листики их, я убежден в том, приветствовали меня тихим, ласковым своим шумом, и как бы выговаривали какие-то слова любви. Мурова горела яркими ароматными цветами». [350]

Одним из мотивов повести Достоевского является чувство боли. Достоевский анализирует чувства человека, решившего через несколько часов застрелиться. Многое ему безразлично, но чувство боли остается. Но оказывается, что и другое не чуждо ему. Есть боль физическая, а есть моральная. Смешной человек рассердился на себя за то, что он, решив умереть, не может не чувствовать сострадания к маленькой девочке, просившей о помощи. Видно, что человек, пока он живет, до последнего мгновения остается человеком и не может никогда сказать, что ему «все равно».

В повести дан замечательный анализ снов. Достоевский пишет, что во сне одно представляется с поражающей ясностью, через другое переходишь не замечая, как например, через пространство и время. «Сны, кажется, стремит не рассудок, а желание, не голова, а сердце». [351] Во сне мы, сознавая все, часто не замечаем страшных противоречий. Достоевский пишет, что во сне он иногда видит умершего брата. Они живо обсуждают всякие вопросы, в то же время Достоевский знает, что брат его давно умер, но это ничуть не удивляет его. Во сне, чтобы не случилось с нами, мы не чувствуем боли, если действительно не ударимся о что-нибудь. Достоевского занимала проблема снов. «Сон?

Что такое сон? А наша-то жизнь не сон?» — спрашивает смешной человек.

Жанр повести «Сон смешного человека» сходен с жанром повести «Кроткая» и рассказа «Бобок». В повести «Кроткая» повествует закладчик, в рассказе «Бобок» литератор, здесь смешной человек. В отличие от двух первых стиль повести «Сон смешного человека» меняется. В первой половине — мрачный рассказ с мрачным пейзажем. Вторая часть — ликующий гимн новой земле и одухотворенный пейзаж, проникнутый солнцем и воздухом. Для второй части характерна сильная, энергичная одушевленная речь человека, нашедшего цель в жизни. «О, теперь жизни и жизни! Я поднял руки и воззвал к вечной истине; не воззвал, а заплакал; восторг, неизмеримый восторг поднимал все существование мое. Да, жизнь и проповедь!.. Я иду проповедовать, я хочу проповедовать, — что? Истину, ибо я видел ее... Я видел истину и живой образ ее наполнил душу мою навеки». [352]

Художественные произведения «Дневника» дают возможность решительно утверждать, что Достоевский никогда не был последователем теории «искусство для искусства», т. е. не создавал произведения просто для развлечения читателей. Нет, он был учитель, проповедник, мыслитель и публицист и в художественных произведениях. Он был человек, одержимый огромными идеями. Произведения Достоевского должно рассматривать, как выражение в художественной форме идей, владевших писателем.

Воспоминания

Достоевский думал написать свои «Воспоминания», но не успел. Помешала смерть. И только в «Дневнике писателя» имеется много страниц, посвященных прошлому. Эти воспоминания имеют огромную ценность, Достоевский в них говорит сам о себе. Писать биографию Достоевского невозможно без «Дневника писателя», хотя бы потому, что «Дневник» и есть часть биографии Достоевского,

притом, написанная им самим. Как отмечалось, в некоторых статьях: «Одна из современных фальшей», «За умершего», «Старина о Петрашевцах», Достоевский говорил грядущим поколениям о своем революционном прошлом. Говорил так, что последняя статья в 1877 году была запрещена цензурой и увидела свет только после революции. Достоевский боялся цензуры и горько жаловался на то, что не может писать о чем хочет. Цензура заставила его прибегать к хитростям. Давать статьям несоответствующие названия, как было со статьею «За умершего», где Достоевский в зашифрованной форме писал о своей деятельности в «тайных обществах». Воспоминания вкраплены в многочисленные статьи «Дневника», но мы ставим своей целью рассмотреть только те статьи, которые полностью являются воспоминаниями, хотя в высшей степени ценны и все замечания, имеющиеся в различного рода статьях.

Воспоминания Достоевского отличаются не только художественными достоинствами, они имеют публицистическую окрашенность. Это не бесстрастное повествование летописца, а одушевленная исповедь горячего сердца. Достоевский рассказывает о себе, своих идеях, своей борьбе, хвалит своих друзей и сводит счеты со своими врагами. Много места в воспоминаниях отведено юности писателя. Юности посвящена статья, помещенная в январском номере «Дневника» за 1873 год под названием: «Старые люди». В ней Достоевский говорит о Герцене и Белинском. Статья писалась в годы близости Достоевского с князем Мещерским, когда «Дневник» печатался в «Гражданине». Отношение Достоевского к Белинскому и Герцену в это время было враждебно. Но во многом Достоевский был прав. Он справедливо заметил, что русские передовые дворяне типа Герцена были страшно далеки от народа и плохо знали и понимали народ. Часто непонимание вызывало недооценку всего русского и преклонение перед Запа-

дом. В воспоминаниях много личного, так Достоевский упрекает Герцена за то, что тот, отрицая собственность, хорошо устроил свои дела и жил за границей не нуждаясь. Белинского Достоевский критикует за атеизм. Белинский обращал в атеизм и Достоевского, проповедовал ему атеизм и даже критиковал Христа, утверждая, что если бы Христос жил теперь, он был бы незаметным человеком или примкнул бы к социалистам. Жанр воспоминаний своеобразен. Достоевский не только описывает, но художественно воспроизводит прошлое. Он не рассказывает, а показывает. Вот перед нами Белинский. Дается его характеристика и показан он сам. Белинский спорит с Достоевским, и мы не только видим Белинского, но слышим весь спор. Несмотря на неприязнь Достоевский отмечает многие положительные стороны Белинского, например, его искренность и правдивость.

Статья «Нечто личное» была помещена в номере третьем «Гражданина» за 1873 год. Она посвящена фельетону Достоевского «Крокодил». Фельетон появился в журнале Достоевского «Эпоха» в 1865 году. Содержание фельетона было следующим. Один самолюбивый чиновник, оскорбленный тем, что никто не обращает на него внимания и не признает его дарований, вместе с красивой женой и другом, тайно влюбленным в нее, пошел смотреть крокодила, но крокодил проглотил его. Чиновник не погиб, а решил из крокодила провозглашать свои мысли, давать советы и поучать. Жена оказалась очень довольной своим положением, как бы вдовы. Современная критика быстро расшифровала этот фельетон. Чиновником оказался Чернышевский, крокодил, проглотивший его — Сибирь, друг — сторонники Чернышевского. Достоевский не реагировал на критику. После выхода в свет «Преступления и наказания», Некрасов сказал Достоевскому, что его роман был обруган в «Современнике» в отместку за Чернышевского. Достоевский опять промолчал и только в 1873 году он

решил отвечать. Он пишет о своем знакомстве с Чернышевским, говорит, что он посещал Чернышевского, а Чернышевский его, что ему понравился Чернышевский и он никогда не имел ничего против него, и что было бы подло бывшему заключенному, издеваться над человеком, сосланным в Сибирь. Думается, что здесь Достоевский скрывал правду. В фельетоне «Крокодил» был изображен Чернышевский. Сразу же после появления фельетона «Голос» откликнулся на него и указал Достоевскому довольно ясно на непорядочность его поступка. По всей вероятности, Достоевский написал «Крокодила» в пылу полемики и потом стыдился своего произведения, но сказать в свое оправдание ничего не мог, а потому молчал и только в 1873 году выступил со слабым опровержением. Обращаясь к жанру статьи «Нечто личное», можно отметить, что ее жанр отличается своеобразием. Начало лирично. «Меня несколько раз вызывали написать мои литературные воспоминания. Не знаю, напишу ли, да и память слаба. Да и грустно вспоминать; я вообще не люблю вспоминать» [353], — пишет Достоевский. Дальше следует описание знакомства с Чернышевским, дан портрет Чернышевского, передана его речь. Достоевский часто как бы уходит со сцены. Вместо него появляются, выступают и говорят другие люди. Мы видим Некрасова, Чернышевского, Н. Страхова. В статье есть ценные замечания об отношении Достоевского к народникам.

В февральском номере «Дневника» за 1876 год появилась статья «Мужик Марей». Это было воспоминание из детских лет, но Достоевский начинает с того времени, когда он был на каторге. Был второй день Пасхи. «В воздухе было тепло, небо голубое, солнце высокое, теплое, яркое, но в душе моей было мрачно». [354] В каторжном бараке «пьяных было множество, ругательства, ссоры... безобразные гадкие песни, несколько раз уже обнажившиеся ножи, — все это, в два дня праздника

до болезни истерзало меня».[355] Мрачная картина, нарисованная Достоевским, производит угнетающее впечатление. В казарме шесть человек набросились на пьяного татарина Газина. Били страшно, но знали, что этого Геркулеса трудно убить, а потому били без опаски. В сердце Достоевского загорелась злоба. «Впрочем, что же описывать впечатления, мне и теперь иногда снится это время по ночам и у меня нет снов мучительнее».[356] Достоевский, чтобы не видеть ничего лег на нары и погрузился в воспоминания. «Эти воспоминания вставали сами, я редко вызывал их по своей воле. Начиналось с какой-нибудь точки, черты, иногда неприметной, и потом, мало-по-малу, выростало в цельную картину».[357] Думается, что этой чертой наделяет Достоевский Ставрогина в романе «Бесы». У того так же начинаются воспоминания. И вот Достоевский припомнил совершенно забытое мгновение из его раннего детства. Пейзаж лаконичен и выразителен. «Мне припомнился август месяц в нашей деревне: день сухой и ясный, но несколько холодный и ветреный».[358] Дальше следует описание деятельности девятилетнего ребенка. Он выламывает себе прут орешника, чтобы стегать лягушек. Собирает букашек и жучков — «есть очень нарядные; люблю я тоже маленьких, проворных, красно-желтых ящериц, с черными пятнышками, но змеек боюсь... И ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ежиками и белками, с его столь любимым мною сырым запахом перетлевших листьев».[359] Пейзаж Достоевского отличается предметностью. Он одухотворен. Все живет и движется. Вдруг мальчику послышался крик: «Волк бежит». В ужасном испуге мальчик побежал к мужику, который пахал невдалеке. Это был крепостной Достоевских. Звали его Марей. Мужик так любовно встретил ребенка, так нежно и заботливо приласкал его и успокоил, что ребенок забыл про свой испуг и пошел домой. И вот на каторге непроизвольно это воспоминание всплыло в голове

Достоевского в то время, когда он был близок к отчаянию. После этого Достоевский сошел с нар и совершенно по другому взглянул на своих каторжных товарищей. Злоба прошла. Ведь каждый из них мог быть тот же мужик Марей. В воспоминании преобладает не описательный, а творческий элемент. Рассказ драматизирован, орущие каторжники, избиение Газина, крик: «Волк бежит», встреча и разговор с Мареем. Мы слышим речь мужика, дан и его портрет.

Вначале Достоевский пишет о встрече в казарме с поляком, который трясущимися губами промолвил: «Я ненавижу этих негодяев». Эту фразу повторил Достоевский, когда в душе его загорелась злоба. В конце статьи Достоевский пишет, что он еще раз встретил поляка и пожалел его, потому что у него были воспоминания о Мареях и никакого другого взгляда, кроме: «Я ненавижу этих негодяев».

Как отмечалось, творческий метод Достоевского можно сравнить с лучем прожектора. Если этот луч направлен на какой-нибудь предмет, то этот предмет выступает с нетерпимой яркостью, тогда как все другое тонет во мраке, или остается в тени. Ослепительным светом освещен мужик Марей и пейзаж. Мы видим ореховый хлыст, нарядных букашек и жучков, проворных красно-желтых ящериц — все это как живое выступает перед нами. Как бы лучем прожектора освещен и мужик Марей. Это человек лет пятидесяти «плотный, довольно рослый, с сильною проседью в темно-русой окладистой бороде». «Он смотрел на меня с беспокойной улыбкой, видимо боясь и тревожась за меня. Ишь ведь испугался, ай-ай! Качал он головой. — Полно, родной ишь малец, ай»! Он протянул руку и вдруг погладил меня по щеке. — Ну, полно же, ну, Христос с тобой, окстись». Но я не крестился; углы губ моих вздрагивали и, кажется, это особенно его поразило Он протянул тихонько свой толстый, с черным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до

вспрыгивающих моих губ».[360] Описание Достоевского отличается предметностью. Мы видим вздрагивающие губы ребенка и «толстый с черным ногтем, запачканный в земле» палец мужика. Луч прожектора бродит вокруг и освещенные ярким светом перед нами раскрываются страницы жизни Достоевского.

«Старые воспоминания» появились в январском номере «Дневника» за 1877 год. В начале Достоский пишет о болезни Некрасова и недавно опубликованных «Последних песнях». «Страстные песни и недосказанные слова, как всегда у Некрасова, но какие мучительные стоны больного», — замечает Достоевский.[361] Он пишет о своем посещении Некрасова. Больной и измученный поэт вдруг стал говорить, что он помнит о первой встрече с Достоевским, которая была тридцать лет назад. Дальше следует замечательное описание этой встречи. Некрасов и Григорович, прочтя рукопись романа Достоевского «Бедные люди» в четыре часа ночи пришли к нему, чтобы поговорить. Статья проникнута лирическими нотами. Введением является описание петербургской ночи. «Воротился я домой, — пишет Достоевский, — уже в четыре часа, в белую, светлую как днем петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя к себе в квартиру, я спать не лег, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок... и вот Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба сами чуть не плачут».[362] Оказывается, что они вечером решили начать читать «Бедных людей», но начав, читали всю ночь пока не кончили. А потом решили сейчас же идти к Достоевскому. «Что же такое, что спит, мы разбудим его, это превыше сна!» Затем Достоевский описывает первую встречу с Белинским, когда тот сказал ему: «Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем».[363] Достоевский вышел от Белинского в упоении «Я весь, всем существом своим ощущал, что в жизни моей

произошел торжественный момент, перелом навеки, что началось что-то совсем новое, но такое, чего я и не предполагал тогда даже в самых страстных мечтах моих».[364] Из воспоминаний ярко выступает молодой Достоевский. Оказывается, что он был убежденный сторонник Белинского. «Этих людей только и есть в России, они одни, но у них одних истина, а истина, добро, правда всегда побеждают и торжествуют над пороком и злом, мы победим; о, к ним, с ними».[365]

Пережитое в эту ночь произвело на Достоевского неизгладимое впечатление. «Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая ее, укреплялся духом. Теперь еще вспоминаю ее каждый раз с восхищением».[366]

Что сказать о жанре статьи? Это как бы подвижные картины, которые быстро сменяются. Автор часто отходит в сторону, а на сцене появляются другие люди. Кажется, что мы читаем один из романов Достоевского, где действующим лицом является он сам.

В ноябрьском выпуске «Дневника» за 1877 год появилась небольшая (четыре страницы) статья под названием: «История глагола «стушеваться». В ней Достоевский пишет, что этот глагол он впервые употребил в «Двойнике». А изобрели этот глагол воспитанники Инженерного училища. Вот краткое содержание статьи, но в ней имеется много ценных воспоминаний. Так, Достоевский пишет о «Двойнике» и дает очень интересную и важную для исследователей оценку этому произведению. Достоевский вспоминает как он читал «Двойника» у Белинского и на этом чтении впервые ввел во всеобщее употребление глагол «стушеваться». «Стушеваться» — значит исчезнуть, уничтожиться не вдруг, не провалившись сквозь землю, с громом и треском, а, так сказать, деликатно, плавно, неприметно погрузившись в ничтожество. Похоже на то, как сбывает тень на затушеванной тушью полосе в рисунке, с черного постепенно на более светлое, и, наконец, совсем на белое, на нет».[367]

Выйдя из каторги, Достоевский встретил глагол «стушеваться» во многих рассказах, повестях и даже научных статьях. Достоевский настойчиво подчеркивает, что его заслуга была в том, что он ввел это слово во всеобщее употребление. Этому он придавал очень большое значение и даже заметил: «мне в продолжении всей моей литературной деятельности всего более нравилось в ней то, что и мне удалось ввести совсем новое словечко в русскую речь».[368] Нужно сказать, что Достоевский пытался ввести в русский язык и еще одно слово «стрюцкий», что значило негодный, скверный, пустой человек, но это слово не привилось.

Заканчивая наш анализ, можно сказать, что воспоминания, как и художественные произведения, тесно связаны со всем содержанием «Дневника».

Мы рассмотрели жанры произведений, из которых состоит «Дневник» и считаем необходимым сказать несколько слов о жанре всего «Дневника». В процессе анализа было указано, что все произведения «Дневника» связаны друг с другом. Публицистические статьи дают материал для художественных рассказов, в художественных произведениях воплощаются идеи публицистических статей. Литературно-критические статьи связаны с воспоминаниями и художественной публицистикой, и все это объединено общей идеей, положенной в основу «Дневника». Сам Достоевский заметил, что «Дневник» не собрание различных статей, а книга, «написанная одним пером». Это соответствовало действительности. «Дневник» есть книга со сложным и оригинальным жанром. Нами отмечалось, что Достоевский упорно работал над жанром «Дневника», любил «Дневник» и намеревался издавать его дальше. Определить жанр «Дневника» не легко. Ведь это не дневник в обычном смысле слова, не воспоминания, не записки и не хроника. Мы показали, что он не был похож на разные литературные дневники, издававшиеся в то время. Особенности жанра «Дневника» были подробно рассмотрены нами при анализе произведений, из которых

он состоит и повторяться нет смысла, а основываясь на всей проделанной работе, мы можем сказать, что жанр «Дневника» со всем его своеобразием, был создан Достоевским и является плодом огромной работы, проделанной гениальным писателем.

Глава пятая

ЯЗЫК «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

«Дневник писателя» одно из наиболее сложных произведений Достоевского. Автор выступает в нем не только как художник, но и как публицист, сатирик, проповедник и литературный критик. В «Дневнике» мы видим и слышим самого Достоевского. В романах говорят действующие лица, в «Дневнике» сам Достоевский. «В «Дневнике» есть и художественные произведения, и публицистика, и литературно-критические статьи.

Язык «Дневника» чрезвычайно сложен, так как в художественных произведениях автор, должен был создать язык действующих лиц, в публицистических и литературно-критических статьях говорит сам. Следовательно, характеризуя язык «Дневника», мы говорим о языке Достоевского. Кроме того, наш анализ дает возможность ответить на вопрос мог ли Достоевский создать индивидуализированный язык для действующих лиц своих художественных произведений? Встречается немало утверждений, что Достоевский был неспособен сделать это. Еще Н. Михайловский, характеризуя стиль и язык Достоевского, заметил: «беспричинная неровность изложения; те же нехудожественные длинноты и урезки; та же невероподобность действующих лиц, которые все, даже глупые, необыкновенно проницательные, все говорят одним и тем же языком и притом языком автора». [1] Это замечание не

было верным. На вопрос о том мог ли Достоевский создать для героев своих романов индивидуализированный язык, мы ответили в своей книге «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского», стр. 193-196. Чтобы не повторяться, кратко заметим, что художественные произведения «Дневника» дают нам возможность утверждать, что Достоевский мог создать индивидуализированный язык и создавал его, когда считал это необходимым. Но язык большинства действующих лиц его романов отличается как бы однообразием, потому, что Достоевский, показывая людей, находящихся во власти определенных идей или страстей, захваченных и одержимых этими идеями и страстями, все внимание обращал на анализ психических переживаний и сокращал все, что могло помешать этому.

«Дневник» является основным источником для изучения языка самого Достоевского, так как только в нем Достоевский говорил своим языком. В этом отношении, «Дневник» важнее писем, потому что в письмах, зачастую Достоевский должен был считаться с теми лицами, к которым он писал, и выбирать слова с большою осторожностью. Не то в «Дневнике». В пылу полемики, часто презирая и ненавидя своих противников, Достоевский говорил прямо и резко, не заботясь о подборе слов. В «Дневнике» Достоевский выступал от своего имени и не имел нужды создавать какой-то особый язык. Поэтому мы рассматриваем язык «Дневника», как язык самого Достоевского, конечно, это касается публицистики и литературно-критических статей.

Содержание «Дневника» было сложно. Резкие обличения, саркастические замечания, ирония, сатирическое изображение отрицательных явлений русской жизни, и наряду с этим, мягкая грусть, лирические отступления, воспоминания, замечательные страницы, посвященные описанию красоты природы и красоты человека. Все это требовало яркого и выразительного языка, который мы и пытаемся охарактеризовать.

Достоевский был интеллигент-разночинец, но

он девять лет провел в Сибири в тюрьме и казарме среди каторжников и солдат, т. е. представителей русского народа. Это не могло пройти бесследно, не наложив определенный отпечаток на язык Достоевского. Кроме того, Достоевский любил и изучал народный язык. Сохранилась тетрадка куда он записывал характерные выражения, пословицы, поговорки, отрывки из частушек — все что он слышал от каторжников и солдат. Многое из записанного он использовал потом в своих произведениях. Чтобы дать представление о записях Достоевского, приводим некоторые из них: 22. «Да будь ты проклят на семи кабаках», [2] 36. «Вот тут мне и дали двести»... «Рублей?» — Нет, брат, палок». [3] 40. «Эх ты подаянная голова. Голову тебе в Тюмени подали». [4] 50 «Обругал я его на тысячу лет». [5] 110. «Люди ложь, и я тож». [6] 195. «Бедный, как пятак медный». [7] 199. «Ну, коли я неправду сказал, щоб ты здох». [8] 341. «А что же ты, старушка, не растешь»? [9] 411. «Жили — не люди, померли — не покойники». [10] 297. «Да это чехол, а не человек». [11] 455. «Не бери лишнего, побойся Вышнего». [12]

Годы, проведенные в Сибири в непосредственном общении с народом, оказали огромное влияние на речь Достоевского. Народная лексика вошла мощной струей в его язык. Особенно сильно это отразилось в «Дневнике». Последний написан энергичным и выразительным языком. Речь Достоевского эмоционально окрашена. Охваченный вихрем идей и впечатлений, он не мог писать спокойно. Нет, он волновался, сочувствовал, осуждал, негодовал. Отсюда лирические ноты, юмор, ирония. сарказм и гневное обличение. В своих статьях Достоевский выступает как судья, но у него нет беспристрастия последнего. Он пристрастен. Мы знаем, кого он любит и кого ненавидит. В зависимости от этого меняется стиль, меняется и язык.

Основой речи Достоевского был народный язык. «Дневник» написан так, что и теперь, когда прошло почти сто лет со дня начала его издания, он не устарел. При чтении мы воспринимаем язык

«Дневника», как современный. В лексике преобладают простые разговорные слова. Встречаются и провинциализмы, и вульгаризмы, и ругательства. Приводим несколько выражений, характеризующих язык Достоевского. «Мужик забивает жену, увечит ее долгие годы, ругается над нею, хуже чем над собакой». [13] Здесь интересен простонародный оборот «ругаться над кем-нибудь» значило издеваться, «тут с народом пока еще только фортель». [14] «Это не вы, а другой кто, заместо вас кривлялся». [15], «нельзя же выпихнуть из рассказа» [16], «Таращился доказать» [17], «комната у мещанина, аль у какого-то отставного солдата» [18], «Но, жена, жена! восклицаете вы, вращая глазами. «Учитель — это штука тонкая [19], «Мамыньку» сынок уважает столько же, сколько свою старую подошву». [20] «Что есть дураки и болтуны, — конечно, тому нечего удивляться, но господин этот, очевидно, был не дурак. Наверно тоже не негодяй, не мошенник», [21] «если чего захотят, то утробно, а не сознательно, просто полное свинство», [22] «свиснуть кому-нибудь оплеуху, отмочить пакость девушке и вообще тут же среди залы нагадить», [23] «теленок высунув язык и выпуча глаза, может, издох», [24] «так и рождаются с соплей на носу». [25] Имел право «бить без контроля и сколько влезет». [26] «Вот осадила-то, милая». [27] «А по-моему, хоть бы они передохли». [28] «Теперь и не почешемся», [29] «тут-то, стало быть, ему и лафа», [30] «ум его сбалтывается еще с молоду в какую-то бурду», [31] «посидел бы на огороде, присмотрел бы за телятами», [32] «так сожмет невзначай, что раздавит как муху», [33] «наверно сама натрет себе бока». [34]

Встречаются в «Дневнике» и пословицы: «На безрыбьи и рак рыба». [35] «Велика-де Федора да дура». [36] Часто Достоевский переделывает пословицы на свой лад. Так, например, пословица: «Лучше синица в руки, чем журавль в небе» в переделке Достоевского выглядела так: «Это все еще пока журавель в небе, журавель до сих пор, прекрасный». [37] «Лишь бы сорвать шерсти клок». [38] В посло-

вице было «с паршивой овцы, хоть шерсти клок». «Это бы они давно должны бы были понять и себе зарубить», [39] Здесь взято распространенное изречение «зарубить на носу». Пословица: «Волков бояться — в лес не ходить». «Англии бояться — никуда не ходить», — возражаю я, — пишет Достоевский, — переделанною на новый лад пословицею». [40]

Как отмечалось, в «Дневнике» есть и архаизмы, но их немного: «исчез человеческий лик, и настал скотский образ раба, образ скотины». [41] «Пребыли ли мы верны?» [42] «Долгом считаю присовокупить», [43] «слушали и воздыхали», [44] «смердящие привычки», [45] «алчет и жаждет». [46]

В «Дневнике» проявилась любовь Достоевского к словотворчеству. Как отмечалось, он гордился тем, что ввел во всеобщее употребление глагол «стушеваться». В «Дневнике» Достоевский часто образует слова с новым значением от имеющихся слов. От слова «тип» он производит слово «типичник» и употребляет его обращаясь к Лескову: «Плохо, г. типичник». [47] По подобию слова «бессмысленный» Достоевский берет слово «безмыслие»: «Неужели это безмыслие в русской природе? Я говорю безмыслие, а не бессмыслие». [48] От слова «культура» Достоевский производит три слова: «культурить», «окультурить», «докультурить». «Стоило вас культурить», [49] «точно ли мы... так безошибочно окультурены, что народную культуру по боку», [50] «бывали и мало окультуренные люди, никогда не считавшие народ за собаку и каналью», [51] «надо было поскорее бежать в Европу, чтоб там докультуриться». [52] «Требуют культуры, которая, наконец, до того докультурила наших петербургских помещиков». [53]

Достоевский был очень чуток к смыслу слова. Для выражения презрения и пренебрежения к помещикам, воображавшим себя культурными и свысока смотревших на русский народ и все русское, он ввел слова с новым смыслом: «культурить», что значило слепо подражать во всем Западу.

«Окультурить» значило привить пренебрежительное отношение ко всему русскому. «Докультурить» — сделать человека иностранцем в своей стране.

«Где бы мы очутились: между сдираемыми или сдирателями?» [54] Речь шла о турках, сдиравших с живых людей кожу. Достоевский от глагола «сдирать» образует два слова: «сдиратели», «сдираемые». Имеется глагол «осложнять». Достоевский образует от него слово «осложненность». «Лучше мужика вознести до вашей «осложненности». [55] «Мечтал как всеупоенный самомнением дурачок». [56]

Достоевский любил употреблять оригинальные слова, как, например, «наше гремучее время», [57] «монахи советодатели», [58] «весь этот дрянный стыдишко за себя», [59] «это какое-то беспрерывное ощущение праздного и шатающего по свету самолюбия», [60] у Левина остается «оттенок чего-то, что можно, я думаю, назвать праздношатайством», [61] «эта честная душа есть самая праздно-хаотическая душа», [62] «кроткие строки, вялые и сонные», «ломим к своей точке». [63] Иногда Достоевский образует одно слово из двух слов: слабое сердце — «слабосерд», [64] «доброе сердце» — «добросерд». [65] Употребляет Достоевский слова и в необычной сравнительной степени: «Австрия посматривает косо и подозрительно, даже, может быть, косее, чем на венгерцев», [66] или брал слова в необычном словосочетании: «у бедняка ничего не имевшего, кроме способности профильтрироваться в высшее общество». [67] В «Дневнике» часто встречается стилизация. «Это никак невозможно тебе, чтобы ты сделал так как говоришь. Хвастаешь». — Не побоюсь ничего, сделаю все, что укажешь, погибай душа, а острамлю тебя!

— Хвастаешь, убежишь как мышь в подполье, насмеюсь над тобой, погибай душа». [68] Здесь Достоевский передает разговор двух деревенских парней их языком. А вот речь купца: «Не могу же я из-за игрушек всего нашего капиталу решиться». [69] «Все же нам никак нельзя без капиталу. Это чтоб капиталу нашего решиться — это нам никаким образом невозможно». [70] «Ступай, дескать, милый

браток наш, на свободу, в чем мать родила».[71] «Я, дескать, сознаю, что я подлец, но останусь подлецом в свое удовольствие».[72] «Дались, дескать, нам эти славяне! И кто нам навалил этих славян на шею, и для чего».[73] В последних предложениях дана речь обывателей интеллигентов.

Мы уже отмечали, что Достоевский интересовался языком пьяных. Он утверждал, что пьяные имеют особый язык. По его мнению, «пьяному и нельзя иметь другого языка, кроме сквернословного. Именно, это язык, целый язык,.. язык самый удобный и оригинальный, самый приспособленный к пьяному или даже лишь к хмельному состоянию».[74] Достоевский пытался разъяснить свою теорию. Он пишет, что у хмельного человека язык плохо подчиняется ему, а мыслей много, масса ощущений. Поэтому и должен был создаться особый язык. «Язык этот уже спокон веку отыскан и принят во всей России. Это просто-за-просто название одного нелексиконного существительного, так что весь этот язык состоит из одного только слова, чрезвычайно удобно-произносимого».[75]

Сильное воздействие на язык Достоевского оказало пребывание среди петрашевцев. Политический словарь Достоевского обогатился под влиянием диспутов и чтения соответствующих книг. В публицистических статьях часто встречаются подобные предложения: «Самый полный переворот в политической жизни России наступит именно тогда, когда Европа убедится, что Россия вовсе ничего не хочет захватывать»,[76] «бедная трудящаяся масса»,[77] «капитал труслив, а пролетарий опасен на улице»,[78] «пролетарий опасен, с пролетарием неспокойно, пролетарий внимает социализму»,[79] «буржуазия совершенно обошла народ пролетария».[80] «Буржуазия предчувствует, что когда пролетарий совсем усилится, то сковырнет ее с места».[81]

В «Дневнике» Достоевский часто и охотно прибегал к цитированию русских поэтов и писателей. Особенно Пушкина. Цитаты иногда являлись как бы эпиграфами. Достоевский использовал их, что-

бы избежать длинных вступлений. Иногда он брал литературные образы из произведений других писателей для характеристики своих действующих лиц. Например, образ Хлестакова. Так, первая глава «Дневника» за 1876 год начинается с оборванного предложения... «Хлестаков, по крайней мере, врал — врал у городничего, но все же капельку боялся, что вот его возьмут, да и вытолкнут из гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием».[82] Так, образ Хлестакова дает возможность Достоевскому избежать длинных объяснений.

Цитата из «Евгения Онегина» «летит обжорливая младость» сопровождается следующим замечанием «вот эта-то «обжорливая младость» из чего-нибудь да делается же? Скверная младость и нежелательная».[83] «Обжорливая младость» дает особую окраску последующим рассуждениям. Иногда цитата служит для опровержения мнения, с которым Достоевский не согласен, «чтоб иметь детей, кому ума не доставало?». «И провозгласил Чацкий, — пишет Достоевский, потому, что сам-то он и был в высшей степени необразованным москвичом».[84]

Говоря о борьбе славян за свою независимость, Достоевский пишет, что это дело правое. Славяне среди рабства и унижения соединяются взаимно в любви и в Христовой истине. Дальше следует цитата из Тютчева:

«Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде, Царь небесный
Исходил, благословляя».

Этой цитатой Достоевский оправдывает отсталость славянства и России. В статье «Ряженый», саркастически высмеивая Лескова, Достоевский пишет: «Что же касается до сочинительства вашего и до понимания художественного, то к вам, в этом отношении, вполне, я думаю, можно приложить известную эпиграмму Пушкина: «Картину раз высмат-

ривал сапожник».[35] В конце эпиграммы имеется строка: «Суди, дружок, не свыше сапога!». Эпиграмма сразу дает понять, как оценивал Достоевский критику Лескова.

В «Дневнике» за 1873 год было двенадцать цитат из разных стихотворений, в «Дневнике» за 1876 год тоже двенадцать, в «Дневнике» за 1877 год восемь и в «Пушкинской речи» в 1880 году девять. Всего было сорок одна цитата. В большинстве случаев из Пушкина. Мы не принимаем во внимание цитаты из прозы.

Достоевский работал над языком «Дневника» и сделал его сильным и выразительным, умело придавая своей речи различные оттенки. Часто он прибегает к иронии и сарказму, так, желая подчеркнуть, что нельзя все сваливать на «среду», он саркастически замечает: «Ведь этак табаку человеку захочется, а денег нет, так убить другого, чтобы достать табаку».[36] «Развитому человеку, ощущающему сильнее неразвитого страдание от неудовлетворения своих потребностей, надо денег для удовлетворения — так почему ему не убить неразвитого, если нельзя иначе денег достать».[37] Говоря о бюрократии, Достоевский сравнивает Россию с Китаем, где «все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет; здесь же все вверх дном на тысячу лет».[38]

Сарказм Достоевского похож на тяжелые удары молота. Ненавидя адвокатов, Достоевский так передает речь одного из них. Адвокат защищал мачеху, подставившую руку плакавшего ребенка под кран кипящего самовара. — Господа присяжные, конечно, случай этот нельзя назвать вполне гуманным, но возьмите его в его целости, представьте среду, обстановку. Эта женщина бедна, одна в доме работница, терпит неприятности. Ей не на что было даже няньку нанять. Естественно, что под такую минуту, когда злоба от заевшей среды входит, так сказать, внутрь, господа, естественно, что она поднесла ручку под кран самовара... ну и...».[39] Достоевский высмеивает ста-

рание адвоката доказать, что черное есть белое. Зверский случай адвокат классифицирует, как не «вполне гуманный». Во всем оказалась виновата не мачеха, а среда.

Саркастически и ядовито описывает Достоевский как адвокат будет оправдывать мачеху, выбросившую падчерицу из окна с четвертого этажа: Мачеху озлобили «стирка запачканного белья, стряпня, обмывание ребенка, — «гг. присяжные, она естественно должна была возненавидеть ребенка, в отчаянии почти не помня себя, она схватывает эту девочку и... гг. присяжные, кто бы из вас не сделал того же самого? Кто бы из вас не вышвырнул из окна ребенка?» [90] Данная статья была рассмотрена нами в разделе «Публицистика», здесь мы только обращаем внимание на язык. Достоевский сатирически и саркастически изображал поведение адвокатов. Он доводил аргументацию своих противников до бессмыслия. В данном случае ложен принцип, на котором адвокат строит всю свою защиту. Мы не можем согласиться, что мачеха «естественно должна была возненавидеть ребенка». Ложно и заключение: «Гг. присяжные, кто бы из вас не сделал того же самого?» Здесь Достоевский обращается к гротеску, но, несмотря на это, в основном, он был прав. Адвокаты строили свои речи по подобному принципу.

Иногда Достоевский критикует и высмеивает под видом восхваления. Вот характеристика старого князя из романа Толстого «Анна Каренина». «Князь со слабостями, и чуть ли не со смешными сторонами, но зато почтенный, почтенный, Он и добросерд романа, он и здравомысл, но не фонвизинский какой-нибудь здравомысл, который как уж заладил, так точно осел ученый одно здравомыслие». [91] Несимпатичный Достоевскому профессор, приехавший в гости к Левину из Москвы, называется «профессорчик» и характеризуется, как «человек милый, но глуповатый». [92] Ирония Достоевского многообразна. Иногда он, описывая, высоким слогом какой-нибудь персонаж, дает по-

нять, что этот тип в действительности не положительный, а отрицательный. Вот «любопытный, хотя отчасти, пожалуй, и почтенный экземпляр господина, стоящего, может быть, и вне литературы, но из бескорыстной любви к ней, так сказать, сгорающего почтенным огнем соблюдения литературных приличий». [93]

Ирония часто сменяется сатирой. В таких случаях Достоевский начинает говорить во весь голос, как, например, в статье февральского номера «Дневника» за 1876 год «По поводу дела Кронеберга». Разбор этой статьи дан в нашей книге о «Дневнике писателя» стр. 157-161. Здесь мы делаем некоторые замечания. Для сатиры Достоевского характерно саркастическое комментирование речи (часто воображаемой) противников. Кронеберг пятнадцать минут розгами истязал свою семилетнюю дочь. Простая забитая кухарка не выдержала ужасного истязания, она с криком стучала в дверь и требовала прекратить избиение, а потом заявила в полицию. Началось судебное дело. Адвокат пытался доказать, что было простое наказание, а не истязание. Тон статьи отличается эмоциональностью. Достоевский пишет, что хотя истязание не грозило опасностью для жизни девочки, «но неужели же такое наказание не было мучительно, неужели тут не было истязания. Неужели же девочка не мучилась четверть часа под ужасными розгами, лежащими в суде на столе, крича: «папа, папа!» Зачем же вы отрицаете ее страдание, и истязание». [94] Повторяя три раза слово «неужели» Достоевский вызывает у читателей чувство негодования. Отец заявил, что он наказывал дочь легко. «Замечу мимоходом, — пишет Достоевский, — что воззрение на легкость и тягость и тут дело личное: удары по носу семилетнему младенцу, с брызнувшей кровью из носу, которые не отрицает ни Кронеберг, ни защитник его, очевидно и тем и другим считаются наказанием легким». [95] Адвокат Спасович спрашивал, где предел власти отца? «Серьезно вы говорите это г. Спасович?» [96]

Достоевский, задавая защитнику вопросы, отвечает на них сам. Предел родительской власти в том, «что нельзя семилетнюю крошку, безответную вполне... нельзя, говорю я, это создание, имеющее ангельский лик, несомненно чистейшее и безгрешнейшее, чем мы с вами, г. Спасович.. нельзя говорю я, драть ее девятью рябиновыми «шпицрутенами» и драть четверть часа, не слушая ее криков: «папа, папа», от которых почти обезумела и пришла в исступление простая деревенская баба, дворничиха, — нельзя, наконец, по собственному сознанию говорить, что «сек долго, вне себя, бессознательно, как попало» — нельзя быть вне себя, потому что есть пределы всякому гневу... за ягодку чернослива и за сломанную вязальную иголку». [97] Здесь мы видим Достоевского во гневе. Он своим саркастическим ответом пригвоздил к позорному столбу и истязателя и его адвоката. Повторяя в коротком отрывке пять раз слово «нельзя» Достоевский доводит свою речь до высшего напряжения. Резкая обличительная речь сменяется задушевным разговором, когда Достоевский пишет о девочке. От частного, он переходит к общему и говорит о мучении детей. Эти строки перешли в одно из лучших произведений Достоевского, роман «Братья Карамазовы». «Слушайте, — обращается Достоевский к читателям, — мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, но и они нас учат многому... Они очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами». [98] Достоевский спрашивает адвоката видел ли он, как мучаются дети? «Видели ли вы, когда ребенок забьется в угол, чтоб его не видали, и плачет там, ломая ручки (да, ломая руки, я это сам видел) — и ударяя себя крошечным кулачком в грудь, не зная сам, что он делает, не понимая хорошо ни вины своей, ни за что его мучают». [99] Так почти сто лет тому назад призывал Достоевский к гуманности современников. Этот призыв не утратил своего значения и в наше время.

Как образец сатиры Достоевского можно указать статью "Piccola bestia", но она была рассмотрена нами в разделе, посвященном публицистике «Дневника».

Для сатиры Достоевского характерен смех. Достоевский высоко ценил смех. В романе «Подросток» есть целое рассуждение о смехе. Достоевский в жизни любил смеяться и ценил меткое острое слово. Часто смеется он и в «Дневнике», но его смех не отличается веселостью и добродушием. Достоевский смеется издеваясь, часто со злостью и раздражением, а иногда и с ненавистью и негодованием. Смех и сатира были грозным оружием Достоевского. Такие статьи, как «Самое последнее слово цивилизации», или «Идеалы растительной стоячей жизни» дают яркое представление о Достоевском сатирике и его смехе. В заключение хочется сказать, что тема о Достоевском сатирике ждет своего исследователя. Сатире Достоевского должна быть посвящена специальная монография.

Для языка Достоевского чужды сентиментальные ноты. Их уничтожает ирония, а чаще, мрачный юмор. Достоевский обладал способностью находить комические черты даже в самом трагическом. «Величаво и только разве капельку смешно, но без смешного и не бывает жизни», [100] — заметил Достоевский о поступке одного деятеля. «Эта капелька» смеха спасает Достоевского от сентиментальности.

Язык «Дневника» отличается афористичностью Афоризмы говорят об огромной работе писателя над языком.

Чтобы дать о них представление, приводим некоторые: «Сильное любит силу, кто верует, тот силен» [101] «Любить просто мало; надо уметь выказать любовь». [102] «Идеи носятся в воздухе, в идее есть нечто проницающее». [103] «Лишь трудом и борьбой достигаются самобытность и чувство собственного достоинства». [104] «У нас прежде всего вера в идею, в идеал, а личные, земные блага лишь потом». [105] «Неверие в духовную силу наро-

да есть, конечно, неверие и во всю Россию».[106] «Россия всегда будет сознавать, что центр славянского единства — это она, что если живут славяне свободною национальною жизнью, то потому, что этого захотела и хочет она, что совершила и создала все она».[107] «Всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского».[108] «Любить общечеловека, значит наверно уже презирать, а подчас ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека».[109]

Размеры книги не позволяют уделить больше внимания анализу языка «Дневника», а думается, что этот анализ необходим, так как, познавая язык «Дневника» мы познаем самого Достоевского.

Глава шестая

ДОСТОЕВСКИЙ ПО «ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ»

В нашем исследовании имеется немало замечаний, характеризующих Достоевского, и мы не думаем повторять их, но в заключение хочется подвести итоги и показать Достоевского таким, каким он был в действительности. Чтобы сделать это необходимо сказать несколько слов о «Дневнике». Уже отмечалось, что одной из целей издания «Дневника» было избавление от одиночества. Достоевский был гениален и одинок в том обществе, к которому он принадлежал в 70-е годы. Отсюда, огромное значение «Дневника» лично для Достоевского. В нем он высказывал свои любимые идеи, свои мечты и надежды, показал лучших людей русской нации, кроме того было и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Издание «Дневника помогло Достоевскому создать свою аудиторию, найти своих сторонников и последователей. По письмам Достоевского мы знаем, что его читателями и сторонниками были разночинцы-интеллигенты. Среди них было немало народников, были даже народовольцы. Мы не можем сказать из скольких человек состояла аудитория Достоевского, но не ошибемся, если скажем, что читатели «Дневника» исчислялись тысячами. Читала «Дневник», главным образом, молодежь. С ней Достоевский находил общий язык, вступал в оживленные

дискуссии, поучал, наставлял, обличал, сердился, но чувствовал, что среди этих людей он был своим. Недаром, он так охотно выступал на студенческих вечерах с чтением своих произведений или стихов Пушкина. Достоевский был признан молодежью. С ним спорили, не соглашались, но никто не считал его чужим.

Встает вопрос, к каким же кругам принадлежал Достоевский? Автор «Бесов», «Записок из подполья», редактор журнала «Гражданин», друг Победоносцева, Достоевский, как будтобы принадлежал к консервативным кругам, но считал ли он этих людей своими? Е. А. Штакеншнейдер, отличавшаяся тонкой наблюдательностью и хорошо знавшая Достоевского, ярко описала как он себя чувствовал в аристократических гостиных. «Иногда, сидит он понурый и злится, злится на какой-нибудь пустяк. И так бы и оборвал человека, да предлога или случая не находит, а главное не решается... Вчера, например, что-то покоробило его, едва он вошел, и он тотчас же съежился и насупился». [1]

Как видно, Достоевский чувствовал себя неуютно и держался настороженно и враждебно. Штакеншнейдер пытается объяснить и причину, хотя не делает соответствующих выводов. Она пишет, что многие подходят к Достоевскому со страхом и «не видят, как много в нем мещанского, не пошлого, нет, пошл он никогда не бывает, и пошлого в нем нет, но он мещанин. Да, мещанин. Не дворянин, не семинарист, не купец, не человек случайный, вроде художника или ученого, а именно мещанин. И вот этот мещанин — глубочайший мыслитель и гениальный писатель». [2] Достоевский бывает в аристократических домах и даже в великокняжеских «конечно, держит себя везде с достоинством, а все же в нем проглядывает мещанство». [3] «Меня всегда поражало в нем, что он вовсе не знает своей цены, поражала его скромность. Отсюда и происходила

его чрезвычайная обидчивость, лучше сказать, какое-то вечное ожидание, что его сейчас могут обидеть. И он часто видел обиду там, где другой человек, действительно ставящий себя высоко, и предполагать бы ее не мог».[4] Штакеншнейдер хорошо показала, как чувствовал себя Достоевский, но не поняла в чем было дело. Переживания Достоевского делаются понятными, если мы примем во внимание, что он был не только чужим в этом обществе, но и относился к этому обществу недоверчиво и враждебно. «Дневник» показывает, что Достоевский презирал этих людей.

Что общего у него могло быть с ними? Он был далек от них и по образу жизни и по состоянию. Та же Штакеншнейдер так описывает квартиру Достоевского: «Жили Достоевские где-то далеко и жили бедно и в каком-то странном доме».[5] Достоевский никогда не чувствовал себя обеспеченным человеком, еще менее чувствовала себя его жена, которая, чтобы сэкономить деньги часто не брала извозчиков и горько жаловалась на расточительность мужа, который, нуждаясь сам, никогда не отказывал в помощи нуждавшимся людям. Давал деньги бедным студентам, ссыльным, поддерживал старую няню. «Анна Григорьевна, всхлипывая говорила... вы не поверите, на железной дороге, например, он, как войдет в вокзал, так, кажется, до самого конца путешествия все держит в руках раскрытое портмоне... и все смотрит, кому бы из него дать что-нибудь... Вот как мы живем. А случись что-нибудь, куда денемся? Чем мы будем жить? Ведь мы нищие! Ведь пенсии нам не дадут!»[6]

Мы уже касались отношений Достоевского с князем Мещерским, а также отмечали, что у Достоевского не было друзей. Так называемые «друзья» часто на деле, оказывались врагами. Что касается молодого поколения, то оно было раздражено изображением «новых людей» в «Преступлении и наказании» и «Бесах». Достоевский был загадкой, которую пытались разгадать, основываясь на его ро-

манах. Автора сравнивали то с человеком из подполья, то со Ставрогиным и Свидригайловым, приписывая ему поступки героев его романов.

Но вот появился «Дневник писателя» и этот загадочный человек становится понятным. Все увидели, что волновало и раздражало его, что он любил и что ненавидел, чем он жил и за что боролся. «Дневник» был романом Достоевского о себе самом, «Дневник» — это исповедь Достоевского. В «Дневнике» он нарисовал свой портрет. Это понимали его современники. «Славу же Достоевскому сделала не каторга, не «Записки из мертвого дома», даже не романы его, по крайней мере не главным образом они, а «Дневник писателя».

«Дневник писателя» сделал его имя известным всей России, сделал его учителем и кумиром молодежи, да и не одной молодежи, а всех мучимых вопросами, которые Гейне назвал проклятыми».[7]

Воспоминания Штакеншнейдер нужно рассматривать с исторической точки зрения. Теперь, когда романы Достоевского пользуются всемирной известностью, утверждение, что сделали ему славу не они, а «Дневник», звучит странно и неубедительно. Но в то время было другое положение. Хотя романы Достоевского и пользовались большой известностью, но далеко еще не были признаны всеми. Наоборот, Достоевского жестоко критиковали и за его взгляды и за необычную композицию. Тот же Страхов упрекал его за «неуменье» справиться с сюжетом. И вот в это время начинает издаваться «Дневник писателя». Достоевский находит свою аудиторию, своих читателей, последователей и друзей. Он, как пишет Штакеншнейдер, становится «учителем и кумиром молодежи», понявшей, что этот загадочный человек шел своим путем, но к той же цели. Издание «Дневника» показало, что те круги, в которых Достоевский вращался, были ему чужды. «Дневник» дал возможность Достоевскому выйти из душных аристократических гостиных на всероссийский простор. В «Дневнике» он говорил с

Россией и русским народом. Не потому ли так ярок и доходчив язык «Дневника»? В «Дневнике» мы видим как бы другого Достоевского не певца подпольного человека, а провозгласителя лучшего будущего ожидающего человечество.

Особенно ярко выразились взгляды Достоевского в «Пушкинской речи», которая была его лебединой песнью и политическим завещанием. Анализ содержания и композиции «Речи» проведен в нашей книге о «Дневнике» (см. стр. 244-252). Здесь мы рассмотрим ее в свете нашей темы. Но сначала несколько замечаний о Пушкинских празднествах. Отдаленные от них почти столетием, мы не имеем ясного представления об этом событии, а празднества были событием огромного значения. В дни празднеств все русское общество демонстрировало свои силы. Празднества отличались, как выразилась одна газета того времени, «неофициальностью» и «своими громадными размерами, не только всероссийскими, всенародными, но даже общеевропейскими, всенародными, это торжество далеко превзошло всякое подобное у нас торжество». [8] Замечание вполне соответствовало действительности. Празднества были организованы русской интеллигенцией при участии и других слоев населения. На торжестве не было отпечатка казенщины. Памятник Пушкина был выстроен на пожертвования населения. Было собрано около восьмидесяти тысяч рублей, из которых девятнадцать тысяч рублей остались неизрасходованными. Руководителями и распорядителями празднеств были общественные деятели и такие организации, как «Общество любителей российской словесности» и Московский университет. Образ Пушкина, объединивший всех, был символом свободы. В газете «Голос» писалось: «Пушкин был человек, безусловно независимый в политическом отношении, безгранично свободный в своем гражданском самосознании... гонимый, всегда, до последней минуты жизни, находившийся под угрозами гонения. Таким людям еще не воздвигалось у нас народных памятников

и они еще не чествовались обществом с такой свободой». [9]

Проявление воли и инициативы общества произвели глубокое впечатление в других странах. «Иностранцы, — замечает «Голос» — привыкли смотреть на русское общество, как на «стадо людей», прозябающее под всесильною рукою государственной власти, в казенных рамках, без всякой самостоятельной воли и мысли». [10] О Пушкине «Голос» пишет: «Кто может сказать, как широко захватил бы русскую суть и как ярко осветил бы ее нам великий поэт, если бы мысли его не были стеснены, самая область его творчества не была ограничена внешними условиями». [11] Мотив необходимости для русского народа свободы звучал и в других выступлениях. Так, вождь славянофилов, И. С. Аксаков в своей речи сказал: «Россию подвергали внутри и извне насилию. Рукой палача совлеклась одежда русская. Богатый русский язык уродовался. Все дорогое подвергалось осмеянию. Внутренний быт калечился. Чуждая нам жизнь Европы вгонялась силою. Русский народ отдавался в рабство иноземцам и у себя дома попал в малолетки». [12]

А. Н. Островский, говоря о Пушкине, заметил, что «Пушкин завещал нам искренность, самобытность, завещал каждому русскому писателю быть русским... Пушкин раскрыл русскую душу». [13]

День открытия памятника 6 июня 1880 года был днем народного торжества. Вся Тверская площадь была заполнена народом. «Окна и крыши домов усеяны были людьми», — пишет очевидец. На площади и улицах «помещались массы народа». «Звон колоколов, стройное пенье, площадь, покрытая разнообразными массами всякого люда, начиная от воспитанников учебных заведений, знамена, венки перевитые лентами, и, наконец, эта чудная статуя, — все это представляло невообразимо очаровательное зрелище». [14] Наконец, спала пелена и как живой предстал Пушкин. В первую минуту все

замерли, потом грянуло громкое ура... «действительно, редко кому суждено испытать такие минуты! А перекатное ура все гремело на площади» [15] В это же время началось возложение венков. Часть пьедестала и все подножие вокруг памятника были покрыты массою венков. Интересно, что непосредственными исполнителями создания памятника были русские люди: ваятель академи Опекушин, строитель академик Богомолов и мастер каменного дела Баринов.

Открытие должно было быть в день рождения Пушкина, но из-за придворного траура правительство распорядилось перенести открытие на пятое июня. Многочисленные делегации со всех концов страны съехались в срок и должны были ждать. Ожидание усилило напряжение. Празднества продолжались с пятого до восьмого июня включительно.

Одной из главных целей торжеств, было утверждение величия Пушкина как русского национального и в то же время всемирного поэта, чествование Пушкина как борца за свободную мысль. «В лице Пушкина чествовалась русская народность и просвещение». [16] На торжества были приглашены дети Пушкина. Наталья Александровна Меринберг, Мария Александровна Гартунг, сын Пушкина А. А. Пушкин и второи сын Г. А. Пушкин.

Со всех концов России прибыло на празднество сто шесть делегаций. Шестого июня был открыт памятник, а восьмого июня на втором торжественном заседании Общества любителей русской словесности в здании дворянского собрания, Достоевский произнес свою знаменитую речь. В сухом отчете о заседании сказано: «Передать речь Достоевского невозможно: глубже и блистательнее ее нельзя себе ничего представить; форма в ней так слилась с содержанием, что никакой отчет не даст и приблизительного понятия о ее силе». [17] «Когда Достоевский кончил, вся зала духовно была у ног его... Человеческое слово не может претендовать на большую силу». [18]

Гораздо полнее и ярче передал впечатление, произведенное на слушателей пушкинской речью, Александр Амфитеатров, который сидел недалеко от сцены. «Речь эта, — пишет он, — мало сказать, взволновала и потрясла внимавших ей, — нет, она ошеломила, раздавила, ослепила эту избранную публику, съехавшуюся на праздник интеллигенции со всех концов России». [19]

«Мне просто жутко вспоминать, — продолжает Амфитеатров, — эту эстраду, как бы световыми ореолами осененную или огненными языками озаренную, где рядом, бок о бок сидели Тургенев, Достоевский, Писемский, Островский, Майков, Полонский, Ключевский, Глеб Успенский, П. И. Чайковский, Н. Г. Рубинштейн, Н. С. Тихонравов и другие» [20] Амфитеатров пишет, что он видел и слышал этих людей и в том числе «и Его». Не удивляйтесь большой букве! Стоит! Его. Кто пятьдесят лет тому назад ушел из нашего мира телом, но тутто и пришел к нам в особой силе и власти, духом — с тем, чтобы затем пребыть с нами властителем наших дум и ныне и присно и во веки веков. Ибо Достоевский — это тот, от кого или нет, лучше: то, от чего русскому человеку некуда деваться, даже если бы он того хотел. А какой же русский человек хочет уйти «отделаться» от Достоевского?» «Да, я видел и слышал Его и — как! В минуты величайшей моральной победы какую Он когда-либо одерживал, в минуты, когда Он, вековечный страдалец, вдруг был весь осиян удачей и славой, в минуты Его, мало сказать триумфа, — нет вернее будет апофеоза. А впрочем, что я говорю: видел и слышал. Нет, я еще вижу, я еще слышу Его. Вот она — как будто сейчас передо мною — странная фигура: рыжеватый, бледнолицый человек... Слышу странный, полный нервной силы, высокий, тенороватый голос... И Бог знает, что было в нем, в этом голосе, но все мы, тогда весь зал, сразу вдруг почувствовали, что с нами говорит Некто, действительно имеющий право прибавлять от себя к тому, что сказал Гоголь». [21] «То, что я слышал из уст Достоевского, не было ни красноречием, ни ора-

торстеом, ни «речью», ни даже «проповедью». Лилась огненным потоком подобно расплавленной лаве, гласная исповедь великой души, самоотверженно раскрывавшейся до глубочайших своих тайников — затем, чтобы себя хоть до дна опустошить, но нас слушателей, убедить и привести в свою веру. Я не знаю, был ли Достоевский вообще «хорошим оратором». Очень может быть, что нет. Помоему, так говорить, как он тогда, человек в состоянии только однажды в жизни. Высказался — весь до конца выявился и довольно... не жаль и умереть, — вправе!»[22] Амфитеатров пишет, что выступал Достоевский перед публикой вовсе не так уж расположенной принять его в учителя. Его слушала либеральная интеллигенция, демократы, социалисты, народники, ученики и поклонники Добролюбова и Чернышевского. Казалось, что трактовка Пушкина, как воплотителя русских национальных идеалов и пророка «всечеловеческого единения» должна была вызвать резкую критику, но случилось — наоборот. «С последним словом (Достоевского Д. Г.) — вдруг что-то вроде землетрясения. Тысячная толпа сразу вся на ногах — стремятся к эстраде, гром, рев, вой, истерические взвизги... Сколько времени это продолжалось, ей Богу не знаю: мгновение совсем остановилось. «Стой солнце и не движись луна». Думаю, что для того, чтобы публика очувствовалась... понадобилось не менее полчаса».[23]

«Речь» Достоевского произвела потрясающее впечатление и вызвала многочисленные отзывы в прессе. Глеб Успенский сначала дал ей очень высокую оценку, но потом резко критиковал Достоевского за непоследовательность и стремление примирить непримиримые противоречия. Успенский принадлежал к враждебной Достоевскому партии «Отечественных записок» и был послан на заседание Салтыковым-Щедриным как корреспондент, но все же и он попал под обаяние этой речи. Успенский пишет, что во время заседания Достоевский «смирнехонько» сидел около кафедры и что-то за-

писывал. «Когда пришла его очередь, он «смирнехонько» взошел на кафедру, и не прошло и пяти минут как у него во власти были все сердца, все мысли, вся душа всякого присутствовавшего в собрании... Он нашел возможным, так сказать, привести Пушкина в этот зал и устами его объяснить обществу, собравшемуся здесь, кое-что в теперешнем его положении».[24] Успенский довольно благожелательно комментирует речь Достоевского, но во второй части своей статьи резко критикует Достоевского за проповедь терпения и смирения. Особенно раздражило Успенского восхваление Достоевским поступка Татьяны Лариной, отвергнувшей Онегина на том основании, что нельзя основывать личное счастье на несчастье другого.

Критическая статья о «Речи» появилась в «Вестнике Европы». В ней утверждалось, что в содержании «Речи» «не было ничего особенно нового: такие мысли высказывались издавна в славянофильской школе, и г. Достоевский только применил их к Пушкину, сделав его поэзию предвещанием. Тема о будущем или даже настоящем первенстве русского народа перед всеми остальными имеет уже тот недостаток, что представляет не новый пример национального самопрославления».[25] «Нам говорят о всечеловечности или всечеловечестве русского народа, но не была ли эта «всечеловечность» просто признаком исторической ступени развития... «Врачу, исцелися сам», — могут сказать нам, и с полным правом, в ответ на наши самонадеянные порывы исцелить Европу и человечество».[26]

«Речь г. Достоевского построена на фальши, приятной только для раздраженного самолюбия. И к чему, в самом деле, явился этот всечеловек».[27]

Подобных статей появилось немало. Кто же был прав, Достоевский или его критики? Что из себя представляла его «Речь»? В ней Достоевский утверждал, что Пушкин показал отрыв интеллигенции от народа, что Пушкин был выражением души русского человека, что в Пушкине заключалось

пророчество о той роли, которую будет играть русский народ в истории всего человечества, потому что Пушкин показал замечательные свойства русского человека и его склонность к самопожертвованию. У Пушкина есть особый дар перевоплощения и способность понимания людей всех наций мира. Это способность русская, национальная. Она показывает, что русский народ послужит всем, выступит объединителем всего человечества. Отсюда заявление Достоевского, что русскому скитальцу нужна мировая гармония иначе он не успокоится. Правда, в «Речи» были и противоречия, на которые указывали критики, но в ней была и великая идея, которая заставляла забывать об этих противоречиях и трепетать от неимоверного восторга сердца слушателей. Достоевский призвал нацию бескорыстно послужить всему человечеству, поставил вопрос о необходимости изменить мировой порядок жизни, об уничтожении войны и объединении людей всех рас и наций в одну дружную семью. Достоевский, основываясь на творчестве Пушкина, показал русским русского человека во всей его душевной красоте, показал его огромные силы и замечательные способности. Все это говорилось России, которая была, по выражению Хомякова, «в судах черна неправдой черной, и игом рабства клеймена», а по словам Лермонтова «страной рабов, страной господ». Правда, крепостное право было отменено еще в 1861 году, но пережитки его остались во всей силе. И вот перед этой страной и этим народом Достоевский ставит одну из величайших целей, которые когда либо ставило перед собой человечество.

Призыв Достоевского к «смирению» был истолкован критиками с наводящей на самые грустные размышления упрощенностью. Консервативные круги видели в этом призыве упрек народникам и революционерам. Последние считали, что Достоевский осуждает их деятельность. Достоевский и не думал призывать к смирению народников и народовольцев, хотя и пола-

гал, что они во многом ошибаются. Просто он не терпел барственного покровительственного отношения к народу, откуда бы оно не исходило. А такое отношение было со стороны либералов и некоторой части интеллигенции. Эти люди, жалея народ, и даже намереваясь пожертвовать за него жизнью, всеже относились к нему свысока, даже боготворя его. Они считали народ темной, косной, неразвитой массой, которая ничего не понимает.

Для Достоевского, как для человека, проведшего много лет в Сибири в непосредственном общении с народом, такое отношение было нетерпимо. Поэтому он и призывал «гордого человека» смириться и потрудиться «на родной ниве». Но это совсем не значило, что Достоевский, как славянофилы, обожествлял народ. В «Дневнике» он часто резко критикует народ за жестокость, грубость и другие недостатки, но для Достоевского народ был не абстрактным понятием. Это были такие же люди равные всем другим, но не имевшие образования и жившие в очень тяжелых условиях. От интеллигенции Достоевский требовал признания не только народа, но и человека. Он говорил о необходимости единения интеллигенции с народом, но при условии, что народ должен многое признать и взять у интеллигенции. Если же общий язык не будет найден, то гибель ожидает и народ и интеллигенцию. В этом было одно из отличий взглядов Достоевского, от взглядов народников, которые слепо преклонялись перед народом. Достоевский, говоря о народе, говорил о русской нации в целом. Он утверждал, что «русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения».[28] Достоевский указал на беспримерную стойкость русской нации в годы тяжелых испытаний. «Все восемьдесят миллионов ее (России Д. Г.) населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде».[29] Прав ли был Достоевский? Если обратиться к русской истории, вспомнить татарское иго, борьбу русских со степью,

смутное время, войны 1812 и 1855 годов, когда нация была, особенно при татарском нашествии, накануне гибели, но перенесла все и вышла еще более укрепившейся, то мы можем сказать, что Достоевский был прав.

Достоевский ненавидел развивающийся капитализм, видел к каким последствиям это приводит и метался, ища выхода. Для чего думал он, нам копировать европейское государственное устройство «которое завтра же рухнет? Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиваться национально, своей органической силой, а непременно обезличено, лакейски подражать Европе». [30]

Достоевский смотрел в будущее. Он видел гораздо дальше многих современников. В то далекое время, он выступил за национальную независимость русских, боролся за признание «самостоятельности и личности русского духа, за законность его бытия». [31] Без Пушкина не проявилась бы с такою непоколебимой силой «наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов». [32]

Сила духа русской народности заключается в «стремлении ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности». [33] «Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено». [34]

Мы рассмотрели основные положения «Речи», потому что она была политическим завещанием Достоевского. Ее мысли — есть мысли всего «Дневника писателя», а в «Дневнике» отразился весь Достоевский, в нем он высказал свои любимые идеи, и мы видим Достоевского совсем в другом свете. Представление, которое складывается о Достоевском на основании его романов, оказывается неверным. В романах он показал страшную тоску

переходного времени, показал мучения и поиски выхода, оторванной от народа интеллигенции, которая, утратив связь с народом, утрачивала веру в Россию, а без веры в Россию, терялся смысл жизни. Достоевский призвал интеллигенцию к единению с народом, чтобы в дружной совместной работе, она могла, служа России, послужить человечеству.

Кто же был Достоевский? На этот вопрос мы можем ответить словами самого Достоевского из романа «Братья Карамазовы». «Был он просто [illegible]

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

1. «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». С предисловием и примечаниями Б. Л. Модзалевского. Изд. Общества Толстовского музея. С. Петербург, 1914 г., т. 2, стр. 307-308.
2. Достоевский. «Письма», т. 2, стр. 29
3. Достоевский. «Письма», т. 4, стр. 201. 4. Там же, стр. 205-206.
5. Достоевский. «Письма», т. 2, стр. 7. 6. «Письма», т. 1, стр. 107.
7. Достоевский. «Дневник писателя», т. 11, стр. 437.
8. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 227.
9-10. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 439.
11. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 355.
12. Страхов Н. «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», 1883, СПб, стр. 300. 13 Там же, стр. 299.
14. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 495. 15. Там же, стр. 64. 16. Там же, стр. 456.
17. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 153.
18. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 104. 19. Там же, стр. 18. 20. Там же, стр. 81.
21. Достоевский. «Записки из мертвого дома», т. 3, М. Гиз. 1956, стр. 497. 22. Там же, стр. 447.
23. Микулич В. «Встречи с писателями». Изд. писателей в Ленинграде, 1929, стр. 142-143. 24. Там же, стр. 144.
25. Соловьев Вс. «Воспоминания о Ф. М. Достоевском», «Исторический вестник», 1881 г., кн. 3, стр. 612.
26. Там же, стр. 616.
27. Буренин В. «Литературные очерки», «Новое время», 1878 г., 20 января, № 681.

[28]. Скабичевский А. «Мысли по поводу литературы», «Биржевые ведомости», 1877 г., 23 сентября, № 239.

[29-30]. Михайловский Н. «Записки современника», «Историко-критический комментарий». Составил В. Зеленский, М. 1885, стр. 52.

[31-32]. Леонтьев К. «Наши новые христиане», «Историко-критический комментарий», стр. 101. [33]. Там же, стр. 95.

[34]. Горшков А. «Проповедник нового слова», «Дневник писателя». Единственный выпуск, 1880. «Русское богатство», 1880, № 8, стр. 3. [35]. Там же, стр. 9.

[36]. Там же, стр. 6.

[37]. «Литературное обозрение». «Дневник писателя», «Вестник Европы», 1880, стр. 812.

[38]. Ткачев П. «Журнальные заметки». «Дневник писателя» за 1877 г. 1, 2, 3. «Дело», № 6, 1877 г., стр. 63.

[39]. Соловьев Всев. «Воспоминания о Ф. М. Достоевском», «Исторический вестник», март 1881, стр. 843.

[40]. Розанов В. «Легенда о Великом инквизиторе», изд. «Разум», Берлин, 1924, стр. 13.

[41]. «Письма А. Плещева», «Литературный архив», № 6. М. Л. 1961, Письмо к А. Юрьеву 29 января 1873 г. стр. 255.

[42]. Налимов А. «Сила или бессилие?» «Современность», Газета политическая, общественная и литературная, №148, 20 августа 1880 г.

[43]. Гаршин Е. «Испорченная жизнь», «Исторический вестник», февраль, 1884, стр. 369.

[44]. [45]. Г-н. «Романист, попавший не в свои сани», «Дело», 1880, № 9, стр. 159-160.

[46]. Коломенский Кандид. «Автор «Переписки с друзьями», воскресший в г. Достоевском». «Новости». «Биржевая газета» за 19 августа 1880, № 219, стр. 2. [47]. Там же, стр. 3.

Глава вторая

[1]. «Воспоминания А. Г. Достоевской» под ред. Гроссмана, Гиз, М-Л, 1925, стр. 174.

[2]. Достоевский. «Письма», т. 1, стр. 424.

3. Достоевский. «Письма», т. 2, стр. 44.
4. Там же, стр. 53. 5. Там же, стр. 72. 6. Там же, стр. 168.
7. Гоголь Н. «Выбранные места из переписки с друзьями», т. 9, Изд. Слава, Берлин, 1922 г., стр. 124.
8. Там же, стр. 141. 9. Там же, стр. 103.
10. Гоголь, т. 10, стр. 307.
11. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 246.
12. Гоголь, т. 9, стр. 272-273.
13. Достоевский. «Подросток», Собрание сочинений в 10 томах, М. 1957, т. 8, стр. 516.
14. Гоголь, т. 9, стр. 79.
15. «Литературное обозрение», «Дневник писателя», Единственный выпуск 1880 года, «Вестник Европы», № 10, 1880, стр. 812-813.
16. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 147.
17. Белинский В. «Взгляд на русскую литературу 1846 года», т. 3, Огиз, М. 1948 год, стр. 654. 18. Там же, стр. 644. 19. Там же, стр. 652. 20, 21. Там же, стр. 654.
22. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 288.
23. «Дневник А. Г. Достоевской», «Новая Москва», 1923 г., запись 30 апреля 1867 года, стр. 38. 24. 25. Там же, стр. 174.
26. Герцен А. «Перед грозой», «Избранные философские произведения», т. 1, Огиз, стр. 135. 27. Там же, стр. 139. 28. Там же, стр. 14.
29. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 40.
30. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 88.
31. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 301. 32. Там же, стр. 495.
33. «Дело петрашевцев», т. 1, Изд. Академии наук СССР, М-Л, 1937 г., стр. 547.
34. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», Гиз, 1953 г., стр. 146.
35. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 163.
36. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 529. 37. Там же, стр. 550. 38. Там же, стр. 552-553.
39. Там же, Ахшарумов, Д. «Путешествие по вселенной», стр. 668-669.

[40]. Достоевский. «Сон смешного человека», «Дневник», т. 11, стр. 132.

[41]. Данилевский Н. Я. «Россия и Европа», изд. 5. С. Петербург, типография братьев Пантелеевых, 1895 г., стр. 49-50.

[42]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 151.

[43]. Достоевский. «Записки из мертвого дома», стр. 177

[44]. Достоевский. «Зимние заметки о летних впечатлениях», Париж, 1933 г., стр. 181., [45]. Там же, стр. 171-172.

Глава третья

[1]. Достоевский. «Письма», т. 1, стр. 63. [2]. Там же, стр. 76. [3]. Там же, стр. 75. [4]. Там же, стр. 76.
[5]. Ахшарумов Д. «Заметки», «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 663.
[6.7]. Достоевский. «Статьи за 1845—1878 г.», т. 13, Гиз, М., 1930, стр. 497. [8]. Там же, стр. 506. [9]. Там же, стр. 235. [10]. Там же, стр. 250. [11]. Там же, стр. 258. [12]. Там же, стр. 302. [13]. Там же, стр. 526.
[14]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 56. [15-16]. Там же, стр. 85. [17]. Там же, стр. 75. [18]. Там же, стр. 80. [19]. Там же, стр. 84. [20]. Там же, стр. 53. [21]. Там же, стр. 73-74. [22]. Там же, стр. 80. [23]. Там же, стр. 84. [24]. Там же, стр. 80-81.
[25]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 459.
[26]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 52.
[27]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 271-272.
[28-29]. Леонтьев К. «Достоевский о русском дворянстве», т. 7, Собрание сочинений, изд. «Деятель», СПБ, 1913, стр. 443.
[30]. Сборник «Достоевский». «Материалы и исследования», стр. 49-50.
[31]. Ткачев П. «Журнальные заметки», «Дело», 1877 г., № 6, стр. 63.
[32]. Никитин П. «Дело», 1876 г., № 6, стр. 311-312.
[33]. Там же, стр. 313.
[34-35]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 106.

[36]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 346-347.
[37]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 419-420.
[38]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 263.
[39]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 149. [40]. Там же, стр. 58.
[41]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 271.
[42]. Никитин П. «Литературные попурри», «Дело», № 5, 1876 г., стр. 310. [43]. Там же, стр. 311.
[44]. Головин К. «Русский роман и русское общество», Типография А. Пороховникова, 1897 г., СПБ, стр. 321-322.
[45]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 37.
[46]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 279. [47]. Там же, стр. 384.
[48-49]. Достоевский. «Письма», т. 1, стр. 142.
[50]. Леонтьев К. «Собрание сочинений», т. 9, стр. 13.
[51]. Леонтьев К. «Собрание сочинений», т. 8, стр. 305.
[52]. Там же, стр. 183.
[53]. Леонтьев К. «Собрание сочинений», т. 7. стр. 384.
[54]. Мережковский Д. «Толстой и Достоевский», стр. 132. [55]. Там же, стр. 148.
[56-57]. Розанов В. «Легенда о Великом Инквизиторе», стр. 260. [58]. Там же, стр. 119.
[59]. Лосский Н. «Достоевский и его религиозное мировоззрение», стр. 100. [60] Там же, стр. 192.
[61]. Достоевский. «Письма», т. 2, стр. 264.
[62]. Достоевский. «Биография, письма и заметки», стр. 368. [63]. Там же, стр. 375.
[64]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 328.
[65]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 522.
[66]. Достоевский. «Письма», т. 2, стр. 25. [67]. Там же, стр. 161. [68]. Там же, стр. 142.
[69]. Достоевский. «Дневник», т. XI, стр. 11.
[70]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 51. [71]. Там же, стр. 135.
[72]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 89.
[73]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 37.
[74]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 185.
[75]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 147. [76]. Там же, стр. 148. [77]. Там же, стр. 15.

[78]. Достоевский. «Дневник», т. 10 стр. 51. [79]. Там же, стр. 88.
[80]. Достоевский. «Дневник» т. 9, стр. 21. [81]. Там же, стр. 5-6.
[82]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 204.
[83]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 8. [84]. Там же, стр. 240-241. [85-86]. Там же, стр. 26 [87]. Там же, стр. 469.
[88]. Достоевский. «Письма», т. 2, стр. 64.
[89]. Достоевский. «Дневник», т. 11. стр. 40. [90]. Там же, стр. 377-378.
[91]. Достоевский. «Дневник», т. 10. стр. 223. [92]. Там же, стр. 204.
[93]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 205-206. [94]. Там же, стр. 205.
[95]. [96]. [97]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 359.
[98]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 365. [99]. Там же, стр. 365-366. [100]. Там же, стр. 368. [101]. Там же, стр. 370.
[102]. Достоевский. «Дневник», т. 11 стр. 14. [103], [104]. Там же, стр. 108.
[105]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 423. [106]. Там же, стр. 154.
[107]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 9.
[108]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 187.
[109-110]. Достоевский. «Дневник», том 10, стр. 202.
[111]. Там же, стр. 233. [112]. Там же, стр. 280.
[113]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 316. [114-115]. Там же, стр. 317.
[116]. Валтер Шубарт. «Европа и душа Востока», изд. третье, Мюнхен, стр. 85.
[117-118]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 6. [119]. Там же, стр. 7.
[120]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 211. [121]. Там же, стр. 211-212. [122]. Там же, стр. 218. [123]. Там же, стр. 219. [124], [125]. Там же, стр. 220. [126]. Там же, стр. 221. [127]. Там же стр. 221-222. [128]. Там же, стр. 224-225.
[129]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 225. [130]. Там же, стр. 227, [131]. Там же, стр. 236-237. [132], [133], [134]. Там же, стр. 233. [135]. Там же, стр. 234. [136]. Там же, стр. 235. [137]. Там же, стр. 213.

138. «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», 1883 год, стр. 373. 139. Попов И. И. «Минувшее и пережитое», Academia, М., 1933, стр. 87. 140. Там же, стр. 88.
141. Зеленецкий А. А. «Три встречи с Ф. М. Достоевским», «Исторический вестник», март, 1901, Петербург, стр. 1203. 142. Там же, стр. 1023-1024.
143. Там же, стр. 1026-1027. 144. Там же, стр. 1027.
145. Достоевский. «Статьи за 1845—1878 годы», Гиз, М. 1930, т. 13, стр. 249.
146. Зеленецкий, стр. 1028.
147. «Заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», стр. 366.
148. Ф. М. Достоевский. «Из записной книжки», «Новый путь», январь, 1904 г., стр. 7-9.
149. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 505. 150. Там же, стр. 506. 151, 152. Там же, стр. 507. 153. Там же, стр. 511. 154. Там же, стр. 517. 155. Там же, стр. 520. 156. Там же, стр. 524-525. 157. Там же, стр. 530. 158. Там же, стр 541. 159. Там же, стр. 540.
160. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 20. 161. Там же, стр. 175. 162. Там же, стр. 177. 163. Там же, стр. 178. 164. Там же, стр. 190. 165. Там же, стр. 337. 166. Там же, стр. 414.
167. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 412.
168. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 349. 169. Там же, стр. 422. 170. Там же, стр. 425. 171, 172, 173. Там же, стр. 426. 174. Там же, стр. 424. 175. Там же, стр. 197. 176. Там же, стр. 198. 177. Там же, стр. 199.
178. Достоевский. «Бесы», т. 7, стр. 340.
179. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 380. 180, 181. Там же, стр. 257.
182. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 287. 183. Там же стр. 288.
184. Достоевский. «Из записной книжки», «Новый путь», февраль 1904, №2.
185. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 495, 186,187. Там же, стр. 85. 188. Там же, стр. 81. 189, 190. Там же, стр. 88. 191. Там же, стр. 90, 192. Там же, стр. 91. 193. Там же, стр. 94. 194. Там же, стр. 95.
195. Цитируется по Л. Гроссман. «Достоевский и

правительственные круги 1870-х годов, «Литературное наследство», 1934 год, № 15, стр. 142.
196. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 98. 197, 198. Там же, стр. 99.
199. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 218.
200. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 102.
201. Попов И. И. «Минувшее и пережитое», стр. 113-114.
202. «Записка о ритуальных убийствах», С. Петербург, 1914 г., стр. 17.
203. Достоевский. «Братья Карамазовы»», т. 10, Гиз, М. 1958, стр. 95.
204. Даль В. И. «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употребление крови их». Напечатана по приказанию г. министра внутренних дел 1844 год, стр. 5. 205. Там же, стр. 19. 206. Там же, стр. 127.
207. Достоевский. «Дневник», т. XI, стр. 140.

Глава четвертая

1. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр.240.
2. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 201-202.
3. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 439-440.
4. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 4.
5. Леонтьев К. «Чем и как либерализм нам вреден?» «Варшавский дневник», 1880, стр. 173.
6. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 355.
7. Достоевский. «Письма», т. 2, стр. 169-170.
8. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 207.
9. Достоевский. «Бесы», т. 7. Гиз, М. 1957 г., стр. 137.
10. Достоевский. «Подросток», Гиз, М., 1955, стр. 253.
11. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 201-202.
12. Достоевский. «Письма», т. 2, стр. 358.
13. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 206. 14. Там же, стр. 285. 15. Там же, стр. 284.
16. «Воспоминания о Ф. М. Достоевском Всеволода Соловьева». «Исторический вестник», 1881, т. 3, стр. 841. 17. Там же, стр. 840.
18. «Биография, письма и заметки...», стр. 216.
19. Вс. Соловьев. «Три речи в память Достоевского», М. 1884, стр. 84.

[20], [21], [22], [23], [24]. Достоевский, т. 9, стр. 167.
[25]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 202. [26]. Там же, стр. 203. [27]. Там же, стр. 204. [28]. Там же, стр. 209. [29], [30]. Там же, стр. 213.
[31]. Достоевский. «Дневник», т. 9 стр. 207. [32]. Там же, стр. 209. [33]. Там же, стр. 215. [34]. Там же, стр. 243. [35]. Там же, стр. 244-245. [36]. Там же, стр. 245.
[37]. Гоголь Н. «Мертвые души», Гиз, М., 1949, стр. 221.
[38]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 206.
[39]. Долинин А. С. «Новое о Ф. М. Достоевском», «Ученые записки», т. 4, Факультет языка и литературы. Ленинградский пединститут им. Покровского, выпуск второй, Л. 1940, стр. 319.
[40]. Гоголь Н. «Несколько слов о нашей церкви и духовенстве». Полное собрание сочинений Н. В. Гоголя, Лейпциг, 1863 г., т. 3, «Выбранные места из переписки с друзьями», стр. 398-399. [41] Там же, стр. 398. [42]. Там же, стр. 478. [43]. Там же, стр. 585.
[44]. Достоевский. «Братья Карамазовы», т. 9, Гиз, 1958, стр. 205. [45]. Там же, стр. 84. [46]. Там же, стр. 86. [47]. Там же, стр. 80. [48]. Гоголь. «Выбранные места из переписки с друзьями», т. 3, стр. 368. [49]. Там же, стр. 381. [50]. Там же, стр. 417. [51]. Там же, стр. 434. [52]. Там же, стр. 435. [53]. Там же, стр. 437. [54]. Там же, стр. 449. [55]. Там же, стр. 455. [56]. Там же, стр. 458-459. [57]. Там же, стр. 461.
[58]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 159. [59]. Там же, стр. 160. [60]. Там же, стр. 161.
[61]. Гоголь Н. В. «Повести», Гиз, 1951, стр. 496.
[62]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 161.
[63]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 216.
[64]. Гоголь Н. В. «Повести», стр. 484.
[65]. Достоевский. «Дневник», том 10, стр. 302. [66], [67], [68]. Там же, стр. 304. [69], [70]. Там же, стр. 305.
[71]. Гоголь Н. В. «Повести», «Записки сумасшедшего», стр. 497.
[72]. Тургенев И. С. «Собрание сочинений», т. 4, «Новь», Гиз, М. 1954, стр. 409.
[73], [74]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 39. [75]. Там же, стр. 40. [76], [77], [78]. Там же, стр. 41. [79]. Там же, стр. 42-43. [80]. Там же, стр. 47. [81]. Там же, стр. 51.

[82]. Там же, стр. 71. [83]. Там же, стр. 72. [84], [85]. Там же, стр. 52. [86]. Там же, стр. 52-53. [87]. Там же, стр. 53. [88]. Там же, стр. 54. [89]. Там же, стр. 56. [90], [91]. Там же, стр. 66. [92] Там же, стр. 67. [93]. Там же, стр. 67-68. [94]. Там же, стр. 68.

[95]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 283.
[96]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 62. [97]. Там же, стр. 64. [98]. Там же, стр. 82. [99]. Там же, стр. 86-87. [100]. Там же, стр. 105. [101]. Там же, стр. 107.
[102]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 9-10. [103]. Там же, стр. 8. [104]. Там же, стр. 387. [105]. Там же, стр. 145-146. [106]. Там же, стр. 147. [107]. Там же, стр. 148. [108]. Там же, стр. 149. [109]. Там же, стр. 156. [110]. Там же, стр. 158. [111], [112]. Там же, стр. 159. [113]. Там же, стр. 162. [114]. Там же, стр. 163. [115]. Там же, стр. 164. [116]. Там же, стр. 165. [117]. Там же, стр. 166. [118]. Там же, стр. 167. [119]. Там же, стр. 168. [120]. Там же, стр. 169. [121], [122]. Там же, стр. 171. [123]. Там же, стр. 173. [124]. Там же, стр. 174. [125], [126], [127]. Там же, стр. 179. [128]. Там же, стр. 180. [129]. Там же, стр. 181.
[130]. Тургенев И. С. «Собрание сочинений», т. 10, Гиз, М. 1956, стр. 79-80.
[131]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 184. [132]. Там же, стр. 187. [133]. Там же, стр. 189. [134]. Там же, стр. 194. [135]. Там же, стр. 197. [136]. Там же, стр. 202. [137]. Там же, стр. 206-207. [138]. Там же, стр. 272-273. [139]. Там же, стр. 291. [140], [141]. Там же, стр. 300. [142]. Там же, стр. 303. [143]. Там же, стр. 304. [144], [145]. Там же, стр. 307. [146]. Там же, стр. 306. [147]. Там же, стр. 308. [148]. Там же, стр. 309. [149]. Там же, стр. 310. [150]. Там же, стр. 312. [151], [152]. Там же, стр. 313.
[153], [154]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 314. [155]. Там же, стр. 318. [156]. Там же, стр. 319. [157]. Там же, стр. 320. [158]. Там же, стр. 321. [159]. Там же, стр. 323. [160], [161] Там же стр. 329-330. [162]. Там же, стр. 336-337. [163]. Там же, стр. 331. [164]. Там же, стр. 332. [165]. Там же, стр. 332-333. [166]. Там же, стр. 336. [167]. Там же, стр. 336. [168]. Там же, стр. 341-342. [169]. Там же, стр. 337. [170]. Там же, стр. 340.
[171]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр.3, [172], [173]. Там

же, стр. 5. [174]. Там же, стр. 30. [175]. Там же, стр. 31. [176]. Там же, стр. 34. [177]. Там же, стр. 33-34. [178]. Там же, стр. 35. [179]. Там же, стр. 38. [180]. Там же, стр. 45. [181]. Там же, стр. 193. [182]. Там же, стр. 194. [183]. Там же, стр. 213. [184, 185]. Там же, стр. 214. [186, 187]. Там же, стр. 217. [188, 189]. Там же, стр. 220. [190]. Там же, стр. 237. [191]. Там же, стр. 238. [192]. Там же, стр. 244. [193, 194]. Там же, стр. 245. [195]. Там же, стр. 247. [196]. Там же, стр. 250. [197]. Там же, стр. 252. [198, 199, 200, 201]. Там же, стр. 256.

[202] Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 181. [203]. Там же, стр. 183. [204]. Там же, стр. 184. [205]. Там же, стр. 185. [206]. Там же, стр. 182. [207]. Там же, стр. 185. [208]. Там же, стр. 187. [209]. Там же, стр. 188. [210]. Там же, стр. 254. [211, 212]. Там же, стр. 255. [213]. Там же, стр. 257. [214, 215, 216]. Там же, стр. 259. [217]. Там же, стр. 260. [218, 219]. Там же, стр. 263.

[220, 221]. Достоевский, «Дневник», т. 10, стр. 94. [222]. Там же, стр. 95. [223]. Там же, стр. 96. [224, 225]. Там же, стр. 97.

[226]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 102-103. [227, 228]. Там же, стр. 103. [229]. Там же, стр. 106. [230]. Там же, стр. 107 [231]. Там же, стр. 108. [232]. Достоевский. «Дневник». т. 9, стр. 233. [233]. Там. же, стр. 335. [234, 235]. Там же, стр. 236. [236]. Там же, стр. 241. [237, 238]. Там же, стр. 272. [239]. Там же, стр. 267. [240]. Там же, стр. 268. [241]. Там же, стр. 269. [242]. Там же, стр. 271. [243]. Там же, стр. 270-271. [244]. Там же, стр. 276.

[245, 246]. «Неопубликованный отрывок из главы X «Ряженый», «Дневник» писателя» за 1873 год. Отдел рукописей Достоевского. Государственная библиотека СССР, Москва Дост. I 2 (9/5).

[247]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 292. [248]. Там же, стр. 295-296. [249]. Там же, стр. 293.

[250]. Достоевский. «Письма», т. 3, стр. 340.

[251]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 251. [252]. Там же, стр. 147. [253]. Там же, стр. 205. [254]. Там же, стр. 208. [255]. Там же, стр. 209. [256]. Там же, стр. 211. [257, 258]. Там же, стр. 212. [259]. Там же, стр. 213.

[260, 261]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 27. [262, 263]. Там же, стр. 33. [264]. Там же, стр. 417. [265]. Там

же, стр. 418. [266]. Там же, стр. 419. [267, 268]. Там же, стр. 422. [269]. Там же, стр. 423. [270]. Там же, стр. 427. [271]. Там же, стр. 436. [272]. Чуковский К. Некрасов. «Статьи и материалы». «Поэт и палач», Изд. Кубуч, Л., 1926, стр. 17. [273]. Там же, стр. 5. [274]. Там же, стр. 11. [275]. Там же, стр. 6. [276]. Там же, стр. 18. [277]. Там же, стр. 17. [278]. Там же, стр. 56. [279, 280]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 245. [281]. Там же. стр. 246. [282, 283]. Там же, стр. 247. [284]. Там же, стр. 248-249. [285]. Там же, стр. 253. [286]. Там же, стр. 266. [287]. Там же, стр. 272. [288]. Там же, стр. 275. [289]. Там же, стр. 276. [290]. Достоевский. «Бобок», «Дневник», т. 9, стр. 227. [291]. Там же, стр. 214. [292]. Гоголь. «Записки сумасшедшего», «Повести», Гиз, М-Л., 1951, стр. 481. [293]. Там же, стр. 484. [294] Там же, стр. 485-486. [295]. Там же, стр. 489. [296]. Там же, стр. 490. [297]. Достоевский. «Бобок», «Дневник», т. 9, стр. 216-217. [298]. Там же, стр. 215. [299]. Там же, стр. 214. [300.,301]. Там же, стр. 215. [302]. Там же, стр. 216. [303]. Там же, стр. 215. [304]. Там же, стр. 217. [305, 306]. Там же, стр. 216. [307]. Там же стр. 226-227. [308]. Достоевский. «Маленькие картинки», «Дневник», т. 9, стр. 303. [309]. Там же, стр. 305. [310]. Там же, стр. 306. [311]. Там же, стр. 303. [312]. Там же, стр. 303-304. [313]. Там же, стр. 304. [314, 315]. Там же, стр. 307. [316]. Там же, стр. 311. [317]. Там же, стр. 312. [318]. Там же, стр. 314. [319]. Достоевский. «Кроткая», «Дневник», т. 10, стр. 373. [320]. Там же, стр. 372. [321]. Там же, стр. 372-373. [322]. Там же, стр. 381. [323]. Там же, стр. 394. [324]. Там же, стр. 409. [325]. Там же, стр. 407. [326, 327]. Там же, стр. 408. [328]. Там же, стр. 392. [329]. Там же, стр. 393. [330]. Там же, стр. 409. [331]. Там же, стр. 408. [332]. Там же, стр. 373. [333]. Там же, стр. 375. [334]. Там же, стр. 406. [335] Там же, стр. 378. [336]. Там же стр. 381. [337]. Там же, стр. 385. [338]. Там же, стр. 409.

[339]. Достоевский. «Мальчик у Христа на елке», «Дневник», т. 10, стр. 14. [340, 341]. Там же, стр. 18. [342]. Достоевский. «Ползунков». Собр. сочин. т. 1, Гиз, М. 1956, стр. 503. [343]. Достоевский. «Сон смешного человека», «Дневник», т. 11, стр. 122. [344]. Там

же, стр. 140. [345], [346]. Там же, стр. 141. [347]. Там же, стр. 122. [348]. Там же, стр. 123-124. [349]. Там же, стр. 124. [350]. Там же, стр. 132. [351]. Там же, стр. 128. [352]. Там же, стр. 141. [353]. Достоевский. «Нечто личное», «Дневник», т. 9, стр. 190. [354], [355]. Достоевский. «Мужик Марей», «Дневник», т. 10, стр. 55. [356]. Там же, стр. 55-56. [357], [358]. Там же, стр. 56. [359]. Там же, стр. 56-57. [360]. Там же, стр. 57-58. [361]. Достоевский. «Старые воспоминания», «Дневник», т. 11, стр. 28. [362]. Там же, стр. 30. [363], [364]. Там же, стр. 32. [365], [366]. Там же, стр. 33. [367]. Достоевский. «История глагола «стушеваться», «Дневник», т. 11, стр. 359. [368]. Там же, стр. 361.

Глава пятая

[1]. Михайловский Н. «Записки современника», № 2. «Историко-критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского». Составил В. Зеленский. М. 1885 год, стр. 43-44. [2], [3], [4]. «Достоевский о Достоевском». «Сибирские тетради», «Звенья», № 6, Academia. М-Л. 1936, стр. 416. [5]. Там же, стр. 418, [6]. Там же, стр. 420. [7], [8]. Там же, стр. 425. [9]. Там же, стр. 432. [10]. Там же, стр. 435. [11]. Там же, стр. 230. [12]. Там же, стр. 437. [13]. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 185. [14]. Там же, стр. 181. [15]. Там же, стр. 202. [16]. Там же, стр. 203. [17]. Там же, стр. 259. [18]. Там же, стр. 256. [19]. Там же, стр. 286. [20]. Там же, стр. 295. [21]. Там же, стр. 328. [22]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 4. [23]. Там же, стр. 10. [24]. Там же, стр. 31. [25]. Там же, стр. 67. [26]. Там же, стр. 144. [27]. Там же, стр. 193. [28]. Там же, стр. 287. [29]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 39. [30]. Там же, стр. 97. [31]. Там же, стр. 171. [32]. Там же, стр. 268. [33]. Там же, стр. 298. [34]. Там же, стр. 299. [35]. Там же, стр. 280. [36]. Там же, стр. 517. [37]. Там же, стр. 535. [38]. Достоевский «Дневник», т. 10, стр. 250. [39]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 536. [40]. Там же, стр. 548. [41]. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 40. [42]. Там же, стр 33. [43]. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 153. [44]. Там же, стр. 265. [45]. Там же, стр. 423. [46]. Там же, стр. 27.

47. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 281. 48. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 4. 49. Там же, стр. 130. 50. Там же, стр. 137. 51, 52. Там же, стр. 145. 53. Там же, стр. 146. 54. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 49-50. 55. Там же, стр. 69. 56. Там же, стр. 163. 57. Достоевский. «Дневник», т. XI, стр. 238. 58. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 203. 59. Там же, стр. 323. 60. Там же, стр. 325. 61, 62. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 254. 63. Там же, стр. 547. 64. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 177. 65. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 256. 66. Там же, стр. 295. 67. Там же, стр. 334. 68. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 208. 69. Там же, стр. 306. 70. Достоевский. «Дневник», т. 10. стр. 68. 71. Там же, стр. 148. 72. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 62. 73. Там же, стр. 312. 74, 75. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 307. 76. Достоевский. «Дневник», т. 10' стр. 151. 77. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 90. 78, 79. Там же, стр. 52. 80, 81. Там же, стр. 66. 82. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 3. 83. Там же, стр. 9. 84. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 285. 85. Там же, стр. 276. 86, 87. Достоевский. «Дневник», т. 9. стр. 180. 88. Там же, стр. 166. 89. Там же, стр. 189. 90. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 190. 91. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 256. 92. Там же, стр. 255. 93. Там же, стр. 151. 94. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 79. 95. Там же, стр. 81. 96, 97. Там же, стр. 82. 98. Достоевский. «Дневник», т. 10. стр. 83. 99. Там же, стр. 84. 100. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 118. 101. Там же, стр. 77. 102. Там же, стр. 116. 103. Там же, стр. 181. 104. Там же, стр. 182. 105. Достоевский. «Дневник, т. 10, стр. 49. 106. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 10. 107. Там же, стр. 377-378. 108. Достоевский. «Дневник», т. 10, стр. 204. 109. Достоевский. «Дневник», т. 9, стр. 203.

Глава шестая

1. «Из дневника Е. А. Штакеншнейдер», «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», т. 2, изд. «Художественная литература», М., 1964 год.

стр. 303. [2], [3], Там же, стр. 309. [4]. Там же, стр. 314-315. [5]. Там же, стр. 312. [6]. Там же, стр. 306. [7]. Там же, стр. 307-308. [8]. Сборник. «Венок на памятник Пушкину», «Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции». С. Петербург. Типография А. Треншеля, 1880 год, стр. 133. [9], [10] Там же, стр. 134. [11]. Там же, стр. 135. [12]. Там же, стр. 139. [13]. Там же, стр. 59. [14], [15]. Там же, стр. 27. [16]. Там же, стр. 15. [17], [18]. Там же, стр. 61. [19]. Амфитеатров А. «И теперь еще слышу речь Достоевского», «Литературная Россия», 2-го июля, 1965 года, «Из неопубликованного и забытого», стр.22. [20], [21]. Там же, стр. 22-23. [22], [23]. Там же, стр. 23. [24]. Успенский Г. «Праздник Пушкина», «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», стр. 338. [25], [26]. Сборник «Венок на памятник Пушкину», стр. 144. [27]. Там же, стр. 145. [28],. Достоевский. «Дневник», т. 11, стр. 448. [29]. Там же, стр. 449. [30]. Там же, стр. 450. [31]. Там же, стр. 454. [32]. Там же, стр. 466. [33]. Там же, стр. 468. [34]. Там же, стр. 470.

Того же автора.

Д. В. Гришин «Афоризмы и высказывания Ф. М. Достоевского», 77 стр., Мельбурн, 1961 г.
Д. В. Гришин «Достоевский и славянство». Конспект доклада на V Международном съезде славистов. 15 стр., София, 1963 г.
Д. В. Гришин «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского», 270 стр., Русское отделение Мельбурнского университета, Мельбурн, 1966 г.
Д. В. Гришин «Жанры «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского. Доклад на VI Международном съезде славистов, 28 стр., Прага, 1968 г.
В печати. Д. В. Гришин «Мысли, афоризмы и высказывания Ф. М. Достоевского» (второе расширенное издание), 208 стр., Париж.

Книга является первой попыткой показать «настоящего» Достоевского, основываясь на его высказываниях.

Издание Librairie des Cinq Continents. 18, rue de Lille 75 — Paris (7è) France.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

1. В указатель внесены встречающиеся в тексте имена, а также названия произведений Достоевского. Имя Достоевского не включено в указатель, потому что оно встречается на каждой странице.

Авсеенко, В. литератор, 76, 272, 274
Аксаков, И. С. славянофил, 44, 120, 341
Амфитеатров, А. журналист, 343, 344
Анна Григорьевна, жена писателя, 10, 12, 13, 41, 48, 338
Анна Каренина (Толстой), 284-288
Ахшарумов, Д. Д., петрашевец, 53
Байрон, Дж. Г., 278
Бакунин, М. А. анархист, 237
Баласогло, А. П. петрашевец, 51
Бедные люди, 11, 16, 61
Белинский, В. Г. критик, 11, 13, 43, 47, 60, 61, 82, 178, 222, 239, 314, 318
Бесы, 138, 157, 232, 289
Биконсфильд, лорд, см. Дизраэли
Блок, А. А. поэт, 14
Бобок, 290, 295, 309, 312
Братья Карамазовы, 75, 80, 83, 102, 106, 107, 115, 138, 155, 157, 184, 185, 210, 289
Буренин, В. журналист, 30
Великий Инквизитор, поэма, 12, 82, 100
Влас (Некрасов), 95, 96, 178-180
Врангель, А. Е. друг писателя, 41
Вступление к Дневнику, 177
Гаршин, Е. М. литератор, 38
Герцен, А. И. революционер, 15, 48, 50, 133, 177, 239, 281
Гоголь, Н. В. 14, 39, 43, 48, 118, 183, 184, 186, 187, 192, 201, 207, 293
Головин, К. литератор, 74
Горшков, А. журналист, 33
Гофман, Э. Т. М., романтик, 82

Григорович, Д. В. писатель, 318
Григорьев, А. критик, 289
Грановский, Т. Н. профессор, 280
Гюго, Виктор, 66
Даль, В. И. автор «Розыскания», 154, 155
Данилевский, Н. Я. славянофил, 54, 55
Данилов, Ф. унтер-офицер, 99, 191
«Дело Джунковских» 107, 112, 113
«Дело Кронеберга», 107, 202, 204
Дизраэли, английский премьер-министр, 150, 152, 188, 211
«Дипломатия перед мировыми вопросами», 217
Добролюбов, Н. А. критик, 66, 67
Долинин, А. С. литературовед, 24
Драгоманов, М. П. революционер, 116
Дуров, С. Ф. петрашевец, 62
«Еврейский вопрос», 143, 148, 150, 151, 152
«Единичный случай», 262
Жорж Занд, 72, 274, 275
«Записки из мертвого дома», 57, 58
«Записки из подполья», 102
Зеленецкий, А. студент, 118-120
«Зимние заметки о летних впечатлениях», 58
«Золотые фраки», 183-184
Злоба дня, 200, см. «Анна Каренина»
Иванов, В. критик 168
Измайлов, А. критик, 26,
«Идеалисты - циники», 248
Корба, А. П. участница партии Н. В. 116, 117
Ковнер, А. еврейский корреспондент, писатель, 139, 140, 141, 144
Кроткая, 133, 167, 290, 301-306, 309, 312
«Кто стучится в дверь? Неизбежная судьба», 224
Леонтьев, К. Н. критик, 32, 69, 80, 81, 86, 161
Лермонтов, М. Ю. 278, 290, 346
Лесков Н. С. писатель, 265-268, 326, 329
Лихтенберг, предсказатель, 207, 210
Лосский, Н. О. философ, 82, 83
«Ложь ложью спасается», 225
«Лучшие люди», 97, 98
«Любители турок», 220
Майков, А. Н. поэт, 23, 83, 85, 109
«Маленькие картинки», 296-299
«Мальчик у Христа на елке», 107, 306, 307
Мережковский, Д. С. критик, 80, 81, 208

«Мечты и грезы», 142, 201
«Мечты о Европе», 206
Мещерский, В. П. князь, 26, 181, 313, 338
Миллер, О. Ф. профессор, 24
Михаил Достоевский, брат писателя, 60
Михайловский, Н. К. критик, 32, 86, 161, 322
«Мой парадокс», 243
«Мужик Марей», 315-317
Муравьев, М. Н. министр, 281, 282
Налимов, А. журналист, 35
Некрасов, Н. А. поэт, 13, 15, 60, 72, 85, 100, 102, 178, 179, 277, 278-283, 318
Неточка Незванова, 62
Нечаев, С. Г. террорист, 234
«Нечто личное», 314
«Нечто об адвокатах», 203
«Нечто о вранье», 230
«Нечто об одном здании», 242
Никитин, П. журналист, 70, 74
Ницше, Ф. философ, 81
«Об анонимных письмах», 212-214
«О-во покровительства животным», 239
Огарев, Н. П. революционер, 48
«Опять прорицания», 209
Островский, А. Н. драматург, 341, 343
«Первый корень», 84
Петрашевский, М. В. революционер, 23, 50, 51, 54, 61, 232
"Piccola Bestia", 187, 188
Плещеев, А. Н. поэт, 35
Победоносцев, К. П. обер-прокурор Синода, 22, 30, 337
«Подросток», 45, 75, 115, 132, 157, 164, 289, 334
«Полписьма одного лица», 180, 181, 185, см. Бобок
Попов, И. И. народоволец, 116, 153
«По поводу выставки», 256, 258
«По поводу новой драмы», 269-271
«Похороны общечеловека», 261, 262
«Прежние земледельцы — будущие дипломаты», 214-217
Преступление и наказание, 75, 115, 132, 289
«Приговор», 133, 136
Пушкин, А. С. 14, 45, 46, 68, 69, 103, 118, 158, 179, 194, 278, 279, 284, 290, 294, 329, 330, 341, 345, 346, 348
«Пушкинская речь», 33, 39, 340, 344-346
Ратынский, цензор, 235
Репин, И. Е. художник, 72, 259

Розанов, В. В. критик, 35, 82
Россия, 90, 91
«Русская женщина», 102, 104, 105, 106
«Русская сатира», 275, 276
Рылеев, К. Ф. декабрист, 250
«Ряженый», 267, 269, см. Лесков
Салтыков, М. Е. сатирик, 71, 344
«Самое последнее слово цивилизации», 247
Сервантес, писатель, 226, 227
Скабичевский, А. критик, 31, 69
Славяне, 93, 94
«Слизняки, принимаемые за людей», 227
«Случайное семейство», 107-115
«Смятенный вид», 265, 266
Соловьев, В. писатель, 26, 27, 30, 34, 160, 169
Сон смешного человека, 307-312
Спасович, В. Д. адвокат, 204, 205, 332, 333
Спешнев, Н. А. петрашевец, 23, 232
Спиритизм, 100, 241
«Среда», 107, 252-255
«Старина о петрашевцах», 121, 166, 235
«Старые люди», 15
«Столетняя», 259-261
Страхов, Н. Н. критик, 11, 12, 26, 27, 42, 162, 164, 165, 169, 339
«Суд и Каирова», 127-129
Супин, М. журналист, 32
Ткачев, П. Н. народник, 34, 70
Толстой, Л. Н. 73, 81, 103, 104, 174, 192, 200, 224, 288, 331
Тургенев, И. С. писатель, 13, 27, 60, 103, 104, 118, 192, 218, 290
Тютчев, Ф. И. поэт, 56, 72, 329
Уголовная хроника, 253, 256
Успенский Г. И. писатель, 343
«Учителю», 228
Хомяков, А. С. славянофил, 44
Чаадаев, П. Я. западник, 88
«Черное войско», 220
Чернышевский, Н. Г. критик, революционер, 314 315, 344
Чехов, А. П. писатель, 14, 178
Чуковский, К. И. писатель, критик, 15, 16
Шекспир, В. 72, 103, 255
Штакеншнейдер, Е. А. знакомая писателя, 337, 338, 339
Январь 1877 (Три идеи), 190
Январь 1881 (Финансы), 122

Printed by Unification Printers and Publishers Pty. Ltd.
497 Collins St., Melbourne, Vic. Australia